

В сборник включены материалы выступлений преподавателей и научных сотрудников, а также аспирантов, магистрантов, студентов, принявших участие в IX Международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Конференция объединяет исследователей в сфере гуманитарных наук России, Китая и сопредельных стран.

Конференция посвящена актуальным проблемам развития и взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики на современном этапе. Во время работы конференции были рассмотрены вызывающие наибольшую актуальность вопросы развития и взаимодействия России и Китая в социально-экономической, политической, научной, образовательной и культурной сферах, а также в сфере современных международных отношений.

Многие проблемы, затронутые в представленных статьях, являются дискуссионными, вызывают неоднозначные оценки, но именно в этом и заключается основной характер конференции, как важного научного мероприятия, в рамках которого российские и китайские исследователи – представители академической и вузовской науки Российской Федерации и Китайской Народной Республики – могут обмениваться мнениями по ключевым проблемам развития и взаимодействия России и Китая.

РОССИЯ И КИТАЙ

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Материалы международной
научно-практической конференции

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВО «БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ХЭЙХЭСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАНЬКАЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ БГПУ
ЦЕНТР ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ДЕЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА «ИНТЕРПЛЮС»

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ФОНД ПОДДЕРЖКИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИМЕНИ А.М. ГОРЧАКОВА

**РОССИЯ И КИТАЙ:
ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА**

Материалы IX международной
научно-практической конференции
(Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.).

Выпуск 9
Часть 2

Благовещенск
Издательство БГПУ
2019

Р 76 **РОССИЯ И КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА:** материалы VIII международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Выпуск 9. Часть 2 / Отв. ред. А.В. Друзяка. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – 202 с.

Редакционная коллегия:

А.А. Барбарич, проректор по научной работе БГПУ;
Н.В. Кухаренко, директор Института Конфуция БГПУ;
Д.П. Волков, директор ЦСИКН Амурской области;
Д.П. Болотин, председатель Амурского отделения РИО;
С.В. Кухаренко, директор ИНДАТР;
О.А. Шеломихин, канд. ист. наук, доцент;
А.В. Друзяка, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Буяров, канд. филос. наук, доцент;
А.В. Баранов, канд. ист. наук, доцент;
И.Л. Григорьева, канд. филол. наук, доцент;
М.А. Иванова, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Кузнецов, канд. ист. наук, доцент;
А.А. Киреев, д-р ист. наук, профессор;
Н.В. Киреева, д-р филол. наук, профессор.

В сборник включены материалы выступлений преподавателей и научных сотрудников, а также аспирантов, магистрантов, студентов, принявших участие в IX научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Конференция объединяет исследователей в сфере гуманитарных наук России, Китая и сопредельных стран.

Конференция посвящена актуальным проблемам развития и взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики на современном этапе. Во время работы конференции были рассмотрены вызывающие наибольшую актуальность вопросы развития и взаимодействия России и Китая в социально-экономической, политической, научной, образовательной и культурной сферах, а также в сфере современных международных отношений.

Многие проблемы, затронутые в представленных статьях, являются дискуссионными, вызывают неоднозначные оценки, но именно в этом и заключается основной характер конференции как важного научного мероприятия, в рамках которого российские и китайские исследователи – представители академической и вузовской науки Российской Федерации и Китайской Народной Республики – могут обмениваться мнениями по ключевым проблемам развития и взаимодействия России и Китая.

Часть 2 включает материалы секции «История российско-китайских отношений».

*Редакция не несет ответственности за точку зрения автора,
а также стилистическое оформление текста*

***Печатается по решению редакционно-издательского совета
Благовещенского государственного педагогического университета***

Выход сборника материалов конференции
приурочен
к 70-летию образования КНР,
70-летию установления российско-китайских
дипломатических отношений,
30-летию сотрудничества
Благовещенского государственного
педагогического университета
и
Хэйхэского университета

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аверченко Сергей Викторович, канд. ист. наук
Кафедра истории войн и военного искусства, преподаватель
Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»
aviator1ww@mail.ru

ПРИВЛЕЧЕНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ К ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ САМОЛЁТОВ СОВЕТСКИХ ЛЁТЧИКОВ-ДОБРОВОЛЬЦЕВ, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ КИТАЙСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ЯПОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ (1937-1940 гг.)

УДК: 358.425

Аннотация. В статье исследуется опыт привлечения местного китайского населения к технической эксплуатации самолётов советских лётчиков-добровольцев, принимавших участие в национально-освободительной войне китайского народа против японских захватчиков в течение 1937-1940 годов. СССР послал в Китай своих лётчиков-добровольцев, чтобы они приняли участие в боях на своей (советской) авиационной технике. Но в Китай посылались не полностью укомплектованные авиационные части или подразделения, а нештатные группы, в которых недоставало технического персонала. Для помощи советским специалистам в технической эксплуатации сложной авиационной техники китайское руководство выделяло свой младший технический персонал, а также привлекало в массовом порядке местное гражданское население. Конечно, непосредственно к обслуживанию самолётов местных жителей не допускали, но они оказывали советским специалистам существенную помощь при выполнении вспомогательных работ.

Ключевые слова и фразы: национально-освободительная война китайского народа против японских захватчиков, советские добровольцы, инженер, техник, механик, техническая эксплуатация, самолёт, истребитель, бомбардировщик, аэродром, бензин, местное население.

Sergey Averchenko, Cand. Sc. In History
Subdepartment of History of Wars and Military Art, lecturer
Air Force's Academy named after Professor N.Ye. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin
(city of Voronezh)

aviator1ww@mail.ru

**THE INVOLVEMENT OF LOCAL PEOPLE IN TECHNICAL OPERATION
OF AIRCRAFT OF THE SOVIET VOLUNTEER PILOTS WHO PARTICIPATED
IN THE LIBERATION WAR OF THE CHINESE PEOPLE AGAINST
THE JAPANESE INVADERS (1937-1940)**

***Abstract.** The article examines the experience of involving the local Chinese population in the technical operation of Soviet volunteer pilots who took part in the national liberation war of the Chinese people against the Japanese invaders during 1937-1940. The USSR sent its volunteer pilots to China to take part in the battles on its (Soviet) aircraft. But in China were sent not fully equipped aviation units or units, and non-standard groups, which lacked technical personnel. To help Soviet specialists in the technical operation of complex aircraft, the Chinese leadership has allocated its Junior technical staff, as well as attracted in large numbers the local civilian population. Of course, directly to the aircraft maintenance of local residents were not allowed, but they provided Soviet specialists with significant assistance in the performance of auxiliary works.*

***Key words and phrases:** national liberation war of the Chinese people against the Japanese invaders, Soviet volunteers, engineer, technician, mechanic, technical operation, aircraft, fighter, bomber, airfield, gasoline, local population.*

7 июля 1937 г. после Лугоуцяосского инцидента началась японская агрессия против Китая. Сосредоточив в Северном Китае 400-тысячную военную группировку, японцы развернули мощное наступление и 4 августа уже овладели Бэйпином (Пекином). В августе они высадили свои войска в районе Шанхая и открыли новый фронт в Восточном Китае. К 12 ноября они овладели Шанхаем и создали угрозу столице Китая – городу Нанкин. Многочисленная (2900 тыс. чел.), но плохо вооружённая и слабо обученная армия Гоминьдана не смогла противостоять японской и уже к концу 1937 г., 13 декабря, японцы захватили Нанкин [9].

На Брюссельской конференции, происходившей 3-24 ноября 1937 г. в связи с японской агрессией в Китае, делегаты Китая обращались к ряду делегаций ведущих стран мира с просьбами оказания помощи оружием и военным снаряжением. Но, не отказывая на словах, почти все страны от оказания действительной помощи Китаю отстранились. Лишь Великобритания продала 36 истребителей Глостер «Гладиатор» [3]. Но этого было чрезвычайно мало.

В этой обстановке чрезвычайно важной стала помощь Советского Союза. Сразу после начала боевых действий центральное правительство Китая обратилось к СССР с просьбами оказания военной помощи. Переговоры велись как в Китае с советским полпредом Богомоловым, так и в Москве через китайского посла. Советское правительство сразу откликнулось на просьбы из Китая. Уже 21 августа 1937 г. между СССР и Китаем был заключён договор о ненападении. Тогда же стороны заключили соглашение о предоставлении Советским Союзом Китаю первого кредита на покупку вооружения.

Более всего Китай нуждался в боевых самолётах. По подсчётам исследователя японо-китайской войны Б.А. Бородина, к началу войны японцы создали 13-кратное превосходство по количеству сосредоточенных на фронте боевых самолётов над китайской авиацией [2]. Оказывая активное сопротивление японцам в воздухе, китайская авиация за два месяца боёв потеряла более 70% своего численного состава. К 22 октября из 305 имевшихся к началу боевых действий самолётов, в боеспособном состоянии остался лишь 81 самолёт [3]. К концу года китайская авиация перестала представлять из себя какую-либо значимую силу.

И в этот тяжёлый момент пришла помощь из Советского Союза. Не смотря на то. Что соглашение о первом советском кредите для покупки вооружения на сумму 50 млн. долл. Было оформлено только в марте 1938 г., поставки советского оружия в Китай начались уже с

октября 1937 г. Это был беспрецедентный случай в мировой практике [2].

Советский Союз направил в Китай первоклассную для своего времени авиационную технику: истребители И-15 и И-16, скоростные бомбардировщики СБ, тяжёлые бомбардировщики ТБ-3, а позже ДБ-3. Всего в 1937-1941 гг. СССР поставил Китаю 1250 самолётов различных марок [3]. Бомбардировщики СБ, ТБ-3 и ДБ-3 и истребители И-16 перегонялись своим ходом по двум трассам. Южная – из Алма-Аты в Ланьчжоу через Кульджу, Урумчи Хами и Сучжоу, всего 9 посадочных точек. Северная – из Иркутска в Сучжоу. через Улан-Батор и Далан-Дзадагад в Монголии, и далее в Ланьчжоу по южной трассе. Истребители И-15 везли на грузовиках по автодороге вдоль южной трассы до Хами, где их собирали, и они продолжали свой путь летом [3].

В конце 1937 г. в Китай отправились и советские военные специалисты для использования этой техники: лётчики, штурманы, стрелки-радисты, инженеры, техники, мотористы и др. Но в Китай посылались не полностью укомплектованные авиационные части или подразделения, а нештатные группы, в которых недоставало технического и другого наземного персонала. Так, например, на истребительную группу из 31 самолёта отправляли 77 человек лётного и наземного персонала [2]. В то же время по штату 1936 года на истребительную эскадрилью из 31 самолёта полагалось 367 человек личного состава [4]! Нехватка наземного персонала – 190 человек. В группу бомбардировщиков СБ сначала включили 22 самолёта и 155 человек персонала (из них 66 чел. – лётные экипажи). Затем количество самолётов в группе увеличили тоже до 31 (99 чел. – лётные экипажи) [3]. Если предположить, что при увеличении числа самолётов с 22 до 31 количество личного состава возросло пропорционально – в 1,4 раза, то получаем цифру 218 человека. А по штату эскадрильи скоростных бомбардировщиков № 15/512 от 29 мая 1935 г., с изменениями на 1 сентября 1936 г., в ней при 32 самолётах должно было насчитываться 386 человек личного состава [14]. Получаем нехватку наземного персонала в группе СБ – 168 человек. А если учесть, что цифры 367 и 386 человек полагались в эскадрильях по штатам мирного времени, а наши добровольцы отправлялись на войну, то становится ясно, что нехватка наземного персонала у советских добровольцев в Китае была просто катастрофической.

Такая же ситуация складывалась и на перегоночных трассах. На каждой базе имелись по 1 старшему и младшему авиамеханику, 1-2 стартёра-финишёра и 1-2 шофёра для аэродромных спецмашин. Этого количества наземного персонала хватало только на то, чтобы бегло осмотреть севшие на дозаправку самолёты, заправить их топливом и отправить дальше. При необходимости они же устраняли небольшие неисправности на технике [3].

Всё это приводило к тому, что нашим специалистам требовалась большая помощь от китайской стороны. Китайцы, естественно, в такой помощи не отказывали. В помощь каждому нашему экипажу они выделили по одному технику и механику. Советский технический персонал собственноручно выполнял все работы по технической эксплуатации своей авиационной техники, а китайцы оказывали ему в этом всяческую помощь, параллельно изучая нашу технику [16, 17]. Но для многих других работ по эксплуатации самолётов и аэродромов приходилось зачастую привлекать местное китайское население.

В большинстве случаев местное население привлекалось на аэродромы для их расчистки от камней или снега. С привлечением местных крестьян для работ на аэродроме наши специалисты столкнулись ещё при оборудовании воздушной трассы Алма-Ата – Ланьчжоу и с началом перелётов по ней. Так, ещё в октябре 1937 г., группа бомбардировщиков СБ М.Г. Мачина при перелёте в Китай приземлилась на высокогорном аэродроме Ляньчжоу (1900 м над уровнем моря). Разреженный воздух увеличивал длину разбега самолётов, а лётное поле было в ужасном состоянии, не гарантирующем безопасный взлёт. С гор на ВПП нападало большое количество больших и малых камней, которые попадали в лопасти винтов и гнули их, рвали покрышки на колёсах могли сломать стойку шасси. Мачин поговорил с руководством аэродрома и туда в срочном порядке прибыли 1500 человек местных крестьян с мотыгами и корзинами. Они срезали бугры на лётном поле и вынесли с поля землю от них вместе с камнями и выровняли аэродром. Теперь с него можно

было безопасно летать [8].

Примерно в то же время, осенью 1937 г., с аналогичной ситуацией столкнулись наши добровольцы и на Северном маршруте. Группа бомбардировщиков СБ под руководством майора Г.И. Тхора, перегонялась в Китай из Иркутска в Ланьчжоу. При взлёте с промежуточного аэродрома в Далан-Дзадагаде в мотор одного бомбардировщика попал поднятый винтами камень и разбил нагнетатель воздуха. Мотор вышел из строя. Самолёт еле дотянул до следующего аэродрома в Сучжоу на одном моторе. Но и там лётное поле оказалось всё усеяно камнями различной величины. Несмотря на то, что все самолёты приземлились благополучно, перед взлётом было необходимо привести ВПП в пригодное состояние. Этим занялся местный комендант. Наутро на аэродром привели большую группу местных крестьян, разбили их на десятки и к каждой десятке приставили надсмотрщика. Всех их выгнали на лётное поле и в течение всего дня они собирали и выносили за пределы аэродрома камни. К вечеру работа была закончена – лётное поле было пригодно к взлёту и посадкам самолётов [7].

Перед новым, 1938-м годом одна из перелетавших в Китай групп наших истребителей И-16 застряла из-за снежного бурана на аэродроме в Гучене на месяц. там же и встретили Новый год. Когда снежная буря закончилась, по небольшим бугоркам самолёты лишь угадывались под снегом. Советский техсостав своими силами откопал самолёты, очистил от снега моторы, плоскости и кабины. Но справиться с очисткой всего аэродрома ему было не под силу. Тогда китайское начальство мобилизовало для расчистки аэродрома местных жителей – китайцев, уйгуров, дунган. Те прокопали в несколько метровом слое снега рулёжные дорожки и «взлётно-посадочную траншею». Взлетать пришлось из этой траншеи, да ещё по снегу на колёсах. Но наши пилоты справились и перелетели на следующий аэродром Хами [3, 5].

Как вспоминал непосредственный участник боевых действий в Китае в 1937-1938 гг., а в 1938-1939 гг. – начальник этой авиатрассы Ф.П. Полюнин, на ней располагались 11 аэродромов. Все они находились в гористой местности. После дождей сходящие с гор водяные потоки наносили на аэродромы множество камней, часто достаточно крупных для того, чтобы повредить пневматики наших самолётов или даже привести в поломку шасси. Тогда перед полётами приходилось собирать эти камни с аэродрома. Для этого китайские власти как-раз и привлекали местное население [11].

Весной 1938 г. начались работы по удлинению полосы на одном из аэродромов трассы – Сучжоу, ВПП которого была мала для безопасной посадки СБ и ДБ-3. Для этой работы были мобилизованы несколько тысяч окрестных крестьян. Никакого инструмента у них не было, всю работу делали вручную. Они выходили на лётное поле, брали в руки крупный камень или несколько поменьше, и несли их за пределы аэродрома, где сваливали в ровные длинные кучи. Затем всё повторялось. И так с утра до вечера в течение нескольких недель недели. На аэродроме, недалеко от комендатуры, находился небольшой холм, который при увеличении ВПП необходимо было сровнять. Китайцы на глазах советских специалистов разобрали и перенесли его по камешку. Много дней они монотонно и размеренно передвигались туда-сюда по аэродрому. Наблюдавшие эту картину советские добровольцы сравнили её с муравейником. Но, в конце концов этот тяжкий труд был завершён. Аэродром смог принимать скоростные самолёты [3].

Штурман бомбардировщика ДБ-3А, специально переделанного в транспортный самолёт и использовавшегося на трассе Алма-Ата – Ланьчжоу, П.Т. Собин вспоминал, что местное население на расчистку аэродромов на трассе от камней привлекалось почти ежедневно [18].

На фронте работающих на аэродроме крестьян наши специалисты впервые увидели в ноябре 1937 г. в конце этого месяца первая группа советских бомбардировщиков СБ прибыла на аэродром в Ханькоу. Но садится им пришлось на воду. Дело в том, что японцы периодически разрушали находившуюся рядом дамбу, и вода заливала аэродром. С трудом, но все советские пилоты благополучно приземлили свои машины. Но о взлёте с такого

аэродрома не могло и быть речи. Об этом командир группы М.Г. Мачин поговорил с китайским командованием. Спустя несколько дней несколько тысяч местных жителей появились на аэродроме с корзинами, и начали носить и подсыпать на ВПП мелкий щебень. Они работали днём и ночью, и через несколько дней лётное поле полностью осушили. С аэродрома снова можно было производить боевые вылеты [3, 8].

Весной-летом 1938 г. началось расширение аэродрома в г. Ланьчжоу. Он был базовым для советских авиаторов. На него перегонялись все самолёты по Южной трассе, на нём все советские самолёты официально передавались китайской стороне, перекрашивались в камуфляжную окраску и на них наносились опознавательные знаки ВВС Китая. И вот начались крупные работы по его расширению. Вся работу вручную делали местные китайские жители. Они собирали камни, копали землю, и всё это в корзинах, подвешенных на коромысло, переносили за новые границы аэродрома. Здесь за ними следили специально выделенные китайской администрацией надсмотрщики, которые нещадно били палками тех, кто, по их мнению, плохо работал [13].

В июле 1938 г. эскадрилья советских истребителей И-15 базировалась на аэродроме Тэнсу. Взлётная полоса была маловата. На подходах к ВПП несколько бугров затрудняли взлёт и посадку. Один из советских лётчиков поговорил с местной администрацией и попросил убрать один из больших бугров, создававший опасные ситуации. На следующий день на аэродром явились местные крестьяне с мотыгами и корзинами. Они срыли весь холм и перенесли землю с него в корзинах за пределы аэродрома. Подходы к ВПП стали безопасными [6].

Иногда местных рабочих приходилось вызывать в авральном режиме. Примерно тогда же, летом 1938 г., произошёл другой случай. При ночной посадке бомбардировщиков СБ на аэродроме в Гуанчжоу первый самолёт попал на пробеге колёсами в глубокую колею, оставшуюся от недавно взлетавшего тяжёлого бомбардировщика ТБ-3, использовавшегося китайцами как транспортный самолёт. Ведущему группы пришлось найти и в жёсткой форме поговорить с китайским комендантом аэродрома: «Мы прибыли помогать Китаю, а не ломать самолёты на аэродромах. Чтобы немедленно колея на аэродроме была заделана». И действительно, через 10-15 минут на аэродром сбежались около 300 местных кули с корзинами, которые быстро натаскали земли и засыпали колеи на лётном поле. Всё это время наши самолёты кружились над аэродромом, и только после окончания работ смогли безопасно произвести посадку [3].

Часто китайских рабочих привлекали для быстрого восстановления аэродромов после их бомбёжки японской авиацией. Так, в июле-августе 1938 г. заранее собранные группы китайских рабочих сразу после японских бомбардировок аэродромов у г. Наньчан, где базировались советские истребители и бомбардировщики, приступали к засыпке образовавшихся воронок, перенося землю в корзинах на коромыслах. В середине августа, при спешном перелёте наших самолётов из Наньчана в Хэньян, китайские рабочие засыпали воронки от прошедшей пару часов назад бомбёжки аэродрома японской авиацией ночью, при свете установленных на грузовых автомобилях прожекторов [1].

Но на Хэньянском аэродроме, куда перелетели наши добровольцы, ВПП была очень короткая и мала даже для истребителей, не говоря уже о бомбардировщиках. Тогда китайское руководство базы срочно приступило к расширению лётного поля и удлинению взлётных полос. На аэродром были пригнаны сотни китайских крестьян, которые кирками и лопатами срыли холм на одном конце лётного поля и на тачках перевезли землю на другой его конец, где засыпали находящийся там овраг. Насыпанную на низком участке землю рабочие утрамбовывали вручную торцами увесистых брёвен и укатывали катками, сделанными из тяжёлых брёвен, в которые впрягались по несколько десятков человек. За несколько дней работа была сделана, и аэродром был готов для использования всеми видами имевшихся в распоряжении китайского командования самолётами [1].

12 февраля 1939 г. после налёта японских бомбардировщиков на аэродром Ланьчжоу лётное поле с помощью местных крестьян восстановили всего за два часа [3]!

В сентябре-октябре 1939 г. японская авиация начала массированные бомбёжки китайских аэродромов в районе г. Чэнду, на которых базировались советские бомбардировщики СБ и ДБ-3А. Налёты японцы производили ночью. В них участвовали от 5 до 8 десятков бомбардировщиков, то есть от 45 до 72 самолётов. Иногда после бомбёжки на лётном поле насчитывали более 500 воронок, каждая примерно 3-4 м в глубину и 4-6 м в диаметре. Естественно, что эксплуатировать такой аэродром в дальнейшем, не устранив повреждения, было невозможно. На это и был сделан расчёт японского командования. Не сумев уничтожить советские бомбардировщики в воздухе и на земле, оно решило заблокировать их деятельность путём вывода из строя аэродромов. Но китайское командование было готово к такому развитию событий. В районе аэродромов оно собирало по 3-5 тыс. местных крестьян, разбитых на группы по 200-400 человек. Они располагались в 1-2 км в стороне от аэродрома и ждали окончания налёта, после чего приступали к работе по восстановлению лётного поля. Всей работой руководил китайский комендант аэродрома. Галька и песок, необходимые для работы, заготавливались заранее и были ссыпаны в несколько куч на краю аэродрома. Китайцы наполняли этим ремонтным материалом плетёные корзины, носили их на коромыслах к воронкам, и засыпали одну за другой. Иногда для переноса щебня и песка они использовали тачки. Через 2-3 часа воронки на лётном поле были засыпаны, весь аэродром выровнен и готов к дальнейшему использованию [15, 19].

Судя по частым воспоминаниям советских добровольцев в Китае о привлечении рабочих из числа местного населения к восстановлению аэродромов после японских бомбёжек, это был хорошо налаженный и повсеместно применяемый приём китайского командования [20].

Местное китайское население также привлекали для строительства капониров вокруг самолётов, как советских, так и китайских. Так, 1 декабря 1937 г. группа бомбардировщиков СБ под командованием Н.М. Кидалинского прилетела на прифронтовой аэродром в Нанкин. Как вспоминал один из лётчиков, по прошествии небольшого времени после посадки «вокруг СБ китайские рабочие уже сооружали капониры... Китайцы их строили очень быстро – масса людей наполняла рогожные кули землёй, зашивали их и обкладывали ими самолёт подковообразным полукругом... высота стен составляла 3-4 м. капонир предохранял самолёты от осколков бомб и обстрела истребителями» [8].

Ещё одна важная задача, которую в интересах военной авиации решало мобилизованное местное население, – доставка к аэродромам бензина. Своего бензина китайцы не производили, а закупали его в Индокитае у американцев в жестяных банках по 18-20 литров и вручную доставляли на территорию Китая. Тысячи людей, взяв на коромысло две таких банки, пешком доставляли бензин в Китай и далее по его территории к аэродромам. Это была поистине титаническая работа! Но китайские крестьяне делали её ради победы над врагом. Однажды комиссар группы советских бомбардировщиков видел такую группу подносчиков бензина с воздуха. Подлетая на транспортном самолёте к промежуточному аэродрому, он увидел вереницу людей, растянувшуюся на три километра и двигавшуюся в сторону аэродрома. Это и были подносчики бензина [16, 17].

Оказывали мобилизованные крестьяне помощь советскому техсоставу и непосредственно при заправке самолётов бензином. Обычно для этого китайское командование выделяло на каждом аэродроме 200-300 человек, которые подносили бензин к самолётам по 2-4 жестяные банки за раз. Чтобы заправить один СБ, а это 1200-1500 л, требовалось от 600 до 750 таких банок. Никакой механизации заправки не было всё делалось вручную. Китайские рабочие подносили бензин к самолёту и по цепочке подавали банки к стремянке. Там крайний рабочий особым пробойником или штыком от винтовки делал в банке 2 отверстия, одно побольше для выливания бензина, другое, по диагонали от первого, поменьше, для входа воздуха. После чего он подавал банку китайскому механику, стоящему на стремянке. Тот уже передавал её советскому технику самолёта, который лично заливал бензин в бак с помощью воронки с замшей, служившей фильтром. После заправки возле каждого самолёта лежали кучи пустых банок, которые убирали эти же крестьяне [8].

Один из таких случаев описал в своих воспоминаниях лётчик Я.П. Прокофьев, командир экипажа бомбардировщика СБ. После того, как группа наших бомбардировщиков разбомбила в тылу японских войск железнодорожный мост и понтонную переправу на реке Хуанхэ, самолёты приземлились для дозаправки на промежуточном аэродроме в Сюйчжоу. Китайские рабочие тут же бегом принесли к самолётам 20-литровые канистры с бензином и стали подавать его на крыло советскому технику. После заправки возле каждого самолёта высилась гора пустых банок. Бензин китайцы доставили на аэродром поскока на своих плечах, принеся его за многие сотни километров [12].

Аналогичным образом развивалась ситуация и 23 февраля 1938 г. Тогда группа наших бомбардировщиков СБ, ведомая Ф.П. Польшиним, вылетев с аэродрома в Наньчане, долетела до острова Тайвань и разгромила находящийся там аэродром японцев. В результате бомбового удара на земле сгорели 40 самолётов и 3-летний запас бензина. Но запаса горючего на наших бомбардировщиках для возвращения на свой аэродром не хватало, и им пришлось делать посадку на промежуточном аэродроме в горах у г. Фучжоу. Когда наши СБ садились на аэродроме Фучжоу, там на границе лётного поля уже стояли штабеля 20-литровых банок с бензином. Китайцы ночью доставили их на промежуточный аэродром на своих плечах. Советские самолёты быстро заправились и вернулись на свой базовый аэродром в Ханькоу [12].

При длительном базировании советских бомбардировщиков СБ на одном аэродроме их заправка с помощью рабочих из числа местного населения была доведена до автоматизма. На каждый самолёт выделялось по 20 человек рабочих, которые при приземлении бомбардировщика сразу несли к месту его стоянки на бамбуковых коромыслах по 2 канистры с бензином. Заправка велась сразу в 2 бака, на левой и правой плоскостях. У заправочных горловин находились мотористы и сами заливали бензин в баки через воронки. Два рабочих находились на стремянках и подавали канистры снизу вверх, а остальные приносили и подавали канистры. Ещё по одному у каждой стремянки пробивали в канистрах отверстия. Советские специалисты отмечали, что такой способ заправки был, конечно же, медленнее, чем с при помощи бензозаправщика на шасси автомобиля, но тоже был достаточно быстрым. Бригады подносчиков бензина и заправщиков работали слажено и быстро заправляли по 1,5 тонны бензина в каждый бомбардировщик [15].

Привлекались местные жители и для других работ на аэродромах в качестве бесплатной физической силы. Так, однажды на аэродроме в Ханькоу 4-моторный ТБ-3, использовавшийся китайцами как транспортник, выкатился за пределы ВПП и увяз в раскисшем грунте. Одно его колесо погрузилось в него по самую ступицу. Тогда китайский комендант аэродрома мистер Ли пригнал на аэродром несколько сотен местных жителей, и они, привязав к стойкам шасси канаты, вытянули самолёт на взлётную полосу. При этом сам комендант бегал между рабочих и раздавал пощёчины тем, кто, по его мнению, плохо старался [7].

Летом 1938 г. другой китайский ТБ-3 выкатился при посадке на аэродроме в Чэнду за пределы полосы и попал в болото. Колёса основных стоек шасси увязли в грунте и самолёт по инерции встал на нос. Китайцы попросили советских специалистов помочь с его восстановлением. В Чэнду был отправлен техник В.Д. Землянский. Он с помощью китайских рабочих поставил его на колёса, а потом произвёл ремонт [5].

В случаях особой необходимости, китайское население оказывало необходимую помощь советским лётчикам и без всякого указания со стороны своего начальства. В основном это происходило при эвакуации подбитых советских самолётов с мест вынужденных посадок. Так, 1 декабря 1937 г. группа советских истребителей И-16 провела воздушный бой с японскими бомбардировщиками и истребителями прикрытия в районе аэродрома в г. Нанкин. Один наш лётчик, увлечшись боем, выработал весь бензин и сел на китайской территории на залитое водой рисовое поле. Местные крестьяне принесли верёвки, подогнали своих волов, вытащили самолёт на дорогу и доставили на аэродром [3].

26 января 1938 г. 13 советских СБ под руководством Ф.П. Польшина успешно

отбомбились по аэродрому Нанкина, где к этому времени уже расположилась японская авиация. Наши бомбардировщики уничтожили на аэродроме около 30 японских самолётов и бензосклад. Японские истребители сбили 1 СБ и ещё один подбили. Подбитым оказался сам командир группы, но он смог дотянуть до территории, занятой китайскими войсками и посадить самолёт, не выпуская шасси «на брюхо», на болото в районе г. Ханькоу. К самолёту сбежались несколько сотен окрестных китайцев. Узнав, что перед ними советские лётчики, они принесли из своей деревни верёвки, брёвна и доски. Из брёвен и досок соорудили настил, а затем, привязав верёвки к стойкам шасси, дружно вытянули 5-тонный бомбардировщик из болота и перекатили его на берег реки Янцзы. Там они из тех же брёвен и досок соорудили простейшие сходни и по ним переместили самолёт на небольшую баржу, которую уже вызвали к берегу в район посадки. Через несколько дней капитан баржи доставил самолёт в Ханькоу [3, 11].

Аналогичный случай приводил в своих воспоминаниях советский техник бомбардировщика СБ А.К. Корчагин. Однажды в 1938 г. его с китайским механиком отправили разобрать и доставить на аэродром совершивший вынужденную посадку в 60-70 км от него самолёт. Тот находился в 400 м от берега реки Янцзы. Техник с механиком отсоединили от центроплана крылья и поставили самолёт на шасси. Но сами доставить его к берегу, куда для его эвакуации подошла баржа, конечно же не могли. Тогда им на помощь добровольно пришли несколько десятков местных жителей. Они в течение всего светового дня помогали катить самолёт по подкладываемым под колёса доскам к реке. Грунт был глинистый и чрезвычайно скользкий после прошедших дождей. Колёса постоянно съезжали с досок и снова увязали в грунте. Но к вечеру самолёт был доставлен к берегу реки и погружен на баржу [16].

Наверное, последний известный нашим специалистам случай привлечения на аэродромные работы местного населения произошёл в начале 1940 г. 21 января группа советских истребителей И-15бис перелетала, ведомая китайским лидером – транспортным С-47 под управлением китайского полковника Чжана с аэродрома Гуйян на аэродром Чунцин. Китайский пилот оказался плохим штурманом, и вся группа заблудилась в горах. Когда в баках истребителей оставались последние капли бензина, наши лётчики увидели в наступивших сумерках под собой небольшой городок Найнин и быстро, и что главное, безопасно приземлились на небольшую, но ровную речную отмель. За ним сел и лидер, отбив у своего самолёта при посадке левую стойку шасси. К самолёту от города уже бежала толпа местных жителей. Но бежали они с палками, вилами, лопатами, топорами и подбирали по пути крупные речные камни. Издалека и в сумерках китайцы приняли наши самолёты за японские. Лишь после того, как находившийся в толпе грамотный полицейский прочитал охранную грамоту, которую китайские власти выдавали всем нашим пилотам, местные жители успокоились. Оказалось, что японские самолёты недавно несколько раз бомбили город и убили много мирных жителей. Но, узнав, что самолёты и пилоты советские, они оказали им всю необходимую помощь. Утром с ближайшего аэродрома Суйнин подвезли бензин. На отмель пришли около 3 тыс. местных жителей и вручную расчистили для истребителей взлётную полосу размером в 1000х30 м. Наши лётчики заправили свои самолёты, все благополучно взлетели с импровизированного аэродрома и перелетели на аэродром в Суйнин [3, 10].

Подытоживая вышесказанное, мы приходим к выводу, что советские специалисты по техническому обслуживанию самолётов, отправляемые в Китай, в силу своей малочисленности не могли в полной мере справиться со всем широким спектром обязанностей по обеспечению безаварийной эксплуатации авиационной техники. Поэтому для выполнения значительного объёма работ на аэродромах, нуждающихся в приложении большого количества физической силы и не требующих технической квалификации, китайское командование постоянно привлекало рабочих из числа местного населения. Местных крестьян привлекали для оказания помощи советским специалистам эксплуатационно-технической и аэродромно-технической служб. В основном их

использовали для расчистки аэродромов от камней и снега, выравнивания лётных полей, восстановления аэродромов после японских бомбардировок, строительства вокруг самолётов капониров из мешков с землёй, доставки на аэродром бензина и помощи советскому техническому составу непосредственно в заправке самолётов бензином.

Мобилизацией населения на эти работы занимались китайские коменданты аэродромов, на которых располагались самолёты советских добровольцев. Как вспоминали наши авиаторы-добровольцы, этот вопрос у китайцев был чётко отработан. По первому же распоряжению коменданта на аэродроме появлялось нужное количество крестьян из окрестных деревень, и они сразу же приступали к необходимым работам. Работали в основном сами, без какого-нибудь контроля с чьей-нибудь стороны, и продолжали её до полного завершения. Иногда к ним приставляли китайских солдат, вся функция которых заключалась в редком покрякивании на крестьян, да и то, скорее всего, для виду. В некоторых случаях, которые приходилось наблюдать советским добровольцам, к рабочим приставляли специальных надсмотрщиков, которые относились к ним жестоко и постоянно били их палками. В периоды, когда японская авиация проводила интенсивные налёты на китайские аэродромы, группы китайских рабочих заранее сосредоточивались в районе аэродромов, чтобы приступить к их восстановлению сразу после окончания налёта.

Также необходимо отметить, что часто китайские крестьяне без чьих-либо команд оказывали помощь советским лётчикам и техническим специалистам при эвакуации самолётов, совершивших вынужденные посадки.

Как видно из проведённого исследования, для обеспечения боевых действий подразделений советских лётчиков-добровольцев, принимавших участие в освободительной войне китайского народа против японских захватчиков (1937-1940 гг.), китайское военное руководство часто и в плановом порядке привлекало местное население. В основном оно привлекалось для оказания помощи советским специалистам эксплуатационно-технической и аэродромно-технической служб. Это обуславливалось, во-первых, тем, что СССР посылал в Китай не укомплектованные согласно штатам авиационные части или подразделения, а нештатные группы, в которых значительно недоставало технического и другого наземного персонала. А во-вторых, тем, что в Китае того времени сложилась именно такая практика проведения многих аэродромных и снабженческих работ, заключающаяся не в содержании должного количества военнослужащих действительной службы, а в регулярном привлечении дешёвой, а то и бесплатной местной рабочей силы.

Несмотря на избиения и унижения со стороны организаторов и руководителей работ, которым иногда подвергались при проведении таких работ работники из числа местного населения, они выполняли её со всей ответственностью и старанием, понимая, что таким образом вносят свою лепту в победу над общим врагом – японскими агрессорами. А зачастую они делали свою работу и вовсе без какого-либо контроля, выполняя её вовремя и качественно. В случаях же эвакуации повреждённых советских самолётов с мест вынужденных посадок китайские граждане оказывали советским специалистам всевозможную помощь без всяких приказов сверху, а добровольно и от чистого сердца.

Таким образом, мы видим, что местное гражданское население, привлекаемое китайским военным руководством для выполнения большого объёма работ по обеспечению боевых действий китайской и советской авиации при отражении японской агрессии в 1937-1940 гг., своим самоотверженным трудом внесло большой вклад в итоговую победу над врагом.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Белоліпецкый С.С. В сражающемся Китае // На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925-1945. М.: Наука. 1977. С. 279-329.
2. Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937-1941 гг. М.: Мысль, 1965. 200 с.

3. Демин А.А. Авиация Великого соседа. Книга 1. У истоков китайской авиации. М.: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2008. 544 с.
4. Жирохов М.А. Истребители – на взлет. М.: Вече, 2013. 288 с.
5. Землянский В.Д. За тебя, Суин! // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М.: Наука, 1980. С. 319-352.
6. Козлов Н.Г. В небе Китая // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М.: Наука, 1980. С. 151-181.
7. Корчагин А.К. Забайкальцы в борющемся Китае // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М.: Наука, 1980. С. 281-318.
8. Мачин М.Г. Китайские маршруты (Из записной книжки лётчика-бомбардировщика) // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М.: Наука, 1980. С. 105-118.
9. Национально освободительная война китайского народа 1937-45 // Военная энциклопедия: В 8 Т. Т. 5. М.: Воениздат, 2001. С. 430, 431.
10. Панов Д.П. Русские на снегу. Судьба человека на фоне исторической метели. Львів: СПОЛОМ, 2003. 980 с.
11. Польшин Ф.П. Выполняя интернациональный долг // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М.: Наука, 1980. С. 15-54.
12. Прокофьев Я.П. Защищая китайское небо // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М.: Наука, 1980. С. 192-218.
13. Пушкин А.И. Москва – Ханькоу (Записки лётчика-бомбардировщика) // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М.: Наука, 1980. С. 219-231.
14. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р-61. Оп. 4. Д. 101. Л. 176-179.
15. Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 29. Оп. 34. Д. 260. Л. 46, 47.
16. Рытов А.Г. В сражающемся Китае // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М.: Наука, 1980. С. 55-104.
17. Рытов А.Г. Рыцари пятого океана. М.: Воениздат, 1968. 400 с.
18. Собин П.Т. Воздушный мост Алма-Ата – Ланьчжоу // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. Изд-е 2-е. М.: Наука, 1986. С. 56-68.
19. Федоров С.Я. Незабытые страницы истории // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М.: Наука, 1980. С. 358-374.
20. Фын Ю-ко. Записки китайских лётчиков. М.: Воениздат, 1939. 64 с.

Алепко Александр Валентинович, доктор исторических наук, профессор,
Кафедра культурологии и музеологии
Хабаровский государственный институт культуры
alexandr.alepko@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХАБАРОВСКОГО КИТАЙСКОГО КОЛХОЗА «КАНТОНСКАЯ КОММУНА» В 1931-1940 гг.

УДК 93.329.15

Аннотация. В статье изучаются вопросы, связанные с деятельностью партийной организации китайских коммунистов одного из самых крупных и передовых колхозов советского Дальнего Востока. Показано значение народного восстания 1927 г. в провинции Гуандун (Кантон) в деле консолидации китайского населения, проживавшего в Дальневосточном крае. Рассмотрены проблемы, связанные со становлением колхоза и роли партийной организации в решении производственных задач, направленных на получение высоких урожаев и на совершенствование экономической базы коллективного хозяйства, а также на воспитание у колхозников чувства ответственности за порученный участок работы. Названы имена китайских коммунистов и комсомольцев передовиков производства. Раскрыта роль партийной организации в деле достижения высоких показателей в производстве. Показаны также проблемные вопросы, связанные с ликвидацией безграмотности, изучением «нового алфавита», партийной учебой, а также хищением имущества колхоза отдельными членами коллектива и лицами, привлекаемыми для работы.

Ключевые слова и фразы: артель, китайские коммунисты, колхоз, коммуна, крестьяне, мигранты, партийная организация, прибыль, сельское хозяйство, собрание, урожай.

TO THE QUESTION ABOUT THE ACTIVITIES OF THE PARTY ORGANIZATION OF THE KHABAROVSKY CHINESE COUNTRY «CANTON COMMUNE» IN 1931-1940

Aleksandr Alepko, Grand Ph.D in History, Professor
Department of Cultural Studies and Museology
Khabarovsk State Institute of Culture

Abstract. The article examines issues related to the activities of the party organization of the Chinese Communists of one of the largest and most advanced collective farms of the Soviet Far East. The significance of the popular uprising of 1927 in Guangdong (Canton) in consolidating the Chinese population living in the Far Eastern region is shown. The problems associated with the formation of the collective farm and the role of the party organization in solving production problems aimed at obtaining high yields and improving the economic base of the collective economy, as well as raising the collective farmers' sense of responsibility for the assigned work site are considered. Named the Chinese Communists and Komsomol foremost production. The role of the party organization in achieving high performance in production is revealed. Also shown are problematic issues eradicate illiteracy, related to the study of the "new alphabet", party studies, and the theft of collective farm property by individual members of the collective, as well as by individuals employed for work.

Key words and phrases: artel, Chinese communists, collective farm, commune, peasants, migrants, party organization, profit, agriculture, harvest, harvest.

С началом периода советизации Дальнего Востока СССР наблюдался активный рост китайской миграции на территорию края. В условиях нестабильной политической и

экономической обстановки население восточных и северо-восточных провинций Китая было вынуждено искать убежище и работу на территории СССР. По данным историков О.В. Залесской и Г.А. Ткачевой, численность китайского населения на советском Дальнем Востоке в 1923 г. составляла 50183 чел. [29, с.234], а к 1926 г. достигла 72005 чел. [31, с.66].

Процесс вовлечения китайских мигрантов в кооперативное движение на Дальнем Востоке СССР был одним из путей реализации национальной задачи — обеспечения коренизации кадров в регионах страны. Одной из форм трудовой деятельности китайского населения Дальневосточного края была сельскохозяйственная кооперация. В январе 1930 г. недалеко от Хабаровска были созданы три плодоовощные китайские артели: им. Блюхера, им. Карла Маркса и «Кантонская коммуна». По сведениям благовещенского историка и синолога О.В. Залесской, посевная площадь этих артелей в 1930 г. составляла 234 га [29, с.187]. Однако к 1931 г. из 300 китайских членов хабаровских сельскохозяйственных артелей осталось 138 чел., остальные покинули свои рабочие места ввиду невозможности перевода денег своим семьям в Китай [29, с.225].

В то же время в связи с начавшейся в 1929 г. в СССР коллективизацией крестьянских хозяйств 26 районов Дальневосточного края в январе 1930 г. были объявлены районами сплошной коллективизации. К началу 1931 г. в регионе было создано 6 китайских колхозов, в состав которых вошло около 50% китайских крестьянских хозяйств Дальневосточного края. К марту 1935 г. число китайских колхозов в крае достигло 16, однако прибыль смогли получить лишь 5 колхозов [5].

В 1931 г. в пригороде Хабаровска на базе трех вышеупомянутых плодоовощных китайских артелей был создан колхоз «Кантонская коммуна» [7] в память о вооруженном восстании китайских рабочих в провинции Гуандун (г. Гуаньчжоу), поднятом 11 декабря 1927 г. под руководством лидеров компартии Китая и Коминтерна в ответ на переворот, совершённый Чан Кайши в апреле 1927 г., и на последовавшие за ним репрессии против коммунистов и сочувствовавшего им населения Китая. Следует заметить, что колхозы с таким же названием «Кантонская коммуна» были созданы в Читинской, а также Амурской областях, в составе которых были китайцы - выходцы из провинции Гуандун. В хабаровском колхозе «Кантонская коммуна» были также китайские эмигранты из числа восставших рабочих и крестьян Гуандуна (Кантона).

Изначально хабаровский пригородный колхоз «Кантонская коммуна» занял лидирующие позиции в сельскохозяйственном производстве региона. В 1932 г. он имел 10 бригад, которые выполнили план посевной компании на 120%, а бригада №1 коммуниста Ян Фу и бригада №9 комсомольца Ли Банхай выполнили посевной план на 150%. За ударный труд в 1932 г. были премированы 62 колхозника [7].

Тем не менее в 1932 г. на этапе становления крестьянского коллективного хозяйства член правления колхоза Хан Веньшень систематически похищал из колхозной кассы деньги, а со склада продукты, причем с ведома председателя колхоза. Кроме того, Хан Веньшень самоуправно сдал 20 га колхозной земли в аренду частникам [7; 1]. В связи с этим прежний председатель хабаровского колхоза «Кантонская коммуна» был снят с должности и привлечен к судебной ответственности вместе с его подельником Хан Веньшнем.

В июле 1933 г. один из лучших студентов китайского отделения Далькомвуза член ВКП(б) Ван Тиндин был направлен после выпуска секретарем в партийную ячейку хабаровского колхоза «Кантон коммуна» [2]. К этому времени вышеупомянутый колхоз имел 87 крестьянских домашних хозяйств, 20 голов скота, а китайские земледельцы получили 436 тыс. руб. чистой прибыли. Размер трудодня китайского колхозника в нём составил в 1933 г. 13 руб., в то время как благовещенский колхоз «Кантон коммуна», насчитывавший 56 домохозяйств, получил в этом же году только 121 тыс. руб. чистой прибыли, а трудодень колхозника в нём составлял 5 руб. [3]. Следует заметить, что в этом же году хабаровским колхозом на поля была посеяна пшеница и получен её первый урожай [30, с.19].

В следующем, 1934 г. хабаровский колхоз «Кантон коммуна» получил 1 млн. 194 тыс. руб. чистой прибыли и имел трудодень в 22,4 руб., а благовещенский колхоз «Кантон коммуна» получил прибыль в размере лишь 192 тыс. руб., увеличив трудодень только до 13 руб. [4]. Из суммы полученной прибыли хабаровский колхоз «Кантон коммуна» в этом же году закупил два 3-тонных грузовика марки «ЗИС» [30, с.22].

Важным направлением деятельности хабаровского колхоза «Кантон коммуна» было овощеводство. Колхоз выращивал картофель, капусту, лук, чеснок, помидоры, огурцы, редис, петрушку, укроп и полностью обеспечивал жителей г. Хабаровска овощами. В 1934 г. колхозники заложили 1,2 тыс. рам для парников. Однако в следующем 1935 г. намеченный Хабаровским горкомом ВКП (б) план закладки парниковых рам в 3 тыс. ед. был выполнен колхозниками лишь наполовину. Было заложено только 1510 парниковых рам по причине отсутствия стекла и деловой древесины [13]. В 1935 г. площадь пашни, отводимой в колхозе под зерновые, составила 80 га. Для посева потребовалось 8 т семян пшеницы и 2 т бобовых [13].

Партийная организация хабаровского колхоза «Кантон коммуна» в 1935 г. насчитывала 8 чел. В числе коммунистов и кандидатов в члены ВКП(б) были Дин Фуган (секретарь парторганизации), Лю Фу (председатель колхоза)¹, Дин Фуган, Ван Баогу, Фан Фушань, Чжан Цзинфу, Гао Чжечжун, Чжан Хункэ, Сосновский [12].

В центре внимания партийной организации были производственные и хозяйственные вопросы, связанные с деятельностью колхоза. Так, на партийном собрании, прошедшем 11 апреля 1935 г., коммунисты колхоза в присутствии докладчика – члена Хабаровского горкома ВКП (б) и главного редактора китайской газеты «Рабочий путь» Чугунова говорили о нехватке семян пшеницы и бобовых, необходимых для посевной. Они были также обеспокоены нехваткой воды для поливки овощей в парниках, в связи с чем затронули вопрос о необходимости ремонта водопровода, а также указывали на факт недостаточной помощи колхозу со стороны Хабаровской машинно-тракторной станции (МТС) [16].

Другой проблемой, поднимаемой коммунистами колхоза, было медленное строительство жилых домов для колхозников ввиду отсутствия стройматериалов. Вышеупомянутое партийное собрание обратило внимание и на тот факт, что из 50 женщин, проживавших в китайском поселении, членами колхоза состояли только 15 чел. ввиду отсутствия детского сада для детей [16].

Особое внимание парторганизация уделяла приему в ряды сочувствующих ВКП(б) колхозников-передовиков сельхозпроизводства. Так, на открытом партийном собрании в марте 1935 г. в число сочувствующих партии были приняты два человека: имевший начальное образование 35-летний Цзян Хинчун, вступивший в колхоз в 1930 г., а также участник студенческого движения в Шанхае, член профсоюзов г. Чанчуня, 37-летний Чжан Фугун [9].

На заседаниях партийной организации колхоза «Кантон коммуна» также имели место случаи рассмотрения персональных дел членов ВКП(б). Так, на партийном собрании 22 апреля 1935 г. из партии был исключен Дин Фучжан за неподчинение партийной дисциплине. А нарушителю трудовой дисциплины Чин Ланину был объявлен выговор за неоднократную неявку на работу, Собрание китайских коммунистов также постановило снять его с ответственного производственного участка [11]. Строгие требования к коммунистам были повседневной нормой парторганизации колхоза.

Тем не менее успехи в 1935 г. были налицо. Благодаря помощи Хабаровской МТС, выделившей два трактора колхозу, было распахано 150 га земли. А по итогам года хабаровский колхоз «Кантон коммуна» получил только капусты по 15-20 т с каждого га, а помидоров по 60 центнеров с гектара [30, с.9]. К этому времени в колхозе появился

¹ Согласно данным О.В. Залесской - Ли Фу (Лю Фу). До 1925 г. Лю Фу работал рикшей в г. Харбине. В 1926 г. он приехал на заработки в г. Хабаровск, где в пригородных селах нанимался к российским крестьянам на сельскохозяйственные работы – См. Залесская О. В. Указ соч. С.273, 302.

собственный тракторист Цай Бочин, который в конце 1934 г. с отличием окончил курсы трактористов при Хабаровской МТС [30, с.11].

С началом в СССР массовых репрессий из членов ВКП (б) «за проведение в колхозе кулацкой политики и присвоение колхозного имущества» в январе 1936 г. был исключен бывший председатель колхоза «Кантонская коммуна» Ли Фу. Вскоре он был арестован органами НКВД [28; 18]. Председателем колхоза был избран участник гражданской войны, бывший красногвардеец, член ВКП (б) с 1927 г. Чан Динфу, вступивший в колхоз в 1932 г. [30, с.16,17].

За 1936 г. в колхозной парторганизации было сменено пять секретарей [10]. В сентябре этого же года в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской деятельности были обвинены колхозники Чаркин, Сун Хуанцай и Чан Ю. Более того, Чаркин был обвинен в неправильной выписке авансового счета, а Сун Хуанцай в расхищении имущества колхоза и растрате бюджетных денег [14; 20].

В 1935-1936 гг. китайский колхоз «Кантонская коммуна» стал объектом особого внимания краевых партийных органов. Так, в январе 1935 г. на совещании Культпропа Далькрайкома ВКП (б) говорилось, что в хабаровском колхозе «Кантонская коммуна» «очень слабо поставлена учебно-воспитательная и массовая работа, имеются случаи карточной игры и пьянства» [6]. Об этом, в частности, свидетельствовали факты деятельности преподавателей т.н. «нового алфавита» в колхозе. Так, преподаватель Синь Вэньцзай продавал по 40 руб. вновь прибывшим китайским мигрантам справки для получения паспортов, используя для этого печать правления колхоза. Сменивший его преподаватель нового алфавита Ли Линьдай скрылся, так и не приступив к работе и получив обманным путем в колхозе 200 руб. Третий преподаватель, комсомолец Ху Баолян, проработав несколько дней, самовольно перешел на работу в пригородное хозяйство треста «Нефтестрой» [16].

В постановлении партийного собрания коммунистов колхоза от 3 июня 1936 г., на котором присутствовал представитель Хабаровского горкома ВКП (б) и редактор китайской газеты «Рабочий путь» Чугунов, констатировалось, что работа с сочувствующими коммунистической партии «в колхозе слаба (один сочувствующий) и культурно-просветительская тоже слаба». Подобное положение дел было отмечено и на очередном партийном собрании 22 июня 1936 г. [15]. На собраниях парторганизации колхоза, проведенных в июле и сентябре 1936 г., рассматривались вопросы о неявках на занятия по истории ВКП (б) коммунистов Ван Суннан и Ху Шутан, а также о неявках на занятия ликбеза колхозников Фан Фусан и Ли Хуанся. Собрание приняло решение обязать вышеназванных лиц посещать курсы партучебы и ликбеза [19].

На партийных собраниях колхоза, проведенных в ноябре-декабре 1936 г., отмечалось что «ликбез как следует не организуется», и что «культурно-массовая работа неудовлетворительна». Также заявлялось, что парторганизация не руководит работой сельского клуба, не организуются «вечера для колхозников», «интернациональное воспитание в клубе» проводится «недостаточно». На последнем (декабрьском) собрании 1936 г. китайские коммунисты предложили организовать в клубе два кружка для колхозников по изучению «Сталинской Конституции» [21].

В 1937-1938 гг. в партийной организации хабаровского колхоза «Кантон коммуна» насчитывалось 6 членов ВКП(б) и один кандидат в члены ВКП(б). В апреле 1938 г. на отчетно-перевыборном партийном собрании также отмечался тот факт, что работы «по изучению людей парторганизацией для подготовки в группу сочувствующих не проводится» [22]. В декабре 1938 г. на собрании парторганизации были рассмотрены заявления беспартийных колхозников Ли Куйчин и Фа Эн, которые выразили желание самостоятельно изучить «Краткий курс истории ВКП (б)», а также посещать занятия в кружке по изучению истории партии [23].

В 1938 г. за хабаровским колхозом «Кантон коммуна» по государственному акту в вечное пользование было закреплено 2,2 тыс. гектаров земли [30, с.14]. В 1938 г.

председателем колхоза был избран член китайского комсомола с 1926 г., участник антияпонского движения в Даляне Ли Гуйчин, вступивший в колхоз в 1935 г. [30, с.6,11]. Урожай следующего 1939 г. был убран хабаровским колхозом «Кантонская коммуна» в «срок и без потерь» [22]. В этом же году на колхозной территории была заложена первая улица поселка и построено овощехранилище [30, с.15].

В январе 1940 г. партийная организация насчитывала 9 членов ВКП (б) и одного кандидата в члены ВКП (б). Секретарем парторганизации с 1939 г. являлся Чан Динфу. В этом же месяце в кандидаты в члены ВКП (б) был принят председатель колхоза комсомолец Ли Гуйчин [27].

К февралю 1940 г. капиталовложения в колхозе были доведены до 300 тыс. руб., поголовье скота выросло на 20%, заработная плата рядового колхозника увеличилась до «уровня заработка стахановца тяжелого производства» [22]. В сентябре 1940 г., несмотря на трудные погодные условия, колхозом был получен хороший урожай картофеля (более 50 центнеров с гектара). При этом картофель был убран вовремя. Хорошо работали трактористы Бай Хунджин и Тарданов. Был также выполнен план лесозаготовок. Колхоз «Кантон Коммуна» заготовил 13260 куб. м леса и вывез 8070 куб. м [25].

В 1940 г. в колхозный поселок было проведено электричество, был создан радиоузел. В колхозном клубе при руководстве членов парторганизации был организован кружок художественной самодеятельности, в который входили китайцы и русские. При выступлениях на сцене зрительного зала клуба исполнялись как китайские, так и русские народные песни и танцы. Необходимо отметить тот факт, что почти все китайские колхозники к этому времени хорошо владели русским языком [30, с.26].

Все же в жизни парторганизации колхоза в этот период произошли события, связанные с разбором персональных дел отдельных нерадивых членов трудового коллектива. Так, на собрании коммунистов 2 августа 1940 г. из членов ВКП (б) был исключен Ван Суннан за попытку использования в колхозной столовой мяса павшего скота и за подделку справки ветеринарного врача [24]. А 22 октября 1940 г. на открытом партийном собрании было рассмотрено персональное дело колхозницы Чжан Хунбин, которая не сдала деньги за проданное молоко в кассу колхоза [26].

Тем не менее имевшие место единичные негативные факты не могли повлиять на результаты трудовых достижений хабаровского китайского колхоза-миллионера «Кантонская коммуна». Он по праву занимал передовые позиции в сельскохозяйственной отрасли не только Хабаровского края, но и всего советского Дальнего Востока и являлся победителем краевого социалистического соревнования вплоть до начала 1960-х годов.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф.П-2, оп.1, д.429, л. 54.
2. ГАХК, ф.П-2, оп.1, д.429, л. 147
3. ГАХК, ф.П-2, оп.11, д.193, связка 10, л.13.
4. ГАХК, ф.П-2, оп.11, д.193, связка 10, л.14.
5. ГАХК, ф.П-2, оп.11, д.193, связка 10, л.26.
6. ГАХК, ф.П-2, оп.11, д.201, л.3.
7. ГАХК, ф.П-2, оп.11, д.201, л.76.
8. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.1, лл.36-36 об.
9. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.1, лл.36-36 об.
10. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.2, л.41.
11. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.1, лл.43-44.
12. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.1, л.45.
13. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.1, л.46.
14. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.1, лл.78-79.

15. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.2, л.20-21 об.
16. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.1, л.46.
17. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.3, л.13.
18. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.2, л. 28 об.
19. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.2, лл.28об, 29, 32.
20. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.2, л.30.
21. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.2, лл.37,40.
22. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.3, л.13.
23. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.3, л.23.
24. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.3, л. 53.
25. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.3, лл.66, 69,74.
26. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.3, л. 72 об.
27. ГАХК, ф.П-308, оп.1, д.5, л.1.
28. ГАХК, ф.Р-904, оп.1, д.49, л.29.
29. Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917-1938 гг.) / О.В. Залесская. – Владивосток: Дальнаука,2009. - 381 с.
30. Ли Гуй Чин. На верном пути. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1955. – 80 с.
31. Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы XX в. (монография) / Г.А. Ткачева. – Владивосток: Дальрыбвтуз, 2000 – 111с.

Бабушкин Андрей Юрьевич, канд. ист. наук, доцент
Кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Уфимский государственный авиационный технический университет
ugatu-bkk@mail.ru

УЙГУРСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1930-1940-х гг.

УДК 94(510.4)

Аннотация. В статье рассматриваются советско-китайские отношения 1930-1940-х годов в контексте использования сепаратистских тенденций уйгуров советской стороной для отстаивания внешнеполитических интересов СССР. В условиях фактического развала Китая и японской агрессии советское руководство предпринимало попытки построения новых, вслед за Монголией, коммунистических государственных образований на бывшей территории Китая. Данное направление советской внешней политики не имело целью уничтожить Китай как таковой. Скорее всего, оно было связано с идеей расширения коммунистического движения и вовлечения в него новых стран и территорий.

Ключевые слова и фразы: Китай, Синьцзян, уйгуры, СССР, тюркоязычный народ

Andrey Babushkin, Cand. east. Sciences, associate Professor
Department of Humanities and natural Sciences
Ufa state aviation technical University
ugatu-bkk@mail.ru

THE UYGHUR QUESTION IN SOVIET-CHINESE RELATIONS 1930-1940 – YEARS

Abstract. The article deals with the Soviet-Chinese relations of the 1930s-1940s in the context of the use of separatist tendencies of the Uighurs by the Soviet side to defend the foreign policy interests of the USSR. In the context of the actual collapse of China and Japanese aggression, the Soviet leadership attempted to build new, after Mongolia, Communist state entities in the former territory of China. This direction of Soviet foreign policy was not intended to destroy China as such. Most likely, it was connected with the idea of expanding the Communist movement and involving new countries and territories in it.

Key words and phrases: China, Xinjiang, Uygurs, USSR, Turkic-speaking people.

На северо-западе Китая находится огромный регион, называемой традиционно в России Синьцзян-уйгурским автономным районом. В нём проживает тюркоязычное население, говорящее преимущественно на уйгурском языке. Исторически данный регион долгое время сохранял независимость от Китая, но даже в период независимости ощущалось мощное китайское культурное влияние. Данное влияние ощущалось даже несмотря на то, что уйгуры, в отличие от китайцев, являются мусульманами.

По мере ослабления Китая в XIX веке европейские державы стали проявлять повышенный интерес к уйгурам, которые были недовольны бесправным положением в цинском Китае и периодически поднимались на восстания. Именно стремлением использовать в своих целях уйгурский сепаратизм обуславливались попытки СССР завязать контакты с представителями уйгурского национального движения.

В апреле 1933 года в результате военного переворота к власти в Синьцзяне пришел китайский полковник Шэн Шицай, который произвел себя в генералы (позднее он станет генерал-полковником) и провозгласил губернатором. Пытаясь сбить накал национально-

освободительного движения народов Уйгурии, он обнародовал программу, суть которой заключалась в обещании ряда политических и экономических свобод.

Летом 1933 года лидер уйгур Ходжа Нияз Хажи и Шэн Шицай достигли соглашения о фактическом принятии этой программы. При этом огромная роль принадлежала Советскому Союзу, который оказал открытое давление на уйгурских лидеров. Тем не менее, нашлись и те, кто сумел противостоять такому завершению восстания. В частности, с заранее предложенным сценарием не согласились лидеры юга Уйгурии, а именно Хотана и Кашгара.

Сабит Дамулла и Мухаммад Имин Бугра летом 1933 года объявили о создании независимой Восточно-Туркестанской Исламской республики. Интересно отметить, что первоначально предполагалось назвать государство Исламская Республика Уйгурия, однако, принимая в расчет национальные группы казахов, киргизов, узбеков и татар, проживающих в Уйгурии, решили изменить название государства. 12 ноября 1933 года в городе Кашгаре были официально обнародованы Программа, Декларация, Конституция республики. Президентом страны заочно объявлялся Ходжа Нияз Хажи. Премьер-министром - Сабит Дамулла. Этот шаг был призван продемонстрировать единство всех уйгурских лидеров, а значит, и единство территории Уйгурии. В ноябре была провозглашена независимая Восточно-Туркестанская исламская республика. Была созвана Национальная ассамблея, принята Конституция, появились государственный символ - флаг (белые полумесяц со звездой на светло-синем фоне) и национальная валюта.

В октябре 1933 года Шэн Шицай совершил визит в Москву для урегулирования экономических и военных вопросов. Во время повторного визита в декабре 1934 года его сопровождал советский генеральный консул Апресов. В январе 1934 года Шэн Шицай контактировал с Апресовым и добился прямой советской военной поддержки. На помощь Шэн Шицаю из Советского Союза, не желающего как усиления Японии, так и создания у себя под боком мусульманского государства, была переброшена так называемая Алтайская добровольческая армия, сформированная из красноармейцев (военнослужащие 13-го Алма-Атинского полка ОГПУ, обмундированные в белогвардейскую форму). По поручению синьцзянского губернатора белогвардейский полковник барон Павел Паппенгут сформировал один кавалерийский и два пехотных полка, ставших самыми боеспособными подразделениями армии Шэн Шицай. Случилось невероятное - вчерашние враги воевали в одном строю. Агенты ОГПУ свободно действовали на территории Восточного Туркестана. Позднее Синьцзян станет «курировать» заместитель наркома НКВД генерал госбезопасности Владимир Деканозов.

Тем временем дунгане под руководством Ма Джуина занял Кашгар, в течение одного дня его люди вырезали около 2 тысяч местных жителей, чуть позже расстреляли полторы тысячи пленных китайских солдат. При попытке захвата Урумчи бомбардировка советской авиации привела к тому, что войска Ма Джуина были рассеяны. Его мятеж был окончательно подавлен в 1935 году.

Восточно-Туркестанская республика была упразднена. Премьер-министр Сабит Дамулла и некоторые министры были арестованы, препровождены в Урумчи, где и были убиты. Некоторые лидеры, такие как Мухаммад Имин Бугра и Махмут Мухити, эмигрировали в Индию. Позднее Кашгар был захвачен отрядами Ходжи Нияза, но речь о реставрации исламской республики уже не шла. Алтайская добровольческая армия вернулась в Союз, правда часть осталась в качестве инструкторов. Ходжа Нияз был назначен заместителем губернатора. Позднее его тоже репрессировали.

В 1937 году началось новое уйгурское восстание. Освободив Кашгар, восставшие двинулись в сторону Урумчи. Решающее сражение произошло в районе городов Корла, Карашар. Объединенные китайско-советские войска разбили восставших. Затем последовали широкомасштабные репрессии по всей Уйгурии. Однако местное население не прекращало борьбу. Особенно упорное сопротивление оказывали уйгуры, казахи и монголы в Илийском Крае. Совместными усилиями советских воинских частей (Нарынская и Ошская войсковые группы) и подразделений Шэн Шицай мятеж уйгуров и дунган был подавлен. Комбриг

Николай Норейко докладывал: «К 5 декабря из 36-й дунганской дивизии убито и взято в плен 5 612 человек, ликвидировано из числа взятых в плен 1 887. Захвачено 20 орудий, 1 миномет, более 7 тысяч винтовок. Из 6-й уйгурской дивизии убито и взято в плен около 8 тыс. человек, из числа пленных ликвидировано 607 человек». Позднее численность «ликвидированных» возросла.

Синьцзян подчинялся китайскому правительству Чан Кайши только номинально, имел собственную валюту, и, что примечательно, ее стабильность обеспечивалась Госбанком СССР. Что касается белогвардейцев, то частью они погибли в боях, частью - были завербованы советской разведкой или перешли на службу Шэн Шицаю. Позднее русская дивизия, сформированная из них, вопреки рекомендациям СССР была расформирована, Паппенгут был обвинен в заговоре и расстрелян. Вместе с ним было казнено более 40 белых офицеров. Шэн Шицай, будучи с визитом в Москве, попросил у него позволения вступить в ВКП(б). И в 1938 году заместителем начальника Разведуправления РККА ему был вручен партийный билет за № 1859118.

Преданность Шэн Шицаю высоко оценивалась Москвой. Его просьбы о поставках оружия, боеприпасов, продовольствия удовлетворялись полностью, в Хами был построен авиастроительный завод, где собирались истребители И-16 (позднее его демонтируют и вывезут обратно). Истинной причиной советской поддержки Шэн Шицаю были стратегические интересы. К этому времени в Синьцзяне были обнаружены большие запасы урана, вольфрама, сурьмы, олова, никеля, тантала

С началом Второй мировой войны ориентация губернатора, китайского генерала Шэн Шицаю поменялась. Переметнувшись на сторону китайских националистов - сторонников партии Гоминдан, он тем самым вызвал недовольство СССР. В связи с этим Советский Союз начал поддерживать национально-освободительное движение народов Уйгурии.

В 1941 году восстание подняли казахи. Побудительной причиной стало недовольство казахов тем, что правительство Шэн Шицаю передавало пастбища и места водопоя оседлым крестьянам - дунганам и китайцам. Против восставших были брошены артиллерия, танки и авиация. После измены верхушки восстание возглавили Оспан Ислам-улы, он руководил одним из крупных отрядов повстанцев, и Калибек Рахимбек-улы.

Шэн Шицай пытался исправить свой промах, написав покаянное письмо Сталину, в котором предложил принять Синьцзян в качестве 18-й республики в состав СССР (17-й неофициально считалась Монголия), но получил отказ. Шэн Шицай сменил его брат - выпускник Академии РККА Шэн Шиин. В 1942 году он погибнет при загадочных обстоятельствах. Согласно официальной версии, его зарезала русская жена, которую вскоре обнаружат задушенной. Выяснится, что она получит соответствующий приказ от группы заговорщиков, которой руководили генеральный консул СССР в Урумчи и советский военный советник.

Тем временем восстание Оспан Ислама-улы поддержали казахи, населявшие Алтай, Тарбагатай и Илийский округ. Советский консул писал Деканозову: «Возглавляемая Оспаном казахская группа при благоприятных условиях может сыграть решающую роль в деле подготовки нового казахского восстания на Алтае». Позже Сталин назвал Оспана-батыра «социальным бандитом», впрочем, ввиду смены приоритетов центральной китайской власти в Синьцзяне именно на казахов и уйгур Москва сделала временную ставку. Оружием повстанцев Оспана Ислама-улы снабжали монголы - доставку одной из партий обеспечивал сын Сухэ-батара Дамдин. В 1943 году при содействии советской разведки была создана организация свободы Восточного Туркестана «Азат Ташкилаты». 8 ноября 1944 года подпольный Военно-Революционный комитет, заседавший в городе Кульдже, объявил о начале вооруженного восстания. Приказом Берии в декабре 1944 года был образован Отдел специальных заданий НКВД СССР. Главными задачами перед ним ставилось руководство и оказание помощи национально-освободительному движению мусульман Синьцзяна. Тогда же из числа местных жителей была сформирована группа людей, прошедших спецподготовку в районе Медеу. Затем она была заброшена в Синьцзян, где приступила к

созданию партизанских отрядов. Командиром одного из них был уроженец Джаркента татарин Фатых Муслимов, позднее он занял ответственный пост в военном ведомстве Восточно-Туркестанской республики.

За несколько дней все стратегически важные пункты Илийского Края были освобождены от гоминьдановцев. Китайские гарнизоны были уничтожены. Вышедшие на помощь из Урумчи китайские войска были рассеяны. В тесном содружестве действовали представители всех некитайских национальностей. 12 ноября 1944 года с городе Кульдже торжественно была провозглашена Восточно-Туркестанская Республика (ВТР). Территориально она охватывала три из десяти округов Уйгурии - Илийский, Тарбагатайский, Алтайский. Президентом республики был провозглашен маршал Алихан тура (узбек по национальности). Его первым заместителем стал уйгурский князь Хакимбек Ходжа, заместителем - представитель знатного казахского рода Абулхаир Торе.

В апреле 1945 года была сформирована Национальная армия Восточного Туркестана, её командующим стал советский генерал-майор Иван Полинов. Его курировал «Иван Иванович» - генерал-майор НКВД Владимир Егноров. Начальником штаба - генерал Варсонофий Можаров (раньше служил в армии Дутова), заместителем командующего армией был назначен уйгур Зинун Таипов. Командирами дивизий - казах Далелхан Сугурбаев (выходец из Монголии), русский Петр Александров и киргиз Исхакбек Монуев (в некоторых документах он фигурирует как Муниев). Оспан Ислам-улы был назначен губернатором Алтайского округа, но между ним и правительством сразу же начались трения, и он отказался выполнять его приказы.

Хотя провозглашенная республика одержала ряд серьёзных военных побед и была готова освободить оставшиеся округа Уйгурии, её судьба была предрешена. Дело в том, что пункт 3 Приложения к договору о дружбе и сотрудничестве, заключенного между Китаем и Советским Союзом в августе 1945 года (подписан В. М. Молотовым и министром иностранных дел Китайской республики Ван Шицзе) касался Уйгурии. В нём говорилось, что «относительно развития Синьцзяна Советское правительство заявляет, что согласно статье V договора о дружбе и сотрудничестве, оно не будет вмешиваться во внутренние дела Китая»

Разумеется, о наличии этого секретного приложения уйгурские лидеры ничего не знали. Вследствие этого они под нажимом Москвы вынуждены были сесть за стол переговоров с представителем Гоминьдана. Причем делегацию возглавил один из известных уйгурских деятелей Ахметжан Касими, так как президент республики Алихан Тура был вывезен на территорию Советского Союза.

Одновременно с началом переговоров между Гоминьданом и КПК начались переговоры о прекращении огня в Синьцзяне. Правительство Чан Кайши на них представлял генерал Чжан Чжичжун, ВТР - министр иностранных дел, вице-премьер Ахметжан Касими. Кстати, его «курировал» резидент НКВД в Кульдже. Шли они долго и трудно. Летом 1946 года вступило в силу «Соглашение 11 пунктов». Было сформировано коалиционное правительство, во главе которого стал Чжан Чжичжун, а его первым заместителем стал Ахметжан Касими. Не просуществовав и года, оно распалось.

Список источников, литературы и электронных ресурсов

1. Бугра Мухаммад Имин. История Восточного Туркестана. - Анкара, 1998
2. Гордиенко А. Н. Войны второй половины XX века. - Мн.: Литература, 1998. - 544 с.

Благодер Юлия Гариевна, канд. ист. наук, доцент
Кафедра истории и философии
Кубанский государственный технологический университет
blagoder_1@mail.ru

СВЕДЕНИЯ О ХУНХУЗАХ В РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX В.

УДК 94(571.6)

Аннотация. В статье представлены результаты анализа статей российских журналов и газет начала XX в., в которых содержится информация о хунхузах. Основное внимание уделяется статьям военных исследователей, служивших на российском Дальнем Востоке и в Китае. Автор выделяет публикации В. Арсеньева, П. Шкуркина, М. Грулева, П. Лобза, А. Церерина, представляющие наибольшую ценность как по объему представленной информации, так и по степени ее уникальности. Отмечается роль газет в распространении среди широких слоев населения информации о хунхузах.

Ключевые слова и фразы: Российская империя, Китай, хунхузы, военные востоковеды, российская периодическая печать.

Yuliya Blagoder, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Philosophy
Kuban State Technological University
blagoder_1@mail.ru

INFORMATION ON HONGHUZI IN RUSSIAN PERIODIC PRESS IN THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Abstract. The article presents results of the analysis of the articles in Russian magazines and newspapers of the beginning of the 20th century, which contain information about honghuzi. The focus is on articles by military researchers who served in the Russian Far East and in China. The author highlights publications of V. Arsenyev, P. Shkurkin, M. Grulev, P. Lobza, A. Cererin, representing greatest value both as to the amount of information provided and as to the degree of its uniqueness. The role of newspapers in spreading information about honghuzi among the general population is noted.

Key words and phrases: The Russian Empire, China, honghuzi, military orientalists, Russian periodicals.

Не одно десятилетие жители Дальнего Востока испытывали тревогу и страх, когда слышали слово «хунхузы» (во многих изданиях конца XIX – начала XX вв. писали «хункузы»). Территория Маньчжурии была наводнена бандами разбойников, в большинстве своем китайцев, которые грабили и убивали мирных жителей, китайцев и маньчжуров, нападали на иностранцев, в том числе и россиян, пользуясь покровительством местной администрации, занимались браконьерством и контрабандой, похищали людей и требовали за них выкуп. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти с большим вниманием относился к данной проблеме. Он неоднократно отдавал распоряжения снаряжать небольшие вооруженные отряды для уничтожения хунхузов и выселения нелегально проживающих на российской территории китайцев.

Сведения о результатах подобных экспедиций находим в публикациях их участников: В.К. Арсеньева, П.В. Шкуркина.

В.К. Арсеньев докладывал генерал-губернатору Н.Л. Гондатти об исследовании отдельных районов Приморского края. Хунхузы оказывали вооруженное сопротивление. В ходе военных операций российские солдаты сжигали фанзы, в которых жили разбойники, уничтожали снаряжение браконьеров, конфисковали все найденные ценности (золотой песок, женьшень, меха, панты). Спасаясь от расправы, хунхузы бежали в горы, поэтому приходилось преследовать их несколько дней. Неоценимую помощь россиянам оказывало местное население. Впрочем, среди последних было и немало тех, кто ради наживы помогал бандитам: к примеру, предупреждал о маршруте предстоящих экспедиций. Сведения о хунхузах В.К. Арсеньев включает в свои научные работы «Путешествие по Уссурийскому краю 1900-1910 гг.», «Китайцы в Уссурийском крае», опубликованные на страницах журнала «Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества» [11].

Борьба отряда П.В. Шкуркина против хунхузов на Ольгинском участке российско-китайской границы давала положительные результаты. Некоторое время спустя подобные успешные акции, которые совершались офицером-востоковедом во время службы помощником полицмейстера Владивостока, были приостановлены в течение нескольких месяцев. Как отмечает А.А. Хисамутдинов, «один из сотрудников П.В. Шкуркина написал ему: «... Владивосток сделался центром не только хунхузской деятельности, с которой Вы боролись, но и гнездом алчности, лихоимства и всякой мерзости ... Уничтожив шайки хунхузов, пиратскую флотилию ... Вы подорвали источник благосостояния многих лиц, о существовании которых Вы не подозреваете, но которые считают Вас теперь своим личным врагом...» [16, с. 153].

За многие годы службы П.В. Шкуркин накопил достаточно сведений о хунхузах, которые впоследствии будут им систематизированы и представлены в ряде публикаций [18]. В них автор отмечал, что в среде хунхузов, промышлявших грабежом, господствовали жестокость, непримиримость к предательству. В то же время разбойники проявляли «верность своему слову, своеобразную честность, рыцарское отношение к женщине» [16, с. 153]. Рецензент книги П.В. Шкуркина «Хунхузы» писал: «... в хунхузничестве, как в капле воды, отражаются все национальные особенности Китая: это социальное явление имеет глубокие корни, гнездящиеся в особенностях характера сынов «черноволосого народа» и укладе их жизни, книга же Шкуркина ярко освещает этот кусочек китайского быта и знакомит нас вообще с Китаем и его обитателями» [16, с. 153]. На страницах журнала «Вестник Азии» А. Болобан так объясняет эмиграцию китайцев в Маньчжурию и их участие в разбоях и грабежах: «людей гнала из родных мест жажда наживы, безысходная нужда, народные бедствия» [3, с. 85].

В журнале «Военный сборник» военные востоковеды публиковали статьи, в которых нашли отражение результаты исследований и топографических съемок, проведенных в Китае, в том числе и в еще недостаточно известных частях государства, а также малонаселенных районах России [2]. На страницах этого издания увидели свет материалы И. Надарова, М. Грулева, А. Церерина, Б. Адамовича и других, в которых рассказывается и о хунхузах [1]. Так, И. Надаров отмечает, что жители Владивостока и рабочие Уссурийской железной дороги подвергаются нападениям разбойников, которых толкают к совершению преступлений бедность и порочность [9]. Хунхузы терроризируют местное население, но при появлении российских солдат предпочитают скрыться.

О том, что дерзкие вылазки хунхузов вызывают у мирных обывателей панический страх, писал и М. Грулев. Во время экспедиции по Сунгари он общался с китайцами, которые были весьма заинтересованы в расширении торговли. По их словам, продажность китайской администрации, трусость солдат в борьбе с разбойниками делает речное судоходство весьма опасным предприятием [6].

В своем отчете о поездке в Китай, опубликованном на страницах журнала «Известия Восточного института», подтверждает сведения о том, что северная часть Китая наводнена хунхузами, и студент Восточного института А.П. Церерин [17].

Проблему обеспечения безопасности жителей достаточно часто затрагивали дальневосточные газеты («Владивосток», «Приморская газета»), так как постоянно

приходили известия о жестокости бандитов, которых после подавления восстания ихэтуаней, русско-японской войны становилось все больше и больше.

«Для России дальневосточные дела ходом истории уже включены в круг наиболее жизненных вопросов ее международного общения и мирного развития ее собственных владений в Азии» [3, с. 85]. Для того чтобы привлечь внимание российской общественности к Дальнему Востоку, печатные периодические издания Москвы и Санкт-Петербурга стали публиковать статьи о проблемах, с которыми сталкиваются россияне данной части страны.

Так, журналы «Мир Божий», «Русское богатство» опубликовали заметки П. Лобза о путешествии по Маньчжурии [8], в которых рассказывается о том, что после сурового подавления восстания боксеров в горных ущельях начали прятаться шайки разбойников, которые нападали на станции железной дороги, дома обывателей. Как отмечает автор, сотни маньчжуров и китайцев бегут к русским, спасаясь как от деспотизма собственной администрации, так и от хунхузов – «мастеров на истязания». Даже жестокие казни попавших в плен разбойников не внушают страх остальным.

Участник русско-японской войны П. Врангель писал о том, что грабежи и нападения хунхузов доставляли беспокойство российским солдатам, положение которых в Китае было крайне тяжелым [5].

Несколько заметок о нападении хунхузов на почтовые грузы, денежный транспорт публикует столичная газета «Русское знамя» [14].

В журнале «Мир Божий» В. Вересаев писал: «Мы навалились на Восток и, запустив цепкие пальцы, ласково нашептывали ему в ухо наши кроткие истины ... Теперь Китай перенял у нас военную технику и воюет» [4, с. 13]. Еще в период восстания ихэтуаней одна из самых популярных столичных газет «Санкт-Петербургские ведомости» отмечала не только примеры крайней жестокости, которые проявляли китайцы по отношению к иностранцам [10], например, европейским миссионерам, но и реакцию европейцев на эти трагические сообщения: «если иногда варварские уточнения истязаний ... волнуют читателей газет, то они скоро успокаиваются в сознании, что такова профессия [миссионера], покупающая ценой временных страданий место на Небе» [12, с. 1]. Российское общество реагировало более чутко. Описание примеров агрессии китайцев по отношению к иноземцам отрицательно сказалось на образе жителей Китая: в газетах их называли «странным народом», фанатичными и невежественными, «испытывающими необходимость в убийствах» [13, с.1]. Впрочем, мнение о жителях Срединной империи не было однозначным. Одни издания «распространяли мнение о китайской прирожденной жестокости, другие отмечали добродушие китайцев, их боязнь причинить неприятность ближнему» [7, с. 1].

О хунхузах также писали периодические издания в городах, удаленных от российско-китайской границы. Не осталась в стороне издававшаяся в г. Екатеринодар газета «Кубанские областные ведомости», публиковавшая в 1904–1905 гг. письма участников военных действий, публицистические очерки, хроники событий. Благодаря иностранным информационным агентствам российская периодическая печать достаточно оперативно получала последние известия, поступавшие из Китая. Провинциальные читатели были в курсе событий, так как местные газеты перепечатывали информацию из центральных изданий. На страницах «Кубанских областных ведомостей» упоминалось о засадах, которые для борьбы с хунхузами устраивали отряды казаков, казнях захваченных разбойников и жестоких пытках, которым подвергали своих пленников хунхузы [15].

Анализ публикаций журналов и газет показал, что информация о хунхузах изредка появлялась на страницах периодических изданий, ориентированных как на образованного читателя, так и на широкие слои населения в столице и провинциальных городах Российской империи. обстоятельные описания востоковедов и краткие публицистические заметки в совокупности давали возможность сформировать в сознании россиян представление о хунхузах, их образе жизни, влиянии, которое они оказывали на рост социальной напряженности на российском Дальнем Востоке и в Северном Китае.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Адамович, Б. Из походного журнала // Военный сборник. – 1906. – № 7. – С. 165-174; Б-в, Л. Деятельность хунхузов в Маньчжурии // Военный сборник. – 1908. – № 1. – С. 35-48.
2. Благодер, Ю.Г. Российская периодическая печать о Китае (конец XIX – начало XX века): монография. – Краснодар: ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2017. – 340 с.
3. Болобан, А. Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии // Вестник Азии. – 1910. – № 3. – С. 85-127.
4. Вересаев, В. Рассказы о войне // Мир Божий. – 1906. – № 2. – С. 1-15.
5. Врангель, П. Маньчжурские письма // Вестник Европы. – 1908. – Ноябрь. – С. 377-394.
6. Грулев, М. Сунгарийская речная экспедиция, 1895 г. (статья 2) // Военный сборник. – 1897. – № 3. – С. 183-202.
7. Китайщина // Биржевые ведомости. – 1900. – № 186. – 10 июля. – С.1.
8. Лобза. Военное устройство // Мир Божий. – 1900. – № 8. – С. 268-283; Лобза, П. Хунхузы в Маньчжурии. Очерки из путешествий по Маньчжурии в 1897-1899 гг. // Русское богатство. – 1902. – № 6. – С. 27-54.
9. Надаров, И. Хунхузы в Южно-Уссурийском крае (очерк) // Военный сборник. – 1896. – № 9. – С. 183-204.
10. Политическое обозрение: к событиям в Китае // Санкт-Петербургские ведомости. – 1895. – № 225. – 20 (1) августа. – С.1.
11. Сведения об экспедициях капитана Арсеньева В. К. Путешествие по Уссурийскому краю 1900-1910 гг. // Записки Приамурского отдела ИРГО. – Хабаровск, 1912. – Т.8. – Вып. 2; Арсеньев, В.К. Китайцы в Уссурийском крае // Записки Приамурского отделения ИРГО. – Хабаровск, 1914. – Т. 10. – Вып. 1.
12. События в Дальней Азии // Санкт-Петербургские ведомости. – 1895. – № 219. – 14 (26) августа. – С.1.
13. События в Китае // Санкт-Петербургские ведомости. – 1895. – № 207. – 2 (14) августа. – С.1.
14. Телеграммы Внутренние. Харбин. Разбой хунхузов // Русское знамя. – 1911. – № 165. – 25 июля. – С.2; Телеграммы Внутренние. Захват денежного транспорта // Русское знамя. – 1911. – № 277. – 11 декабря. – С.2; Телеграммы Внутренние. Харбин // Русское знамя. – 1911. – № 281. – 16 декабря. – С.2.
15. Телеграммы. Порт-Артур // Кубанские областные ведомости. – 1904. – № 14. – 18 января. – С.2; К событиям на Дальнем Востоке. Казак-девица // Кубанские областные ведомости. – 1905. – № 1. – 1 января. – С.1; Казни в отряде генерала Ранненкампа // Кубанские областные ведомости. – 1905. – № 155. – 20 июля. – С.2; Из письма казака // Кубанские областные ведомости. – 1905. – № 166. – 4 августа. – С.1.
16. Хисамутдинов А. А. Синолог П.В. Шкуркин: «... не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбив» // Известия Восточного института. – 1996. – № 3. – С. 150-160.
17. Церерин, А.. Результаты поездки по Ху-лань-чэнскомуфудутунству // Известия Восточного института. – 1902. – Т.3. – Вып. 3. – С. 1-46.
18. Шкуркин, П.В. Хунхузы (Этнографические рассказы) // Известия Общества изучения Маньчжурского края. – № 4. Секция историко-этнографическая. – Харбин, 1924. – С. 36-57; Шкуркин, П.В. Хунхузы: рассказы из китайского быта. – Харбин: Типо-лито гр. тов. «030», 1924. –138 с.; Шкуркин, П.В. Хунхузы: этногр. рассказы. – Харбин: Типо-литогр. Т-ва «ОЗО», 1924. –145 с.: ил.

Ван Цзинь Ин, студент

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск, Россия
x-spygirl@mail.ru

Чернов Владислав Афиногенович, канд. ист. наук

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск, Россия

ТИФОНТАЙ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

УДК 94

***Аннотация.** В статье говорится о русском купце Тифонтае, выходеце из Северо-Восточного Китая, принявшего российское гражданство. Тифонтай не только занимался торговлей, но и строил дома и заводы, занимался общественной и благотворительной деятельностью, оказывал содействие в торговле с Китаем и другим торговцам и купцам.*

***Ключевые слова и фразы:** Тифонтай Николай Иванович, г. Хабаровск, р. Сунгари.*

Wang Jingying, student

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia
x-spygirl@mail.ru

Vladislav Chernov, Candidate of Historical Sciences

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

TYPHONTAI IN THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE COOPERATION

***Abstract.** The article refers to the Russian merchant Tifontai, a native of North-Eastern China, who took Russian citizenship. Tifontai was engaged not only in trade, but also built houses and factories, engaged in social and charitable activities, and assisted in trade with China and other merchants and merchants.*

***Key words and phrases:** Nikolay Tifontay, Khabarovsk, r. Sungari.*

Тифонтай – выходец из уезда Хорошо провинции Шандун. В 1873 г. он прибыл в Хабаровск в качестве переводчика с первой партией китайских рабочих в количестве 150 человек, привезённых из Северо-Восточного Китая. Он подрабатывал переводчиком в Амурской инженерной дистанции и одновременно занялся подрядами и торговлей. По другим сведениям, Тифонтай прибыл в Россию ещё будучи купцом. Так или иначе, нам не известно о его жизни до приезда в Россию: о его родителях и из какой семьи он происходит.

Известно, что с 1881 г. Тифонтай состоял в купеческом обществе Хабаровска [3]. В 1893 г. он принял российское подданство и имя – Николай Иванович, а в 1895 г. стал купцом 1-й гильдии. Тифонтай не только занимался торговлей, но и строил дома и заводы (мукомольный, пивоваренный, кирпичные, лесопильный, по производству извести). Мукомольный и пивоваренный по ул. Советской в Хабаровске действуют и сегодня.

С 1875 г. Тифонтай занимался торговлей на законных основаниях, т.е. по установленным документам, торговал чаем, пушниной, драгоценностями, мукой и хлебом, поставлял продовольствие войскам и гражданскому населению.

В районе первоначально возникшей китайской слободки Тифонтай разработал карьер для вывозки бутового камня под фундаменты строящихся домов. Городу нужны были

кирпич, лес, известь. И всё производилось у Тифонтая. Он много успевал, пробовал себя в разных делах: первым в Хабаровске в 1895 г. открыл скорняжное заведение – импровизированный кожевенный цех на одном из его кирпичных заводов. Кирпичные заводы Тифонтая с небольшим числом китайских рабочих (26 и 31) производили в год 900 тыс. штук, в том числе выделялся и изразцовый кирпич (образцы кирпичей с маркой «Т», «2Т» и изразец представлены в экспозиции Хабаровского краеведческого музея). меховые шкуры выделяли для удовлетворения местных нужд и на продажу. Предприимчивый торговец скупал пушнину у аборигенов края и сбывал её в Москве и Петербурге (на него работало 8 скупщиков: 1 русский и 7 китайцев). Именно Тифонтай представлял Хабаровск в пушном деле на торгово-промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. Торговля пушниной была важной статьёй дохода Тифонтая: в 1891-м его торговые операции достигли оборота 150 тыс. руб. в год, а принадлежавшая ему недвижимость по разным оценкам стоила от 20 до 50 тыс. руб.

В 1901 г. совместно с китайским поданным В. Н. Еохалиным и тремя вкладчиками Тифонтаем был создан торговый дом «Тифонтая и К^о» с основным капиталом 200 тыс. руб., который к 1907 г. превысил 1,2 млн руб. Предприятия китайского купца развивались в разных отраслях: макаронная фабрика с производством 60 тыс. пудов в год, табачная фабрика, завод лимонадных и фруктовых вод, электростанция, литейная и механические мастерские для целой флотилии судов, перевозивших по Амуру дешёвое сунгарийское зерно [6].

С развитием предприятий по переработке продуктов сельского хозяйства (пивоваренные заводы, винокурение, мукомольное) у хабаровских предпринимателей возросла востребованность в дешёвом сырье, необходимом для производства. С этого времени складывается традиционная ориентация амурского купечества на торговлю с Китаем. Одним из первых купцов, начавшим эту деятельность, был Тифонтай [7]. В 1870-е гг. хабаровские торговцы организовали специальные рейсы-сплавы по реке Сунгари для закупки сырья и скота. Среди первых был Тифонтай. Именно торговля по Сунгари стала одним из источников формирования его капиталов. А уже в 1907 г. Тифонтай совместно с С.Я. Богдановым организовали рейсы-сплавы зерна и скота по Сунгари пароходом «Силач», принадлежавшим торгово-промышленной фирме «Тифонтай и К^о» [4].

В 1885 г. Тифонтай подал прошение на имя военного губернатора Приморской области о принятии его в российское подданство. Процесс получения подданства был довольно сложным и длительным делом, для этого требовалось принять православие и обрезать косу, что для китайца было непросто. 7 октября 1888 г. он обращается к генерал-губернатору края А.Н. Корфу с просьбой разрешить принять ему только святое крещение без обрезания косы. Купец объяснял, что изменение причёски приведёт к большим убыткам, что ему сложно будет вести торговые операции с китайцами, не имея косы. Он заявлял о своей готовности дать подписку снять косу в течение двух лет, по окончании торговых операций с китайскими подданными на р. Сунгари и в других местах. А.С. Беневский, губернатор Амурской области, считал, что просьбу можно удовлетворить, но А.Н. Корф проявил принципиальность и отказал, изложив свою позицию следующим образом: «Не усматриваю причин делать отступления от разрешенного, и потому Тифонтай может быть принят только по срезании косы». С приездом нового генерал-губернатора, С.М. Духовского, ходатайство Тифонтая было удовлетворено. Он оказался человеком слова. Завершив торговые операции в 1891-93 гг., срезал косу и принял православие, получив имя Николай Иванович. 18 декабря 1893 г. Николай Иванович Тифонтай был приведён к присяге и стал русским подданным [1].

Известно участие Тифонтая в проведении восточной границы между Россией и Китаем. Его подпись стоит на документе по приёмке пограничного каменного столба (1886 г.). А 15 марта 1898 г. в Пекине была подписана между Россией и Китаем конвенция, по которой Квантунский полуостров с крепостью Порт-Артур передавался в аренду России на 25 лет. После занятия русскими Порт-Артура Тифонтай стал главным поставщиком продовольствия для русской армии в Маньчжурии и на Квантунском полуострове. В 1900 г., во время

восстания ихэтуаней в Китае, по предложению адмирала Алексеева (наместник на Дальнем Востоке), Тифонтай предоставил в Порт-Артур два больших парохода для поддержания сообщения с портами Таку и Чифу.

После отхода армии на Шахейские позиции ему было поручено организовать доставку партии снарядов в Порт-Артур, что он успешно выполнил. Тогда же при его непосредственном участии создавались отряды китайских разведчиков, действовавшие с 1 октября 1904 г. в районах, указанных русским командованием. По свидетельству генерала Сахарова, отряд разведчиков из 500 человек в течение трёх месяцев финансировался из личных средств Тифонтая.

Тифонтай также известен своей общественной деятельностью. Он много жертвовал на строительство кумирни, покупку предметов буддийского культа, на постройку детского приюта, пристройку зала для Николаевской публичной библиотеки, на музей [5]. Газета «Приамурские ведомости» 5 марта 1895 г. сообщала о китайских вещах, пожертвованных музею купцом Тифонтаем: нарядный китайский халат, костюм богатой китайки, богатый халат маньчжурского мандарина, башмаки китайской аристократии, китайский стол и 4 табурета с художественной резьбой (всего 12 номеров поступлений).

Китайская купеческая семья Тифонтая постепенно становилась русской. По воспоминаниям В. Духовской, супруги Приамурского генерал-губернатора, было известно, что их семьи были в хороших отношениях и поддерживали связь. Тифонтай подарил В. Духовской оленя для их сада [2], а также был у них со своей новой женой, которую привёз из Шанхая [7].

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Бодиско А.М. Из жизни Хабаровска / А.М. Бодиско; [редкол.: И.В. Филаткина (гл. ред.) и др.; сост. Т.В. Кирпиченко; науч. консультант Н.И. Дубинина]. – Репр. изд. – Хабаровск: ДВГНБ, 2008. – 291 с.
2. Духовская В. Из моих воспоминаний. Часть II. – СПб. : Печатня Р. Голике, 1900.
3. Жуков А.М. Китайцы в Хабаровске // Приамурские ведомости. – 1999. – 29 сентября. – С. 13.
4. Жуков А.М. Рынки старого Хабаровска // Время ДВ. – 2004. – 30 марта.
5. Кружкова Н.Р. С китайской внешностью и русским сердцем / Н.Р. Кружкова, В.А. Чернов // Научно-техническое и социально-экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2016. – С. 266-269.
6. Чернов В.А. История становления гостиничного дела на Востоке Российской империи : монография. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012. – 231 с.
7. Чернов В.А. Шанхай – пересадка на пути в Россию // Турмению. – 2010.– № 2 (17). – С. 24-26.

Ващук Ангелина Сергеевна, д-р ист. наук, профессор

Отдел социально-политических исследований

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

va_lina@mail.ru

ПРОЕКТЫ «ТОЧЕК РОСТА» НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ПРИМОРЬЯ, ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (2015-2017 гг.)*

УДК 947.088(571.63)“2015/2017”

Аннотация. В статье рассматривается переход России к реализации новой концепции развития дальневосточного приграничья в общем контексте политики поворота на Восток. Анализируется опыт нового управленческого класса в приграничье, основанный на принципах пространственной экономики, а также использования современной зарубежной практики. Дана характеристика процедуры увязки «Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского» с проектами МТК «Приморья-2», Свободный порт Владивосток и ТОРов. Проанализирован ответ бизнес сообщества на федеральные законы, направленные на создание и развитие проектов «точек роста» на трех территориях приграничных муниципальных районов (Хасанский, Октябрьский, Ханкайский)

Ключевые слова и фразы: Россия, Приморье, Концепция развития приграничья, ТОРы, «Свободный порт Владивосток», предпринимательство

Angelina Vashchuk, Ph.D. in History, professor,

Head of Social and Political Research Department of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East

«POINTS OF GROWTH» PROJECTS ON PRIMORYE'S BORDERLAND, FIRST RESULTS (2015-2017)

Abstract. The article discusses the transition of Russia to the implementation of a new concept of development of the Far Eastern borderland in the general context of the policy of pivot to the East. The experience of the new management class in the border area, based on the principles of spatial economics as well as the use of modern foreign practice are analyzed. The article describes the procedure of linking the "Concept of development of the border areas of the Russian Federation constituent entities that are part of the Far Eastern Federal district and Baikal Region" with the projects of the ITC "Primorye-2", the Free Port of Vladivostok and territories of advanced development. The author analyzed the response of the business community to Federal laws aimed at the creation and development of "points of growth" projects in the three territories of the border municipal areas (Khasansky, Oktyabrsky, Khankaisky)

Key words and phrases: Russia, Primorye, Concept of development of the border area, territories of advanced development, «Free Port Vladivostok», entrepreneurship.

Постановка проблемы. Россия в начале XXI в. предприняла новые меры по развитию дальневосточных приграничных территорий, являющихся важнейшим ресурсом страны. Расширение и наполнение этого ресурса связано как с внутривосточным курсом России,

*Благодарность. Статья выполнена при поддержке Президиума Дальневосточного отделения Российской академии наук, проект № 18-5-057 «Приграничные регионы Дальнего Востока в условиях быстрых социальных изменений 1987-2017 гг.: опыт развития и обеспечения безопасности».

так и с особым геополитическим положением территорий, спецификой международных связей и приграничного сотрудничества. В истории хозяйственного развития дальневосточного приграничья можно выделить период, начавшийся после создания Минвостокразвития (2012 г.). Эта управленческая структура складывалась в ходе реализации радикально-либеральных реформ. Новый управленческий класс проявил интерес к концептам пространственной экономики среди политической и интеллектуальной элиты быстро набирала популярность идея внедрения зарубежного опыта организации особых экономических режимов [1]. В сжатой форме суть нового курса управления дальневосточной территорией можно отразить следующим образом: признание руководством страны межрегионального неравенства и его динамики; назначение ответственных за локализацию хозяйственной деятельности; концентрация экономической деятельности на основе корпораций. В 2000-е годы идеи пространственной экономики в форме создания проектов «точек роста», с учетом преференциальных режимов стали реализовываться на практике.

Цель данной статьи показать приграничную политику на Дальнем Востоке в контексте курса поворота России на восток и проследить как инновационные проекты «приживались» на приграничных территориях. Но выявить специфику перехода к новой политике в приморском приграничье возможно, рассмотрев аспект предистории: что же предшествовало этому курсу. В статье используется метод синтеза инструментария социально-политической истории и политической географии.

Исторический аспект приграничной политики и современность. В позднесоветский период политическое руководство СССР делало основной упор на укрепление военного потенциала приграничья. На дальневосточных приграничных территориях развивались объекты пограничной инфраструктуры, обеспечивавшей социально-бытовые проблемы семей военнослужащих. К концу советского периода в приграничье была создана территориальная система хозяйствования, органично дополнявшая военную инфраструктуру. Но в годы перестройки правительство перестало стимулировать развитие приграничья. Начиная с 1989 г. и далее во время проведения радикально-либеральных реформ в регионе произошло сокращение части военного контингента, а также шло разрушение военной инфраструктуры, особенно в сфере бытового обслуживания. «Если в 1989 г. в регионе размещалось 43 подразделения сухопутных войск и около 390 тыс., то в 1991 г. – соответственно 38 и 340 тыс. чел. Такой же экзекуции подвергся Тихоокеанский в XXI в.» [Цит. по: 18], – пишут зарубежные исследователи. Например, в приграничном селе Хороль дислоцировался мощнейший гарнизон, в состав которого входили 12 крупных частей. Расположенный там аэродром по праву считался одним из лучших в СССР: протяженность и качество взлетно-посадочной полосы позволяли принять не только, к примеру, "Боинг" с тогдашним президентом США Дж. Фордом, но и "советский шаттл" – космический челнок "Буран". Военный аэродром первого класса готовили стать запасным для приема космических "Буранов". Но программа была свернута, части расформированы. Оставшиеся две части permanently сокращались [7].

Во второй половине 1990-х Российский фонд Федерального имущества (Отделение РФФИ в Приморском крае) проводил аукционы по продаже объектов высвобождаемого военного имущества, это были магазины, склады, нежилые помещения, жилые дома и т.д. [5]. Ярчайшим примером в этой истории является Хасанский и Хорольские районы.

В 2000-е годы политическое руководство во главе с В.В. Путиным резко сменило отношение к военной сфере, том числе в регионе. Приграничная политика России стала приобретать новое содержание, направленное, во-первых, на модернизацию военной инфраструктуры, во-вторых, на необходимость устойчивого развития территории и обеспечения социальной стабильности на дальневосточных приграничных территориях. Правительство поставило грандиозную задачу: формировать и развивать конкурентные преимущества перед приграничными территориями сопредельных государств, что нашло отражение в утвержденной 28 октября 2015 г. «Концепции развития приграничных

территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона» (далее Концепция)[13].

Принципиальная новизна документа – это положение о так называемых «"точках роста" приграничного муниципального образования"». Под ними понимаются специальные проекты (площадки, зоны), при реализации которых используется возможный потенциал приграничного муниципального образования, что оказывает положительное социально-экономическое влияние как на приграничный район, так и на дальневосточные и байкальские приграничные территории в целом [13]. Безусловно, правительство осознавало, что реализация такой политики начинается при неблагоприятной внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктуре, в острой конкурентной борьбе за инвестиции*. Вторым обстоятельством, сдерживающим реализацию объявленной грандиозной задачи, выступает комплекс внутренних факторов, хотя по своему содержанию, он вполне может быть и первым.

В этом комплексе, с одной стороны, просматриваются особенности формирования всей бюрократической системы управления дальневосточными территориями, создания новых управленческих органов, специфики стиля новой «бюрократии развития»; именно ей отводится роль проводника политики поворота России на Восток. С другой стороны, важно учитывать уровень развития предпринимательства на территориях и степень доверия бизнеса к новым проектам. Отдельные сюжеты по этим аспектам можно уже найти в публикациях.

В условиях реорганизации органов управления развитием дальневосточных территорий характерной особенностью можно считать процедуру увязки принятой **«Концепции»** с новыми проектами развития Дальнего Востока.

«Концепция развития приграничных территорий» и новые проекты развития Дальнего Востока: планы и трудности реализации. Процедуру «увязки» хозяйственного развития приграничных территорий с проектами, имеющих значение для всего Дальнего Востока и для России в целом, предлагается рассмотреть на примере следующих проектов: МТК «Приморье- 2», Свободный порт Владивосток и Михайловская ТОР. 2015-2018 г. – это первый этап по реализации концепции развития приграничья и привлечению предпринимателей к проектам, которые Правительство РФ рассматривает как «точки роста». Его содержание включает типичную и необходимую процедуру разработки правовых и бюрократических правил, включая территориальный (пространственный) аспект по сопряжению «точек роста» муниципальных приграничных образований с называемыми проектами развития.

Предложение о создании сети территорий опережающего развития, на которых были бы созданы особые условия для организации несырьевого производства, впервые публично прозвучало в послании Федеральному Собранию президента В.В. Путин 12 декабря 2013 г. И через год, 29 декабря 2014 г. был принят уже закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации) [19]. Кроме того, были внесены изменения в Гражданский, Градостроительный, Трудовой, Земельный, Лесной кодексы Российской Федерации и ряд других федеральных, региональных и местных нормативных актов. Точкой сопряжения Концепции развития приграничных территорий с инновационными проектами стал и другой документ – ФЗ РФ «О свободном порте Владивосток», вступивший в силу 13 октября 2015 г. [20]. (Хотя с тех пор он подвергался изменению 7 раз). Концепция и два Федеральных закона отличаются по своему правовому статусу, но процесс их реализации тесно переплетается. Поскольку в литературе уже достаточно много комментариев на предмет двух упомянутых законов, преференций и правовому регулированию режимов[3; 8; 15] мы не останавливаемся на этом.

В контексте постановки проблемы важно подчеркнуть факт совпадения времени принятых документов, обратив внимание на параллельную разработку трех документов

* В 2016 г. победу в конкурентной борьбе одержали 5 стран региона: Индия, Китай, Вьетнам, Малайзия и Индонезия. На их долю пришлось 57 % всех прямых иностранных инвестиций, поступивших в АТР.

аппаратом Минвостокразвития и также на участие в этой работе властей Приморья. Так, Администрация края в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 28 октября 2015 года N 2193-р «Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа» разработала региональную программу развития приграничных территорий Приморского края на период до 2020 г. Объем ассигнований на реализацию программы на 2016–2020 гг. планируется 4882,01 млн рублей (прогнозные объемы) [9].

Приморское приграничье составляет 60,31 тыс. кв. км, это 36,6% территории края. В 2016 г. здесь проживало 521,078 тыс. чел. (27,0% от численности населения Приморского края), в т.ч. городское население – 319,277 тыс. чел. (61,3% от численности населения приграничных территорий, из него 168,6 тыс. чел. проживает в г. Уссурийске), сельское – 201,801 тыс. чел., это 38,7% от численности населения приграничных территорий [9].

Сравнивая географические рамки, на которые распространяется действие законов о ТОРах и СПВ, и обозначенное приграничье в «Концепции», можно выделить территории - бенефициары.

Таблица 1

Территории, имеющие статус приграничных по Концепции 2015 г., и территории Приморского края, входящие в состав СПВ

Территории, имеющие статус приграничных по Концепции 2015 г	Территории Приморского края, входящие в состав СПВ
Дальнереченский район	Артемовский городской округ
Кировский район	Владивостокский городской округ
Октябрьский район	городской округ Большой Камень
Пограничный район	Находкинский городской округ
Пожарский район	Партизанский городской округ
Спасский район	городской округ Спасск-Дальний
Ханкайский район	Уссурийский городской округ
Хасанский район	Надеждинский муниципальный район
Хорольский район	Шкотовский муниципальный район
Черниговский район	Октябрьский муниципальный район
Дальнереченский городской округ	Ольгинский муниципальный район
Лесозоводский городской округ	Партизанский муниципальный район
Уссурийский городской округ	Пограничный муниципальный район
	Хасанский муниципальный район
	Лазовский муниципальный район
	Ханкайский муниципальный район

Таким образом, из 10 приграничных муниципальных районов, имеющих этот статус по Концепции, в зону СПВ (по ФЗ от 13 июля 2015 года N 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток») включены 5 территорий: Уссурийский городской округ, Октябрьский, Пограничный, Ханкайский, Хасанский муниципальные районы. Однако в данной статье мы рассмотрим только три приграничные территории: Хасанский, Октябрьский районы- бенефициары СПВ и частично Хорольский район как площадку, входящую в зону Михайловской ТОР.

МТК-2 и практики СПВ в приграничье. Специфика ситуации заключается в том, что действия правил «Свободного порта Владивосток» распространяются и на ряд перспективных крупных международных транспортных коридоров, которые проходят по территории приграничных муниципальных районов – это Пограничный и Хасанский. МТК «Приморье-1» включает Харбин — Суйфэньхэ — Гродеково — порты Владивосток, Находка, восточные порты АТР. По территории Хасанского района проходит МТК

«Приморье-2»: Чанчунь — Цзилинь — Хуньчунь — Махалино — Посьет — Зарубино — порты АТР[2; 22]. МТК специализируются на транспортно-логистической деятельности, являются магистральными линиями. Особенность этих реализуемых проектов состоит в том, что они уже имели свою непростую историю, начавшуюся еще задолго до принятия «Концепции» и Федерального Закона о СПВ.

Хасанский район благодаря своей географии стал одной из первых площадок апробации проекта, базировавшегося на принципах пространственной экономики. История МТК «Приморья-2» в полной мере продемонстрировала характерную черту реализации проектов периода радикальных реформ – длительный этап благих намерений как стороны России так и КНР. Но для каждой стороны были свои особенности комплекса факторов. Так, для России – это политические и социально-экономические причины (длительный выход из кризиса, а также особенности акционирования портов, трудности становления государственного и частного партнерства, коррупция), обусловившие продолжительный этап планов создания транспортно-логистического комплекса. Например, некоторые документы по развитию Морского порта бухты Троицы (Зарубино) – основного звена МТК, уже находятся в багаже истории как не реализованные [2]. Борьба за акции этого порта также повлияла на ход событий. Появление в свое время новой частной кампании «Суммы», которую эксперты поспешили обозначить как якорного инвестора*, оказалось вследствие действий руководства кампании в дальнейшем сдерживающим фактором.

В августе 2017 г. морской порт Зарубино распоряжением премьер-министра Д. Медведева был расширен для строительства зернового терминала [12]. Принятое решение необходимо было для реализации нового инвестиционного проекта в морском порту Зарубино. Здесь планируется построить терминал для перевалки зерновых грузов (пшеницы, кукурузы и сои) проектной мощностью 33,5 млн т зерна в год. Терминал предназначен для приёма и обработки судов грузоподъёмностью до 91 300 т. Проект реализуется за счёт средств инвестора – АО «Объединённая зерновая компания» и его дочернего общества – ООО «Дальневосточный зерновой терминал»; ООО «ДВЗТ» подписало соглашение с администрациями Хасанского района и порта Зарубино. Проект включили в схему территориального планирования в области федерального транспорта. Однако в связи с арестом и задержанием главных акционеров «Суммы», – братьев Магомедовых возникли организационные моменты, которые требуют специального изучения о завершении строительства зернового терминала.

Кроме того, отношение местных жителей к масштабному проекту оказалось совсем не однозначным. Плюсы и минусы от строительства терминала обсуждались на общественных слушаниях. На стадии строительства оказалось, что невозможно избежать вмешательства в экологию. В этом признавались сами проектировщики[11; 21]. Назначенный М. Кийко исполняющим обязанности генерального директора кампании Объединённой зерновой кампании в апреле 2017 г., считает, что строительство терминала будет завершено[4]. В декабре 2017 г. были проведены тестовые перевозки транзитных контейнеров по МТК «Приморье-2» из КНР через погранпереход Хуньчунь – Камышовая на южный приморский порт Зарубино. По результатам тестовых поездок китайская сторона выразила заинтересованность в осуществлении транзитных перевозок в объеме до 100 тыс. TEU (двадцатифутовый эквивалент – условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств) в год в направлении Республики Корея и Японии.

Хасанский район – это площадка реализации Концепции приграничного развития в тесной связке с режимом СПВ. Проект СПВ направлен на привлечение инвестиций и экономический рост территорий Дальнего Востока. Однако одновременно с фактором привлекательности российского проекта в приграничье, на которые распространяется

* Представители группы «Сумма» на Восточном экономическом форуме демонстрировали большие проекты. 2 сентября 2016 года З. Магомедов заключил меморандум о взаимопонимании по проекту «Большой порт Зарубино» с Dubai Port World, одним из самых крупных в мире портовых операторов. «Интересовалась проектом China Merchants Group. Стоимость двухэтапного проекта – 3 млрд долларов.

льготный режим, существуют риски, вытекающие из конкуренции с аналогичными территориями в АТР, а также из первого опыта становления проектов «точек роста».[17]. Анализ реестра резидентов Свободного порта Владивосток (табл. 2), планирующих осуществлять деятельность на территории Хасанского муниципального района, насчитывает на 2018 г. 24 компании [14].

Таблица 2

Реестр резидентов свободного порта Владивосток Хасанского района (2016-2018 гг.)

№ №	Наименование компании	Наименование проекта	№ и дата Соглашения	Муниципальное образование (место реализации проекта)
1.	1 ООО «Хорал ДВ»	Проект 1. Создание рыбодобывающего предприятия для работы в Дальневосточном бассейне РФ Проект 2. Рыбоводство	СПВ- 14/16 от 29.03.2016	Хасанский район
2.	ООО «СиЛайф»	Рыболовство пастбищное и промышленное. Переработка продукции марикультуры	СПВ-18/16 от 20.04.2016	Хасанский район
3.	ООО "Восток ЛПГ"	Терминал по перевалке сжиженного углеводородного газа и нефтехимии	СПВ-38/16 от 15.06.2016	Хасанский район
4.	ООО"Производственный комбинат«Славянский-2000»	Рыбоперерабатывающее производство в пгт. Славянка	СПВ-72/16 от 31.08.2016	Хасанский район
5.	ООО «РЫБОЗАВОД СЛАВЯНКА»	Техническое перевооружение рыбоперерабатывающего комплекса	СПВ-169/17 от 20.04.2017	Хасанский район
6.	ООО «АКВАПАРК«ТЕПЛОЕ МОРЕ»	Развитие гостиничного комплекса " Теплое море" в пос. Славянка-3	СПВ-170/17 от 20.04.2017	Хасанский район
7.	ООО «Ранчо Хасан»	Освоение сельскохозяйственных угодий общей площадью 20 000 Га	СПВ 205/17 от 02.06.2017	Хасанский район
8.	ООО «Тихоокеанский балкерный терминал»	Строительство перегрузочных комплексов навалочных и контейнерных грузов в районе пгт. Славянка (1 этап)	СПВ-210/17 от 09.06.2017	Хасанский район
9.	ООО "Стивидорная компания "Славянский лесной терминал"	Создание завода по производству пиломатериалов на территории Приморского края, пгт Славянка	СПВ-215/17 от 09.06.2017	Хасанский район
10.	АО «Международный морской перегрузочный терминал»	Строительство морского перегрузочного комплекса сыпучих грузов в п. Славянка Приморского края	СПВ-240/17 от 11.07.2017	Хасанский район
11.	ООО «Фортуна»	Организация новых видов деятельности по обработке древесины и производству изделий из дерева, топливных гранул из отходов деревопереработки и выращиванию женьшеня	СПВ-373/17 от 23.11.2017	Хасанский район
12.	ООО «Эффективная энергия»	Предприятие по выращиванию ценных морских гидробионтов	СПВ-454/18 от 31.01.2018	Хасанский район
13.	ООО «Востоагроком»	Создание сельскохозяйственного предприятия по выращиванию риса на территории Приморского края	СПВ-462/18 от 02.02.2018	Хасанский район
14.	Крестьянское (фермерское)	Создание птицефермы по производству мяса индейки	СПВ-573/18 от 30.01.2018	Хасанский район

	хозяйство, главой которого является Мирошниченко Сергей Дмитриевич			
15.	ООО «КИМ»	Создание терминала по перевалке сжиженного углеводородного газа	СПВ-574/18 от 30.03.2018	Хасанский район
16.	ООО «Атлантис»	Создание производственного комплекса по глубокой переработке водных биоресурсов в бухте Новгородская	СПВ-595/18 от 04.04.2018	Хасанский район
17.	ООО «ВостокМедикон»	Строительство гостинично-жилого комплекса	СПВ-702/18 от 30.05.2018	Хасанский район
18.	ООО «АгроЭкоСервис»	Организация строительства и открытие экофермы на территории Хасанского района	СПВ-734/18 от 06.06.2018	Хасанский район
19.	ООО «Дальневосточный зерновой терминал»	Специализированный зерновой терминал в морском порту Зарубино	СПВ-834/18 от 10.08.2018	Хасанский район
20.	ООО «ВладПортЛанд»	Создание рыбопромышленного комплекса «Нарва» в Хасанском районе Приморского края	СПВ-876/18 от 07.09.2018	Хасанский район
21.	ООО «Колхоз Русановский»	Организация производства и заготовки сена в тюки и рулоны (строительство производственной базы и жилого городка для персонала на территории Хасанского района Приморского края)	СПВ-904/18 от 19.09.2018	Хасанский район
22.	ИП Мальнова Д.В.	Парк здоровья «ТАЛАССО»	СПВ-744/18 от 09.10.2018	Хасанский район
23.	«Звезда Востока» (ООО)	Туристическая база на побережье бухты «Алеут»	СПВ-963/18 от 19.10.2018	Хасанский район
24.	ООО «Евразийская международная компания»	Строительство рефрижераторного терминала, терминала по обработке навалочных, генеральных грузов мощностью до 500 тысяч тонн в год	СПВ-1000/18 от 08.11.2018	Хасанский район

Анализ реестра показывает, что 2016- 2018 гг. – это лишь время прихода резидентов на территорию Хасанского района и оформления необходимой документации.

По «Концепции» Хасанскому району отводится также и роль «точки роста в туристической сфере. Пока флагманом в рамках СПВ выступает ООО «Аквапарк «Теплое море». Эта компания успешно начала использовать режим свободной таможенной зоны (СТЗ), предусматривающий полное освобождение компаний-резидентов от уплаты таможенных пошлин*. В целом СТЗ пока воспользовались менее 2% резидентов ТОР и СПВ Дальнего Востока, поскольку надо пройти этап специального оборудования таможенного поста. В строительстве крытого аквапарка принимает участие иностранный резидент СПВ – китайская строительная кампания «Хун Бо» из приграничного китайского города Хуньчунь провинции Цилинь. Компания впервые принимает участие в строительстве объекта за рубежом и нацелена на выполнение работ без задержек[6].

Приграничный Хасанский район при такой ситуации развития событий занимает третье место по количеству запланированных рабочих мест, здесь потенциальные резиденты рассчитывают трудоустроить почти 2,5 тыс. чел.

* Основные преференции для резидентов ТОР и СПВ – льготы по налогам и страховым взносам, упрощенный порядок предоставления земельных участков, а также возможность применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны (на участках ТОР или СПВ, где создана зона таможенного контроля, затраты резидентов на оборудование которой к слову, зачастую сопоставимы с общим объемом инвестиций на реализацию проекта.

Другим приграничным районом, который вошел с 12 октября 2015 г. в зону СПВ, стал Октябрьский. Район располагает определенными трудовыми ресурсами, хотя много лет принимал иностранную рабочую силу из КНР. На 1 января 2016 г. здесь действовали 258 малых предприятий, средняя численность работников малых предприятий составила 2,2 тыс. чел., оборот малых предприятий составил 3823 млн руб. На 1 января 2016 г. численность постоянного населения района составила 27 996 чел. (1,45% от численности населения Приморского края), в т.ч. городское население – 6272 чел., сельское – 21724 чел. [9]. В 2016 г. здесь было зарегистрировано 5 первых компаний резидентов СПВ, а в 2018 г. уже насчитывалось 12. Одна из первых компаний – это ООО «Торрес», запустившая в районе производство детских подгузников; она стала первой на российском рынке, кто наладил производство этого товара премиум-класса. В 2016 г. построены производственные цеха, приобретена и установлена новая линия. На производственной площади более 1,3 тыс. кв. м выпускается до 1,5 млн штук подгузников в месяц. На заводе создано 25 рабочих мест, но в планах увеличить их до 50.

Михайловская ТОР как форма развития приграничья. Территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) — это часть территории региона, на которой устанавливается особый режим предпринимательской деятельности. Главным отличием ТОР является обеспечение резидентов инфраструктурой за счёт средств бюджетной системы Российской Федерации* [См. например, 10]. Задачей властей Приморья является обеспечение дорогами и коммунальной инфраструктурой. Электроснабжение и газификация — задача федеральных властей. Однако результаты практики сопряжения точек реализации Концепции и ТОРов на территории Приморского края пока скромные. Основным положительным моментом можно назвать решение Минвостокразвития по расширению зоны действия льготных режимов. Оно было вызвано тем, что часть инвестпроектов реализуется на участках, которые не попали в зону действия льгот. Некоторые предприятия Хорольского и Ханкайского районов в 2017 г. подали заявки на вхождение в ТОР «Михайловский» [16], которая географически располагается на трех приграничных территориях: Спасского, Черниговского и Михайловского районов. В Ханкайском районе осуществляется крупный проект «Грин Агро» по развитию молочного животноводства**. По мнению директора департамента сельского хозяйства и продовольствия Приморского края Д. Бочкарева, механизм управления ТОР «Михайловский» достаточно гибкий, не похож на другие. На протяжении нескольких лет агроходинг из КНР «Чжундин Дайри Фармин» реализует проект по созданию животноводческого комплекса в Хорольском районе.

Резюме. В рамках политики поворота России на восток наблюдались изменения в стратегии развития и приграничных территорий Приморского края. Первый итог — это концептуальное определение их хозяйственного развития. Новизна стратегии в том, что кроме функции выполнения обеспечения военной безопасности, на 10 муниципальных приграничные территории возлагается миссия «точек роста». Первые три года потрачены на организацию территориальных площадок, на которых апробируются практики новых инвестиционных проектов и активного диалога власти с бизнес-сообществом по вопросам развития приграничных территорий. Фактически два федеральных закона направлены на повышение экономической конкурентоспособности приморского приграничья, но достижение продекларированной в Концепции цели идет с большими трудностями. Принятие решений о расширении зоны действия Свободный порт Владивосток и ТОРов на приграничные муниципальные районы, с одной стороны явно говорят о том, что бюрократия развития продолжает надеяться на законы как стимулы развития предпринимательства в

* В том числе предусмотрены компенсаторные механизмы

** История "Грин Агро" началась в 2008 г, с проектного этапа еще до появления ТОРов. К строительству комплекса в Ханкайском районе Приморья, фактически в чистом поле, компания приступила в 2010 г. В 2013 г. запущена первая очередь, а в 2014 г. Ханкайский агропромышленный комплекс "Грин Агро" заработал на полную мощность: 15 тыс. га земли, 2,8 тыс. коров, более 40 тыс. литров молока. В структуру компании входит молокозавод "Артемовский».

приграничье. С другой стороны, можно все-таки зафиксировать осторожный ответ отечественных и зарубежных предпринимателей на появление законов, в частности на бюрократические инструменты, которые надо пройти при получении преференции.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Ващук А.С. Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX – начале XXI в.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Том. 10. – № 3-1. – С.30-45.
2. Ващук А.С. Развитие предпринимательства на железнодорожном транспорте и в портовом хозяйстве Хасанского района Приморского края в конце XX – начале XXI вв. // Региональные проблемы. – 2017. – Т. 20. – № 3. – С. 39–49.
3. Гараш Е.С., Овчинникова А.В. Свободный порт Владивосток. Планы, проекты, развитие // Алея Науки. [Электронный ресурс]. URL: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/17Jun/SVOBODNYY%20PORT%20VLADIVOSTOK.%20PLANYY,%20%20PROEKTY,%20RAZVITIE.pdf. (Дата обращения: 30.12.2019).
4. Гендиректор ОЗК: Арест президента ГК "Сумма" не повлиял на зерновой проект в Зарубино // Приммедиа. [Электронный ресурс]. URL: <https://primamedia.ru/news/696726/>. (Дата обращения: 30.12.2019).
5. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф.1760. Оп 2, 28,л-2; Д.488. Л. 5-5об).
6. Два года Свободному порту Владивосток. Аналитика // Администрация Приморского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.primorsky.ru/news/134109/>. (Дата обращения: 30.12.2019).
7. Запасные аэродромы для "Бурана» // Буран.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.buran.ru/htm/horol.htm/> (Дата обращения: 10.02.2019).
8. Останин В.А Свободный порт Владивосток в концепции конкурентных преимуществ //бесплатная интернет библиотека - Интернет ресурсы. [Электронный ресурс]. URL: <http://net.knigi-x.ru/24raznoe/536765-1-udk-33813-svobodniy-port-vladivostok-koncepcii-konkurentnih-preimuschestv-ostanin-d-r-ekon-nauk.php> (Дата обращения: 10.02.2019).
9. Постановление администрации Приморского края от 31.05.2017 п 197-па, от 09.08.2017 п 317-па, от 07.08.2018 п 372-па «Об утверждении региональной программы развития приграничных территорий Приморского края на период до 2020 года». (Паспорт региональной программы развития приграничных территорий Приморского края на период до 2020 года) // Кодекс. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/444743626> (Дата обращения: 30.12.2019).
10. Постановление Правительства Российской Федерации № 183 от 21 февраля 2018 г. «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета на развитие инфраструктуры территорий опережающего социально-экономического развития резидентам, инвесторам и управляющей компании, осуществляющей функции по управлению территориями опережающего социально-экономического развития в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и свободным портом Владивосток и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации // Кодекс. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/556610279>. (Дата обращения: 30.12.2019).
11. Протокол проведения общественных слушаний по проектной документации: «Специализированный зерновой терминал в морском порту Зарубино», включая материалы по оценке воздействия на окружающую среду намечаемой хозяйственной деятельности. [Электронный ресурс]. URL: <http://primhasan.ru/assets/files/publ%20slushaniya/17ps-protjkol332-pa.pdf>. (Дата обращения: 30.12.2019).

12. Распоряжение от 28 августа 2017 года №1840-р «О расширении морского порта Зарубино (Приморский край)». // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/29122/> (Дата обращения: 30.11.2019).
13. Распоряжение Правительства РФ от 28.10.2015 N 2193-р (ред. от 28.12.2016) «Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и Байкальского региона» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188419/. (Дата обращения: 30.12.2019).
14. Реестр резидентов свободного порта Владивосток // Корпорация развития Дальнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://erdc.ru/upload/reestr-spv.pdf> (Дата обращения: 12.02.2019).
15. Рыжова П.М., Бондаренко Т.Н. Изучение зарубежного опыта создания ОЭЗ – как фактор успешного развития свободного порта Владивосток // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 7–6. – С. 1043–1048.
16. ТОП «Михайловский» расширит границы в Приморье // DairyNews.ru. 10.03.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dairynews.ru/docs/tor-mikhaylovskiy-rasshirit-granitsy-v-primore.html>. (Дата обращения: 30.12.2019).
17. Фисенко А.И. Роль морских портов Приморского края в развитии транзитной функции региона в условиях создания свободного порта Владивосток // Фундаментальные исследования. – 2015. № 8 (часть 2). С. 432-439.
18. Чернолуцкая Е.Н. Англоязычная историография о состоянии военной сферы на российском Дальнем Востоке в 1990-е // Электронный научный журнал «Архонт». 2018. Выпуск № 3 (6). С.106. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/966b90_9df06f0f34f7416db764ea0e6b117d84.pdf
19. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. N 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70831204/> (Дата обращения: 12.02.2019).
20. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. N 212-ФЗ "О свободном порте Владивосток" (с изменениями и дополнениями) // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71127418/> (Дата обращения: 12.02.2019).
21. Что принесет жителям Хасанского района строительство зернового терминала? Видеорепортаж Всеволода Ставчанского// Вести Приморья. URL: <http://vestiprim.ru/news/ptrnews/52586-cto-prineset-zhitelyam-hasanskogo-rayona-stroitelstvo-krupnogo-zernovogo-terminala.html>. (Дата обращения: 30.12.2019).
22. Vaschuk A.S., Konyakhina A.P. The Modernization of Khasanskii raion in the Russian Far East: Potential, problems, and perspectives // Asian Perspective (Institute for Far Eastern Studies, Kyungnam University. Lynne Rienner Publishers). 2016. July-September. Vol. 40. №. 3. P. 435–463.

Гамалей София Юрьевна, канд. ист. наук, доцент
Кафедра государственно-правовых дисциплин
Дальневосточный юридический институт МВД России
s.u.gamaley@mail.ru

КИТАЙСКИЕ ТЕАТРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

УДК 930.85

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности развития китайских театров Дальнего Востока в конце XIX первой половины XX века. Причинами существования китайских театральных коллективов во всех дальневосточных городах конца XIX века являлось проживание китайских граждан на данной территории. Вплоть до начала 1930-х годов численный контингент китайцев сохранялся, поэтому советская власть поддерживала существование китайских театров для культурного обслуживания китайских граждан. Китайские театры обладали своей спецификой: как в репертуарном, так и в творческом плане, их популярность в зрительской среде была велика. Но усиление военной угрозы со стороны Японии, ее оккупация Маньчжурии привели к депортации китайцев на родину. В результате в 1938 г. были ликвидированы и все китайские театры, которые оставили значительный след в истории театрального искусства Дальнего Востока.*

***Ключевые слова и фразы:** китайские театры, репертуар, театральная труппа, совет национальных театров.*

Sofia Gamaley, Cand. Sc. in History. Assistant professor
Department of State and Legal Disciplines
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
s.u.gamaley@mail.ru

CHINESE FAR EAST THEATER: FEATURES DEVELOPMENT AND FUNCTIONIN

***Abstract.** The article describes the features of the development of Chinese theaters of the Far East in the late XIX of the first half of the twentieth century. The reasons for the existence of Chinese theater groups in all Far Eastern cities of the late XIX century, was the residence of Chinese citizens in the area. Up until the early 1930s, the numerical contingent of Chinese was maintained, so the Soviet government supported the existence of Chinese theaters for the cultural service of Chinese citizens. Chinese theaters had their own specifics: both in repertoire and in creative terms, their popularity in the audience was great. But the increased military threat from Japan, its occupation of Manchuria, led to the deportation of the Chinese to their homeland. As a result, in 1938 all Chinese theaters were liquidated, which left a significant mark in the history of theatrical art of the Far East.*

***Key words and phrases:** Chinese theaters, repertoire, theater troupe, council of national theaters.*

С момента своего основания Дальний Восток являлся полиэтническим регионом. В крупных городах середины XIX века проживали различные национальные группы, в том числе и китайцы, которые успешно торговали, либо работали в качестве рабочих на предприятиях региона. Многие современники тех лет удивлялись количеству китайцев на улицах крупных городов, некоторые даже называли Владивосток китайской Одессой [7].

Государственные органы власти не препятствовали деятельности китайцев, поскольку регион был мало заселён, а для его развития требовались рабочие руки.

В связи с большой плотностью китайских граждан, в культурную жизнь Дальнего Востока успешно вошел китайский театр, то место, где каждый желающий мог отдохнуть от работы. Китайцы с удовольствием посещали спектакли своих любимых театров, поэтому иногда представители местной администрации привлекали китайские театральные коллективы на общегородские мероприятия. Так, например, в 1899 г. было организовано народное гулянье с базаром для сбора средств на постройку музея в Хабаровске [7]. И лишь благодаря китайской труппе, на выступление которой пришли как китайцы, так и русские горожане, удалось собрать достаточное количество средств.

Отметим, что китайские театры работали во всех городах Дальнего Востока: так, во Владивостоке в начале XX века их насчитывалось три, а в Хабаровске - два.

Традиционный китайский театр конца XIX века был достаточно специфичен для русской публики. В основном театр находился в китайской слободке города. Однако в Хабаровске и Владивостоке китайские театры имели собственные каменные здания. Так, например, в Хабаровске располагалось «каменное здание китайского театра, которое принадлежало торговому дому Пьянкова с братьями, сдававшими его в аренду председателю Хабаровского биржевого комитета К.Т. Лихойдову и его компаньону китайцу Ма Юн-лану» [8, с. 702].

Перечисляя особенности китайских театральных коллективов, работающих на Дальнем Востоке в конце XIX - начале XX вв., можно выделить следующие: в отличие от русского театра, в китайском, фактически не было рекламы (афиш), перед началом спектакля перед входом выставлялся реквизит, задействованный в спектакле, который и должен был привлечь внимание проходящих. На входе в театр имелась касса, в которой обычно работал русский кассир. Стоимость билета зависела от места в зрительном зале (места на балконе были дешевле), кроме того, считается, что с русских брали большую цену за спектакль, чем с китайцев. Особенностью билета в китайский театр являлось то, что он покупался не на отдельно взятый спектакль, а на весь день, в течение которого можно было посмотреть несколько пьес, а также акробатические номера. Зритель мог в любое время покинуть театр, а мог и вернуться через некоторое время и продолжить просмотр спектаклей.

На Дальнем Востоке китайские театры работали ежедневно. Вот что можно прочитать о деятельности китайского театра в Благовещенске: «Пьеса идет за пьесой непрерывно, лишь короткая игра оркестра составляет интервалы. Утомившийся от пения артист поворачивается к публике спиной, отходит в глубь сцены и промачивает горло водой. Простота удивительная. Публика во время представления галдит, пьет пиво, чай, грызет семечки, но слушает и выражает криком свое одобрение» [7].

Внутреннее убранство помещения театра было простым, а сцена, ложи, перила даже не покрашены. Зрительный зал состоял из партера и балкона. В партере располагались столы и стулья, поскольку посетитель театра мог поесть и попить во время спектакля. Отметим также, что места в зрительном зале не нумеровались, и каждый, кто приходил, выбирал себе место сам из свободных. Для рассадки посетителей на входе в зрительный зал находился специальный человек - капельдинер, который приветствовал зрителя, отыскивал ему место, клал подушку на сиденье и даже приносил чайник чая. Капельдинер предлагал купить программку спектакля, ее стоимость была различной и зависела от качества бумаги и штампов [5, с. 73].

Сцена любого китайского театра отличалась отсутствием занавеса, декораций и суфлерской будки. В центре сцены размещался диван или скамья, на котором сидели музыканты. При этом каждый музыкант мог играть на разных инструментах, в результате их было больше, чем самих музыкантов.

Театральные декорации китайского театра всегда условны: так, горы изображали составленные столы, а если «нужно изобразить переправу через реку - актер садится на

пол и начинает грести руками, словно веслами», «нужно представить наездника - актер берет в руки плетку и, помахивая ею, расхаживает важно по сцене»[7]. Но, несмотря на отсутствие декораций, костюм китайского актера был произведением искусства, на ткань, пошив, вышивку тратились большие средства, часто использовались маски.

Китайский театр имел длительную историю, в течение которой сложились различные театральные направления. На Дальнем Востоке одним из наиболее популярных направлений была Пекинская музыкальная драма. По содержанию пьесы, которые ставила китайская труппа, делились на бытовую комедию, историческую драму, характерную пьесу и мифологическую пьесу.

Несмотря на положительные отзывы о работе китайских театров региона, большое количество китайцев на спектаклях вызывало обеспокоенность дальневосточных властей. Так как театры посещала разная публика, во время спектаклей наблюдались случаи воровства и грабежа [7]. Следствием этих фактов стало закрытие китайских коллективов в отдельных городах Дальнего Востока. Например, в начале XX века закрыли китайский театр в Благовещенске. Более того, по сообщению губернатора Сахалинской области, «Ван Шутан, давая со своей труппой в минувшем году массовые представления, причинил немало хлопот местной полиции, в результате было издано распоряжение губернатора Сахалинской области о выезде китайского коллектива из города» [7].

Однако власти не всегда шли на такие кардинальные меры, чаще всего китайским театральным коллективам рекомендовали получить в Восточном институте разрешение на постановку тех или иных пьес. Иным ярким примером цензуры может стать требование разрешать полиции посещать постановки театра для контроля, при этом при данных посещениях был обязан присутствовать переводчик для синхронного перевода спектакля. Но эти распоряжения не вносили существенных коррективов в работу китайских театров, поскольку русских посетителей в театрах было немного.

Если обратиться к деятельности китайской труппы, отметим, что ответственность за нее нес антрепренёр, как и в русских театрах, он занимался подбором труппы, оплатой труда, снабжал актеров провизией. Еще одной задачей антрепренёра, исключительно в китайских театрах, был подбор учеников, чаще он находил их в многодетных семьях. Профессиональный актер обучал ученика, по окончании обучения молодой артист в течение трех лет работал бесплатно, а его заработок шел учителю. В китайских театрах работали мужчины, однако на сценах дальневосточных городов можно было встретить и женщин. Причем численный состав труппы мог достигать 100 человек.

Естественно, что для русского населения китайский театр был невиданной и неслыханной экзотикой, развлечением, нередко спектакли встречали полнейшее непонимание русского зрителя. Но целью китайского театра было не достижение популярности в русской зрительской аудитории. Он работал на конкретного зрителя – китайцев, которые проживали на Дальнем Востоке, делал их жизнь более красочной и разнообразной, и это, безусловно, давало свои результаты, китайцы по-своему уважали и любили Дальний Восток, способствовали его росту и процветанию.

Советская власть, утвердившаяся на Дальнем Востоке после окончания Гражданской войны, продолжила политику по сохранению китайского контингента в регионе. По данным переписи 1926 г., в крае проживало 1291,3 тыс. чел. Из них 64939 человек составляли китайцы [б.с.28].

Успешная национальная политика, проводимая советскими органами власти в центре и на местах, затронула и китайское население. Как угнетаемому народу, со стороны западных и восточных держав, органы советской власти оказывали им всестороннюю поддержку, для будущей «коренизации» данного народа.

К середине 1920-х годов советская власть обращает внимание на то, что китайцы не стремятся получать советское гражданство и продолжают работать в крае на правах иностранного контингента. Это не устраивает органы власти, и они решают начать

массовое заселение региона советскими гражданами из центральной полосы России при помощи новой переселенческой политики [4.с.7].

Одновременно в связи с ростом конфликтов на КВЖД, НКВД издано постановление (от 15 июля 1927 г.), которое обязывало всех иностранных граждан, проживавших на территории РСФСР, иметь установленные виды на жительство. В результате количество китайцев, проживающих в крае, уменьшается, и их пополнение могло происходить только за счет естественного прироста. Хотя поддержка в отношении китайского населения со стороны советских органов власти продолжается. В том числе это проявилось в сохранении, а в будущем и в реорганизации китайских театров.

К 1926 г. китайские театры сохранились и успешно работали во всех крупных городах Дальнего Востока (Хабаровск, Никольск – Уссурийск, Николаевск-на-Амуре, Владивосток, Благовещенск), они все еще оставались традиционными как по способу организации, так и по характеру репертуара.

С 1927 г. по всей стране начинается театральная реформа, на совещании при Агитпропе, проходившем в Москве, было принято решение о вытеснении антреприз и создании централизованной системы управления театрами страны.

В результате китайская труппа Хабаровского театра перешла в руки творческой артели, которой и предстояло заниматься ее комплектованием и созданием собственного репертуара [1.с.23]. Артель начала свою работу с переоборудования зрительного зала: ликвидации столиков для еды. Далее последовало требование включить в репертуарный план театра пьесы советского содержания. Данные требования устроили не всех, в результате за период 1927-1929 г. количество китайских театров сократилось. В 1929 г. все оставшиеся театры перешли в ведение Краевого управления театрально-зрелищными предприятиями [3.с.17], это коснулось и коллективов китайских театров, работающих в Хабаровске и Владивостоке.

Следующим шагом на пути реформирования китайских театров стало создание в 1930-м году Комиссии по обследованию условий работы во всех китайских театрах края. Проведенное обследование показало, что качество воспитательной, общественно-политической работы в китайских коллективах слабое, большинство зданий нуждаются в ремонте, зрительный зал не везде реконструирован. Естественно, что было принято решение завершить реконструкцию китайских театров по подобию советских. В результате китайский театр потерял свой колорит, превращался в обычный для того времени театр, единственным отличием был обслуживаемый контингент - китайский зритель.

Однако данные перемены были положительно встречены со стороны молодых китайских актеров театров, которые позитивно воспринимали коммунистические идеи, мечтали о строительстве нового общества, желали остаться жить и работать в советской стране.

В результате в 1930-м году группа китайских актеров создает при китайском театре г. Владивостока театр рабочей молодежи (ТРАМ). Данные театры были уникальным явлением в истории советского театрального искусства; созданные в эпоху перемен, они использовали новаторские подходы в постановке пьес, отказывались от классической драматургии, искали собственные творческие пути. Именно таким был и коллектив китайского ТРАМа г. Владивостока.

В 1931 г. в Москве создается Совет национальных театров, задачей которого являлся контроль над всеми национальными коллективами страны, в том числе и над национальными театрами Дальнего Востока. Решением совета стало объединение китайских коллективов Хабаровска и Владивостока в Краевой китайский театр г. Владивостока. Таким образом, к 1932 г. китайские театральные коллективы в других городах края окончательно прекратили свое существование. С одной стороны, это было связано с оттоком китайского населения с региона, с другой - с обострением международной обстановки в связи с оккупацией Японией территории Маньчжурии.

Однако, несмотря на изменения политической конъюнктуры, повлиявшей на творчество китайских коллективов, отношение к китайскому театру оставалось доброжелательным. Ярким примером этого станет приглашение китайского ТРАМа принять участие во Всесоюзной олимпиаде искусств, проходившей в Москве в 1932 г. По результатам олимпиады творчество китайских артистов было высоко оценено, а режиссер В.Э. Мейерхольд предложил наладить творческое сотрудничество с артистами китайского театра [2.с.5].

Последним этапом работы китайского театра на территории края станет период 1933-1937 годов. За это время было поставлено 12 новых спектаклей, среди них пользовались популярностью пьесы на китайском языке: «Ли-Ма-Ху», «Фан-Ман-Ки», а также русскоязычные постановки: «Золотой петушок» и «Маньчжурские события». Как и во всех театрах страны, артисты китайского театра вели активную общественную работу. В театре работал кружок противовоздушной обороны, касса взаимопомощи, артистами изучался краткий курс ВКП(б). При театре была организована и театральная студия, которая готовила молодые актерские кадры.

Однако 1930-е годы стали для СССР периодом начала массовых репрессий в отношении различных социальных и национальных групп. Усиление военной угрозы со стороны Японии изменило отношение государственных органов к китайской диаспоре края. Первым шагом к будущей ликвидации Краевого китайского театра станет сокращение государственных дотаций, снижение заработной платы актерскому составу. Но коллектив продолжать успешно функционировать. В 1937 г. на пятой конференции работников искусств, состоявшейся в г.Хабаровске, было заявлено, что «китайские артисты, не имеющие российского гражданства, довольно часто посещают китайское консульство за визой на жительство в обмен паспорта, что является явной лазейкой для шпионской работы» [3.с.40]. Это заявление как бы официально объясняло причины массовых репрессий против китайцев.

В 1937 г. в отношении китайцев, проживающих на территории края, органами НКВД были проведены три масштабные операции. С декабря 1937 г. по март 1938 г. Приморским УНКВД было арестовано 5993 китайцев, в мае 1938 г. 2853 из них освободили и выслали на родину [6.с.141]. Одновременно были арестованы директор китайского театра А.М. Кирюченко и несколько артистов, а летом того же года китайский театр и китайский ТРАМ были закрыты.

Так прекратили свое существование уникальные национальные коллективы региона, которые радовали китайского и русского зрителя на протяжении почти 80 лет.

В современных условиях развития Дальнего Востока, когда в регионе проживают китайские граждане, мы мало видим примеров гастрольной деятельности китайских театральных коллективов. Хотя накопленный исторический опыт сотрудничества между Россией и Китаем доказывает необходимость налаживания культурных связей, в том числе и посредством театрального искусства.

Список источников, литературы и электронных ресурсов

1. РГАЛИ (Российской государственной архив литературы и искусства). Ф.645. Оп.1. Д.284.
2. РГАЛИ. Ф.963.Оп.1. Д.57.
3. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф.1291. Оп.1. Д.2.
4. ГАХК. Ф.137. Оп. 3. Д.16.
5. Мэй Лань-Фан. Сорок лет на сцене. - М.: Искусство, 1968. - 499 с.
6. Пикалов Ю.В. Переселенческая политика и изменения социально-классового состава населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922- июнь 1941). – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2003 – 214 с.

7. Преснякова Л.В. Традиционный китайский театр на русском Дальнем Востоке и в полосе отчуждения КВЖД в конце XIX и начале XX века [Электронный ресурс]URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnyy-kitayskiy-teatr-na-russkom-dalnem-vostoke-i-v-polose-otchuzhdeniya-kvzhd-v-kontse-hih-nachale-xx-v> (Дата обращения 31.03.2019).
8. Петров А.И. История китайцев в России. 1856-1917 годы. - СПб.: Береста, 2003. - 960 с.

Гераськин Юрий Вениаминович, докт. ист. наук, проф.
Кафедра истории России
Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина
gera56@inbox.ru

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ СВЯЩЕННИКА СИМЕОНА (ТЕПЛОУХОВА): ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ВЕРЕ

УДК 322

Аннотация. В данной публикации освещается история жизни и служения священника Симеона (Теплоухова). Ее нельзя назвать заурядной. 25 лет жизни прошли в китайском городе Харбин, куда Семен Теплоухов попал в конце Гражданской войны. Там он получил образование и приобщился к церкви. После репатриации работал на Дальнем Востоке. Дальнейшая жизнь была связана с церковным служением в Рязанской епархии. В конце 50-х годов о. Симеон был использован властью в антирелигиозной кампании по разрушению церковной организации: он публично отрекается от веры и покидает лоно церкви. После политических изменений 1991 г. и возрождения РПЦ через покаяние возвращается к служению. Оставил после себя интересные воспоминания о пережитом.

Ключевые слова и фразы: эмиграция, переводчик, церковь, священник, отречение, апостасия, служение.

Yuri Geraskin, Doc. Sc. in History, Professor
Department of Russian History
Ryazan State University

THE LIFE OF THE PRIEST SIMEON (TEPLOUKHOV): THORNY WAY TO FAITH

Abstract. This publication covers the history of the life and Ministry of the priest Simeon (Teploukhov). It cannot be called ordinary. 25 years of life were spent in the Chinese city of Harbin, where Semyon Teploukhov got at the end of the Civil war. There he was educated and joined the Church. After repatriation he worked in the Far East. Further life was connected with Church service in the Ryazan diocese. In the late 1950s, FR. Simeon was used by the authorities in an anti-religious campaign to destroy the Church organization: he publicly renounced his faith and left the Church. After the political changes of 1991 and the revival of the Russian Orthodoxy through repentance returned to service. He left some interesting memoirs about their experiences.

Key words and phrases: emigration, translator, Church, priest, renunciation, apostasy, mission.

В СССР в период хрущевских гонений на религию в среде духовенства появляются вероотступники. Феномен апостасии (отпадения, отступничества, измены) наблюдался в религиозной практике советской эпохи и ранее. Апостаты (христиане, утратившие веру) возвращались властью и в лице обновленцев еще в 20-30-е гг., но при этом привлечение священников к антирелигиозной пропаганде ранее не практиковалось. Предательство же представителей обновленческого направления внутри церковной организации заключалось в том, что они предавали Церковь в руки безбожной власти, были гонителями канонического Православия и в то же время сохраняли звание церковных людей [22].

В 1952 г. публично порывает с религией кандидат богословия Е. Дулуман. Его уход

был актом громким, но широкого резонанса и последователей не имел. После разрыва с Церковью Дулуман вернулся в родную деревню рядовым колхозником и лишь спустя годы, после получения двух высших образований стал работать референтом в обществе «Знание».

В 1959 г. в стране насчитывалось порядка 200 церковных ренегатов [15, с.281]. В Рязанской епархии от сана отказались трое священников: С. Теплоухов, С. Ларин, П. Садовников [5, л.10-11; 12]. В целом по 1-3 церковных ренегата было стандартной нормой для всех епархий Московской Патриархии. Рупором ренегатства стал профессор Ленинградской Духовной Академии А. Осипов, опубликовавший в "Правде" в декабре 1959 г. статью, хулившую Бога. 30 декабря 1959 г. постановлением Священного Синода вероотступники были отлучены от Церкви [11, с.27].

К публичному отречению приводили внутренний кризис, страх, сформированный в сталинскую эпоху, деморализация, неудовлетворенность практикой церковной жизни, «нестыжательские» мотивы и, конечно же, давление со стороны власти. Большую заинтересованность в компрометации Церкви имели идеологические структуры партии. Именно они подключали к давлению на потенциальных ренегатов КГБ, который был в хрущевский период не так автономен, как ранее, и потому самостоятельно «ренегатскую» линию, без ведома высших партийных инстанций не вел. К поиску потенциальных ренегатов, разумеется, были подключены уполномоченные, которые, используя всяческое давление и посулы, пытались подталкивать священников к публичному отречению от Бога. Архимандрит Авель (Македонов) вспоминал, что ярославский и рязанский уполномоченные несколько лет не давали ему регистрацию, склоняя к отречению [9, с.44-45].

Были и обратные мотивы, заключающиеся в стремлении найти хорошо оплачиваемую работу в светской жизни, общественное признание. В любом случае мы имеем дело не только с явлением апостасии, но и с актами глубокой человеческой трагедии.

В основе разрыва чаще лежали не корыстные мотивы, но личные качества человека, малодушие и трусость. В условиях массированного давления на Церковь, предпринятого Хрущевым, происходило деформирование сознания и религиозного и безрелигиозного. Организовать контрпропаганду РПЦ в период хрущевских гонений не могла (единственной контратакой было критическое выступление Святейшего Патриарха Алексия на конференции советской общественности за разоружение в феврале 1960 г.). Поэтому нестойким в вере людям показалось, что корабль Церкви тонет. С философско-религиозной точки зрения это был, по меткому выражению И. Ильина, «акт внутренней измены своему духовному центру» [12, с.408-412]. Немаловажными факторами, подталкивающими к измене, были шантаж и наличие политического компромата. Показательна в этом смысле уникальная судьба священника Симеона (Теплоухова). Родился в 1916 г. в г. Кушва на Урале. Отец, служивший прапорщиком, погиб в Первую мировую войну. Мать вышла замуж повторно. В 1920 г. Семен вместе с семьей оказался в эмиграции в Китае, в Харбине.

Родители дали мальчику хорошее образование. Семен поступил в русскую гимназию. В гимназии он познакомился с преподавателем закона Божьего отцом Иннокентием, который уделял мальчику много внимания. Классным наставником Семена Теплоухова стал сын епископа Хайларского Димитрия (Вознесенского), Георгий Вознесенский, впоследствии – третий Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей, митрополит Филарет (Вознесенский) [23, с.23-24, 27]. Под их влиянием Семен Теплоухов по окончании гимназии окончил реальное училище и поступил на Пастырско-богословские курсы при Институте святого князя Владимира. По данным известного исследователя русской церковной эмиграции в Маньчжурии С.Н. Бакониной, богословские курсы существовали с 1927 по 1934 год [1]. Данные курсы являлись «центром всей интеллигентной церковной молодежи» [2, с.240] Харбина. Тяга к знаниям и успех, с которым Семен овладевал науками, привели его в военное училище легитимистов [23, с.31-32], поддерживавших идею о реставрации монархии в России во главе с ветвью великого князя Кирилла Владимировича Романова. Там он окупился в политическую и общественную жизнь того времени. Принял участие в движении скаутов. Вскоре был выбран редактором студенческого журнала «Юнкер» [24]. По

окончании училища Семен Теплоухов был произведен в чин подпоручика. «Однако присвоение офицерского звания не принесло ему особой радости. Он устал от бесконечных споров и дискуссий, от необходимости заниматься тем, что было ему не по душе. Семен поступил на юридический факультет Бинцзянского университета, а затем еще и на теологический факультет института св. князя Владимира... Несмотря на большую нагрузку в институте, занимался еще и психологией, историей, тибетской медициной. А по воскресным дням и православным праздникам участвовал в качестве иподьякона в архиерейских службах Дмитрия в Софийском соборе» [23. с.34,36]. Полученные знания существенно расширили кругозор, но проблема трудоустройства в Харбине являлась весьма серьезной. «Когда Семену Теплоухову выдали, наконец, диплом адвоката, практиковать он не смог: чтобы получить место, нужны были большие деньги и связи» [23,с.38].

По окончании юридического факультета в 1938 г., Теплоухов вступил в брак с девицей Ольгой Александровной Фарафоновой, которая была дочерью работника просвещения из Сибири [17]. В это время различные белоэмигрантские офицерские организации, активно сотрудничавшие с японской администрацией в общей борьбе с советскими агентами. Профашистское Бюро русской эмиграции все более настойчиво требовало от русской молодежи вступать в военные отряды Маньчжурской армии «Осана Бугай», от чего подпоручик С.Н. Теплоухов всячески уклонялся, и в результате публичного отказа оказался изгоем в белоэмигрантском обществе. Многие вчерашние друзья, стремившиеся продолжить борьбу с красными в России, не понимали поступок Семена. Найти работу после этого стало еще труднее. «К тому времени Семен уже женился, но жил по-прежнему с родителями, так как перебивался случайными заработками. Однако Семен не собирались сдаваться: с утра ходил по городу в поисках рабочей вакансии или случайного заработка, а по вечерам занимался на различных курсах. В этот самый трудный период своей жизни он хорошо изучил японский, китайский, английский языки, а также переплетное, бухгалтерское дело. Он не стеснялся никакой работы - развозил на велосипеде по домам различные товары и продукты, работал на стройке, страховым агентом, расклеивал афиши...»[21, с.37-39]. После работы Теплоухов много читал, изучал тибетскую медицину и даже гальванопластику [2, с.38]. Устроившись личным секретарем епископа Дмитрия (Вознесенского), Теплоухов на некоторое время получил пусть малооплачиваемую, но постоянную работу. В этой должности Семен Теплоухов «оказался в числе тех, кто, так или иначе, способствовал присоединению приходов русской православной церкви в Китае к Московской Патриархии». «Благодаря хлопотам своего тестя Александра Фарафонтова Семен Теплоухов сумел устроиться на работу в японское коммерческое информационное бюро, продолжая участвовать в богослужениях в качестве иподиакона архиепископа Дмитрия (Вознесенского). Вскоре последовала его хиротония в сан диакона [23, с.42,44] с определением в клир Софийской церкви г. Харбина. Им был подготовлен доклад о возможной организации Духовной миссии в Маньчжурии, целью которой должна была стать проповедь Православия китайскому населению. Сведения, содержащиеся в докладе... о Симеона были отмечены иерархом Московского Патриархата епископом Елевфрием (Воронцовым), прибывшим в 1945 г. в Харбин с целью изучения церковной жизни и обстановки на месте»[8, с.142- 144, 146].

В августе 1945 г. СССР начал боевую операцию против японских войск в Маньчжурии. Данное событие было с восторгом встречено симпатизировавшей СССР частью русской эмиграции. После взятия Харбина отрядом советских десантников и сдачи японского гарнизона, прошел парад советских войск, который собрал до 20 тыс. жителей города, приветствовавших советские войска. Однако радость освобождения длилась недолго, вскоре начались аресты, репрессии со стороны победивших маоистов, в результате чего десятки тысяч русских эмигрантов покинули Харбин, уехав в Австралию, Японию. Однако многие репатриировались в СССР. Диакону Симеону Теплоухову также поступило предложение о переезде в СССР, с гарантией устройства на работу. «Советские войска нуждались в опытных переводчиках, знающих японский и китайский языки. Их искали везде, особенно

среди патриотически настроенной части русской эмиграции. Семен Николаевич знал об этом и, когда к нему обратились с просьбой оказать помощь, не был удивлен. Более того, она прямо совпадала с его решением вернуться на родину». Вскоре архиепископ Димитрий (Вознесенский) дал благословение на переезд, и в 1946 г. семья диакона Симеона Теплоухова выехала во Владивосток. На новой работе Теплоухов не скрывал своих религиозных убеждений [23, с.45; 2, с.38].

В 1946-1947 гг. он работал переводчиком китайского языка в одной из воинских частей Владивостока. Потом работал в погранвойсках в Имане (ныне г. Дальнереченск), его убеждали сбрить бороду, снять нательный крест и обещали при этом условия звание майора административной службы. Сослуживцы, приходя гости, видели на стенах иконы. Многие советовали убрать их подальше, не идти на конфликт с властью.

Когда после выздоровления от тифа он съездил в командировку в Китай вербовать из рядовых китайских крестьян информаторов и перевез семью в Россию, случилась неприятность.

Он подвергся преследованию со стороны начальника управления погранвойск, который привык разговаривать с подчинёнными некорректно, не стесняясь при этом материться. Когда он выругался в адрес Теплоухова, тот потребовал публичного извинения за оскорбление. В отместку начальник принудительно направил Семёна Николаевича в психиатрическую лечебницу.

В 1948 г. о. Симеон работал на Дальневосточной научно-исследовательской базе АН СССР в должности младшего научного сотрудника, занимаясь переводом. Чудесное спасение от заражения крови потребовало исполнения данного им обета – вернуться в церковь. Епископ Владивостокский и Хабаровский Гавриил потребовал уволиться со службы. Был сразу же уволен, когда заявил, что находится в сане [16, с.244]. В декабре 1948 г. был поставлен сверхштатным диаконом Никольской церкви во Владивостоке, в январе 1949 г. рукоположен в сан священника. В июне 1949 г. епископ Хабаровский и Владивостокский Гавриил (Огородников) ходатайствовал о назначении о. Симеона вторым священником Христорождественской церкви Хабаровска.

При переходе епископа Гавриила (Огородникова) на служение в Вологодскую епархию в августе 1949 г. и священник Симеон Теплоухов последовал за ним [10]. В Вологде о. Симеон служил около 2-х лет, оттуда поступил на заочный сектор Ленинградской Духовной Академии. По семейным обстоятельствам, по причине частых болезней детей, Теплоухов переезжает в Рязань, где становится клириком Рязанской епархии. С этого момента вся жизнь Теплоухова была связана с Рязанской областью. Рязанский архиепископ Николай (Чуфаровский), получив положительную характеристику, подписанную архиепископом Гавриилом, решил, что «отец Симеон сумел чем-то очень уж расположить к себе владыку Гавриила», либо тот просто перехвалял подчиненного. Поэтому направил Теплоухова в один из самых захудалых приходов - в Троицкий храм с. Тума [23, с.49-50]. В Троицкой церкви о. Симеон служил вторым священником, но вскоре был переведен настоятелем в храм Боголюбской иконы Божией Матери с. Зимарово Захаровского района, где большой пятиглавый храм находился в аварийном состоянии. Трудями о. Симеона храм был отреставрирован, произведен большой ремонт, частично на епархиальные средства. В небольшом селе не только возродилась церковная жизнь, но и в этот же период в приход был направлен второй священник, иерей Константин Смирнов. Оценив способности о. Симеона, правящий архиепископ дважды награждал его [20].

Когда Теплоухов служил в Зимаровской церкви, он арестовывался. Имущество жены было описано. Ему инкриминировали то, что в 1952 г. в обход правил пытался оформить прописку, устроившись в качестве сезонного рабочего в совхозе «Коммунар» Московской области. Попал в "разработку" МГБ [5, л.4]. Можно предположить, что "зацепка" осталась и явилась тем обстоятельством, которое позднее подтолкнуло Теплоухова на публичный разрыв с Церковью, отречение от Бога. По данным тульского краеведа Т.В. Георгиевской, «более года, в 1958 - 1959 гг., о. Симеон Теплоухов являлся клириком Тульской епархии

РПЦ и служил в Покровской церкви с. Новоселебное Болоховского района Тульской области, затем некоторое время являлся штатным священником Спасской церкви г. Тулы. В 1959 г. был почислен за штат в связи с переходом обратно в Рязанскую епархию»[21, с.588]. Был поставлен служить в Скорбященском храме Рязани.

С заявлением об отречении от священного сана выступил в рязанской областной газете [17]. Сначала избирает профессию бригадира, становится заместителем начальника отдела кадров одного из местных предприятий. Затем, повторяя путь Осипова, становится лектором по атеизму [6, с.123; 7, с.424-426]. Правда, нередко в его лекциях излагалась история религии, что вызывало нарекания партийных работников. О его судьбе было написано несколько книг и статей. Позже вел в Рязанском институте культуры курсы по изучению китайского языка - с 1993 г. Теплоухов являлся почетным членом культурно-лингвистического центра «Мэй Хуа» в г. Рязани, объединяющего знатоков китайского языка [14].

Теплоухов был женат дважды: жена, приехавшая с ним в Россию, умерла, и он женился вторично. Одна старшая дочь жила в Германии, другая в Москве, семья старшего сына в Твери, двое внуков - в Рязани [16].

В конце 80-х гг. принес покаяние и не сразу, но был допущен митрополитом Симоном (Новиковым) к служению заштатным священником в Скорбященской церкви Рязани. Многие прихожане шли к нему исповедоваться [3, с.70]. Долгие годы руководил приходской воскресной школой для взрослых. Написал и опубликовал в конце 80-х гг. в Рязани книгу «Двадцать пять лет в Китае» [19], планировал издать книгу «Пятьдесят лет в СССР». Умер в 2008 г.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Баконина С.Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920-1931 гг.: На материалах Харбинской епархии. - М., ПСТГУ, 2014.
2. Борознова Н. Две жизни (о рязанском священнике С. Теплоухове, порвавшем с религией) // Наука и религия. - М., 1979. - №8.
3. Бочков П. Протоиерей Симеон Теплоухов: возвращение в церковь – через лишения, отречение и атеизм // Рязанский богословский вестник.- 2017. - №2(16).
4. Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). / Авт.-сост. О.В. Косик. Т.1. - М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2005.
5. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-5629. Оп.1.Д.52; Д.67.
6. Гераськин Ю.В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х-70-е годы XX века). - Рязань, 2007.
7. Гераськин Ю.В. Драма выбора: метаморфозы веры и атеизма в судьбе одного священника // История: перекрестки и переломы. Материалы международной научной конференции. Волгоград, 14-15 мая 2007 г. – Волгоград: Изд-во «Перемена», 2007.
8. Доклад епископа Елевферия (Воронцова) и священника Григория Разумовского о пребывании в Манчжурии в 1945 году // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. - М., 2007. Вып. 2 (23).
9. Евсин И. Было много чудес... Удивительные истории из жизни архимандрита Авеля (Македонова). - Рязань, 2007.
10. Жамков Алексей. История Вологодской епархии 1943 - 1991 гг. Ч. 2. // Православие [Электронный ресурс]. - 2017. URL: <http://www.pravoslavie.ru/31686.html> (Дата обращения 30.01.2019).
11. Журнал Московской Патриархии (ЖМП). - 1960. - №2.
12. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. - Издательство Белорусского Экзархата, 2006.

13. Ларин С. Не могу молчать! // Приокская правда. - 1959. - 10 дек.; Благодарю вас, люди! // Рязанский комсомолец. - 1962. - 28 апр.
14. Люди МЭЙ ХУА [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://www.slivamei.narod.ru/simple-07.html> (Дата обращения я 30.01.2019).
15. Поспеловский Д. Русская православная церковь в XX веке. - М., 1995.
16. Религия и власть на Дальнем Востоке России. Сборник документов Государственного архива Хабаровского края. - Хабаровск: Издательский дом «Частная коллекция», 2001.
17. Сафронова Елена. Пусть памятником будут эти строчки // История, культура и традиции Рязанского края [Электронный ресурс].- 2017. Режим доступа: <http://www.history-ryazan.ru/node/2667> (Дата обращения:30.01.2019).
18. Теплоухов С. Отрекаюсь! // Приокская правда. - 1960. - 27 марта.
19. Теплоухов С.Н. Двадцать пять лет в Китае. - Рязань, 2002.
20. Троицкий храм в с. Китово Касимовского района Рязанской обл. [Электронный ресурс]. 2017 - URL: <http://kitovo-tc.narod.ru/kirchendiener.htm> (Дата обращения: 30.01.2019).
21. Тульский синодик 1558 – 2009 /Редактор-составитель Т.В. Георгиевская.- Тула: Гриф и К, 2009.
22. Фирсов С.Л. Апостасия: «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. - СПб., 2004.
23. Харазов В.Л. Трудные истины бытия. - М., 1979.
24. Яковлев В. Бригадир Теплоухов против иерея Семена (о бывшем служителе церкви) // Рязанский комсомолец. - 1965. - 4 дек.

Головин Сергей Александрович, д-р ист. наук, доцент,
профессор кафедры истории России и специальных исторических дисциплин
Благовещенского государственного педагогического университета
gol_70@mail.ru

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА В ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В 1920–1930-е гг.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

УДК 908

Аннотация. Данная статья обращена к страницам истории Дальнего Востока России 1920–1930-х годов. В ней рассматривается китайская диаспора в социальной структуре населения Дальневосточной области (Дальневосточного края) СССР, анализируются её место в социально-экономической структуре региона того времени, особенности её демографического состава, прослеживается её судьба в аспекте национальной политики советского государства того времени.

Ключевые слова и фразы: Дальний Восток России, этнос, китайская миграция, диаспора, торговля, внутриэкономический и внешнеэкономический баланс.

Sergey Golovin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Russian History and Special historical subjects Department
Blagoveshchensk State Pedagogical University.
gol_70@mail.ru

CHINESE DIASPORA IN THE ETHNOSOCIAL POPULATION OF THE FAR EAST OF RUSSIA IN THE 1920–1930s: HISTORICAL EXPERIENCE

Abstract. This article addresses the pages of the history of the Russian Far East in the 1920–1930s. It examines the Chinese diaspora in the social structure of the population of the Far Eastern Region (Far Eastern Region) of the USSR, analyzes its place in the socio-economic structure of the region of that time, its demographic composition, and traces its fate in the aspect of the national policy of the Soviet state of the time.

Key words and phrases: Far East of Russia, ethnos, Chinese migration, diaspora, trade, internal economic and external economic balance.

Ключевым понятием, объединяющим все элементы этнической структуры, является *этнос* — исторически сложившаяся устойчивая группа людей, отличающихся общностью происхождения, языка, территории (не всегда), культуры, идентифицирующих свое единство и отличие от подобных образований (обладающих самосознанием).

В «идеальном» типе общества такие параметры индивида, как «раса», «этническая принадлежность», выступают не вертикальными, иерархическими характеристиками, а горизонтальными, по которым невозможно определить место индивида на социально-иерархической, классовой лестнице общества. Однако такая ситуация свойственна только для теоретического построения, а не для конкретных типов обществ. В многообразных исторических типах обществ на разных этапах их развития этническая принадлежность влияла на классовое положение индивидов. Этническое меньшинство или большинство нередко занимали определённое место в высших, средних или низших классах общества, оказываясь в привилегированном или дискриминируемом положении в силу именно своей этнической принадлежности.

Этносоциальная стратификация — это упорядоченная иерархия этнических статусов,

проявляющаяся в неравенстве этнических групп по уровню жизни, престижа, перспектив социальной мобильности, объёма власти, места в общественном разделении труда. В связи с этим отметим, что в 1925 г. американским социологом Эмори Богардусом (1882–1973) была разработана первая шкала социальной дистанции, выявляющая престиж представителей различных наций в общественном мнении. Данная шкала оценивает установки представителей одной этнической группы по отношению к другой, предлагая опрашиваемым вопросы, представляющие собой пункты следующей шкалы: 1) возможность установления родства посредством брака; 2) членство в одном клубе на правах близкого друга; 3) соседство на одной улице; 4) общая занятость в «моей» профессии; 5) общее гражданство в «моей» стране; 6) присутствие в «моей» стране только в качестве посетителей; 7) нежелательное присутствие в «моей» стране [1].

Этническое неравенство является результатом воздействия механизмов административно-политической власти в лице государства и его органов, ставящих этносы в неравное положение (лояльные и нелояльные, привилегированные и дискриминируемые). Здесь этническая стратификация выступает как самостоятельное социальное явление.

Однако разные этносы в силу своей цивилизационной специфики неодинаково приспособлены к условиям доминирующего типа культуры конкретного общества. В результате одна этническая культура способствует вертикальной мобильности индивидов из своей среды, а другая ей препятствует; одна этническая культура легко вписывается в доминирующие механизмы общественной жизни, другая — напротив. В этом аспекте этническая стратификация выступает следствием социальной дифференциации в совершенно иных срезях социального пространства.

Нередко этническая стратификация является результатом социально-территориальной стратификации того или иного типа. Многие этносы оказываются внизу этносоциальной пирамиды не в силу политически-культурного фактора, а вследствие занятия ими территории с крайне неблагоприятными климатическими условиями. В этом случае этническое неравенство носит производный вторичный характер, причиной же низкого статуса является не этнос, а территориально-пространственная стратификация.

Советское социальное пространство структурировалось в первую очередь государством, формировавшим основную часть формальных и неформальных статусных позиций в стране. Иными словами, этносоциальная иерархия выступала в первую очередь как результат социального конструирования на основе логики государственной целесообразности. Формально идеология советского общества декларировала равенство (вначале только формальное, а затем и фактическое) всех этносов страны. Однако в реальной политике прослеживалась тенденция выстраивания этносов в иерархию. Советское государство унаследовало некоторые механизмы этносоциальной стратификации от политического режима имперской России. В истории СССР были периоды, когда правящая элита конструировала образ врага с чёткими этническими признаками, обвиняла в нелояльности к режиму весь этнос и принимала по отношению к нему упреждающие меры безопасности (депортации).

Тем не менее, ещё раз подчеркнем, фактическое этносоциальное неравенство является не только результатом государственной политики, но и следствием действия других социальных механизмов. Чем совершеннее хозяйственный уклад этноса, чем интенсивнее используются при этом естественные производительные силы и богатства населения региона, чем большая численность населения может найти средства к существованию на одной и той же по величине площади, тем выше уровень устойчивости, стабильности определенной этнической группы в социальной структуре общества.

Национальная политика в СССР в значительной мере опиралась на представления о советском федерализме. Советская федерация в 1920–1930-е гг. воспринималась руководством государства по определению А.И. Вдовина, В.Ю. Зорина, А.В. Никонова: «...как форма перехода народов, стоявших на разных ступенях экономического и культурного развития, к полному государственному единству наций, к единой и

нераздельной социалистической республике без выделения в ее составе частей по национальному признаку. В то же время федерация мыслилась как форма, обеспечивающая поэтапное сближение и слияние наций. Форсирование процесса, начиная с образования СССР и заметно ускоренное с конца 30-х гг. позволяет говорить о политике денационализации народов Союза. В 20-е гг. и в начале 30-х гг. в основе этой ультраинтернационалистической политики лежало известное ленинское положение об интернационализме большой нации. В середине 30-х гг. в условиях надвигавшейся войны и провозглашения победы социализма было объявлено о преодолении недоверия между народами и торжестве дружбы, что было явной переоценкой действительности» [2, с. 228].

Отличительной особенностью социально-этнической структуры Дальнего Востока РСФСР в 1920–1930-е гг. выступал многонациональный состав населения при различном культурном уровне этнических групп, народностей и наций. Разнообразный этнический состав населения ДВО обусловил наличие трёх и более хозяйственных систем, свойственных непохожим друг на друга культурным цивилизациям, активное взаимодействие аборигенов и колонистов, различных культур. По мере освоения природных ресурсов постепенно складывались особые хозяйственные формы как результат сочетания, компромисса разнообразных культурных цивилизаций или победы одной хозяйственной системы над другой.

Каков же был удельный вес китайской диаспоры в этносоциальной и хозяйственной структуре населения Дальнего Востока РСФСР в 1920–1930-е гг.?

Численность зарегистрированных китайских иммигрантов в пределах российского Дальнего Востока на 1 сентября 1910 г. составляла 110,4 тыс. человек, повышаясь с запада на восток региона: от 13,35 тыс. в Забайкальской губернии (13,3 тыс. мужчин, семь женщин, 36 православных, 34 — семейные, из них 33 женаты на русских); 32,7 тыс. в Амурской области (32,7 тыс. мужчин, 45 женщин, православных нет, 32 чел. — семейные); до 65,4 тыс. в Приморской области (61,4 тыс. мужчин; 4,0 тыс. женщин). Размер заработной платы в 1910 году колебался от 1 до 3,5 руб. в день у русских, от 0,4–0,7 коп. до 1,5–1,8 руб. у китайцев; среднемесячная зарплата составляла: 25–30 руб. у русских, 15–25 руб. у китайцев [3, с. 351].

Для периода 1906–1910 гг. Амурская экспедиция исчисляла ежегодный приток китайского населения в 110 тыс. и отток — в 80 тыс. человек. Вследствие кризиса после гражданской войны золотопромышленности (до 1917 г. в ней работало до 30 тыс. китайцев) и других отраслей промышленности численность китайцев в 1920-е гг. в пределах ДВО уменьшилась [4, л. 248].

Китайская диаспора ДВО по переписи 1923 г. составляла 50,2 тыс. человек (3,2% населения ДВО) и проживала, в основном, в городах, занимаясь временной низкооплачиваемой работой, ремеслами и торговлей (42,3 тыс. — городские жители; из них 92,9% — мужчины, приехавшие в край на сезонные работы и оставившие свои семьи в Китае) [5, л. 90–91; 6, с. 36–37]. В Приморской губернии численность китайского населения доходила до 42,5 тыс. (6,7% населения губернии, увеличиваясь до 17,2% в городах Приморья). В большей части пересекавшие границу китайские мигранты оставались иностранными подданными (98%), в отличие от корейских мигрантов, старавшихся принять в значительном количестве советское гражданство. По данным на 1 октября 1925 г. на Дальнем Востоке РСФСР было зарегистрировано 133,1 тыс. иностранных подданных (китайцы — 57,17 тыс., корейцы — 73,14 тыс., японцы — 608, прочие — 2,2 тыс.) [7, с. 15].

Удельный вес выходцев из Юго-Восточной Азии («восточников») по переписи 1926 г. составил 19,3% населения региона в административных границах 1939 г.; 12,7% — в границах ДВО 1926 г. (168 тыс. корейцев, 13,5%; 72 тыс. китайцев, 5,8%). Согласно переписи 1937 г. на Дальнем Востоке китайская диаспора насчитывала 24,6 тыс. чел. (1,0%); корейская — 165,2 тыс. человек (6,7%) [8, с. 94].

Особенности иммиграционного потока оказывали влияние на развитие экономики края. Русское и корейское население (особенно сельское), прочно оседа в крае, не только увеличивало его производительные силы, но и способствовало накоплению капитала.

Напротив, китайские и японские иммигранты ДВО, используя природные ресурсы края, ежегодно вывозили из его пределов в Китай и Японию значительные ценности в виде заработной платы, промысловых заработков, золота, торговой прибыли, рыбы и морепродуктов (на сумму 35–40 млн. руб.). Русское служилое население также высылало часть своей заработной платы и других видов доходов из пределов Дальнего Востока в другие регионы СССР, но в меньшей степени, чем китайские и японские промысловики, торговцы, рабочие вывозили к себе на родину [9, с. 25].

Этносоциальная структура региона в 1930-е гг. также характеризовалась многонациональным составом (более 100 народностей согласно переписи 1939 г.). Однако в абсолютных и относительных величинах доминирование населения, представленного славянскими языковыми группами, еще более увеличилось по сравнению с 1920-ми гг. вследствие депортации из пределов ДВК выходцев из Юго-Восточной Азии (корейцев и китайцев). Согласно материалам переписи 1937 г. русские в ДВК составляли 1 518,2 тыс. (66,8%), украинцы — 328,3 тыс. (14,4%), белорусы — 35,6 тыс. (1,6%), евреи — 33,8 тыс. (1,5%), корейцы — 165,1 тыс. (7,3%), китайцы — 24,6 тыс. (1%). Перепись 1939 г. зафиксировала увеличение русских до 1 772,8 тыс. (74,9%), украинцев — до 344,4 тыс. (14,6%); белорусов — 39,9 тыс. (1,7%) [8, с. 94; 10, с. 384–388]. Представители восточнославянских языковых групп в 1937 г. составляли 84,8% населения края; после депортации корейской и китайской диаспоры из пределов Дальнего Востока РСФСР их удельный вес достиг отметки в 91,2%.

Коэффициент этнической неоднородности (гетерогенности¹) на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. (показатель горизонтальной социальной мобильности), несмотря на многонациональный состав этносоциальной структуры, не превышал средние показатели (максимальный показатель 0,5–0,6 в значении от 0 до 1). Однако население региона в 1920–1930-е гг. по этническому признаку можно разделить на три резко отличные группы (табл. 1): аборигенов края, представленных небольшими по численности народностями; выходцев с запада Евразии в лице колонизаторов индоевропейской расы, главным образом, русских; и выходцев из Юго-Восточной Азии в лице иммигрантов и сезонных рабочих, торговцев из Китая, Кореи и Японии (остальные группы были столь малочисленны, что не могли оказывать самостоятельное влияние на хозяйственную и общественную жизнь в регионе).

Измерение коэффициента гетерогенности по трем основным этническим группам выявляет его понижение до значения в 0,24 единицы. Этот показатель был характерен для российского Дальнего Востока 1920-х гг., в конце 1930-х гг. коэффициент гетерогенности еще более снизился вследствие депортаций. Низкий показатель гетерогенности по этническому признаку в ДВК при общем многонациональном составе населения подчеркивает специфику культурно-хозяйственных отношений в рамках этносоциального регионального пространства. Представители доминирующего этноса всегда устанавливают

¹ Измерение гетерогенности (горизонтальной мобильности индивида) обычно проводится по одному номинальному параметру (например — этническому). Уровень гетерогенности всегда колеблется в пределах от 0 до 1 (больше 0 — низкий, меньше 1 — высокий, в пределах 0,5 — средний). Измеряется гетерогенность по

формуле:
$$H = 1 - \frac{x_1^2 + x_2^2 + \dots + x_n^2}{(x_1 + x_2 + \dots + x_n)^2}$$
; где H — показатель гетерогенности, x — число индивидов,

составляющих исследуемую группу (в %), n — каждая из взятых для исследования групп. Если исследуемое общество полностью однородно (мононационально) гетерогенность отсутствует (равна 0), но чем больше в обществе исследуемых социальных групп (этнических), тем выше будет значение H . Чем выше уровень гетерогенности, тем больше закрыты для общения и затруднены контакты исследуемых социальных групп (этнических).

При определении уровня гетерогенности важна пропорциональность, равномерность численности социальных групп (если исследуемых групп много, но одна из них доминирует по численности, уровень гетерогенности будет не высоким, а средним; если же анализируемых групп в обществе много, но не одна из них не преобладает по численности, уровень гетерогенности будет высоким). (Фролов С.С. Социология. — М., 1996. С. 241–245).

определённые границы и правила по отношению к другим народностям. В результате закрепляется внутренняя однородность определенных этнических диаспор как следствие увеличения интенсивности социальных связей внутри них. И, напротив, наблюдается снижение интенсивности и уменьшение значимости межэтнических связей (абсолютный разрыв связей между определёнными этносами, полная ассимиляция или физическое истребление наблюдается в редких случаях).

Таблица 1

Численное соотношение этнических групп Дальнего Востока РСФСР
(по сведениям за 1925 г. в административных границах ДВО)

Группы населения	в тыс. человек	в %
Аборигены края	45	3
Русскоязычные переселенцы (русские, украинцы, белорусы)	1 454	87
Выходцы из Юго-Восточной Азии	167	10
Всего	1 666	100

Источник: Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Ч. I. – Хабаровск, 1926. С. 19.

Этим объективным обстоятельством обусловлен характер этносоциальной дифференциации на Дальнем Востоке РСФСР в 1920–1930-е годы. В 1920-е гг. иерархическое положение этносов определялось объективной пространственной и профессионально-отраслевой стратификацией. Значительно более высокий хозяйственный и технический уровень колонизаторов края (из России и Юго-Восточной Азии) и их подавляющая численность (главным образом, русскоязычного населения) определяли межэтнические взаимоотношения. Коренное население оказалось отодвинутым на окраины края, преимущественно на север и восток; оседлые выходцы из Юго-Восточной Азии сосредоточились по соседству с местами выхода на юге Приморья; не имевшие постоянного места жительства занимались промыслами по всему краю; русскоязычное население расселилось в центральных и пограничных (южных) районах, расположенных в долинах главнейших рек, наиболее пригодных для сельскохозяйственной деятельности.

Иммигранты из Юго-Восточной Азии составляли особую группу в трудовых ресурсах Дальнего Востока. Согласно переписи 1926 г. самостоятельными являлись 64,6% выходцев из Азиатско-Тихоокеанского региона (88,9 тыс. — 53% иммигрантов из Кореи; 66,0 тыс. — 91,7% из Маньчжурии) [11, с. 34].

Специфика самостоятельного населения китайской диаспоры в 1920-е гг. в этносоциальной структуре Дальнего Востока РСФСР заключалась в бессемейном мужском составе и временном характере (большой частью) его пребывания в регионе. Китайская иммиграция давала по преимуществу взрослых лиц мужского пола, фактически не имела значимого естественного прироста и оседала в основном в городах и городских поселениях, распределяясь по отраслям промышленности. Доля самостоятельного населения в городах ДВО в 1923 г. среди русских составляла 41% и 92% — среди китайцев; удельный вес мужчин в городах Дальнего Востока среди русского населения равнялся 51% и 93% — в китайской диаспоре [9, с. 17–23].

Характерной чертой китайских миграций оставалась сезонность: весной и осенью китайские мигранты переходили через советско-китайскую границу, перераспределялись между районами и предприятиями (весной многие рабочие с шахт переходили на строительство и рыбные промыслы). В то же время корейское население переселялось семьями при незначительном преобладании мужчин (на 90% оседало в сельской местности).

Высокая текучесть китайской рабочей силы объяснялась также плохими производственными и бытовыми условиями на предприятиях. Иммигранты из Азии находились в неравных с русскими экономических условиях: получали меньшую зарплату за равный труд, выполняли более тяжелую и непривлекательную работу; менее чем российские рабочие обеспечивались одеждой, обувью, питанием, жильем; отмечалось пренебрежительное отношение к ним и унижение личного достоинства на бытовом уровне.

Труд рабочих-восточников был обособлен вследствие незнания ими русского языка, значительной разницы в бытовой культуре, трудом отдельными национальными артелями, возглавляемыми подрядчиками или старшинами, которые выступали в роли поставщиков и организаторов рабочей силы и являлись по существу вторым хозяином на производстве. В результате этого предприниматель, особенно на частновладельческом предприятии, освобождался от обязательств по отношению к рабочему-восточнику, возлагая их путем договорных отношений на подрядчиков. При такой системе эксплуатация труда восточных рабочих принимала формы, не поддававшиеся нормированию со стороны профсоюзов и органов Наркомата труда.

Заработная плата «восточников» при наличии института подрядчиков в производстве регулировалась не законодательными или договорными нормами профсоюза, а количеством работников на предприятии. Чем выше была численность работников на предприятии, тем ниже была зарплата. Обследование 1926 г. на двух государственных и трех частных предприятиях, на которых были заключены коллективные договоры, выявило прямую зависимость понижения среднего заработка в зависимости от увеличения количества восточных работников. При 25–45% на производстве восточных рабочих их средняя зарплата составляла 42–52 руб.; при 75–88% — 25–33 рублей [12, с. 115].

Наемная рабочая сила иммигрантов из Азии в 1926 г. применялась в сельском хозяйстве — 30,1% (среди корейских рабочих — 71,3%); в фабрично-заводской промышленности — 19,1%; в кустарно-ремесленной промышленности — 11,6%; на железнодорожном транспорте — 7%, на других видах транспорта — 7,1%; в прочих отраслях — 21,6% [13, л. 15; 14, с. 54–55; 15, с. 2–3; 11, с. 68].

Основную массу китайских иммигрантов составляли рабочие, занятые на предприятиях добывающей промышленности, строительстве, погрузочно-разгрузочных работах в порту и на станциях железной дороги. По переписи 1926 г. из всего состава наемных рабочих в 99,2 тыс. чел. 31,8 тыс. (30,1%) составляли «восточники». Среди наемных рабочих-восточников 23,2 тыс. чел. (73%) были представителями китайской диаспоры. Рабочие-корейцы в основном были заняты сельскохозяйственным трудом, в незначительном количестве — в качестве лесозаготовителей, рыбаков и охотников (около тысячи чел.). Китайские рабочие редко нанимались на сельскохозяйственные работы; в фабрично-заводской промышленности 2,8 тыс. являлись горнорабочими; 1,2 тыс. — забойщиками; 1 тыс. — откатчиками; 512 — чернорабочими и 512 были заняты на местном транспорте. В кустарно-ремесленной промышленности китайские рабочие составляли 60,6% занятых, преобладая почти во всех видах производства. На транспорте труд «восточников» использовался на местных работах, не требовавших высокой квалификации [15, с. 2–3; 11, с. 68].

После восстановления на российском Дальнем Востоке советской власти, когда приоритетными становятся идеи интернационализма, выражения «желтые рабочие», «желтый труд», «желтая опасность» заменялись в обращении более благозвучными понятиями — «восточники», «восточные рабочие». Однако дешевизна китайской рабочей силы и её постоянный приток в регион обусловили традиционное использование труда восточников на самых трудоемких производствах, в основном в золотопромышленности. Отсутствие достаточного количества рабочих в регионе и дезорганизованный рынок труда вследствие различной оплаты рабочих одинаковой квалификации в разных отраслях хозяйства ставил золотопромышленность в исключительно неблагоприятное положение по сравнению с другими отраслями промышленности. На биржах труда дальневосточного региона России в 1920-е гг. регистрировалось до 10 тыс. русских безработных

неквалифицированного труда, предпочитавших получать пособия в размере 15 руб. в месяц, но не наниматься на работу в золотопромышленность на старательские работы. Размер пособия по безработице и ряд других льгот для безработных немногим уступали размеру заработка старателя в 30 руб. в месяц. В свою очередь, китайские рабочие, не задерживаясь надолго в крае, не создавали проблем с местным населением — они выполняли наименее квалифицированную работу в промышленности, на которую русские рабочие не соглашались.

Привлечение китайской наемной рабочей силы оставалось рентабельным только на мелких и средних по объему производства частных предприятиях и на государственных предприятиях, на которых объемы производства были незначительными. Выравнивание заработной платы восточников с русскими рабочими по мере увеличения выработки золота, потеря золота через контрабанду и незаконные валютные операции, более высокая производительность труда русского рабочего (в три раза), импорт товаров восточного ассортимента и другие расходы делали наем и содержание китайской сезонной рабочей силы убыточным. К началу 1930-х гг. в ДВК стала проявляться тенденция снижения абсолютной численности китайских рабочих в угольной промышленности и в золотопромышленности, по сравнению с серединой 1920-х гг. Во многом причиной этому послужил конфликт на КВЖД и оккупация Маньчжурии Японией.

Земледельческой деятельностью занималась лишь незначительная часть китайских иммигрантов, преимущественно остававшаяся в крае на продолжительное время, но формы ее ведения отличались от принятых методов в русских земледельческих хозяйствах. По своему земледельческому типу китайские земледельческие хозяйства отличались преимущественно полеводческим (огородническим) характером деятельности (со своеобразным подбором сельскохозяйственных культур и орудий труда, преобладанием среди различных видов отхожих промыслов связанных с земледелием) с незначительным применением других видов сельскохозяйственных занятий. Значительное место в сельскохозяйственной деятельности китайцев в ДВК занимало макосеяние, тесно связанное с изготовлением и торговлей опиумом (мак и опиум вывозились в Маньчжурию контрабандным путем). Индивидуальные земледельческие хозяйства китайцев, в сравнении с русскими, характеризовались большей рентабельностью вследствие меньших затрат на закупку земледельческого инвентаря (отличавшегося простотой и дешевизной). От корейских земледельческих хозяйств китайские отличались, при значительном сходстве подбора сельскохозяйственных культур, более качественными орудиями труда и разнообразной техникой обработки земли [16, л. 188–192].

Специфика хозяйственной деятельности китайских иммигрантов в крае в 1920-е гг. заключалась в их высоком удельном весе в сфере частной торговли. В 1910 г. в Амурской и Приморской областях на долю китайских приходилось 40% всех торговых заведений (в городах 46%) и 22% торгового оборота. На долю китайского населения региона доводилось 58% всех мастерских: портняжных, прачечных, парикмахерских, столярных, сапожных и т.п. [9, с. 25].

Данные переписи 1923 г. свидетельствуют о сохранении удельного веса мелкого китайского капитала в розничной торговле ДВО после гражданской войны (табл. 2). Более того, китайцы по числу торговых заведений выдвинулись на первое место (свыше 50%). Революция и гражданская война, приведшие к ограничению деятельности русского частного капитала, при гибкости китайской торговли косвенно содействовали ее росту. В оптовых торговых отношениях роль китайской торговли была невелика. Среди частных оптовых заведений китайские фирмы составляли одну пятую часть (18%). По мере измельчания форм торговли удельный вес китайских предприятий возрастал: в оптово-розничной — 45%, в розничной — 56% и 44% — в базарной и разносной. Последняя цифра не показательна для определения размеров китайской разносной торговли, так как не учитывала торговлю контрабандными товарами — массовое явление для российского Дальнего Востока 1920-х гг.

Таблица 2

Удельный вес мелкого китайского капитала в розничной торговле и торговом обороте ДВО в 1923 г.

Торговые заведения	русские	китайские	прочие иностранные
Государственные и кооперативные	236	—	—
Частные оптовые	22	8	14
Частные оптово-розничные	87	103	39
Частные розничные	1 585	2 379	291
Частная (базар и разносная торговля)	782	641	34
Всего	2 812	3 131	378

Источник: Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Ч. I. Хабаровск, 1926. С. 21.

Основные экономические позиции в 1920-е гг. китайская диаспора ДВО занимала в городах, имея в собственности крупные торговые предприятия и мастерские, от которых разветвлялась сеть мелких лавок и отдельных ремесленников-кустарей. Китайские торговые предприятия в плане внутренней организации характеризовались тесной сплочённостью, развитой структурой взаимопомощи и сотрудничества между членами одной промышленной корпорации или земляческого объединения. В связи с этим среди китайских мигрантов поддерживалось широкое предоставление банковского и торгового кредита (мелкие торговые и ремесленные предприятия были связаны с более крупными через постоянный кредит деньгами и товарами). Влияние китайского торгового капитала в регионе обеспечивалось непосредственными связями с сопредельной Маньчжурией — поставками на рынок региона, в том числе и контрабандными, китайских промышленных товаров; хорошо отрегулированной системой доставки товаров через границу.

Среди иммигрантов из Юго-Восточной Азии хозяева с наемной рабочей силой в 1926 году среди выходцев из Китая составляли 28,9% и 13,9% — из Кореи. Хозяева, работавшие только с членами семьи, и артели — 20,3%; члены семьи, помогавшие в занятиях — 31,2% (98% из них помогали в сельскохозяйственных работах); категория одиночек — 14,1% самостоятельного населения иммигрантов [15, с. 3–5; 11, с. 36].

Согласно переписи 1926 г. удельный вес служащих-восточников составлял 4,5% (среди корейских иммигрантов 1,2%). Иммигранты из Юго-Восточной Азии были представлены незначительными по численности слоями партийно-советских работников (участниками революционного и партизанского движения), интеллигенции (врачами, актёрами, учителями), проститутками, контрабандистами, содержателями притонов. Выходцы из азиатских стран нанимались на работу в качестве младшего обслуживающего персонала, личной прислугой (1,2 тыс. человек), поварами, кухарками (1,1 тыс.). Среди корейских иммигрантов переписью было зафиксировано около 800 учителей и культурно-просветительных работников (среди китайских иммигрантов этим видом деятельности были заняты единицы) [15, с. 3–5].

Участники корейского и китайского революционного и партизанского движения многократно пересекали (нелегально или с согласия властей) советско-китайскую и советско-корейскую границу в обоих направлениях, находили поддержку и пристанище у своих соотечественников в СССР, организовывали тайные совещания, изыскивали финансовые средства, приобретали оружие. Во время конфликта на КВЖД на Дальний Восток РСФСР были доставлены военнопленные китайцы, которых использовали как рабочую силу в горнодобывающей промышленности. В январе 1930 г. интернированные китайцы были освобождены и отправлены на родину, но многие пожелали остаться в пределах СССР, в том числе большинство пленных матросов Сунгарийской флотилии. В

начале 1930-х гг. имелись случаи добровольного перехода на советскую территорию крупных военных китайских соединений — добровольческих армий и партизанских отрядов, вытесненных из Маньчжурии японскими оккупационными войсками. В декабре 1932 — январе 1933 гг. в Приморье перешла дунбэйская армия в составе нескольких тысяч человек с большим количеством беженцев. Советское руководство не только оказывало дружеский прием китайским военным на своей территории, но и организовывало помощь в беспрепятственном переходе границы [17, с. 67].

Для обучения китайского коммунистического актива во Владивостоке в 1932 г. по инициативе ЦК ВКП(б) и исполкома Коминтерна была создана Китайская ленинская школа, служившая базой подготовки кадров для подпольной революционной работы на оккупированной Японией территории Китая и для местной партийной администрации. В сентябре 1937 г. в ней обучались более 150 человек. Некоторые партийные активисты направлялись в Москву, где в 1920–1930-е гг. работал Коммунистический университет трудящихся Востока и целый ряд других учебных заведений, в которых обучались китайские революционеры [17, с. 67, 71, 74].

Культурный быт китайских иммигрантов незначительно отличался от присущих ему черт и особенностей в самом Китае и заимствовал минимальное количество элементов местной культуры (семейные обычаи и обряды, праздники, одежда, питание, виды досуга оставались неизменными). Китайцы почти не подвергались ассимилирующему воздействию местной социальной среды. В городах традиции национальной культуры поддерживались китайскими обществами, организованными наиболее состоятельными и образованными членами китайской общины. В противовес этим обществам советские органы власти стремились объединить наиболее непривилегированные группы китайских мигрантов в промысловые артели и товарищества с выборными старостами и артельной кассой, позднее в колхозы; организовать среди китайских артелей партийные и комсомольские ячейки; вовлечь их в общественную деятельность [16, л. 188–192].

Корейские иммигранты, в отличие от китайских, в меньшей мере поддерживали национальную обособленность — охотно перенимая культурно-бытовые привычки они с трудом осваивали русский язык и редко вступали в межэтнические браки. Между собой китайские и корейские иммигранты поддерживали дружеские отношения — помимо близости культур между двумя диаспорами отсутствовала экономическая конкуренция: хозяйственные приоритеты корейцев определялись жизнью в деревне, в отличие от китайцев, проживавших, большей частью, в городе. Более противоречивые отношения существовали между корейскими и японскими иммигрантами, несмотря на такое же отсутствие экономической конкуренции (японцы никогда не являлись конкурентами корейцев в низкооплачиваемых отраслях физического труда). Отношения между двумя диаспорами определялись исключительно политическим мотивом — оккупацией Кореи Японией, вызвавшей национально-освободительное движение в Корее, и как следствие этого отношение корейцев к японцам было враждебным.

Взаимоотношения китайских и корейских иммигрантов с аборигенами края строились на основе неэквивалентного торгового обмена (предусматривавшего скупку пушнины за бесценок, спаивание, кредитную зависимость). Поэтому ещё в 1925 г. советские органы власти поставили вопрос о выселении из районов проживания аборигенов региона корейцев и китайцев для искоренения кабальных сделок между ними и коренными народами края [18, л. 182–194].

Сложившаяся к середине 1920-х гг. региональная этническая стратификация была обусловлена как политическими мотивами (необходимостью закрепления региона в составе России), так и профессионально-отраслевой и территориальной дифференциацией определенных этнических общностей. В первое десятилетие после утверждения советской власти на Дальнем Востоке РСФСР (до начала 1930-х гг.) этническая стратификация в регионе в большей мере определялась профессионально-отраслевыми и территориальными факторами стратификации — политические мероприятия власти в области национальной

политики в значительной мере направлялись на ликвидацию и понижение фактического этнического неравенства. Теоретическая доктрина национальной политики советского государства в 1920-е гг., сформулированная И.В. Сталиным, исходила из постулата, что в дореволюционной России лишь «одна нация, именно великорусская, оказалась более развитой в политическом и культурном отношении, чем другие», и поэтому она обязана оказать другим народам помощь для ликвидации их отсталости [19, с. 24].

Советское руководство сразу после своего утверждения у власти занялось формированием специального механизма и бюрократических структур, обеспечивавших управление этническими меньшинствами страны. В 1918 г. в РСФСР был создан Народный комиссариат по делам национальностей и ряд губернских и уездных национальных комиссариатов. В 1924 г. с образованием СССР Наркомнац был упразднен, а исполнительным органом, контролировавшим проведение национальной политики на местах, стал отдел по делам национальностей при ВЦИК. Соответствующий организационно-управленческий аппарат создавался и на местах – в губерниях, волостях, уездах. Решения III Всесоюзного съезда Советов (май 1925 г.) акцентировали внимание на необходимости «...полного обеспечения повсеместно прав национальных меньшинств». Съезд поручил ЦИК СССР принять соответствующие меры: организовать введение во все выборные органы представителей национальных меньшинств, в случаях значительной численности национальных меньшинств образовать отдельные национальные Советы. Для практического руководства этой работой были созданы отделы нацменьшинств при исполкомах АССР, краев, областей, выделялись уполномоченные по делам нацменьшинств при остальных исполкомах, в горсоветах и центральных учреждениях [17, с. 86–93].

В 1923 г. при отделе управления Дальревкома в Приморской губернии была учреждена должность уполномоченного по корейским делам (уполкор), в ноябре 1924 г. должность уполнора была переподчинена президиуму Дальревкома. Позже при проведении административно-территориальных изменений в регионе должности уполномоченных сохранялись с привязкой к соответствующим инстанциям по территориальным единицам (округам, областям, районам, сельсоветам). Уполкор подчинялся непосредственно председателю Дальревкома (Дальрайисполкома) на правах заведующего отделом. В его обязанности входило координирование и направление работы всех уполномоченных по корейским делам в Дальневосточном крае. Главная задача уполномоченных заключалась в содействие скорейшей советизации корейского населения. В их обязанности входили предварительное изучение и разработка всех важных проблем, связанных с корейцами: земельной, налоговой, получения советского гражданства. Уполномоченные помогали организовывать корейские артели и кооперацию, переводить на корейский язык наиболее важные документы, проводили учет и анкетирование корейцев, вовлекали их в избирательные кампании и т.п. [17, с. 86–93].

В октябре 1927 г. институт уполномоченных по корейским делам в ДВК на основании постановления президиума ВЦИК от 29 августа 1927 г. был реорганизован в институт уполномоченных по делам национальных меньшинств (уполнацмен). Аналогичные должности были учреждены и при президиумах окружных исполкомов ДВК. С 1 ноября 1927 г. при исполкомах были введены должности инструкторов по работе среди китайского населения; под председательством уполнацмена было создано постоянно действующее совещание по делам национальных меньшинств, куда вошли представители отделов ДКИК и ведомств (в декабре 1927 г. в состав совещания был введен представитель китайских трудящихся) [17, с. 88].

В августе 1929 г. президиумом Далькрайисполкома была сформирована постоянно действующая комиссия по делам национальных меньшинств при уполнацмене ДКИК (в штат уполнацмена введены еще два инструктора — китаец и украинец). Расширенный пленум Далькрайисполкома (июль 1931 г.) предложил с 1 января 1932 г. всем краевым, местным советам и хозяйственным организациям осуществлять руководство нацменьшинствами только на их родном языке. Для этого в национальном отделе ДКИК создавалось

объединенное переводческое бюро, организованы курсы подготовки переводчиков. В 1932 г. институт уполнацмена при президиуме ДКИК был расширен до отдела нацменьшинств, при нем действовали корейский, китайский, украинский и еврейский секторы, но в феврале 1933 года секторы были ликвидированы, вместо них оставлены три инструктора по корейским, еврейским и китайским вопросам [17, с. 90].

Реальная отдача от деятельности уполкоров и уполнацменов была невысокой, особенно на местах (в округах) — для исполнения своих функций они не имели ни достаточных полномочий, ни средств. Попытка ввести в аппараты ведомств работников из числа представителей нацменьшинств не улучшила положение в виду отсутствия квалифицированных кадров. Президиум ДКИК 9 января 1934 г. вынес специальное постановление «О состоянии работы отдела нацмен», в котором отмечалось: «Отдел нацмен при президиуме ДКИК со своими основными задачами не справился по причинам: недостаточного руководства со стороны президиума ДКИК, отсутствия руководителя Отделом нацмен ДКИК, слабой укомплектованности краевых и областных нацменотделов, почти полного отсутствия окружных и районных уполнацменов. При этом имеющийся аппарат качественно слаб и систематически отвлекался на выполнение других работ» [17, с. 91].

Пристальное внимание государственной власти к восточным иммигрантам в 1920-е — начале 1930-х гг. было обусловлено стремлением ЦК ВКП(б) и Коминтерна направлять и определять развитие коммунистического движения в азиатских странах. В рамках политики «интернационализации» XVI съезд ВКП(б) призвал бороться против двух основных уклонов в национальном вопросе — «великодержавного шовинизма как главной опасности и местного национализма». ВЦИК и СНК 21 июля 1930 г. приняли постановление «О практическом проведении национальной политики в Дальневосточном крае в отношении китайцев и корейцев», послужившее началом развертывания в ДВК общественной кампании борьбы с национализмом, против притеснения восточных иммигрантов и коренных жителей. В ней участвовали партийные и советские органы, прокуратура, местная периодическая печать, проявлявшие факты негативного отношения к нацменьшинствам (в 1930 г. во Владивостокском округе было возбуждено свыше 200 дел по поводу ущемления материального, культурно-бытового и политического обслуживания восточников) [17, с. 92].

Основными программными пунктами национальной политики в отношении иммигрантов-восточников и коренных жителей являлись: пролетаризация, привлечение к участию в низовых аппаратах, партийных, профсоюзных и других общественных организаций (к началу 1930-х гг. среди нацменьшинств в крае функционировал узкий слой партийно-советского и профсоюзного актива). Используя классовый подход и интернационалистскую пропаганду, советская администрация пыталась разрушить традиционную закрытость восточных общин и племенную клановость, вовлечь нацменьшинства в советскую общественную жизнь. Данные направления национальной политики реализовывались через все уровни региональной и местной власти: проводилось кооперирование кустарей-восточников, коллективизация крестьян-восточников и «туземных» хозяйств. Местные органы власти проводили мероприятия по вовлечению восточного населения в избирательные кампании, при исполкомах формировались корейские и китайские депутатские группы, в крупных городах комсомольские и пионерские ячейки. В городах и селах создавались сеть национальных школ, пункты по ликвидации неграмотности, рабочие клубы, избы-читальни, Дома культуры.

Непосредственной задачей в работе местных органов власти среди восточных рабочих в этих условиях было поставить последних в одинаковое положение с русскими рабочими на производстве, ликвидировав институт подрядчиков («старшинок»). В постановлении Президиума Далькрайисполкома от 15 января 1931 г. «Об итогах проверки выполнения постановления президиума ДКИК от 8 апреля 1930 г. и от 18 мая 1930 г. по национальному вопросу» категорически запрещало хозяйственным организациям использование на производстве посредничества китайских подрядчиков [12, с. 92].

В Дальневосточном крае к 1934 г. функционировало около 200 корейских колхозов (от 28 до 139 дворов в каждом), объединявших 80% корейских единоличных хозяйств (в том числе в Посьетском районе Владивостокского округа — 7 крупных корейских рыболовецких колхоза); 14 китайских колхозов (в 1936 г., после — 11), объединявших 550 китайских единоличных хозяйств; 4 оленеводческих совхоза в Чукотском и Корякском автономных округах (Анадырский, Карагинский, Пенжинский, Охотский), созданные в 1930–1931 гг. [20, л. 6–7; 21, л. 63–84; 22, л. 51].

В целом же национальная политика в отношении коренных народов и восточных иммигрантов края видоизменялась в зависимости от государственных приоритетов во внутренней политике. На рубеже 1920–1930-х гг. акценты в области межнациональных отношений изменились — в государственной политике на первый план выходили классовые и внешнеполитические приоритеты по отношению к межнациональным. В неавтономных национальных территориях РСФСР, к которым относился и Дальний Восток, реализация национальной политики не считалась теперь главной проблемой. Политика социально-экономической модернизации страны, проводимая со второй половины 1920-х гг., выводила население из круга своих этнических интересов. К середине 1930-х гг. в государственной доктрине по национальному вопросу утвердилось положение о том, что в результате создания единого социалистического уклада и помощи русского народа другим нациям в СССР ликвидированы элементы национальной отсталости (т.е. необходимость в дальнейшей ликвидации неравенства в положении русских и нерусских наций отпала). В конце 1930-х гг. в СССР были ликвидированы национальные районы и сельсоветы. В Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г. исчез термин «национальные меньшинства», что означало переход в осуществлении национальной политики от поддержки развития автономии нерусских народностей к политике «интернационализма» [19, с. 36; 17, с. 89].

По мере укрепления государственной и кооперативной форм торговли и усиления мер по борьбе с контрабандой снижался удельный вес китайской диаспоры в торговой сфере региона — в 1930-е гг. все элементы китайского предпринимательства были свернуты. С конца 1920-х гг. одновременно с попыткой переселения части корейцев советские власти начали проводить политику вытеснения китайских иммигрантов из края: им отказывалось в выдаче торговых лицензий, ограничивался их наем на предприятия (высокое паспортное обложение в 17,7 руб. включало в себя стоимость китайского паспорта, визы и советского годового паспорта). Китайская рабочая сила замещалась русской; изымались большие китайские домовладения; ликвидировались притоны; арестовывались валютчики и контрабандисты, лица, уличенные в шпионской деятельности. В 1935 г. военным трибуналом ОДВА осуждены как японские шпионы 73 чел., из них 10 (13,7%) — китайцы, 21 (28,8%) — корейцы; за 1936 г. — 78 чел., 22 (28,2%) — китайцы, 17 (21,8%) — корейцы [23, л. 1–6.].

Данные осужденных Военным трибуналом ОКДВА за шпионаж за 1935–1936 гг. — годы, когда всеобщая «шпиономания» ещё не стала характерным явлением советской социальной жизни, — в реальной степени отражают масштабы шпионско-разведывательной деятельности Японии на российском Дальнем Востоке. Для сравнения: за первый квартал 1938 г. только органами прокуратуры ДВК были привлечены к уголовной ответственности, в основном по ст. 58–10 (шпионаж) — 389 чел. (осуждено 368, из них более половины к мере наказания — свыше 7 лет ИТЛ, оправдан 21) [24, л. 17–21]. Однако по статистике 1937–1938 годов, периода так называемого «большого террора», нельзя в объективной мере оценивать размер шпионской деятельности Японии против СССР на Дальнем Востоке РСФСР.

Напомним, что в ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. Япония, провокационно обвинив китайцев в разрушении в районе Шэньяна (Мукдена) полотна принадлежавшей ей Южно-Маньчжурской железной дороги, ввела войска на территорию Северо-Восточного Китая и создала там марионеточную администрацию, которая провозгласила в марте 1932 г. создание государства Маньчжоу-го. С территории Маньчжоу-го Япония в течение 1933–1939 гг. неоднократно устраивала военные провокации против СССР и МНР (наиболее крупные из них: в 1938 г. в районе озера Хасан и в 1939 г. в районе реки Халхин-Гол).

С обострением международной обстановки в АТР политика советского государства в отношении восточных иммигрантов, проживавших на российском Дальнем Востоке, приняла более жесткий административно-принудительный характер (иммигранты рассматривались как потенциальные информаторы о военно-стратегической обстановке в регионе). В таких внешнеполитических условиях национальная политика без колебаний использовалась советскими органами власти для укрепления государственных позиций и интересов в регионе. С началом военных акций японской армии в Маньчжурии во второй половине 1931 года советские власти закрыли границу, запретили въезд иммигрантов (въезд разрешался только по специальным приглашениям официальных органов власти) и усилили политические меры давления на восточных иммигрантов [25, с. 82].

На момент введения ограничительных мер в трудовой деятельности и въезде в пределы ДВК иммигрантов из Юго-Восточной Азии азиатская диаспора на Дальнем Востоке РСФСР составляла более 216 тыс. человек. В январе 1932 г. во Владивостокском округе находилось 159,1 тыс. корейцев (19,6% населения округа), в январе 1933 г. численность китайской диаспоры ДВК составляла более 57 тыс. человек [26, л. 15]. В динамике миграций «восточников» в пределы ДВК в 1933–1937 гг. проявились противоположные тенденции — численность китайских иммигрантов уменьшилась к 1937 г. до 24,6 тыс.; напротив, количество корейской диаспоры увеличилось за счёт естественного прироста населения до 165–171 тыс. человек. Значительная часть китайцев (2/3) в эти годы возвратилась в Китай — остались в основном лица, не желавшие возвращаться в Китай после оккупации Маньчжурии Японией. Большая часть корейских иммигрантов осталась в пределах ДВК — их массовое переселение в край было в значительной мере обусловлено оккупацией Кореи Японией в начале XX века. Перепись 1937 г. зафиксировала в пределах ДВК 165,2 тыс. корейцев [8, с.94].

Политические репрессии 1930-х гг. в ДВК не обошли стороной корейцев и китайцев, членов ВКП(б), входивших в узкий слой партийно-советских функционеров, однако мотивы их осуществления только во внешней форме несли этнический оттенок. Репрессии, проводившиеся в СССР до 1937–1938 гг., не имели характера этнических чисток. Коэффициент репрессированных по этническому признаку (удельный вес представителей данного этноса среди заключенных в сравнении с его удельным весом в населении страны) был относительно высок только у русских. По линии борьбы с троцкизмом в 1936 г. из Дальневосточной организации ВКП(б) были исключены китайские коммунисты: Чугунов (Чжоу-Тан-Вен), Пирогов, Одинокоев, Сабуров, Кузов, Орлинский и др. Политическая характеристика китайской революции как социалистической у ответственного редактора газеты «Рабочий путь» Чугунова совпадала с утверждением Л.Д. Троцкого, что «нынешний этап китайской революции — социалистический». Линия же партии и Коминтерна была направлена на характеристику китайской революции как буржуазно-демократической [23, л.1–6].

Окончательно проблема иммиграции «восточников» в конце 1930-х гг. была решена посредством принудительного выселения (депортации) корейцев и китайцев за пределы Дальнего Востока РСФСР. Редактор китайской газеты «Рабочий путь» (Хабаровск) Чугунов в своей докладной записке первому секретарю Далькрайкома Л.И. Лаврентьеву от 19 августа 1936 г. отмечал: «За последнее время в связи с принятыми мероприятиями по очищению территории края от классово-чуждых элементов среди китайского населения пошли высказывания о том, что всех китайцев до 1 октября 1936 г. выгонят из СССР. При этом: китайцев с китайскими паспортами выгонят в Китай; китайцев с советскими паспортами выселят за пределы ДВК в Казахстан; а китайцев, не имеющих паспортов, посадят в тюрьму» [23, л. 1–6]. Сведения распространялись на основе прокламаций китайского консульства в Хабаровске, и были ошибочны только в определении сроков изъятия китайского населения.

Депортации китайцев предшествовало принудительное выселение корейцев — в сентябре-октябре 1937 г. специально организованными железнодорожными эшелонами они были вывезены из пределов ДВК на постоянное место жительства в Казахстан и Узбекистан.

В октябре 1937 г. нарком НКВД Н.И. Ежов докладывал в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о завершении 25 октября 1937 г. выселения корейцев из ДВК. Вывезено в пределы КССР и УзССР 124 эшелона с корейцами в составе 38,4 тыс. семей, 171,3 тыс. чел. (временно на Камчатке, в Охотске, спецпереселенцев оставалось до 700 чел., вывезенных сборным эшелонам в ноябре 1937 г.) [27, с. 63].

Выселению китайцев предшествовали три массовые операции по аресту сначала притоносодержателей, затем — перебежчиков, нелегально прибывших на советскую территорию, начиная с 1932 года. В Приморском крае было арестовано около 6 тыс., в Амурской области — 1350 китайцев [25, с. 80–85; 28, л. 227–233]. Предварительное следствие закончилось в мае 1938 года. В это же время между советским и китайским правительствами состоялись переговоры о депортации китайских подданных в Китай и освобождении не изобличенных в шпионаже арестованных. Согласно договоренности около 3 тыс. китайцев в июне-июле 1938 г. были освобождены, из оставшихся в тюрьме около 3 тыс. арестованных более ста умерло во время следствия и не менее 750 были расстреляны. В июне-июле 1938 г. со ст. Эгершельд г. Владивостока были выселены 7,1 тыс. китайских иммигрантов и некоторые русские члены смешанных семей. Четыре эшелона отправились в Китай через ст. Аягуз (Казахстан) в Синцзян (Китай). В двух из них находились китайские граждане, не подвергшиеся арестам (3 тыс.), в двух других эшелонах (свыше 3 тыс.) в Китай отправились освобожденные из тюрьмы. Китайцы, не пожелавшие вернуться на родину и принявшие советское гражданство (941), были выселены еще одним эшелонам в Кур-Урмийский район Хабаровского края [25, с. 81].

Историческая ретроспектива этносоциальной структуры российского Дальнего Востока 1920–1930-х гг. позволяет подчеркнуть, что региональная этническая дифференциация в 1920-е гг. в значительной мере была обусловлена пространственно-территориальной и профессионально-отраслевой специализацией определённых этносов, выступавшей в качестве важного фактора формирования общественного разделения труда.

Однако советское социальное пространство структурировалось в первую очередь государством, формировавшим основную часть формальных и неформальных статусных позиций в стране — в 1930-е гг. этносоциальная иерархия выступала в первую очередь как результат социального конструирования на основе логики государственной целесообразности. Формально идеология советского общества декларировала равенство (вначале только формальное, а затем и фактическое) всех этносов страны. В реальной же практике государства в сфере межнациональных отношений прослеживалась тенденция выстраивания этносов в иерархию, отчётливо проявившуюся на Дальнем Востоке РСФСР в конце 1930-х гг. — советское руководство в условиях угрозы нападения Японии посчитало нелояльными к режиму определенные группы этносов, и приняла по отношению к ним упреждающие меры безопасности (депортации).

Идеология правящей партии в области межнациональных отношений с начала 1930-х годов определялась доминированием государственных приоритетов над личными интересами, приоритетом классовой субкультуры перед этнической. Советский проект индустриальной модернизации выводил население из круга своих этнических интересов, подчиняя национальные ценности интересам государства. Национальные проекты осуществлялись, главным образом, в союзных республиках и автономиях; в неавтономных территориях РСФСР (Дальний Восток) реализация национальной политики ставилась в зависимость от других интересов государства в регионе. Любая реализация проектов в области межэтнических отношений осуществлялась в рамках реализации программы партии по внедрению в общество советской («пролетарской») культуры.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Bogardus E. A social distance scale // *Sociology and social research*, № 7, 1933.

2. Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. Кунгур: Кунгурский печатный двор ПГФ, 2007. – 390 с.
3. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет В.В. Граве. Вып. II. – СПб.: Тип. В.Ф.Киришбаума, 1912. – 479 с. (Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции).
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–1318. Оп. 1. Д. 215.
5. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. 791. Оп. 2. Д. 3.
6. Отчет Дальревкома и Дальэконо за 1923–24 год / Под ред. секр. Дальревкома М.П. Копытина, уполномочен. ЦСУ в ДВО П.Е. Терлецкого. – Хабаровск: Книжное Дело, 1925. – 571 с.
7. Статистический справочник ДВО. ЦСУ. Дальне-Восточное областное статистическое управление. – Хабаровск: Тип. СибВО, 1925. – 264 с.
8. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1991. – 234 с.
9. Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. / ЦСУ. Дальне-Восточное краевое статистическое управление. – Хабаровск: Тип. «Тихоокеанская Звезда», 1926. Часть первая. – 269 с.
10. Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. Дальний Восток РСФСР: Основные итоги / Сб. документов. Сост. С.А. Головин. – Благовещенск, 2005. – 449 с.
11. Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е гг. XX в. / Гос. ком. Рос. Фед-и по рыболовству. Дальневост. гос. техн. ун-т, Ин-т ист., арх. и этн. нар. Дальнего Востока. – Владивосток: Дальрыбвуз, 2000. – 110 с.
12. Лескова Т.А. Государственное регулирование миграционных процессов на юге Дальнего Востока в 20–30-е гг. XX в. Исторический опыт: Дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. – Благовещенск, 2005. – 254 с.
13. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. П-2. Оп. 9. Д. 73.
14. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VII. Дальневосточный край. Якутская АССР. Народность, родной язык, возраст, грамотность. ЦСУ СССР. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. – 200 с.
15. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXIV. Дальневосточный край. Якутская АССР. Отдел II. Занятия. ЦСУ СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1930. – 259 с.
16. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. 537. Оп. 1. Д. 46.
17. Этнографические процессы в Приморье в XX веке. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – 228 с.
18. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. 537. Оп. 1. Д. 48.
19. Вдовин А.И. Национальная политика 30-х годов: (Об исторических корнях кризиса межнациональных отношений в СССР) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1992. № 4.
20. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. П-2. Оп. 11. Д. 333.
21. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. П-2. Оп. 11. Д. 200.
22. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. 537. Оп. 1. Д. 54.
23. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. П-2. Оп. 6. Д. 72.
24. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1550.
25. Чернолуцкая Е.Н. Депортация китайцев из Приамурья (1938 г.) / Тез. док. и сообщ. межд. науч. конф. – Владивосток, 1993. С. 80–85.
26. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. П-2. Оп. 9. Д. 73.
27. Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно вашему указанию» (о депортации народов в СССР в 30–40-е годы). М., 1995. – 125 с.
28. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1540.

Друзьяка Андрей Викторович, канд. ист. наук, доцент
Кафедра истории России и специальных исторических дисциплин
Благовещенский государственный педагогический университет
druzyaka12@mail.ru

Корнейчук Елена Николаевна, заместитель директора ГБУ
«Государственный архив Амурской области»

Попова Ирина Александровна, главный архивист
Отдела использования архивных документов
ГБУ «Государственный архив Амурской области»

УДК 93/94

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ ОБМЕН И ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРИГРАНИЧНОЙ «НАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ» В ПЕРИОД 1988-1990-х гг.

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства возникновения и проблемы, сопутствовавшие развитию туристического обмена между Благовещенском и Хэйхэ (КНР) в период 1988-1990 гг.

Ключевые слова и фразы: Китайская Народная Республика, китайская миграция, Благовещенск, Хэйхэ, международный туризм, «народная торговля».

Andrey Druzyaka, Ph.D. in History, Associate Professor
Department of History of Russia, and Special historical disciplines
Blagoveshchensk State Pedagogical University
druzyaka12@mail.ru

Elena Korneychuk, Deputy Director
of the State Budgetary Institution
«State Archive of the Amur Region»

Irina Popova, Chief Archivist
Department of use of archival documents
State Budgetary Institution «State Archive of the Amur Region»

RUSSIAN-CHINESE TOURIST EXCHANGE AND REVIVAL OF THE FRONTIER «PEOPLE'S TRADE» DURING 1988-1990's

Abstract. The article discusses the circumstances and problems associated with the development of tourist exchange between Blagoveshchensk and Heihe (PRC) in the period 1988-1990.

Key words and phrases: People's Republic of China, Chinese migration, Blagoveshchensk, Heihe, international tourism, "people's trade".

Окончание периода длительной военно-политической конфронтации и взаимная потребность в новых региональных экономических связях в период 1982-1988 гг. дали начало новому этапу сотрудничества дальневосточных краев и областей с КНР и другими странами АТР, что привело к значительному оживлению внешних миграций. В период конца 1980-х – начала 1990-х гг. на всём пространстве юга Дальнего Востока возродилось явление

приграничной торговли, сначала на межгосударственном (1983) и межрегиональном уровне (1986-1989), затем в виде прямых торгово-экономических связей между советскими (российскими) и иностранными предприятиями. Либерализация внешнеэкономической деятельности привела к её бурному росту: в Амурской области в 1987 г. внешнеторговый оборот с КНР по линии прямых связей составил 0.5 млн. руб., в 1988 г. – уже 21.3 млн. руб., а в 1989 г. – 92.2 млн. руб. [3, с.72].

Наиболее массовые внешние миграционные потоки в приграничном пространстве юга Дальнего Востока в рассматриваемый период развивались в рамках приграничного туризма. Его суть первоначально заключалась в индивидуальных мелких обменных и торговых операциях, совершавшихся в процессе туристических поездок, – так называемой «народной торговле», которая из первоначальной формы, основанной на продуктообмене, впоследствии трансформировалась в движение «челноков». Ряд обстоятельств, сопутствовавших развитию однодневного приграничного туризма по маршруту Благовещенск – Хэйхэ, можно рассмотреть на основе ряда документальных источников, отложившихся в фондах Государственного архива Амурской области и газетных публикациях того времени.

Договором между Хэйхэским филиалом международного туристического бюро КНР и областным туристско-экскурсионным производственным объединением «Амуртурист» от 11 сентября 1988 г. было установлено, что с третьей декады текущего года китайская и советская стороны начнут обмен туристическими группами в составе 40 человек, по две группы в неделю, согласно утвержденному графику.

В течение сентября-декабря 1988 г. предполагалась организация обмена 12-ю однодневными туристическими группами. Согласно условиям приёма, каждая из сторон-подписантов договора была обязана предоставить для перевозки своих туристов речное судно (летом) или автобус (зимой). Во время пребывания туристов (с 9 часов утра до 20 часов вечера) принимающая сторона обязалась предоставить им транспортные средства (экскурсионные автобусы), места в гостиницах для отдыха (6-7 номеров на группу), питание (обед и ужин), услуги гидов-переводчиков, бесплатное медицинское обслуживание при необходимости (без помещения в больницу). В период пребывания предполагалось посещение туристами учебных заведений, музеев, промышленных и торговых предприятий. В целях представления возможности приобретения сувениров предусматривалась выдача им турфирмой страны пребывания 50 юаней / 50 рублей.

Начало туристического обмена положили группы однодневного пребывания туристов из г. Хэйхе, посетивших Благовещенск, в количестве 40 человек, и одновременно, столько же советских туристов, посетивших Хэйхе. По описанию корреспондента газеты «Амурская правда», 24 сентября 1988 г. на советском берегу туристов из КНР встречала представительная делегация руководства города Благовещенска, директор областного туристско-экскурсионного производственного объединения «Амуртурист» Г.Н. Трушин, школьники, представители СМИ. Членам китайской туристической группы были подарены букеты цветов, преподнесён каравай хлеба с солью, тут же на берегу Амура был проведён короткий митинг, на котором приветственные слова произнесли заместитель председателя горисполкома Б.Р. Берёзкин и руководитель китайской группы Цзинь Чаньхоу. Далее группа на автобусе совершила экскурсию по городу, в ходе которой были возложены цветы к памятникам В.И. Ленину и к мемориалу на площади Победы, посетила областной краеведческий музей, цеха швейной фабрики. По просьбе китайских гостей было совершено памятное гашение нескольких сотен почтовых конвертов и марок. В тот же день группа советских туристов под руководством заместителя директора «Амуртуриста» Е. Тушминской побывала в Хэйхэ. В программу их пребывания были включены посещение памятника советским войнам, погибшим при освобождении Хэйхэ в 1945 г., загородной турбазы, магазинов и рынков, обмен сувенирами, знакомство с китайской кухней [1].

В мае 1989 г. в Благовещенске побывал специальный корреспондент крупнейшей французской ежедневной газеты *Le Figaro* Пьер Бочев, который встретился с партийно-советскими и хозяйственными руководителями Амурской области – первым секретарём

обкома КПСС Ю. Шириным, председателем горисполкома Благовещенска Ю. Ляшко, заместителем директора туристической фирмы «Амуртурист» Е. Тушминской, начальником пограничного отряда полковником А. Ожгибесовым, отразив впоследствии в своей статье различные аспекты приграничного сотрудничества в локальном измерении [10]. Прежде всего, к ним можно отнести неразвитость городского хозяйства, туристической, транспортно-таможенной и логистической инфраструктуры, отсутствие адекватной службы туристического и гостиничного сервиса, учреждений общественного питания. Существенное отставание российской законодательной и административно-организационной системы, подвергавшихся в этот период коренному реформированию, нередко приводило к формированию ряда негативных явлений – таких как незаконная миграция, нарушение туристами порядка пребывания, укоренение полузаконных «серых» схем в таможенном оформлении товаров, перемещаемых из КНР.

Однодневный маршрут, организованный «Амуртуристом», сразу же стал очень популярным по ряду причин. Прежде всего, как отмечала заместитель руководителя «Амуртуриста» Е. Тушминская, «это самый простой путь в Китай» – для пересечения границы фактически отсутствовали препятствия естественного характера. В период закрытости 1960-х – 1970-х гг. граждане двух стран сохраняли взаимный культурный интерес к жизни соседней страны, что было реализовано в период открытия границы.

Ещё одним стимулом для поездок достаточно быстро стала возможность приобретения вначале сувениров, а затем и целого ряда необходимых продуктов и товаров народного потребления. От форм простого товарного обмена, применявшихся в ходе первых туристических обменов в 1988-1989 гг., «народная торговля» между жителями двух стран быстро перешла к мелкорозничной, а затем мелкооптовой формам. В 1990-е гг. однодневный туризм стал приобретать выраженный экономический характер, чему, прежде всего, способствовали администрации Хэйхэ и Благовещенска, которые достаточно быстро стали региональными приграничными товарно-логистическими центрами [6].

В 1987 г. через КПП «Благовещенск» прошло в обоих направлениях 724 гражданина СССР и КНР, в 1988 г. – 13500 чел., в первые три месяца 1989 г. – уже 21000 чел. Со слов Е. Тушминской, в период с сентября 1988 г. по май 1989 г. в очередь на турпоездку в Китай записались до 60 тыс. жителей Амурской области [10].

Как свидетельствуют документы того времени, в тех местностях Дальнего Востока, где отсутствовали пограничные пункты пропуска, нередкими были факты нарушения государственной границы. Так, в письме на имя главы областного Совета ЕАО М.М. Кауфмана от 26 ноября 1991 г. председатель Октябрьского районного Совета ЕАО А.К. Шеремет сообщал об участившихся случаях стихийно возникающего товарного обмена между жителями сопредельных приграничных населённых пунктов и просил принять решение об открытии в районе хотя бы временного пункта пропуска. Эту информацию подтверждал командир войсковой части КГБ СССР полковник Е. Сухарев. По его сведениям, в 1990-1991 гг. резко возросло количество нарушений границы на участках пограничных застав «Кукелево», «Благословенная», «Добрая», «Пузино» со стороны китайских и советских граждан с целью неофициальных контактов и контрабандных сделок (в 1988 – 1989 гг. их было 2, а в 1990-1991 – уже 237). При этом законные действия пограничников по пресечению нарушений границы вызывали недовольство местного населения [5, л. 270,273]. Решение Правительства РСФСР об открытии в ЕАО ПП «Пашково» и «Амурзет» для международного пассажирского и грузового сообщения было принято 7 декабря 1992 г.

Проблемы объективного характера, связанные с низкой пропускной способностью погранично-таможенных комплексов и их несоответствием потребности региона в расширении внешнеэкономических связей, были присущи всем пунктам пропуска на дальневосточной границе. Недостаточность приграничной транспортной инфраструктуры в Амурской области в 1994 г. породила у областных властей предложения об открытии китайского судоходства по р. Зее до портов Свободный и Зeya и российского судоходства по р. Сунгари до порта Харбин [4, л. 1-12]. В ЕАО с образованием в 1991 г. свободной

экономической зоны «ЕВА» решался вопрос об открытии авиасообщения Биробиджан – Харбин, которое впоследствии на уровне Госплана СССР было признано нецелесообразным по причине слабой загрузки имеющегося международного аэропорта в Хабаровске [5, л. 275]. Оба проекта впоследствии воплощены не были, как и проект постройки моста через Амур в районе Благовещенска, который был окончательно реализован только в текущем, 2019 г., то есть спустя 30 лет с момента открытия границы для массовых потоков.

Приграничный российско-китайский бизнес-туризм 1990-х гг. был связан, прежде всего, с процессом перемещения разнообразной по ассортименту товарной массы из КНР в Россию и страны СНГ. В сферу приграничной «народной торговли» были вовлечены не только граждане России и КНР, но и мигранты из республик СССР (СНГ), выполнявшие функции экспедиторов и реализаторов китайских товаров на территории своих стран и в России. Вместе с тем, именно массовый туризм открыл путь разнообразным направлениям российско-китайского двухстороннего взаимодействия в культурно-образовательной, научной, спортивной и иных гуманитарных сферах.

В 1991 г. суммарный выезд из СССР в КНР составил 285 тыс. чел. В 1992 г. из республик бывшего СССР в Китай выезжало уже 895 тыс. чел. В 1993 г. Россию посетила 751 тыс. граждан КНР, в том числе 410 тыс. – со служебными целями, 237 тыс. – в качестве туристов, 33,4 тыс. – по частным приглашениям. Выезд в Китай российских граждан составил 777 тыс. чел., в том числе 393 тыс. туристов [9, с. 76-77]. В то же время, по оценкам экспертов из КНР, численность россиян, вовлечённых в «челночный» бизнес 1990-х гг., достигала 3 млн. чел. [2, с.283]. Экономический туризм в этот период приобрёл черты устойчивого и наиболее массового потока внешней миграции.

В 1990-е гг. российские и китайские бизнесмены расширяли сотрудничество за счет совместных проектов в различных отраслях экономики: строительстве, сельском хозяйстве, сфере обслуживания и общественного питания. Двустороннее соглашение от 18 декабря 1992 г. «О безвизовых групповых туристических поездках» давало китайским гражданам альтернативную возможность въезда в РФ в безвизовом порядке (по туристическим спискам), которая в последующий период полностью компенсировала все ограничения, введенные российской стороной. В дальнейшем ими был организован массовый приезд в приграничные районы Дальнего Востока китайских торговцев, рабочих и управленцев под видом туристов. Турфирмы в Амурской области бронировали места на муниципальном рынке для китайских продавцов, а те оплачивали их, как и другие муниципальные услуги, арендовали жилые и складские помещения, транспорт. В 1997–2000 гг. турфирмы оформляли для китайских торговцев пребывание продолжительностью до 180 суток. Как следствие – в этот период в Амурской области от выезда уклонились 746 китайских туристов [8, с.313].

Часть дохода от «народной торговли» шла в областной и городской бюджет в виде различных платежей, налогов, пошлин, сборов и штрафов. В городском бюджете Благовещенска прямые поступления средств от торговой деятельности китайцев в 1996–1997 гг. увеличились на 65% и составили 21,2 млн. руб., а центральный рынок, на котором она осуществлялась, являлся одним из наиболее прибыльных муниципальных предприятий [7, с. 169, 170]. Вплоть до начала 2000-х гг. муниципальные и региональные власти не препятствовали трудовой деятельности китайских граждан на рынках Амурской области из-за явной экономической выгоды от их пребывания. Организованная и поощряемая властями России и КНР на региональном и муниципальном уровнях «народная торговля» позволила насытить российский рынок товарами, пополнить бюджеты всех уровней, частично решить проблему занятости населения, широко развить предпринимательство, укрепить международные связи, снизить социальную напряженность в приграничной полосе. В тяжёлой для России социально-экономической ситуации конца 1980-х – начала 1990-х гг. открытие границ на Дальнем Востоке существенно сглаживало негативные последствия проводимых в стране реформ.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Амурская правда. 1988. 27 сент.
2. Бао Хайчунь, Ся Хуансинь. Анализ перспектив российско-китайской частной торговли//Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.4. Благовещенск: АмГУ, 2002. С. 280–284.
3. Вардомский Л. Благовещенск – Хэйхэ: Приграничное сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 1991. №5. С. 72.
4. ГААО. Ф 2286. Оп. 1. Д.154. Л. 1 – 12.
5. ГАЕАО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 1. Л. 273.
6. Друзяка А.В. Российско-китайский бизнес-симбиоз на примере китайского торгового меньшинства в г. Благовещенске // Сборник научных трудов памяти профессора Е.П. Сычевского. Благовещенск: БГПУ, 2007. С. 71-83 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24230074_64213082.pdf. (Дата обращения: 1.04.2019).
7. Колядин А.М., Мосенцова Т.М. Экономическое сотрудничество и взаимосвязи Благовещенска со странами АТР // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск: АмГУ, 2000. С. 165-173.
8. Понкратова Л.А. Особенности динамики и структуры международных миграций в приграничных регионах Дальнего Востока // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск: АмГУ, 2002. С. 308-319.
9. Российская Федерация в цифрах в 1993 году. М., 1994. С. 76-77.
10. Le Figaro. 1989. 13-14 mai.

Залесская Ольга Владимировна, д-р ист. наук
Кафедра романо-германских и восточных языков
ФГБОУ ВО "Благовещенский государственный педагогический университет"
olgazallesskaya@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ОТРЯДОВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

УДК 94(47)

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования белогвардейских отрядов в Северо-Восточном Китае в период гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. В статье автор подробно характеризует политическую ситуацию на Дальнем Востоке в период революционных преобразований и гражданской войны, освещает процесс смены властных органов, рассматривает деятельность атаманов и белогвардейских офицеров по формированию военных соединений, показывает отношение китайских властей к образованию антисоветских отрядов.

Ключевые слова и фразы: Северо-Восточный Китай, Маньчжурия, российский Дальний Восток, белогвардейские отряды, российско-китайские отношения.

Olga Zalesskaya, Doctor of History
Department of Romano-Germanic and Oriental Languages
Blagoveschensk State Pedagogical University
olgazallesskaya@gmail.com

THE FORMATION OF THE WHITEGUARD DETACHMENTS IN NORTHEAST CHINA DURING THE CIVIL WAR AND INTERVENTION IN THE RUSSIAN FAR EAST

Abstract. The article examines the process of formation of Whiteguard detachments in the Northeast China during the civil war and intervention in the Russian Far East. In the article the author characterizes in detail the political situation in the Far East during the period of revolutionary reforms and the civil war, considers the process of changing powers, analyzes the activities of atamans and whiteguards in the forming military units process, considers the attitude of the Chinese authorities towards the formation of anti-Soviet detachments.

Key words and phrases: Northeast China, Manchuria, the Russian Far East, whiteguard detachments, Russian-Chinese relations.

Во время гражданской войны и интервенции на российском Дальнем Востоке Северо-Восточный Китай стал убежищем русских эмигрантов, а также базой формирования белогвардейских отрядов. Эмиграционная волна конца XIX - XX вв. россиян в Маньчжурию, вызванная строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), сменяется волнами политической эмиграции из представителей русского дворянства, чиновничества, буржуазии, мещан и крестьян, не принявших революцию, а также из бывших белогвардейских солдат и офицеров, потерпевших поражение в противостоянии с красными войсками.

Численность россиян в Северо-Восточном Китае в годы гражданской войны на Дальнем Востоке можно определить лишь приблизительно в силу примитивности системы регистрации, проблем с оформлением паспортов и разрешений на трудоустройство. Большинство исследователей называют цифру более 200 тыс. русского населения в начале

1920-х гг. на территории Маньчжурии. Так, по данным китайских источников, в 1922 г. количество русских эмигрантов в Харбине составило 155 тыс. человек, а во всей провинции Хэйлунцзян – более 200 тыс. человек [40, с. 121]. По оценкам Г.В. Мелихова, «Численность российской колонии в Маньчжурии в ноябре 1917 г., как показали выборы в Учредительное собрание, составляла приблизительно 100-110 тыс. человек трудоспособного мужского населения (в том числе 25 тыс. солдат и офицеров, занятых в охране дороги), а вместе с членами их семей не менее 200-220 тыс. человек» [30, с. 58].

Формирование белогвардейских отрядов на территории Северо-Восточного Китая началось после Октябрьской революции, знаменовавшей собой, в отличие от Февральской, кардинально новый этап в российско-китайских отношениях. Уже 22 ноября 1917 г. декретом РСФСР от должностей были отстранены все дипломатические и консульские чиновники, не признавшие советской власти, что означало прекращение дипломатической деятельности русских консулов в Китае. В ноябре же Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) направил китайскому посланнику в России Лю Цзинжэню ноту с предложением создать русско-китайскую смешанную комиссию для урегулирования вопросов по КВЖД, а 12 декабря 1917 г. Харбинский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил себя единственным органом власти в полосе отчуждения дороги. Эти проекты и военные авантюры были крайне негативно восприняты и пекинским правительством, и китайской общественностью. Комиссар Временного правительства на КВЖД генерал-лейтенант Д.Л. Хорват обратился за помощью к китайским властям. Поддерживавшие Совет 618-я и 559-я охранные русские дружины в Харбине были разоружены, а солдаты высланы за пределы Маньчжурии.

После неудачной попытки Харбинского Совета установить свою власть в полосе отчуждения КВЖД, Д.Л. Хорватом были предприняты усилия сохранить свои полномочия и не допустить перехода дороги к РСФСР. Как сообщал адмиралу А.В. Колчаку российский посланник в Пекине князь Н.А. Кудашев, «Хорват считает необходимым образовать правление Восточно-Китайской железной дороги, которое получило бы возможность так или иначе осуществлять свои русские интересы» [29, с. 168]. В дальневосточном регионе, меж тем, началась интервенция империалистических держав: в ноябре 1917 г. в порт Владивосток прибыл американский крейсер «Бруклин», а в январе 1918 г. в бухту Золотой Рог вошли японские и английские военные корабли.

27 декабря 1917 г. советским правительством был упразднен Русско-Азиатский банк, который являлся одной из сторон, подписавших контракт на постройку КВЖД в 1896 г. На заседании нового правления Русско-Азиатского банка в Париже 15 января 1918 г. был принят проект создания в Пекине нового правления Общества КВЖД. 27 апреля 1918 г. в Пекине на совещании членов правления Общества КВЖД и представителей Русско-Азиатского банка было принято решение о самостоятельности дороги как предприятия банка. Было создано новое правление общества КВЖД во главе с председателем – губернатором Цилиньской провинции Го Цзунси. Вице-председателем был назначен Д.Л. Хорват. В правление также вошли: А. В. Колчак, А. И. Путилов, Л. А. Устругов, В. С. Езерский, Н.А. Коновалов, З. В. Слаута.

В начале 1918 г. в Харбине был создан «Дальневосточный комитет защиты родины и Учредительного собрания» во главе с адвокатом В.И. Александровым. В состав Комитета вошел Д.Л. Хорват. 10 февраля 1918 г. Комитет объявил о начале формирования «Дальневосточного корпуса защиты Родины и Учредительного Собрания», призванного стать ударной силой против Советской власти на Дальнем Востоке. Были разработаны «Условия для добровольцев-китайцев, поступающих на сформирование частей вспомогательного назначения при 1-м Особом отряде Дальневосточного корпуса защиты Родины и Учредительного собрания государства Российского». Части вспомогательного назначения создавались для охраны складов, лиц, находящихся под стражей, сопровождения поездов с грузами. 4 апреля 1918 г. генерал М.М. Плешков, назначенный командующим войсками "Дальневосточного комитета защиты родины и Учредительного собрания",

направил Д.Л. Хорвату просьбу ходатайствовать перед китайским правительством о разрешении набора граждан Китайской Республики в части вспомогательного назначения.

Активная деятельность русских генералов в полосе отчуждения КВЖД вызвала беспокойство у местных властей и Пекина. Губернатор провинции Хэйлунцзян Бао Гуйцин 9 января 1918 г. подписал приказ о запрете населению хранить дома оружие; оружие же, имевшееся в организациях и учреждениях, подлежало строгому учету [39, с. 388]. Пекинское правительство, в свою очередь, отказалось дать согласие на поступление китайцев в формируемые части солдатами по найму – найм их мог производиться только в качестве рабочих. Тем не менее, в апреле 1918 г. из Харбина на станции КВЖД были командированы 27 русских офицеров для найма китайцев в солдаты. Предполагалось нанять 6 эскадронов по 160 человек с ежемесячной уплатой жалованья в размере 80 руб. Это вызвало резкий протест пекинского правительства, и в конце апреля 1918 г. Д.Л. Хорват сделал распоряжение о приостановлении вербовки [8, л.л. 7, 9-10, 16, 19-20].

К началу 1918 г. на территории Северо-Восточного Китая белогвардейские отряды из русских эмигрантов и китайцев формировались в Харбине, на ст. Маньчжурия, на ст. Суйфэньхэ (Пограничная). После начала вооруженного выступления в Благовещенске в марте 1918 г. (т.н. "Гамовского мятежа") 2 тыс. китайских солдат были приведены в боевую готовность в Хэйхэ и ждали приказа о выступлении в помощь атаману И.М. Гамову [36, с. 38-39]. В 1918 г. в Хэйхэ была организована типография, где печатались белогвардейские листовки и брошюры, которые затем развозились по селам Амурской области. В Хэйхэ также сосредотачивались запасы оружия для готовившихся антисоветских выступлений [11, л. 272].

Значительной силой стал сформированный есаулом Г.М. Семеновым в начале 1918 г. Особый Маньчжурский Отряд (ОМО). В ОМО среди русских, бурят, монголов, сербов и японцев служили и китайцы под руководством двойного офицерского состава: при проведении боевых действий командовали русские офицеры, а в периоды между боями внутренним распорядком занимались китайские офицеры. Общая численность китайцев в семеновских соединениях составляла 1300 чел. [30, с. 28, 38]. Как считал Г.М. Семенов, «крупные ... войсковые соединения из частей разных национальностей давали гарантию безопасности от политического развала одновременно всех вооруженных сил. Такая организация давала возможность использовать национальный антагонизм, существовавший издавна между монголами и китайцами» [2, с. 142]. В приказе Г.М. Семенова по ОМО № 145 от 25 июня 1918 г. «О награждении лиц, отличившихся в делах против большевиков», среди 82-х награжденных Георгиевскими крестами и медалями было 47 китайцев, из них 35 рядовых, 7 младших и старших унтер-офицеров, 4 взводных, 1 фельдфебель [4, лл. 16-18об.].

Отказываясь подчиняться кому-либо, Г.М. Семенов со своими частями свободно передвигался по территории Маньчжурии, беспрепятственно пересекая российско-китайскую границу. Имеются свидетельства о чинимых им грабежах китайских торговцев. Так, в январе 1918 г. он задержал более 70 коммивояжеров харбинских фирм "Аньюй" и "Юйчэндэ" и забрал всю имевшуюся при них наличность [39, с. 388]. Попытки разоружения Семенова китайскими местными властями, в частности, в январе 1918 г. на ст. Маньчжурия, успеха не имели. Удалить Семенова из Северо-Восточного Китая пытался и генерал Д.Л. Хорват, но также неудачно. Для усиления своих частей Г.М. Семенов направил в станицы Забайкалья и бурятские улусы своих агитаторов. Добровольцев из Амурской области, желающих примкнуть к Семенову, специально направленные в область семеновские прапорщики и подесаулы отправляли на ст. Маньчжурия через Хэйхэ и Цицикар [2, с. 126]. Не имея возможности разоружить Г.М. Семенова в Маньчжурии, китайские местные власти дали согласие до 5 апреля 1918 г. не выпускать его на русскую территорию, но фактически китайская администрация не контролировала действия Семенова. На переговорах на ст. Мациевская 6 апреля 1918 г. представители властей Северо-Восточного Китая – помощник начальника штаба при управлении генерал-губернатора Хэйлунцзянской провинции генерал-лейтенант Хун Луаньмин и полковник, старший адъютант Байцзу И – заявили советским

руководителям Сибири о своем нейтралитете по отношению к отрядам Семенова. Данная на 20 дней гарантия не выпускать семеновцев из пределов Китая заканчивалась, а вторичную подобную гарантию китайская делегация дать отказалась.

В апреле – мае 1918 г. сформированные в Маньчжурии белогвардейские отряды стали вторгаться на территорию Приморья и Забайкалья. В мае 1918 г. нарком по иностранным делам советского правительства Г.В. Чичерин направил ноту китайской комиссии в Петрограде, в которой был заявлен протест против предоставления операционных баз белогвардейским частям и японскому командованию для наступления в пределы Советской России [21, с. 340]. Пекинское правительство не ответило на эту ноту.

В конце июля 1918 г. после поражений в боях с отрядами Красной Армии отряды Семенова вновь бежали в Маньчжурию. Командующий Забайкальским фронтом С.Г. Лазо приступил к переговорам с китайскими властями о разоружении Семенова. У китайских властей имелись опасения, что в случае расформирования частей Семенова соединения Лазо могут вторгнуться на территорию Маньчжурии, поэтому подписание соглашения было сорвано [2, с. 166].

29 августа 1918 г. на заседании войсковой управы Амурского казачьего войска (находившейся в Хэйхэ после подавления вооруженного выступления в марте 1918 г.) было принято решение командировать в Харбин и Владивосток И.М. Гамова, В.А. Никольского и С.И. Щевьева для обращения к консульскому корпусу за помощью в борьбе против власти Советов. В ноябре 1918 г. из Владивостока на ст. Маньчжурия через Харбин по КВЖД проследовало более 30 белогвардейских отрядов общей численностью более 3 тыс. человек [20, с. 100].

В сентябре 1918 г. начался ввод японских войск в Забайкалье, их численность здесь вскоре достигла 40 тыс. чел. Японские войска взяли под свой контроль центральный участок Сибирской железнодорожной магистрали. Белогвардейскими отрядами атамана Семенова была занята Чита [17, с. 25].

В годы гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке Северо-Восточный Китай становится убежищем для представителей и руководителей различных политических партий и организаций. В начале марта 1918 г. в Харбин прибывают бежавшие из Томска члены Временного правительства автономной Сибири (ВПАС), избранного Сибирской областной думой и стоявшего на позициях областничества. 26 января 1918 г. исполком Томского Совета объявил Думу распущенной. Председатель ВПАС и одновременно министр земледелия, правый эсер П.Я. Дербер выехал в Харбин. Не приветствовавший появления П.Я. Дербера в Харбине Д.Л. Хорват тем не менее предоставил членам ВПАС на ст. Харбин вагон для проживания.

Все попытки правительства П.Я. Дербера добиться официального признания у командующих интервенционистскими войсками закончились неудачей. В конце марта 1918 г. союзники белого движения пришли к мнению, что правительство П.Я. Дербера неспособно возглавить борьбу с большевиками на Дальнем Востоке. Захват ВПАС власти во Владивостоке с помощью чехословацких легионеров 29 июня 1918 г. не повлиял на решение союзников поставить во главе белого движения на Дальнем Востоке генерала Д.Л. Хорвата и адмирала А.В. Колчака. 9 июля 1918 г. в своем воззвании Д.Л. Хорват, как "единственный оставшийся у власти представитель Временного Правительства", провозгласил себя Временным Правителем и объявил об образовании Делового Кабинета, во главе которого встал бывший член 3-й и 4-й Государственной Думы В.С. Востротин. "Я решил взять на себя всю полноту государственной власти впредь до восстановления, при содействии народа, порядка в стране и до созыва свободно избранного Учредительного собрания, которое установит образ правления Российского государства", – разъяснил в своей декларации Д.Л. Хорват [19, с. 13]. 10 июля 1918 г. на заседании Совета Министров ВПАС под председательством П.Я. Дербера было принято решение «объединить все силы демократии в борьбе с надвигающейся диктатурой генерала Хорвата» [7, л. 14].

Борьба за власть продолжалась до сентября 1918 г., когда во Владивосток прибыл председатель Совета Министров Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский. Д.Л. Хорват заявил о своем подчинении Вологодскому, приняв должность уполномоченного Сибирского правительства с пребыванием во Владивостоке. 23 сентября 1918 г. в Уфе была создана Директория из пяти человек (Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, В.Г. Болдырев, В.А. Виноградов и П.В. Вологодский), провозгласившая себя Временным всероссийским правительством. Главными своими задачами Уфимская Директория ставила борьбу за свержение Советской власти, аннулирование Брестского мира и продолжение войны против Германии совместно с союзниками [24, с. 174]. Временное правительство автономной Сибири самоупразднилось. В октябре 1918 г. Директория переехала в Омск.

В середине октября 1918 г. в Омск прибыл адмирал А.В. Колчак. 4 ноября он получил пост военного и морского министра в правительстве Директории. В ночь на 18 ноября 1918 г. в Омске произошел переворот с целью установления военной диктатуры. Ведущие деятели Директории были арестованы, а А.В. Колчак принял пост Верховного Правителя всероссийского правительства. Д.Л. Хорват стал Верховным уполномоченным всероссийского правительства на Дальнем Востоке.

После переворота 18 ноября 1918 г. власть адмирала А.В. Колчака как Верховного Правителя и Главнокомандующего признали все временные правительства, образовавшиеся в 1918 г. на территории Дальнего Востока. Отказался подчиниться лишь атаман Г.М. Семенов, который высказал свои намерения прежде ознакомиться с позицией и целями нового правительства. В ответ на свое заявление Семенов получил из Омска приказ № 61, гласивший, что он отстраняется от всех должностей и от командования белоказачьими войсками в Забайкалье за неповиновение Верховному Правителю. В дальнейшем попытки А.В. Колчака поставить под контроль отряды Семенова встретили сопротивление атамана, которого поддерживали японские войска, угрожая Колчаку полным разрывом всяческих отношений в случае применения силы против Семенова. Конфликт был исчерпан лишь весной 1919 г., когда приказ об отстранении Семенова от должностей был отменен [19, с. 63-66].

Через атамана Семенова Япония попыталась осуществить план образования «Великого Монгольского государства» – объединение под японским протекторатом Внешней, Внутренней Монголии и Барги (входили в состав Китая) и Бурят-Монголии (входила в состав России). В 1919 г. Семенов организовал на ст. Даурия панмонгольское правительство. Однако после падения в 1920 г. Омского правительства Барга вновь оказалась под властью Китая [37, с. 67].

В начале 1921 г. китайский милитарист Чжан Цзолинь обсуждал план конкретных действий против Дальневосточной республики (ДВР) с японским консулом в Мукдене и атаманом Семеновым. На базе японских войск, отрядов атамана Семенова, Чжан Цзолиня и русских антибольшевистских элементов в Маньчжурии было решено создать Лигу по борьбе с коммунизмом. В целях пополнения своего арсенала Чжан Цзолинь купил у братьев Меркуловых три подводные лодки, 10 тыс. винтовок, 1 тыс. маузеров. С генералом М.К. Дитерихсом Чжан Цзолинь заключил секретное соглашение о продаже и поставке находящегося во Владивостоке оружия [28, с. 48, 50]. В частях Чжан Цзолиня насчитывалось несколько тысяч русских, которые служили там на следующих условиях: офицеры в чине ниже полковника – за 60 даянов ежемесячно (помимо обмундирования, довольствия и военной добычи); унтер-офицеры, фельдфебели и подпрапорщики – за 30 даянов; рядовые – за 20 даянов [10, л. 33].

В середине апреля 1921 г. в Пекине состоялось совещание представителей белогвардейских отрядов (Г.М. Семенова, Р.Ф. Унгерна, Б.В. Анненкова и др.), на котором было принято решение начать одновременно выступление из Маньчжурии в Забайкалье, Амурскую область, Сибирь [26, с. 351]. В начале июня 1921 г. Семенов стал готовиться к переброске своих войск в Забайкалье. Но США, опасавшиеся, что Япония использует войска Семенова для захвата КВЖД, добились запрета пекинского правительства и Чжан Цзолиня

на переброску семеновских войск по КВЖД [27, с. 30]. 4 июня 1921 г. китайские власти в Харбине объявили, что если атаман Семенов прибудет в Харбин, то будет арестован. Необходимость ареста Семенова официально была мотивирована тем, что атаман и его агенты, взяв у китайских подданных товаров на значительные суммы, за товары не уплатили [18].

В письме начальника Биньцзянского округа Цзилиньской провинции Чжан Шоуцзэна особоуполномоченному ДВР в полосе отчуждения КВЖД от 3 октября 1922 г. подчеркивалась позиция нейтралитета штаба охранных войск по отношению к русским политическим партиям и организациям. Подтверждался запрет китайских властей на ввоз русскими оружия при въезде на территорию Китая. "Все лица, кои либо по торговым делам прибывают в наши пределы, либо транзитом следуют далее, обязаны предварительно сделать о цели своей поездки заявление китайским консулам в русских пределах и испросить разрешение и охранный лист на въезд", – писал Чжан Шоуцзэн [14, л.л. 47-48]. 29 октября 1922 г. белогвардейский отряд численностью более 4 тыс. чел., прибывший в Харбин из Владивостока через Корею, был разоружен китайскими властями [38, с. 120].

Однако такие действия китайских властей были единичны. Отряды белогвардейцев, сформированные в Северо-Восточном Китае, нападали на русские населенные пункты и скрывались на китайской территории. Так, 31 мая 1921 г. банда белогвардейцев численностью примерно 20 чел. переправилась через Амур и напала на охранный пост с. Верхне-Благовещенское. В ночь на 1 июня того же года белогвардейцы напали на хутор Корфовский [31]. С российского берега на китайскую сторону при содействии китайских солдат нелегально переправлялось оружие, предназначенное для белогвардейских формирований. Имели место случаи контрабандной скупки оружия для белогвардейцев в российских селах на деньги офицеров китайских гарнизонов [22, с. 116-124]. При этом китайцы, отправлявшиеся на сезонные заработки на Дальний Восток, нередко выполняли роль почтальонов для русских офицеров в Маньчжурии и белогвардейских формирований на российской территории [5, л. 73].

В 1922 г. белогвардейские войска в Маньчжурии формировались генералом И.Ф. Шильниковым на ст. Маньчжурия, генералом Е.Г. Сычевым в Хэйхэ, генералом Г.Е. Мацеевским в Хайларе. 5 января 1922 г. отряд полковника Илькова совершил из Маньчжурии налет на деревню Надеждинское, где забрал у жителей продовольствие. 14 января того же года напротив поселка Буссе на китайской территории было замечено около 100 дезертиров из частей НРА ДВР. Дезертиры располагались совместно с китайским гарнизоном. 8 декабря 1922 г. отряд полковника Шашкина, сформированный из казаков поселка Лончаково, скрылся на китайской территории. 15 и 16 декабря белогвардейскими отрядами численностью около 200 человек были взорваны железнодорожные мосты на участке ст. Вяземская – Дормидонтовка Уссурийской железной дороги, белогвардейцы скрылись на китайской территории. В сентябре 1922 г. на китайской таможне ст. Пограничной были задержаны 2 вагона с медикаментами. В медикаментах были найдены винтовки. Вагоны были пропущены согласно распоряжению Чжан Цзолиня пропускать всякие военные грузы, следующие из Приморья в Маньчжурию [33, л.л. 10, 38об., 42].

В меморандуме представительства СССР в Пекине МИДу Китая от 18 февраля 1924 г. говорилось о том, что в Хэйхэ существует штаб боевой белогвардейской организации, возглавляемый есаулами Маньковым и Рязанцевым. В Хэйхэ китайскими властями допускалось также пребывание представителей бывшего атамана Семенова, оказывавших помощь в организации налетов отрядов Сычева на советскую территорию. Банды Сычева регулярно грабили маковозов и китайских торговцев, а также занимались продажей опиума и печатанием фальшивых червонцев, причем мастерская фальшивомонетчиков помещалась в одном из публичных домов Сахаляна (Хэйхэ). В районе Турьего Рога на китайской территории, напротив русского селения Платоно-Александровского, находилась банда полковника Овечкина численностью 60 человек, в районе Имана на китайской территории – вооруженная банда полковника Ширяева численностью до 20 человек [1, л. 48]. В

пограничной полосе, сопредельной с Амурской губернией, китайские власти перевели белогвардейцев на казарменное положение, снабжали их оружием и патронами и пользовались их услугами в качестве вооруженной охраны. В полосе отчуждения КВЖД беспрепятственно действовали белогвардейские организации Ларионова (в районе ст. Маньчжурия), Гордеева (в Хайларе и ст. Маньчжурия), Кольцова (на Чжалайнорских копиях), Перебоева (на ст. Чжалайнор) и др. На ст. Пограничная отделение союза «беспартийных» рабочих и служащих КВЖД выдавало белогвардейцам удостоверения, которые обменивались затем на китайские паспорта. Через этот же союз члены белых формирований совершенно официально получали оружие. Пропуска для дальнейшего следования по китайской территории белогвардейцам выдавались и в Саньчагоу, там же скупали контрабандное оружие, отправляемое затем в Харбин [22, с.118-122].

В условиях политической нестабильности население российского Дальнего Востока подвергалось нападениям не только белогвардейских отрядов, но и банд хунхузов, совершавших налеты с территории Северо-Восточного Китая. Хунхузами (от кит. "хунхуцзы" – "краснобородый") называли участников вооруженных банд, действовавших в Маньчжурии с середины XIX в. до 1949 г. Ими, в основном, становились или разорившиеся переселенцы, или сосланные в Маньчжурию китайцы, бежавшие с каторжных работ.

Китайскими властями широко использовалась практика приглашения хунхузов на военную службу. В регулярных войсках хунхузы обучались военному искусству и, дезертируя, нередко создавали хорошо обученные и организованные банды. Во время первой мировой войны в целях дестабилизации ситуации на российском Дальнем Востоке отряды хунхузов финансировались Германией; бежавшими германскими военнопленными в отрядах проводилось обучение военному делу. После взятия англо-японскими войсками немецкой военно-морской базы Циндао в ноябре 1914 г. ранее предполагавшиеся планы были изменены, перед хунхузами был поставлена цель осуществлять террор населения в Приамурском крае и полосе отчуждения КВЖД. Службы безопасности Приамурского края были уверены в том, что участвовавшие в 1916 г. нападения хунхузов на российские селения были результатом деятельности немецких организаций [23, с. 45-46].

В годы гражданской войны и интервенции нападения хунхузов на российскую территорию продолжались. 19 марта 1921 г. был ограблен прииск им. Ленина в Амурской области; 20 марта – прииск Ивановский [35, л. 201, 203, 219]. 7 мая начальник Приморской областной милиции Лебедев докладывал о шайке хунхузов в количестве 600 человек на руднике Скидельского. 21 июня 1921 г. 1 тыс. хунхузов напала на деревню Андреевка Ольгинского уезда, 23 июня 500 хунхузов около села Черниговка Никольск-Уссурийского уезда напали на участковую милицию [9, л. 2, 7]. К 1 октября 1921 г. была отмечена деятельность шаяк хунхузов в районе деревни Троицкая (240 верст вниз по Амуру от Хабаровска), а также в деревнях Виноградовка, Озерная, Бельцево и Семеновка [32, л. 247]. 27 декабря 1921 г. отряд хунхузов численностью около 500 человек совершил нападение на село Благословенное Завитинского уезда Амурской области. Хунхузами были сожжены 23 дома, почта и школа, угнаны в Китай 217 лошадей и 17 коров. 20 апреля 1922 г. хунхузами было разграблено пограничное село Ваганово [3, с. 43]. Увеличилось количество нападений хунхузов на станции и поезда в полосе отчуждения КВЖД – японское командование, стремясь доказать неспособность китайских властей установить порядок на КВЖД, поставило перед хунхузами задачу взрывать железнодорожные мосты, разрушать полотно, нападать на мирных граждан. Эта проблема неоднократно обсуждалась Правлением Общества КВЖД в беседах с представителями китайского командования. 21 августа 1921 г. была образована особая смешанная комиссия для борьбы с хунхузничеством [25, с. 402].

Активно поддерживали хунхузов войска японских интервентов, снабжая их оружием, обмундированием и деньгами. После очередного нападения хунхузов Япония вновь подтверждала необходимость пребывания японских войск в Приморье для «наведения порядка». На закрытом заседании Владивостокской городской управы 22 сентября 1922 г.

было отмечено предложение Японии увести хунхузов из Приморья при условии, если Временное Приамурское правительство поддержит все мероприятия Японии [34, л. 576].

Правительство ДВР предприняло попытку использовать хунхузов в своих целях. На заседании Приморского областного комитета РКП(б) 16 августа 1920 г. было «признано возможным использование китайских организаций в борьбе, проводимой нами в здешнем крае» [6, л. 27]. 25 января 1921 г. из Благовещенска в Хабаровск с группой товарищей прибыл китайский коммунист Лю Цянь (псевдоним «Федоров»). Он развернул работу по выяснению и уточнению численности китайских отрядов на Дальнем Востоке. Было установлено, что из отрядов хунхузов общей численностью 20 тыс. чел., действующих вдоль полосы отчуждения КВЖД вплоть до Владивостока, 1600 бойцов изъявили готовность вступить в армию ДВР. Войска ДВР согласился поддержать и китаец Юн Хэ, действовавший со своим отрядом в 1700 чел. в районе Имана [13, л.л. 33-35]. Всем главарям хунхузов, согласившимся сотрудничать с революционными силами, Федоров выдавал удостоверения о принадлежности к компартии.

Переговоры с хунхузскими отрядами Федоров вел до лета, однако каких-либо ощутимых результатов достигнуто не было. Группы хунхузов, получившие удостоверения о принадлежности к компартии, продолжили грабежи уже под коммунистическими лозунгами, роняя таким образом авторитет компартии среди китайцев. Для централизованного объединения хунхузов был привлечен командир китайского батальона Сун Цзиу (псевдоним «Желтый»), воевавший летом 1920 г. на Уссурийском фронте. По имеющимся данным, с ним была проведена соответствующая работа Приамурским отделом Госполитохраны [13, л. 29], так как уже в июле 1921 г. он вместе со своим отрядом численностью до 300 чел. передислоцировался в провинцию Цзилинь Северо-Восточного Китая и, свободно переходя российско-китайскую границу, начал партизанить на российской территории, а на территории Китая участвовал в стычках с белогвардейскими соединениями (в частности, с бригадой ген. Сахарова), двигавшимися в Приморье и Приамурье. В августе 1922 г. его отряды соединились с корейскими отрядами, а Сунь Цзиу был избран председателем Реввоенсовета партизанских отрядов Цзилиньской провинции [16, л.л. 8-9]. Большая часть командного состава и рядовых бойцов отряда ранее служили офицерами и солдатами в армии Чжан Цзолиня либо являлись бывшими хунхузами. В отряд Сунь Цзиу их привлекла и возможность, написав заявление, получить от продовольственного комитета отряда от 50 до 100 даянов и отослать испытывающей материальные трудности семье. Продовольствие и деньги партизаны получали путем наложения жесткой контрибуции на население в городах и деревнях [12, л.л. 28-34].

Численность объединенных по заданию и с помощью Дальбюро ЦК РКП(б) китайских и корейских партизанских отрядов в общей сложности составила 3300 чел. Перед ними была поставлена задача обеспечить со стороны китайской территории охрану коммуникаций и правого фланга фронта НРА ДВР при ее наступлении на Владивосток. Для выполнения намеченной цели командование партизанскими отрядами Хабаровского уезда установило постоянную связь с Сунь Цзиу, передавало ему боеприпасы и пулеметы, согласовывало боевые действия. В объединенных партотрядах был свой штаб, а также политчасть, хозяйчасть, санчасть, ветчасть, пулеметная команда, отдельный стрелковый батальон (численностью 223 чел.), артбатарея (17 чел.) [15, л.л. 1-4]. Правительство ДВР скрывало свою причастность к созданию и деятельности этих отрядов, в официальных переговорах с представителями властей Северо-Восточного Китая именовало партизанские отряды Сунь Цзиу хунхузскими, настаивая на стихийном характере их образования и отрицая наличие каких-либо связей с этими отрядами, принявшими самое активное участие в октябре 1922 г. в завершающей Приморской операции и штурме Спасска.

Итак, после Октябрьской революции 1917 г., в период гражданской войны и интервенции на российском Дальнем Востоке Северо-Восточный Китай становится территорией сосредоточения сил русской контрреволюции. Подобная роль Маньчжурии была предопределена наличием там полосы отчуждения КВЖД, в пределах которой

проживало русское население и функционировала русская администрация – правление Общества КВЖД, от имени которого действовал генерал-лейтенант Д.Л. Хорват. Зависимость пекинского правительства и фактического правителя Маньчжурии Чжан Цзолиня от империалистических держав дала возможность лидерам белого движения формировать свои отряды на территории Северо-Восточного Китая. Наличие здесь организованного антибольшевистского центра явилось одной из особенностей историко-географического поля дальневосточного региона в период гражданской войны и интервенции.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.100. Оп.3. Папка1. Д.10. Т.2.
2. Атаман Семенов О себе (Воспоминания, мысли и выводы). – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; ООО «Гей итэрум», 1999. – 320 с.
3. Воробьев Р.А. Советская милиция Приамурья (1917 – 1925 гг.). – Хабаровск: ХВШ МВД СССР, 1989. – 96 с.
4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 329. Оп. 1. Д. 63.
5. ГАЗК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 231.
6. Государственный архив Приморского края. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 11.
8. ГАРФ. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 3.
9. ГАРФ. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 3.
10. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.П-44. Оп.1. Д.147.
11. ГАХК. Ф.П-44. Оп.1. Д.248.
12. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 400.
13. ГАХК. Ф. П-361. Оп. 1. Д. 7.
14. ГАХК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 5.
15. ГАХК. Ф. Р-1722. Оп. 1. Д. 3.
16. ГАХК. Ф. Р-1722. Оп. 1. Д. 7.
17. Григорцевич С.С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918-1922 гг.). – М.: Госполитиздат, 1957. – 200 с.
18. Дальневосточная республика. – 1921. – 22 июня.
19. "Дело не получило благословения Бога": Публицистика и мемуары белых. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1992. – 368 с.
20. Дифан ши цзыляо (Материалы по истории региона).(1916 – 1921) (на кит.яз.). Вып.2. – Харбин: Хаэрбинь ши дифан ши яньцзюсо, 1980. – 355 с.
21. Документы внешней политики СССР. Т.1. 7 ноября 1917 — 31 декабря 1918 г. – М.: Госполитиздат, 1957. – 772 с.
22. Документы внешней политики СССР. Т.7. 1 января - 31 декабря 1924 г. – М.: Госполитиздат, 1963. – 740 с.
23. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы первой мировой войны. – Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. пед. ун-та, 1999. – 366 с.
24. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. – М.: Наука, 1977. – 319 с.
25. Исторический обзор КВЖД (1896 – 1923). Сост. Нилус Е. Х. Т.1. – Харбин: Правл. О-ва Кит. Вост. ж. д., 1923. – 690 с.
26. История гражданской войны в СССР. Том 5-й. Конец иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. Ликвидация последних очагов контрреволюции (февраль 1920 г. – октябрь 1922 г.). – М.: Госполитиздат, 1960. – 420 с.
27. История Северо-Восточного Китая XVII-XX вв. Кн.2. Северо-Восточный Китай. 1917-1949 гг. – Владивосток: Дальневост. книжное изд-во , 1989. – 350 с.

28. Каретина Г.С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е гг. XX в. – М.: Наука, 1984. – 200 с.
29. Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни / Составитель Г.В. Егоров. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991. – 304 с.
30. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1922 гг.) – М.: Институт российской истории. РАН, 1997. – 245 с.
31. Показаньев А. На защите завоеваний революции // Амурская Правда. – 1977. – 20 декабря.
32. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.372. Оп.1. Д.87.
33. Российский государственный военный архив. Ф. 221. Оп. 2. Д. 41с.
34. Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 159. Оп. 1. Д. 46.
35. РГИА ДВ. Ф. Р-4391. Оп. 1. Д. 59.
36. Светачев М.И. О роли китайских милитаристов в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.) // Новая и новейшая история. – 1970. – № 5. – С. 36-48.
37. Тарасов А.П. Русские в приграничном Китае // Восток. – 2005. – № 4. – С.65-82.
38. Хаэрбинь лиши бяньнянь (1896 – 1949) (Хроника истории Харбина) (на кит.яз.). – Харбин: Хаэрбинь жэньминь чубаньшэ, 1986. – 418 с.
39. Хэйлунцзян шэн чжи (Обозрение провинции Хэйлунцзян) (на кит.яз.). Т.2. – Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1992. – 1116 с.
40. Хэйлунцзян шэн чжи (Обозрение провинции Хэйлунцзян) (на кит.яз.). Т.69. – Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1993. – 511 с.

Ильина Татьяна Геннадьевна, канд. экон. наук, доцент
Кафедра финансов и учета Института экономики и менеджмента
Национальный исследовательский Томский государственный университет
ilinatg@mail.ru

ФОМИРОВАНИЕ КРЕДИТНО-ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОГО ЧАЙНОГО ПУТИ

УДК 336

Аннотация. В статье анализируется влияние Великого чайного пути на развитие кредитно-финансовых отношений в Западной Сибири. Исследуются особенности и специфика всех уровней кредитно-финансовой системы того времени. Особое внимание уделяется операциям и услугам банков, которые были связаны с обслуживанием внешней торговли с Китаем. Кроме того, в статье рассматриваются вопросы формирования и перетекания частных капиталов, а также роль чаоторговцев в развитии и функционировании финансовой инфраструктуры Западной Сибири.

Ключевые слова и фразы: Великий чайный путь, банки, Западная Сибирь, Государственный банк России.

Tatiana Pina, Cand. Sc. in Economic, Associate Professor
Department of Finance and Accounting, Institute of Economics and Management
National Research Tomsk State University
ilinatg@mail.ru

FORMATION OF CURRENCY-FINANCIAL AND CREDIT RELATIONS IN WESTERN SIBERIA UNDER THE CONDITIONS OF THE GREAT TEA ROAD

Abstract. The article analyzes the influence of the Great Tea Road on the development of monetary and credit relations in Western Siberia. The features and specifics of all levels of the credit and financial system of that time are investigated. Particular attention is paid to the operations and services of banks that have been associated with the servicing of foreign trade with China. In addition, the article discusses the formation and flow of private capital, as well as the role of tea merchants in the development and operation of the financial infrastructure of Western Siberia.

Key words and phrases: Great Tea Road, banks, Western Siberia, State Bank of Russia.

Экономика Сибири в XIX в. была составной частью экономики России. Сибирь приносила государству валовый доход в сумме 19 700 тыс. руб. серебром, а чистый доход составлял 15 960 тыс. руб., из которых 12 885 тыс. руб. распределялся в доход государственного казначейства [1]. Сибирь была тесно связана не только с европейской частью России, но и с сопредельными азиатскими народами, с которыми на протяжении всего XIX в. крепили торгово-экономические отношения, и в первую очередь с Китаем. Торговлю осуществляли российские купцы и иностранцы, осевшие на постоянное жительство в Сибири, по двум главным путям – восточному и южному. Основной путь проходил по Сибирскому тракту и развивал торговлю с Китаем в Кяхте. Движение грузов по этому пути осуществлялось круглогодично. Главной особенностью этой торговли был ее передаточный характер: товары из Китая лишь небольшой частью продавались в Сибири, а в основном они транзитом двигались в европейскую часть России на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки и далее. Но этот транзит сильно оживлял экономику Сибири [2, с.124-128]. Финансово-банковская система Сибири, обслуживающая нужды экономики края,

также формировалась под влиянием внешней торговли с Китаем, и особенное место здесь занимала чаеоторговля по Великому чайному пути. Хотя в 1860-х гг., в связи с изменением ситуации на мировом чайном рынке, чаеоторговля в Сибири оказалась в кризисной ситуации [3], Петербургский мирный договор 1881 г., который существенно улучшил отношения между двумя странами и заложил основу для последующих российских внешнеполитических и торговых отношений в конце XIX – начале XX вв., улучшил ситуацию. В 1896 г. подписание между китайским правительством и правлением Русско-Китайского банка соглашения о строительстве железной дороги в Маньчжурии (КВЖД) определило южную границу колонизации Сибири [4, с.29-30]. Генерал-адъютант А.Н. Куропаткин ожидал серьезной пользы от подчинения пограничной линии Томской губернии с Китаем на расстоянии 1000 верст. Кроме политических причин в пользу подобной организации, он называл и экономические причины, отмечая, что внутреннее развитие края еще не достигло необходимого для подъема общего благосостояния губернии уровня [5]. В тот период в России «особая система торгово-промышленного права не сложилась, имелись лишь отдельные законы» [6]. В частности, взаимоотношения между хозяевами и приказчиками регулировались отдельными статьями Устава торгового и некоторыми другими актами [7]. Более того, в начале 1880-х годов губернии Тобольская и Томская остались вне ведения генерал-губернаторской власти и были подчинены непосредственно подлежащим министерствам на общем основании [8]. И только 1 июня 1895 года в Тобольской и Томской губерниях (позже – в Енисейской и Иркутской) взамен губернских советов были учреждены губернские управления в составе губернатора, общего присутствия и канцелярии.[9]. Одной из мер, принимаемых губернской администрацией, была мера, связанная с текущими делами по организации торговли [10, с.117]. В Томске первое распорядительное управление занималось обнародованием указов, давало разрешения на устройство и содержание фабрик и заводов, складов, типографий, библиотек, на открытие ярмарок и базаров, решало дела о продаже движимых и недвижимых имуществ [10, с.26]. В Тобольске второе отделение – «судное: уголовно-гражданское» – занималось делами страхования, в том числе торговых операций и грузов. Доклады общему присутствию страховых дел были возложены на советника второго отделения, под руководством которого они должны были вестись двумя штатными делопроизводителями или их помощниками [10, с.29]. Третье тобольское отделение – «бухгалтерское и счетное» – занималось взысканием окладных сборов, недоимок, штрафов, распределяло и взыскивало городской налог с недвижимых имуществ, решало вопросы по заведыванию капиталами, утверждению цен, производству торгов, производилась выдача путевых пособий и т.д. [11]. Что касается торговых свидетельств и билетов, выдаваемых на право торговли, то информация об их числе и роде находилась в уездных казначействах, а впоследствии – в казённых палатах, городских думах или ратушах, которым уездное казначейство отсылало списки купцов по гильдиям, торгующих мещан и крестьян по родам и приказчиков по классам [12].

Сведения о числе несостоятельных купцов находились в коммерческих судах и ратушах, которые передавались в правление. Заполненные формуляры поступали в статистические комитеты и приводились к единообразному порядку [13]. В результате в декабре 1857 года был издан Циркуляр № 162, который закреплял 13 новых форм для годовых отчетов по разным разделам, в том числе по разделу «О числе выданных торговых свидетельств» [14]. Отчеты органов управления и информация об организации торгов обязательно печаталась в местных газетах. В течение 1892 г. газета «Томские губернские ведомости» напечатала отчеты о деятельности органов городского общественного управления — городских дум Бийска, Барнаула, Каинска, Томска, Мариинска — об аренде городских площадей, об открытии торгов, о продаже имущества с торгов и другую информацию [15]. Таким образом, начали формироваться понятные правила регулирования и организации торговли в Сибирском регионе. Развитие городского самоуправления стало, по мнению А.К. Кириллова, также важнейшей причиной появления банков в Западной Сибири в первой половине XIX века. Второй причиной стало развитие золотодобычи и, как

следствие, начало накопления капиталов и трансформации экономики региона [16, с.31]. Специфика региональной экономики этого периода из-за общей неразвитости торговли и неустойчивости купечества отразилась на характере рынка капиталов и банковских операций в Западной Сибири, что проявилось в преобладании неторговых и долгосрочных векселей, в распространении практики продления их сроков, в предложении более выгодных условий для потребительских и вексельных кредитов по сравнению с залоговыми ссудами, ориентацию не на кредитоспособность и обеспеченность кредитов, а на общую «солидность» заемщика [16, с.19]. Часто кредитные отношения оформлялись путем устной договоренности, без подписания каких-либо документов. Несмотря на это, факты неисполнения взятых на себя обязательств были очень редким явлением, так как в торговом мире существовал своеобразный кодекс чести, нарушение которого вело к репутационному ущербу, а также к материальному ущербу в виде санкций, что могло негативно повлиять на дальнейшую деятельность [17, с.151]. В.П. Бойко отмечает, что в это время взаимные купеческие кредиты, получившие развитие в этот период, обычно имели низкий процент либо были беспроцентными, при этом кредитор и заемщик имели равное положение в сделке [18].

Но по мере развития Великого чайного пути и внешней торговли с Китаем характер рынка капиталов и банковской системы края постепенно менялся. В 1817г. появился первый за Уралом банк – Государственный коммерческий банк, который был представлен временной конторой на Ирбитской ярмарке, где реализовывалась часть товаров, привозимых из Китая по восточному направлению Великого чайного пути. Это отделение до 40-х годов XIX в. обслуживало всю Сибирь. С развитием торговли росла необходимость в расширении банковской системы, что способствовало появлению городских общественных банков, инициаторами создания которых обычно становились купцы. Одними из первых возникли Банк сиропитательного дома Е.М.Медведниковой в 1836г. в Иркутске и Сибирский общественный банк купца А.Я.Попова в 1843г. в Томске. Но их малое количество не удовлетворяло потребностей региона и не оказывало заметного влияния на развитие хозяйства Западной Сибири [19, с.117-118]. По мере формирования капиталов сибирских купцов в наиболее крупных торговых домах Сибири банкирская деятельность становилась основным источником дохода, и они преобразовывались в банкирские дома, для чего купцы-владельцы должны были получить гильдейские свидетельства и билеты. Крупнейшими домами в XIX веке были тюменская банкирская контора Андреева Я.П. и томский банкирский дом Едельштейна [20, с.262]. Таким образом, в 60-70-е годы XIX века началось активное формирование кредитно-финансовых отношений в Западной Сибири. Этому несомненно способствовало учреждение в 1860 г. Государственного банка России, который кроме обычных банковских операций взял на себя функцию денежно-кредитного регулирования [21]. Регулирование денежного обращения, проводимое Госбанком, позволило оптимизировать денежный оборот путем замены ассигнаций казначейскими и кредитными билетами и таким образом обеспечить стабильные условия для развития экономики. [19, с.118.] В развитии чаеоторговли по Великому чайному пути основную роль до 1900 года играл именно Госбанк России, так как был наделен монопольными функциями, которые являлись одними из самых важных для развития внешней торговли, кроме банковских операций и регулирования, только Госбанк мог вести «заграничные операции» - продавать тратты на иностранную валюту, получать платежи из-за границы [22, с.9]. Согласно Уставу Государственного банка Российской империи, принятому в 1894 году, его организационная структура состояла из подразделений трех типов: конторы, отделения и агентства. Согласно окружной системе подчинения, мелкие подразделения подчинялись Центральному правлению и окружным центрам. Для этого в зависимости от объема операций и оборота отделения делились на три разряда [23, с.49]. Госбанк имел отделения на всем протяжении Великого чайного пути, так как кроме стационарных отделений: Московского, Одесского, Рижского, Киевского, Харьковского, Архангельского, Екатеринбургского, во время ярмарок открывались 4 временных отделения в Нижнем Новгороде, Рыбинске, Полтаве и Ирбите. А после 1963 года началось открытие новых

региональных контор в городах, расположенных по Сибирскому тракту. В 1865 году были открыты отделения Госбанка во всех крупных торговых центрах и прилегающих территориях Великого чайного пути: в Томске, в Иркутске, Красноярске, Енисейске. Позже, в 1894 году – в Тобольске, Тюмени и Чите, а в 1895 году – в Омске. Томск, как столица и самый крупный торговый центр Томской губернии (нынешние Алтайский край, Новосибирская, Кемеровская и Томская области, часть Красноярского края и Республики Казахстан), к 1897 г. стал самым населенным городом Сибири, в котором работало около 200 промышленных предприятий. Открытое отделение Государственного банка в Томске включало в себя пять уездных и одно городское казначейство, в том числе уездное казначейство в городе Каинске [24].

Статистическая оценка крупнейших финансовых центров Российской империи по размерам банковских активов на 1 января 1898г., проведенная С.А.Саломатовой, показывает, что в Западной Сибири было создано 4 банковских подразделения с активами на сумму 11 млн. рублей, крупнейшим финансовым центром региона являлся город Томск, в котором было сосредоточено 78% активов региона. В Восточной Сибири было создано 6 банковских учреждений, но капитал составлял всего 2 млн. рублей, а доля активов крупнейшего регионального центра, Иркутска, составляла 75% [25]. Такая концентрация банковских активов в финансовом центре характерна для регионов с преобладанием торговли, так как основные торговые площадки всегда, как правило, располагались в крупных центрах. Соотношение кредитов и депозитов в банковской системе за этот же период подтверждают вывод о сильном влиянии торговли на развитие банковской и кредитной системы Сибири. Региональное сравнение указанного соотношения показывает, что покрытие кредитов за счет депозитов в Западной и в Восточной Сибири значительно превосходит другие регионы России. Так, в Томской губернии (Западная Сибирь) объем кредитов составлял 7,2 млн. рублей, объем депозитов – 6,9 млн. рублей, а коэффициент покрытия кредитов депозитами равен 96%. По Восточной Сибири соответствующие показатели составили 2,3 млн. рублей, 2,0 млн. рублей, а коэффициент – 90%. Тогда как в среднем по России банковская система покрывала депозитами всего 72% кредитов, а остальные 28% покрывались за счет других источников. Это подтверждает вывод о том, что в этих регионах аккумулировалось больше капитала, что свойственно торговым центрам, что создавало базу и предпосылки для дальнейшего развития кредитно-финансовых отношений в этом регионе. По мнению С.Томпсона [26, с.68], общий капитал купцов России, включенных в купеческие гильдии, до 1900-х годов оставался низким, это означало, что число русских торговцев, имевших необходимый стартовый капитал и способных наладить внешнюю торговлю, в XIX веке было невелико. Поэтому поддержка банковской системы и государства была необходимым условием развития внешней торговли. Государство создавало крупные торговые компании, такие как Российско-Американская компания, которая с 1830 г. вела торговые операции в Кяхте, наиболее важном торговом пункте на границе с Китаем, занимая ключевое место в торговле чаем. Но после 60-х годов компания ухудшила свои показатели, ее векселя принимались со значительным дисконтом, а существенная часть капитала была заморожена. В 1862г. для сохранения доходов компании, руководство ходатайствовало о получении льгот на беспошлинную поставку чая в Россию до 4 тыс. цибиков в год, но не получила их и была разорена [27]. Этот факт свидетельствует о необходимости финансовой поддержки чаеоторговли в то время. Эта ситуация была спровоцирована открытием морской торговли между Россией и Китаем, что существенно снижало затраты на транспортировку по сравнению с затратами при доставке сухопутным путем по Сибирскому тракту. Сокращение транзита через Западную Сибирь могло привести к резкому падению экономического развития региона, доходов населения и свертыванию встречного экспорта товаров в Китай. Чаеоторговцам удалось добиться от правительства введения в 1862 году системы дифференцированных тарифов, что снизило пошлины на доставку чая сухопутным путем [28]. Это привело к доминированию купцов, ввозивших чай сухопутным путем, на рынке брикетированного чая и подняло их конкурентоспособность на растущем рынке листового чая в Сибири [29]. Государственная защита и поддержка кяхтинской чаеоторговли, а также

понимание русскими купцами факторов формирования внутреннего спроса в Сибири могут быть расценены как факторы коммерческого успеха российской чаеоторговли [26, с.87]. В итоге, это привело к тому, что к 1901г. объем листового чая, завезенного в Россию, достиг 1,7 млн. пудов, а чая в брикетах – 1,5 млн. пудов, что приносило большой доход в казну в виде акциза (0,25 государственных доходов от таможенных пошлин)[30]. Развитие кредитно-финансовых отношений в Западной Сибири также способствовало успеху вследствие формирования надежной базы для внешней торговли чаем, созданной к концу XIX века банками, что дало ей толчок для дальнейшего поступательного развития.

Таким образом, в период с 60-х XIX века произошел перелом в развитии кредитных отношений в Сибири, услугами отделений Госбанка в основном стали пользоваться крупные торговцы, так как они могли взять кредиты и ссуды под большое обеспечение. Преобладание торгового капитала над промышленным объясняется, в первую очередь, развитием внешней торговли по Великому чайному пути, на котором стояли такие крупные города, как Томск и Иркутск. Этим объясняется специфика деятельности Госбанка того времени: отсутствие ссуд промышленному и сельскохозяйственному сектору, в противовес чему активная выдача большого количества ссуд торговому сектору, а также активный трансфер капиталов со счетов сибирских отделений на счета в европейскую Россию, что подтверждает вывод о специализации сибирских банков на обслуживании внешней торговли. Так, 90-е годы XIX в. из 11,6 млн. рублей на вкладах и текущих счетах, открытых в сибирских отделениях Госбанка, было направлено в европейскую часть России - 94% или 10,9 млн. рублей [22, с.12].

Для понимания уровня развития кредитных отношений того времени сравним операции Госбанка Российской империи и современного Центрального банка России.

На современном этапе ЦБ РФ осуществляет следующие операции [31]: выпуск денег в обращение; кредитные, расчетные, кассовые и депозитные операции; покупка и продажа ценных бумаг на открытом рынке; покупка и продажа облигаций, выпущенных центральным банком, и депозитных сертификатов; покупка и продажа иностранной валюты, а также платежных документов и обязательств, номинированных в иностранной валюте, выставленные российскими и иностранными кредитными организациями; выдача поручительств и банковских гарантий; покупка, хранение и продажа драгоценных металлов и других валютных ценностей; хранение и управление портфелями ценных бумаг и других активов; осуществление операций с финансовыми инструментами, используемыми для управления финансовыми рисками; открытие счетов в национальных и иностранных кредитных организациях на территории РФ и территориях иностранных государств; выставление чеков и векселей в любой валюте; проведение других банковских операций и сделок от своего имени в соответствии с обычаями делового оборота, принятыми в международной практике.

К другим операциям Банка России можно отнести следующие операции: операции и сделки на комиссионной основе; операции и сделки по управлению активами в иностранной валюте и драгоценных металлах с международными организациями, центральными банками и иными иностранными юридическими лицами, открывать и вести корреспондентские счета иностранных банков и осуществлять переводы средств по поручениям иностранных банков; выдача субординированных кредитов (депозитов, облигационные займы) ОАО Сбербанку России; операции по компенсационным выплатам кредитным организациям, центральным клиринговым контрагентам; операции по реализации заложенного имущества; банковские операции по обслуживанию органов государственной власти и органов местного самоуправления, государственных внебюджетных фондов и др.; операции по обслуживанию клиентов, не являющихся кредитными организациями в регионах, где отсутствуют кредитные организации.

В конце XIX - начале XX вв. Госбанк России также производил следующие виды банковских операций [32]: учет векселей и других срочных операций; получение платежей по векселям и другим срочным документам в счет доверителей; покупку и продажу векселей

и других ценностей; покупку и продажу золота и серебра; выдачу ссуд и открытие кредитов; прием вкладов на хранение, на текущий счет и на обращение из процентов; покупку и продажу государственных бумаг в счет доверителей и на свой счет в пределах собственных капиталов; перевод сумм и другие комиссионные операции.

Кроме основных банковских операций, в 1897г. Госбанк начал осуществлять денежную эмиссию, обмен (за счет казначейства) ветхих кредитных билетов на новые, крупных на мелкие и обратно, размен на монеты и размен монеты и слитков на кредитные билеты [33,с.31]. Все подразделения Государственного банка России того времени имели право производить все вышеуказанные операции, различие состояло лишь в объемах их проведения. Как правило, отделения и конторы, которые располагались в менее крупных и значимых городах, ограничивались простейшими банковскими операциями. Так, например, Барнаульское отделение Госбанка, созданное в 1911г., осуществляло следующие виды операций [34, л.96]: учет и прием на комиссию простых и переводных векселей с платежом в городах, где казначейство проводит операцию получения платежей по вексялям; прием сумм для перевода по почте и телеграфу на учреждения Госбанка и казначейства тех городов, где нет учреждений Госбанка; оплату переводных телеграмм, поступающих из других контор и отделений Госбанка или казначейства (тех регионов, где нет Контор Госбанка); оплату кредитов; прием сумм на простые и условные текущие счета; прием на комиссию, для получения платежей, транспортных документов на города, где имеются отделения Госбанка; получение платежей по присланным из других отделений Госбанка учтенным, переучтенным и комиссионным вексялям и транспортным документам; выдачу ссуд под залог процентных бумаг; оплату и учет срочных купонов и вышедших в тираж процентных бумаг; размен и обмен денег; покупку и продажу процентных бумаг, гербовой бумаги и марок.

Итак, сравнение операций современного Центрального банка и Госбанка показывает, что уже в то время все основные виды банковских операций осуществлялись практически в полном объеме: из 19 видов современных операций как минимум 11 видов реализовывались в начале XX в., что составляет более 50%. Хотя понятно, что набор инструментов, активов и документов был значительно более скромным.

После 1900 года главный банк постепенно отказался от прямого кредитования торговли и реального сектора экономики и стал снабжать частные банки дешевым кредитом, которые, в свою очередь, кредитовали торговлю, промышленность, сельское хозяйство под более высокий процент, который составлял 8-9% годовых [35,с.33]. Так, например, на 1 января 1912 г. Омским отделением Государственного банка было выдано кредитов: акционерным банкам – 450, городским общественным банкам – 40 [36]. В итоге, Госбанк стал банком банков, что, конечно, дополнительно способствовало укреплению банковской системы региона.

Важно также отметить роль учетно-ссудных комитетов, главной задачей которых была проверка надежности клиентов, принятие решений о кредитовании, анализ и оценка залогов для запрашиваемых ссуд, проверка предъявляемых к учету векселей, исключение векселей без совершения торговых сделок и т.д. Учетно-ссудные комитеты при отделениях Госбанка по сути стали прообразом современного коллегиального органа управления ЦБР. Членами комитетов могли стать только управляющий отделением и избранные от купечества и утвержденные Министерством финансов «опытные в торговле и пользующиеся доверием торгового сословия», которые давали клятву о верности престолу и неразглашении банковской тайны [22, с.23]. Так, в Томске членами комитета становились известные купцы, которые внесли большой вклад в развитие чаеоторговли, такие как Д.И.Тецков – крупный судовладелец, зачинатель парового судоходства, задействованного в перевозке чая из Томска в Тюмень, Алексей Евграфович Кухтерин – сын владельца торгового дома «Е.Н.Кухтерин и сыновья», занимавшегося перевозкой чая по Сибирскому тракту, а также содержавший в Томске чайные склады. В формулярном списке А. Е. Кухтерина по Томскому отделению Госбанка сделаны записи о наградах: серебряная медаль для ношения на шее на станиславской ленте, золотая медаль для ношения на шее с надписью «За усердие» на

станиславской ленте, серебряная медаль в память коронавания императора Николая II, серебряная медаль в память царствования Александра III [22, с.90].

В начале XX века роль Государственного банка как основного кредитного учреждения Сибири по проведению банковских операций была утрачена в связи с открытием и быстрым ростом большого количества филиалов акционерных коммерческих банков, таких как Русско-Азиатский, Русский для внешней торговли, Волжско-Камский [22, с.13]. Первый из них был создан в 1892 году, устав которого предусматривал покупку и продажу банком товаров за собственный счет, что позволяло активно осваивать область международной торговли [26, с.72]. Русский для внешней торговли банк был создан в Санкт-Петербурге в 1887-1888 годах. К 1917 году банк уже имел 61 отделение в России и 3 — за рубежом, по размеру акционерного капитала (60 млн руб.) делил 1-е место в России с Азовско-Донским и Петроградским международными коммерческими банками [22, с.13]. К сожалению, как отмечают различные исследователи [19, 37, 38], существовало множество факторов повлиявших на то, что в Сибири не был создан ни один акционерный банк, наиболее часто выделяя географическую удаленность крупных финансовых и торговых центров друг от друга (Тюмень – Омск – Томск – Иркутск), что тормозило процессы концентрации капиталов и образования акционерных банков.

Необходимо заметить, что начиная с 60-х годов XIX века кредитно-банковская система Сибири состояла из трех подсистем: первая – государственная – была представлена Госбанком России, Крестьянским поземельным банком и Ссудо-сберегательной кассой; вторая – делилась на коммерческую и общественную, представителями которых являлись соответственно акционерные коммерческие банки, а также частные и общественные кредитные учреждения; третья подсистема состояла из мелких кредитных организаций – волостных и сельских банков, ссудо-сберегательных и кредитных товариществ [22, с.12]. Через 12 лет после создания Госбанка в банковскую систему России уже входили: Госбанк России; Городские и земельные банки, банкирские дома; Частные, коммерческие и акционерные банки; Ссудо-сберегательные товарищества и общества взаимного кредита [39, с.27].

До конца XIX века полновесная кредитная система, состоящая из трех уровней, была сформирована только в двух самых крупных торгово-финансовых центрах Сибири – Томске и Иркутске. Подтверждением этому является факт существования именно в этих городах отделений Госбанка 2 разряда, остальные сибирские отделения имели 3 разряд. Всего в России на начало 1898 года насчитывалось 9 отделений 1 разряда и 40 отделений 2 разряда [40]. Высшим разрядом отделения Госбанка считался 1 разряд, но в Сибири таких отделений вообще не было из-за недостаточного объема налоговых поступлений. Далее по значимости считался 2, а потом 3 разряд – самый низкий, который давал отделениям наименьшие возможности по предоставлению кредитных средств и ограничивал проведение других банковских операций.

Вторая подсистема была небольшой, так как в России действовала разрешительная система акционерного учредительства, поэтому функционировало всего 43 банка по всей России, из которых всего один – в Сибири – Сибирский торговый банк. Он был учрежден в 1872 году сибирскими, петербургскими и уральскими предпринимателями в г.Екатеринбурге и являлся одним из самых крупных в России (акционерный капитал составлял 2400 тыс. рублей). Одним из учредителей этого банка являлся томич, сын крупного томского золотопромышленника - В.Л.Асташев. Именно этот банк, заняв лидирующие позиции в Сибири, вытеснил Госбанк из сферы частного обслуживания, в особенности это касается кредитования и обслуживания внешней торговли с Китаем, так как начиная с 1873 года банком были открыты отделения в основных городах Великого чайного пути: в 1873г. – в Томске, 1880 г. – в Тюмени, Иркутске, Екатеринбурге, Петербурге, и временные отделения на ярмарках. К 1914 году он имел 57 филиалов, 17 из которых были в Сибири. Высокая конкурентоспособность Сибирского торгового банка объяснялась тем, что он лучше других банков ориентировался в экономике региона, знал местную конъюнктуру и поэтому

привлекал наиболее выгодных клиентов. По объему расчетно-ссудных операций он занимал лидирующую позицию в Томске, Тобольске, Тюмени, Кургане, Бийске, Канске, Минусинске. Как говорилось выше, важными участниками кредитных отношений в Сибири были филиалы крупнейших акционерных банков России. Одним из таких филиалов, который способствовал развитию внешней торговли с Китаем, являлся Русско-Азиатский Банк, который имел 9 отделений в Сибири, занимая второе место по объему учетно-кредитных, сберегательных и расчетных операций. Отличительной чертой этого банка являлось то, что именно он внес наибольший вклад в развитие Великого чайного пути, так как основной формой его деятельности было краткосрочное кредитование торговли.

Таким образом, наиболее крупные банки Сибири кредитовали, главным образом, сбыт и реализацию товаров, в том числе чая. Русско-Азиатский, Сибирский торговый и Русский для внешней торговли банки через сеть своих филиалов в Сибири широко проникли в торговлю как внешнюю, так и внутреннюю, оттеснив Госбанк, концентрируя громадные капиталы сибирских купцов на вкладах и расчетных счетах. Развитие акционирования укрепляло кредитную систему и облегчало внедрение банков в торговлю и экономику региона путем покупки акций наиболее доходных предприятий, что давало также контроль над ними. Банки контролировали 57 крупных предприятий Сибири с общим акционерным капиталом 213 млн рублей, из них 39 предприятий – ключевые отрасли региона [22, с.17].

Частные банкирские конторы выполняли те же операции, что и банки: принимали вклады, выдавали ссуды на срок не выше 9 месяцев, открывали специальные текущие счета, учитывали векселя, покупали и продавали ценные бумаги, принимали поручения на инкассо и на производство платежей иногородним и иностранным лицам, в том числе из Китая. В Сибири банкирские конторы появились с 80-х годов XIX века, самыми крупными были конторы в крупных торговых центрах Великого чайного пути, таких как Томск (банкирская контора Е.Едельштейна) и Тюмень (банкирская контора П.Андреева) [22, с.17].

Третья подсистема кредитно-банковской системы Сибири была представлена в основном городскими общественными банками и обществами взаимного кредита, ориентированными на средние капиталы. Несмотря на небольшие размеры собственного капитала, отличительной чертой этих банков был универсализм, который позволял сочетать различные формы банковских операций [19, с.119]. Город Томск в XIX в. был финансовым центром всей Сибири. Его Городской общественный банк был крупнейшим неакционерным коммерческим банком Сибири [19, с.119]. Сибирский общественный банк был учрежден в 1843 году с первоначальным капиталом 85715 рублей на деньги купца первой гильдии Андрея Попова, завещавшего 500 тысяч рублей ассигнациями на богоугодные и общественные дела. Директорами банка в разные периоды были известные томские купцы: Николай Филимонов, Дмитрий Тецков, Евграф Королев, Иван Еренеев, Андрей Карнаков и др. [22, с.18]. Обладая лицензией на скупку золота, данная кредитная организация практически монопольно осуществляла золотовалютные операции в Азиатской России до создания Госбанка, за которым в последующем были закреплены исключительные права на операции с золотом [41]. Поэтому городскому банку пришлось переориентироваться на другие сектора экономики, бурно развивавшиеся в то время. Сибирский общественный банк сыграл заметную роль в развитии внешней торговли с Китаем, так как осуществлял прием вкладов (под 4% годовых); выдавал ссуды под залог ценностей и товаров, оставляемых на складах в Томске купцами, торгующими с Китаем и Россией под 6% годовых; производил учет векселей томских, иногородних и иностранных купцов, имеющих торговлю и т.д. В 60-е годы XIX века городские банки были открыты во всех крупных торговых центрах Великого чайного пути, самые большие балансы имели Иркутский городской банк – 5761 тыс. рублей и Томский – 4141 тыс. рублей. Первоначально городские банки отвечали в большей степени за сохранность капиталов, так как были ограничены в своей деятельности цензовым регулированием и уставом, определяющим сферу деятельности: были запрещены переводы сумм в другие города и страны, операции инкассо, прием поручений в разных городах и странах [42]. Но с развитием торговли и экономики региона их деятельность расширилась до

проведения банковских операций. Их популярность росла, и к 1906 году их было уже 15, к 1912 году – 18, а к 1925 году – 25. Популярность таких банков объясняется не только хорошим знанием местной экономики и тесными связями с городскими властями, но и тем, что 15% чистой прибыли поступала в местный бюджет [22, с.18].

Еще одной популярной формой финансово-кредитных отношений в Сибири, связанной с торговлей чаем, стали общества взаимного кредита. В отличие от акционерного банка, где размер участия акционера ограничивался внесенным капиталом, член общества взаимного кредита, внесший вступительный взнос, отвечал по обязательствам общества в 10-кратном размере и в том же размере мог получить кредит. Сумма вступительных взносов составляла основной капитал общества. Перечень операций обществ был более расширенным по сравнению с городскими банками, и включали ряд посреднических услуг и операций, что делало их более приемлемыми для торговцев товарами, в том числе чаоторговцев. Поэтому такие общества стали появляться по всему чайному пути: в 1900 году – в Томске, в 1903 году – в Иркутске, в 1912 году – в Кяхте и т.д. К 1912 году в Сибири было 13 подобных банков со сводным балансом на 1 января 1912 года – 18100 тыс. рублей, объемом вкладов и текущих счетов – 7818 тыс. рублей, капиталом 23 млн. рублей [22, с.19]. Кроме того, стали развиваться сберегательные кассы и другие кредитно-финансовые учреждения. К 1908 году в Сибири действовало 606 сберегательных касс, что составляло 9% от общего их количества по России, в частности в Тобольской губернии – 144 кассы, где хранилось 6,4 млн. рублей, а в Томской губернии – 116 касс, где хранилось 12 млн. рублей [22, с.14].

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по гранту 17-21-21002: «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX века по начало XX века».

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Волчек В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006. С. 96.
2. Шпалтаков Владимир Петрович. Торговля России с Китаем в Кяхте в первой половине XIX века // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества: материалы IV международной научно-практической конференции (14- 19 мая 2014 г.). Выпуск 4 / Отв. ред. Д.В. Буяров и Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. 634 с.
3. Петров А. Ю. Российско-Американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006. С. 280.
4. Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство Азиатской России в XIX – начале XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История» 2011. № 1 (1). С.25–34 [Электронный ресурс]– URL: <http://isu.ru/izvestia>
5. РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. 1905. Д. 53. Л. 9.
6. Поткина И. В. Торгово-промышленное законодательство Российской империи // Экономическая история России XIX–XX в.: современный взгляд. М., 2000. С. 305.
7. История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 1999. С. 52–53.
8. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 90. Л. 4.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т.15. № 11757. С. 358.
10. Гермизеева В.В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 – февраль 1917) : монография / В. В. Гермизеева; Минобрнауки России, ОмГТУ. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2015. – 180 с.
11. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 34. Д. 400. Л. 11.
12. ГАТО. Ф. 196; оп.1; д. 115; л. 46.
13. ТФ ГАТО. Ф. 417; оп. 1; д. 684; л. 5.
14. ГАТО. Ф. 234; оп. 1; д. 2; л. 211-220.

15. Томские губернские ведомости. 1892. № 7. 13 февраля; № 27. 9 июля
16. Кириллов А.К. Городские банки Западной Сибири. 2-я четверть XIX – начало XX века. Новосибирск: Офсет, 2003. 192с.
17. Старцев А.В. Организация и инфраструктура русской торговли в Монголии // Россия и Монголия: новый взгляд на историю. Барнаул: Изд-во Алтайского гос.ун-та, 2013. 414с.
18. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце VIII-XIX вв.: Очерки социал., отраслевой, бытовой и ментал. истории. Томск, 2007. С.138-143.
19. Сысоева О.В. Развитие территориальной системы банков Сибири (вторая половина XIX –начало XX вв.) / Известия Иркутского государственного университета. Серия “Науки о Земле”. 2015. Т.11. С.117-127.
20. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. 328 с.
21. Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860–1910 годы / ред. Е. Н. Сланский. СПб. : Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. 143 с.
22. Главный банк России в Томске 1865-2010: исторические очерки / Л.А.Арых, М.М.Кибиткин, Т.В.Климецкая, Е.А.Коваль, Л.Н.Малевич, Л.Н.Неверова, Н.М.Ощепкова, В.В.Панова, Д.И.Петин, И.М.Райская, Л.Г.Солодкова. Томск: Изд-во Томского политехнического университетат, 2010. 332с.
23. Янгиров И.И. Сибирское главное управление Банка России: исторические очерки территориальных учреждений в Сибири // Деньги и кредит. 2017. №1. С.46-52.
24. Учреждения государственного банка в Новосибирской области. Дела и люди //Вестник Банка России. 2010. № 5.
25. Саломатина С.А. Реконструкции данных в исторической статистике: отделения коммерческих банков Российской империи в 1897 году// Вестник Пермского университета. №3(26). 2014. С.87-98.
26. Томпстон С. Р. Российская внешняя торговля XIX - начала XX вв. Организация и финансирование. М.: РОССПЭН, 2008. С. 67-90.
27. О торговых оборотах компании см. ежегодное издание: Виды государственной внешней торговли. Департамент таможенных сборов Министерства финансов. СПб., 1861—1869.
28. Селихов М.Н. Материалы по чайной торговле. Пг., 1915. С. 97—101.
29. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1957. С. 28, 309-310.
30. Обзор внешней торговли. СПб., 1901. Табл. 9; То же. 1913. С. 68—69.
31. Федеральный закон от 10.07.2002 №86-ФЗ (в ред.от 27.12.2018) «О Центральном банке российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019г.) / Справочно-правовая система «Консультант»/ [Электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi>
32. Банковское дело на Алтае. Вторая половина XIX – начало XX века: Монография/ Редкол.: В.В.Земсков (гл.ред.), Т.К.Щеглова (науч.ред.) и др. Барнаул, Изд-во: ООО “Издательский дом Барнаул”, 2010. 512с., с ил.
33. Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А., Золотые годы сибирской и алтайской кооперации, 1896-1919. Издание второе, исправленное и дополненное. Том 1. Барнаул: А.Р.Т., 2003. 295с.
34. ЦХАФ АК (Центр хранения архивных фондов Алтайского края). Ф.82, Оп.1, Д.91.
35. Панова В.В. Деятельность Государственного банка в Сибири в конце XIX – начале XX вв. //Омский научный вестник № 3 (88), 2010. С.32-35.
36. ГАОО. Ф. 23.Оп.1 Д.108.Л.166.
37. Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России / И. Ф. Гиндин. М. : Госфиниздат, 1948. 453 с.
38. Ремнев А. В. Еще раз о месте Сибири в составе Российской империи / А. В. Ремнев // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX

- вв.) : материалы междунар. науч. конф. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2002. С. 100.
39. Ильина Т.Г., Беспалова О.В. Организация деятельности Центрального банка: учеб.пособие/ под ред.А.А.Земцова. Томск: издательский Дом ТГУ, 2014. 320с.
40. Лазарев В. А. Государственный банк и его кассиры. Клуб Бонистика / В. А. Лазарев. [Электронный ресурс]– URL: <http://bonistika.net/library.php?par =3&id=592>.
41. Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917 гг.): историко-экономический очерк / С. Ф. Хроленок. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1990. 312 с.
42. Панова В.В. Политика Российского Правительства по отношению к городским и общественным банковским учреждениям в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.//Омский научный вестник. Омск: Изд-во Омского гос.технического университета, №5(101). 2011. С.32-35.

Кумялова Ольга Васильевна, старший преподаватель, аспирант
Кафедра востоковедения и регионоведения АТР
Иркутский государственный университет
oliyairk@mail.ru

Лозовая Анна Артемовна, студент
Иркутский государственный университет
baraska02@mail.ru

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ НА ПРИМЕРЕ ПОГРАНИЧНОГО ГОРОДА КЯХТА В XVIII-XIX ВВ.

УДК 339

***Аннотация.** Статья посвящена раскрытию роли Кяхты в российско-китайских торгово-экономических и дипломатических отношениях, включая сферу языкового образования. Рассматриваются особенности процесса кяхтинского товарообмена, а также динамика развития пограничной торговли.*

***Ключевые слова и фразы:** Кяхта, Россия, Китай, торговля.*

Olga Kumyalova, senior lecturer, PhD student
Department of Oriental Studies and Regional Studies of the Asia-Pacific Region
Irkutsk State University
oliyairk@mail.ru

Anna Lozovaya, student
Irkutsk State University
baraska02@mail.ru

SINO-RUSSIAN TRADE AND ECONOMIC RELATIONS ON EXAMPLE OF BORDER TOWN OF KYAKHTA IN THE XVIII-XIX CENTURY

***Abstract.** The article is devoted to the role of the Kyakhta in the Russian-Chinese trade, economic and diplomatic relations, including the sphere of language education. Features of the process of Kyakhta's barter are discussed, as well as the dynamics of the development of border trade.*

***Key words and phrases:** Kyakhta, Russia, China, trade.*

В нынешнее время для России Китай является одним из важных партнеров на мировой арене, что особенно важно в условиях особой позиции Китая во взаимоотношениях с другими мировыми державами [1]. Сотрудничество двух держав существует на взаимовыгодной основе, пространство которой охватывает различные сферы: от политической до экономической [4] и образовательной. В статье речь пойдет о периоде зарождения торгово-экономических отношениях России и Китая, а именно о промысле в Кяхте в период XVIII-XIX вв.

Стимулом к становлению русско-китайских внешнеторговых связей стало продвижение русскими людьми в глубь Сибири и Дальнего Востока, с последующим выходом к китайской границе. Незамедлительно возникали конфликты по поводу разграничения территории, но куда важнее был возрастающий интерес двух держав в создании внешнеторговых отношений. Ведь для России Китай представлял собой надежный и выгодный рынок сбыта пушнины и импортёр товаров с Востока: чай, шелк, табак,

китайские ткани. Таким образом, после подписания в Пекине Кяхтинского трактата министром Саввой Рагузинским, в 1727 году создаются необходимые условия для двусторонней торговли в Сибири. А именно в Кяхте, находящейся на границе России, Монголии и Китая. Несмотря на выгодное расположение, место было отнюдь не самым комфортным: песчаная степь, из ближайших водных ресурсов имелась только одна неглубокая, но безопасная речка Кяхта.

Можно выделить некоторые особенности в кяхтинской торговле.

1. Монополия государства на продажу пушнины. Первые десять лет торговля находилась в стадии застоя ввиду запрета продажи пушнины частными лицами. А для китайских купцов самым ходовым товаром были именно меха, в то время называемые мягкой рухлядью. Потому наблюдалось запустение русских лавок и небольшое количество заинтересованных китайцев. Таким образом, организовывались специальные казенные караваны, но и они не принесли ожидаемой прибыли: поездки оканчивались либо с убытками, либо с мизерной прибылью.

2. Антагонизм власти и русских купцов. Данный пункт прямоком вытекает из первого. Не все частные купцы поддавались воле государства и оставались ни с чем. Хитрые и умелые торговцы занимались контрабандой, что жестко подрывало экономические интересы власти. Ведь купцы были вольны в назначении цен (выгодная перепродажа дешевых товаров), могли быстро перемещаться по территории Китая и покинуть ее при первой же возможности. Однако такие дела не оставались безнаказанными: создавались указы, по которым происходила конфискация товаров у пойманных купцов с последующим наложением крупных штрафов.

3. Меновой характер торговли. До 1842 года в Кяхте преобладал исключительно меновой промысел, и это было оправданно. Экономически государства не отставали друг от друга, а обмен был весьма несложной процедурой ввиду небольшого ассортимента предлагаемых сторонами товаров. Что же касается процесса обмена, «китайский купец отправлялся в Кяхту на меновой двор, где были выложены пробы, а затем шел к владельцу приглянувшегося ему товара и за чашкой чая договаривался о цене. После этого покупатель и продавец шли на склад, упаковывали отобранный товар и вместе отправлялись в Маймайчен, где уже русский купец выбирал нужный ему товар» [7].

Во многих случаях китайский торговец знал, как провести наиболее выгодную для него сделку. Используя одни из своих главных преимуществ, а именно терпение и упорство, китаец может ввести партнера, особенно находящего с ним в оппозиции «свой/чужой» [2] в заблуждение и косвенно заставить его действовать по чужим правилам. Потому не стоит недооценивать китайскую стратегию: сбивая цена на товар была запланирована и обдумана уже задолго до самих переговоров [3].

4. Кяхта – крупнейший торговый центр. Будучи столицей Великого чайного пути, Кяхта по экономическим меркам того времени превосходила все крупнейшие города России (такие, как Москва, Нижний Новгород и др.). Так, через посредников (крупных оптовиков) в российский внутренний рынок из Кяхты шла чайная продукция, шелк, а также ввозились ткани, металлические изделия и другие товары, которые впоследствии направлялись в Поднебесную.

Упадок торговли в Кяхте наблюдался уже во второй половине XIX века, а именно после принятия Тяньцзиньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) трактатов. В соглашениях утверждалось свободное перемещение купеческих караванов по всему Китаю (не только в Пекине), отмена пошлин и строгих ограничений промысла. Более того, открывались порты для судов из России, также устанавливалось право назначать консула. Ухудшало Кяхтинскую ситуацию временное различие транспортировок по сухопутной территории и доставки по морю (14 и 5 месяцев соответственно). Окончательный спад случился при постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в 1903 году, проходящей по Маньчжурии и соединяющей Забайкалье, Владивосток и Порт-Артур.

Важность такого пограничного пункта, как Кяхта, является неоспоримой для русско-китайских отношений: именно здесь обе нации учились взаимному уважению и пониманию, несмотря на разные менталитеты и подходы к торговой деятельности. В соответствии с этим и русские, и китайцы стремились вникнуть в незнакомую для них культуру, и изучение такой составляющей, как язык – одно из самых верных и надежных средств найти точки соприкосновения. Так, жители Поднебесной, освоив азы русской речи, составили «кяхтинский» язык, благодаря которому обе стороны заключали сделки и решали проблемы, которые назревали в период торговли.

Тем не менее русские купцы тоже не хотели отставать от своих китайских собратьев в изучении иностранного языка. Кяхта была отличным местом для создания училища с китайским уклоном, учреждение которого состоялось 19 ноября 1832 года, и существовало оно под контролем Кяхтинской таможни. Неудивительно, что город, в котором впервые началась законная и планомерная торговля с Китаем, стал местом, выпускающим будущих китаеведов. Обучение занимало 4 года с таким набором дисциплин, как китайский язык, экономика, финансы, бухгалтерский учет, право и т.д. После окончания учебы выпускники работали переводчиками, занимались торговым промыслом, чем и были полезны для дальнейшего развития русско-китайских торговых и дипломатических связей [6].

Если провести аналогию с современными отношениями России и Китая на примере Иркутской области и провинций КНР, то их стремительное развитие образовательного сотрудничества способствует обмену инноваций в области языка, науки и образования. Кроме того, вузы Иркутской области являются перспективными ввиду активно развивающегося двустороннего экономического сотрудничества [5], обуславливающего потребность в квалифицированных специалистах, владеющих не только экономическими или юридическими специальностями, но и языком.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Dyundik Yu.B., Kuznetsova O.V. U.S.-China trade confrontation: a trade war easy to win? // II Готлибовские чтения: фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР: материалы Международной научной конференции "Пространства коммуникации: язык, литература, медиа", посвящённой столетию Иркутского государственного университета (Иркутск, 18-21 сентября 2018 г.). Иркутск: ИГУ, 2018. С. 109-116.
2. Адилханян Н.Л. Образ "чужого" в сознании древних китайцев на материале "Каталога Заморья" трактата "Шань хай цзин" // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур: Материалы II Международной научно-практической конференции (Иркутск, 30-31 мая 2016 г.). Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2016. С. 19-25.
3. Кремнев Е.В. Традиционные аспекты современной управленческой культуры государственных служащих КНР // Вестник Читинского государственного университета. 2006. № 4 (41). С. 137-141.
4. Кумялова О.В. Некоторые аспекты российско-китайских торговых отношений // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VI международной научно-практической конференции (Благовещенск, 16-18 мая 2016 г.). Иркутск: БГПУ, 2016. С. 265-267.
5. Макеева С.Б. Анализ международных коммуникаций в образовательной сфере между Иркутской областью и провинциями КНР: по результатам социологического исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Владивосток: Изд-во филиала ВГУЭиС, 2012. №3 (22). С. 109-115.
6. Петров А. И. Кяхта и изучение китайского языка // Общество и государство в Китае. Т. XLIV, Ч. I. М., 2014.
7. Попова И. Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен // Mongolica–XI: Сборник научных статей по монголоведению. Посвящается 130-летию со дня рождения

А. В. Бурдукова (1883–1943) / пред. редкол. И. В. Кульганек. СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. С. 28–36.

8. Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск: ОГИЗ, Иркутское обл. изд-во, 1947. 204 с.

Логунова Зинаида Петровна, преподаватель истории
Комсомольский – на - Амуре судомеханический техникум
им. Героя Советского Союза В.В.Орехова
Zinaida.Logunova@yandex.ru

ЕВРЕЙСКИЙ ДОМ В КИТАЕ

УДК 94:325.27

Аннотация. В статье рассматриваются особенности пребывания в зоне отчуждения КВЖД, на северо-востоке Китая, российских евреев. Опираясь на национальные особенности характера, сберегая язык и национальные верования, еврейская община сумела сохранить свою идентичность и чистоту нации. Еврейская община, основанная в 1903 г., была самой большой в Китае. По данным переписи 1929 г., в Харбине проживало 25 тыс. евреев. Российские евреи, занимавшиеся с первых дней пребывания на северо-востоке Китая предпринимательской деятельностью, способствовали преобразованию Харбина из захолустного поселения в процветающий город, влив в него золотую и серебряную монету. С конца 1910-х гг. Харбин становится центром сионистской деятельности. Многие российские евреи начинали верить в возможность образования еврейского государства в Палестине. Автор находит, что значимость статьи связана с актуальностью проблемы национальной идеи, семена которой проросли и дали всходы в условиях вынужденного изгнания на далекой окраине Востока России.

Ключевые слова и фразы: Маньчжурия, еврейская национальная община, коммерция, национальное самосознание, Национальный совет евреев Дальнего Востока, сионизм.

Zinaida Logunova, Professor of history
Komsomolsk on Amur-sudomechanicheskij tehnikum
Im the hero of the Soviet Union Vladimir Orekhov
Zinaida.Logunova@yandex.ru

JEWISH HOME IN CHINA

Abstract. This article discusses the peculiarities of staying in the exclusion zone of the CHINESE EASTERN RAILWAY in Northeast China of Russian Jews. Relying on the national characteristics of the nature of language and national saving faith, the Jewish community has been able to preserve their identity and purity of the nation. The Jewish community, founded in 1903, was the largest in China. According to the census, 1929 in Harbin lived 25 thousand. Jews. Russian Jews, from the first days of stay in Northeast China business contributed to the transformation of Harbin of provincial settlement into a thriving city, by giving him gold and silver coin. With the end of the 1910 's. Harbin became the center of the Zionist activities. Many Russian Jews began to believe in the possibility of the formation of a Jewish State in Palestine. Object of scientific research is a vital activity of the Jewish national communities, especially its inclusion in the process of social, cultural and political engagement in the struggle of the Jewish people for civil liberties. Methodological principles based on Historicism and scientific objectivity. When writing an article, the author relied on both works by contemporary researchers and archival documents. The author finds that the relevance of the article relates to the relevance of the problems of the national idea, which sprouted seeds and germination in conditions of forced exile on a distant suburb East of Russia.

Key words and phrases: Manzhouli, the Jewish national community, Commerce, national identity, the National Council of the Jews in the far East, Zionism.

В конце 80-х гг. XIX в. характер государственной политики Российской империи был направлен на лишение еврейским населением элементарных человеческих прав. По свидетельству источников, «в 1881 г. 20000 евреев были изгнаны из Москвы, 2000 евреев – из Петербурга, многие из них – в кандалах»; «в 1892 г. 500000 евреев, живших в сельских местностях черты оседлости, были вынуждены покинуть свои дома и переселиться в города и местечки черты; кроме того, 250000 евреев, живших вблизи западной границы Российской империи, были изгнаны в глубь черты» [1, 234].

В 1887 г. была введена процентная норма для евреев, согласно которой в черте оседлости, в средних и высших учебных заведениях численность евреев не должна была превышать 10% от общего контингента учащихся, 5% – за её пределами, 3% – в Петербурге и Москве. Начало XX века также характеризуется небывалыми по своей жестокости погромами, произошедшими в разных городах черты оседлости. Таким образом, «еврейский» вопрос стоял очень остро во многих местах проживания евреев, в первую очередь в Центральной России и в её западной окраине.

Мотивом к переселению евреев на Северо-Восток Китая послужило строительство с 1898 г. через территорию Маньчжурии КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги), соединяющей Читу с Владивостоком. Профессор В.В. Романова отмечает, что первыми «потянулись в Харбин евреи городов Дальнего Востока – Благовещенска, Хабаровска, Владивостока: их привлекали благоприятные экономические условия, а также атмосфера национальной и религиозной терпимости, созданная администрацией дороги» [10,2]. Администрация КВЖД по отношению к еврейской общине в Харбине, основанной в 1903 г. доктором А.И. Кауфманом, была лояльна, никаких притеснений евреи в Маньчжурии не ощущали и пользовались теми же правами российских подданных, как и представители других национальностей.

Управляющий КВЖД в 1902-1920 гг. генерал Хорват также имел собственную точку зрения на приток евреев в зону отчуждения КВЖД и не препятствовал их прибытию, поскольку среди евреев было немало грамотных специалистов и толковых работников, нужных строительству. Немало было среди евреев и деловых людей с предпринимательской хваткой, с первых же дней открывших свое дело и оказавших тем самым большую пользу КВЖД. За несколько лет активной коммерческой деятельности в Харбине, отмечает исследователь Гончаренко, «еврейскому населению в городе принадлежали десять коммерческих предприятий, а его численность продолжала свой неуклонный рост, составив в 1903 году уже 300 человек» [2,87]. Иллюстрацией сказанного могут послужить примеры активной предпринимательской деятельности российских евреев:

«Известный род Скидельских занимался лесодобычей с 1903 г., а с 1909 г. начал заниматься угольной шахтой «Чжалаиноэр»; в 1924 г. он получил право на эксплуатацию и управление угольной фабрикой «Мулин» и стал главным поставщиком топлива» [15,7];

«В 1905 г. Г.И. Кролл основал «Химико-технологическую производственную компанию (ХТПК), деятельность которой распространялась на свечное, жировое и лаковое производство. В 1908 г. Г.И. Кролл при содействии В. Кофмана и З.М. Ройзена создали «Объединение по производству минеральных и фруктовых напитков» [13,7];

«В 1908 г. евреи создали сахарный завод в Ачэн, и он стал первым сахарным заводом в Китае» [7]. «А.И. Каган, И.Х. Соскин и Самсонович» в 1906 г. создали предприятия изделий из волос, а в 1907 г. первую фабрику готового костюма в Харбине. Они воспитывали и передавали мастерство многим китайским квалифицированным работникам» [13,7].

Как утверждают китайские исследователи, «евреи, используя природные условия и географическое преимущество Харбина, создали много промышленных предприятий в области разработки недр, металлургической и лесной промышленности, переработки муки, производства масла, алкогольной промышленности, сахароварения, табака. Российскими

евреями в Харбине «были созданы мукомольные фабрики «Боннер», «Минданович» (производственная мощность в день – 48 тыс. кг.), «Дризин», «Патушинский», «Скидельский» (производственная мощность в день – 19 тыс. кг.)» [8].

В харбинской газете «Заря» от 24 августа 1920 г. помещена заметка «В Еврейской хлебопекарне», которая информирует читателей о том, что «сравнительно недавно открытая хлебопекарня с каждым днем расширяет свою деятельность. В настоящее время открывается седьмое отделение пекарни» [2].

Известный российский историк Г. Мелихов отмечает, что за 2-3 года напряженного труда, изыскивая всевозможные средства к существованию, занимаясь торговлей, работая в промышленности и сельском хозяйстве, российские эмигранты сумели встать на ноги, открыть собственные предприятия, не забывая о благотворительности. Г. В. Мелихов приводит следующие факты:

- Глава экспортной фирмы «С. Соскин и Ко» Семен Соскин стал «пионером хлебного дела в Маньчжурии, приобретая, подчас с риском для жизни, зерно на Сунгари и по линии КВЖД. В 1905 г. он купил свой первый пароход «Саратов», и в дальнейшем стал развивать свое пароходное дело, имея к 1924 г. крупнейшее частное пароходство на Сунгари (4 парохода и 12 барж). В 1911-1912 гг. он организует первый экспорт бобов и хлеба в Европу; в 1921 г. во время кампании помощи голодающим фирма «С. Соскин и Ко» на свои средства снарядила и отправила в советскую Россию состав с хлебом (30 вагонов зерна) [9];

- Фирма Р.М. Кабалкина – «Акционерная Англо-Китайская компания», созданная в июне 1909 г. занималась переработкой бобов и производством бобового масла. В 1923 г. на заводе были установлены английские рафинировочные машины, позволившие получать продукцию высшего качества, расхватываемую импортерами (известное масло «Ацетко») [9]. Предпринимательская инициатива евреев «ускорила шаги процесса перехода Харбина с сельскохозяйственного в начальную стадию промышленного города» [11].

Большое значение в становлении промышленности Маньчжурии играл капитал. В 1921 г. был основан «Дальневосточный еврейский коммерческий банк», а в 1923 г. – «Еврейский народный банк», просуществовавший в Харбине до 1951 года.

Еврейская община в Харбине в 1903 г. насчитывала 300 чел., к 1906-1907 гг. численность еврейского населения Харбина превышала уже 3 тыс. чел. В 1914 г. в Харбине проживало около 5,5 тыс. евреев. В годы Первой мировой войны еврейская община пополнилась беженцами из Европы и к 1919 г. численность общины достигла 7,5 тыс. чел. [14]. «По переписи 1919 г. численность местной еврейской общины составила 7.554 чел. или 16% всего еврейского населения России» [13].

Автор статьи «Социальный состав российской эмиграции в Харбине в 20-40-е гг. XX в.» У Яньцзю приводит статистические данные о профессиях русских эмигрантов в Харбине в 1922 – 1923 гг., которые позволяют сделать вывод не только о численности евреев, но и о довольно сложном социальном и профессиональном составе еврейского населения. Среди евреев: инженеров – 19, врачей – 162, адвокатов – 131, учеников – 145, рабочих на ж/д – 16, священников – 5, наемников – 9, владельцев – 1106, бухгалтеров – 95, хозяинов – 464, рабочих – 38, домохозяек – 1912, обслуживающих – 535, детей – 1211 [15].

Таким образом, Харбин в 20-е гг. становится крупнейшим в Восточной Азии центром проживания евреев, многие из которых продолжают считать Харбин своей второй родиной, где зародилось и дало свои всходы национальное самосознание и уважение к своей нации.

Исследователь дальневосточного зарубежья В.В. Романова приходит к заключению, что «условия жизни в Харбине со временем сформировали своеобразный культурно-психологический тип местного еврея. Будучи корнями связанным с Россией и русской культурой, он обрел здесь в Харбине возможность свободно изучать культуру, язык и историю собственного народа. Условия жизни, воспитание и образование сформировали у

харбинского еврея развитое чувство национального достоинства и готовность его отстаивать»[10].

Доводы, на которые опирается автор, связаны как с осознанием харбинскими евреями необходимости единения путем обращения к собственной религии и её учениям, так и с формированием национальной идеи, сплачивающей народ. Основанием для подобного суждения являются следующие факты.

Во-первых, «с конца 1910-х гг. Харбин становится центром сионистской деятельности в Китае, где с притоком большого числа еврейских беженцев из России возникли отделения почти всех сионистских партий, пользовавшихся значительным влиянием в общине» [13]. Предметом обсуждений сионистов являлась идея равноправия евреев в России, а задачей – борьба за гражданские свободы. В связи с этим «сионистский партийный центр уделял особенное внимание политическому воспитанию молодежи: ее интерес к сионистской проблеме и к Палестине поддерживался лекциями, докладами, торжественным соблюдением еврейских праздников» [13].

Примером может послужить заметка «День сиониста», помещенная на полях ежедневной харбинской газеты «Рупор», которая извещает читателей о том, что «местная сионистская организация устраивает завтра в Комсобе концерт-митинг, посвященный Еврейскому национальному фонду. А.С. Изгур прочтёт доклад на тему: «Возрождение еврейской национальной культуры в связи с возрождением Палестины. А.И. Кауфман и С.И. Рабинович сделают сообщения об успехах еврейского строительства Палестины и о той роли, которую в этом строительстве играет Еврейский Национальный фонд»[5]. Общественная работа среди еврейства проводилась энергично и плодотворно, что сказалось в общей организованности местной еврейской колонии.

Во-вторых, бесменным председателем Общинного совета ХЕДО (национально-общественная организация евреев в Харбине) на долгие годы оставался известный общественный деятель, высокообразованный интеллигент, талантливый организатор, активный последователь идей сионизма, редактор еженедельника «Сибирь-Палестина» врач Авраам Иосифович Кауфман. А.И. Кауфман являлся председателем Общинного совета евреев, а также одновременно председателем сионистской организации Китая. А.И. Кауфман вникал во все стороны жизни местного еврейства и по этой причине ХЕДО работала в тесном контакте с Национальным советом евреев. В число членов ХЕДО входили: М.Г. Зимин, М.М. Гроссман, М.И. Гейман, И.М. Беркович, М.И. Гальперин, М.А. Заиграев, М.М. Коц, З.Е. Слуцкер и др. Членов ХЕДО насчитывается до 2500 чел.

В-третьих, все еврейские общины были объединены Национальным советом евреев Дальнего Востока в Харбине. В Национальный совет евреев входили: доктор А.И. Кауфман, М.Г. Зимин, М.М. Гроссман, В.М. Арцин, И.М. Беркович.

Необходимо отметить, что «известие о Февральской революции, свергнувшей режим, принесший им столько страданий, евреи Харбина, как и всей России, встретили с огромной радостью», так как одним из первых актов новой демократической власти стала отмена всех антисемитских законов и ограничений [10].

Как пишет В.В. Романова, «А.И. Кауфман подчеркивал в своих воспоминаниях, что его земляки встретили этот акт не как раскрепощенные рабы, а как свободные сыны еврейского народа, всегда свободной в своей духовной жизни еврейской нации, идущей по историческому пути национального возрождения» [10]. «В 1921 г. еврей-промышленник Скидельский пожертвовал средства на постройку канонического института «Гамуд», в котором велись занятия, связанные с верованиями евреев. Данное учебное заведение играло важную роль для распространения иудейства среди еврейской молодежи» [12].

Надо отметить, что более серьезным и действенным средством формирования национального достоинства и национального самосознания являлась еврейская пресса: органом Национального совета евреев являлся общественно-литературный журнал «Еврейская жизнь», посвященный еврейским интересам в странах Восточной Азии, освещавший местную общинную жизнь и уделявший большое внимание воспитанию

еврейской молодёжи, издававшийся в Харбине с конца 1920 года, а журнал «Гедегел» являлся органом организации «Брит-Трумпельдор» и Новой сионистской организации.

Кроме того, в 1930-х гг. белоэмигранты Харбина создали Русскую фашистскую партию, что вынудило общину в целях самообороны создать военно-спортивные организации «Бейтар», «где еврейская молодежь проходила духовную, военно-спортивную и профессиональную подготовку (приобретение необходимых знаний для работы в Палестине)», и «Маккаби», членам которого не раз приходилось давать отпор антисемитам Харбина и вступать в кулачные бои с последователями фашистов, которые пытались терроризировать еврейское население города, громили еврейские магазины и школы, разбивали стекла в синагоге, занимались вымогательством» [12].

По данным переписи 1929 г. в Харбине в ту пору проживало уже 25 тыс. евреев и для удовлетворения духовных нужд местная еврейская колония имела к тому времени три синагоги. Духовным главой местного еврейства являлся раввин Анатолий Киселев.

Ударом для еврейской национальной общины стала с 1931 г. японская оккупация Маньчжурии, которая в 40-50-х гг. послужила причиной массового оттока еврейского населения из Харбина. Следует подчеркнуть, что «в первые годы японской оккупации еврейская общественная жизнь сохраняла импульс развития, но с началом Второй мировой войны Япония стала ощущать давление своего нацистского союзника, требовавшего искоренения евреев в Харбине. Японцы не принимали германский антисемитизм, но для успокоения союзника приняли превентивно-ограничительные меры против политической активности евреев, хотя силовые акции не применяли» [13].

Как указывает исследователь Н.С. Стародубцева, «еврейское население в Маньчжурии не отделялось барьерами от других иностранцев, как это имело место в Шанхае» [13]. По этой причине еврейская община должна была постоянно демонстрировать лояльность к японскому режиму, что подтверждается сведениями Бюро по делам российских эмиграций от 14.06.1944 г., к примеру: «Список членов Дайренского еврейского общества. Всего членов общины: 122 чел. Кроме российских эмигрантов в число членов Дайренского общества входят лица, имеющие немецкое, польское, литовское, чехословацкое и венгерское подданства. При Дайренском еврейском обществе существуют организации: библиотека и курсы ниппонского языка. Цели общества: общественно-религиозные и благотворительные. Соответствуют настроениям: внешне лояльны» [1].

Еврейская община, несмотря на неуклонно сокращающуюся численность и сузившиеся условия во время оккупации, использовала все возможности как для внутреннего духовного развития, так и для разностороннего участия в быстро нараставшей политической активности евреев. Многие уверовали в возможность постепенного образования еврейского государства в Палестине. В органе еврейской прессы – журнале «Еврейская жизнь» от 28.06.1940 г. № 26 имеется воззвание «Ко всем евреям!», в котором сообщается, что вырученные суммы от продажи погашенных почтовых марок будут использованы на приобретение земли в Эретц – Израэль. Заканчивается воззвание призывом «Нет жизни без родины, нет родины без земли!» [6].

Вследствие национального возрождения евреев представляется весьма содержательным высказывание раввина Главной синагоги А.М. Киселева (с 1913-1949 гг.), автора книги «Национализм и еврейство» (Харбин, 1941 г.), о степени национального самосознания. Он пишет: «У еврейского народа перемены в жизни происходят в обратном направлении, чем у других народов: при лучших условиях его материальной жизни, так сказать, при укреплении его народного тела ступшевывается и слабеет его национальный дух; при худших же условиях жизни еврейского народа, усиливается и крепнет его народный дух» [7].

Опираясь на историю еврейского народа, размышляя о взаимосвязи материальных условий жизни с духовностью и праздностью, раввин утверждает: «В плохие времена во времена сильных гонений и преследований, еврейский народ уходит в самого себя,

сильно привязывается к своей религии, к своим учениям, жертвует всеми благами жизни и самой жизнью ради сохранения своих законов»[7].

Таким образом, опираясь на национальные качества характера – предприимчивость и расчетливость, благочестивость и благотворительность, сберегая свой язык и национальные учения в борьбе за чистоту нации, евреи ковали национальный дух, национальный характер и национальное самосознание для будущей борьбы в достижении национальной идеи – создание государства и центра еврейства в Палестине, используя накопленный в Харбине опыт в деятельности национально-общественной организации «ХЕДО» (годы деятельности 1903-1945).

Наконец, в заключение, укажем, что появлению еврейского дома в Китае способствовали следующие факты:

- евреи в Маньчжурии были ничем не стеснены и пользовались такими же правами российских подданных, как и представители других национальностей;
- фундаментом промышленности города Харбина являлась предпринимательская инициатива евреев, которая «ускорила шаги процесса перехода Харбина с сельскохозяйственного в начальную стадию промышленного города»;
- большинство предприятий Харбина (компании, заводы, мануфактуры, фабрики, магазины и рестораны, универмаги, аптеки города, типографии и другие предприятия) были связаны с деятельностью российских евреев;
- условия жизни в Харбине со временем «сформировали своеобразный культурно-психологический тип местного еврея. Будучи корнями связанным с Россией и русской культурой, он обрел здесь, в Харбине, возможность свободно изучать культуру, язык и историю собственного народа»[10];
- отличительной особенностью в деятельности еврейской общины в Китае, в соответствии с традицией евреев, была благотворительность, которая оказывалась всем прибывшим в Харбин евреям.

Таким образом, Харбин в 20-30-е гг. становится крупнейшим в Восточной Азии центром проживания евреев, многие из которых продолжают считать Харбин своей второй родиной, подарившей им счастье быть свободными, почувствовать свое человеческое достоинство и уважение к своей нации.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Вихнович В.Л. 2000 лет истории евреев России (от начала новой эры до современности) / В.Л. Вихнович.– СПб.: Академия исследования культуры, 2012. 608 с.
2. Гончаренко О.П. Русский Харбин/ О.П. Гончаренко. М.: Вече, 2009. 256 с.
3. ГАХК Ф.Р-830. Л.103-104.
4. В еврейской хлебопекарне // Заря. 1920. №5 106.
5. День сиониста // Рупор. 1926. №1611.
6. Ко всем евреям! // Еврейская жизнь. 1940. №26.
7. Национализм и самосознание // Еврейская жизнь. 1941. С.42.
8. Мастер китайской музыки еврей Аарон Авшаломов (Aaron Avshalomov) [Электр.ресурс] http://www.jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=1034 Дата выхода 09.07.2016.
9. Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х гг. [Элект.ресурс].- Режим доступа: [http://www.e-reading.mobi/chapter.php/143551/20/Melihov_ _Belyii_Harbin_Seredina_20-h.html](http://www.e-reading.mobi/chapter.php/143551/20/Melihov/_Belyii_Harbin_Seredina_20-h.html) Дата обращения 9 июля 2016 10:30:08
10. Романова В.В. Российские евреи в Харбине [Электронный ресурс].- Режим доступа: www.archipelag.ru Дата выхода 17.12.2015 г.
11. Российские евреи в Харбине. Китайский информационный Интернет-центр [Электр.ресурс] Режим доступа: Russian.china.org.cn Дата выхода 08.07.2016.

12. Ринский М. «Китайцы» Кауфманы [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=print&id=1915>. Дата выхода 09.07.2016.
13. Стародубцева Н.С. История еврейской общины Харбина [Электронный ресурс] http://www.amursu.ru/attachments/article/9505/N60_3.pdf. Дата выхода 8.06.2016 г.
14. Снитковский, В. Евреи в Харбине [Электронный ресурс] <http://evreimir.com/86695/evrei-v-harbine/> Дата выхода 08.07.2016 10:01
15. Яньцзю У. Социальный состав российской эмиграции в Харбине в 20-40 годы XX века [Электр.Ресурс] <http://sibac.info/studconf/natur/xii/34192> Дата обращения 27.08.2016.

Малявина Людмила Сергеевна, канд. ист. наук, доцент
Кафедра философии и социально-гуманитарных дисциплин
Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)
Ligor6@mail.ru

Лю Цзилин, студент факультета филологии,
переводоведения и межкультурной коммуникации
Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)
lyu.vitya.@bk.ru

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (1920–1930 гг.)

УДК 94

Аннотация. Рассматриваются особенности зарождения российско-китайских контактов в сфере высшего образования (1920–1930 гг.). Отражена связь их развития с историей Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), характером взаимоотношений между Россией /СССР и Китаем /КНР, политической ситуацией на Дальнем Востоке накануне и после Второй мировой войны. В качестве примера представлена история Харбинского политехнического института – одного из первых совместных российско-китайских образовательных проектов, реализованных в рассматриваемый период.

Ключевые слова и фразы: российско-китайские отношения, Харбин, Китайско-Восточная железная дорога, российское высшее образование за рубежом, Харбинский политехнический институт.

Malyavina Lyudmila Sergeevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Philosophy and Social and Humanitarian discipline
Pacific National University (Khabarovsk)
Ligor6@mail.ru

Liu Jilin, student of philological faculty, translation studies and intercultural communication
Pacific National University (Khabarovsk)
lyu.vitya.@bk.ru

THE HISTORY OF RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN HIGHER EDUCATION (1920–1930)

Abstract. The features of the origin of Russian-Chinese contacts in the field of higher education (1920–1930) are considered. The connection of their development with the history of the Chinese-Eastern railway, the nature of relations between Russia /USSR and China (PRC), the political situation in the far East before and after the Second world war is reflected. As an example, the history of the Harbin Polytechnic Institute is presented-one of the first joint Russian-Chinese educational projects implemented in the period under review.

Key word and phrases: Russian-Chinese relations, Harbin, China-East railway, Russian higher education abroad, Harbin Polytechnic Institute.

Одной из ведущих тенденций, характеризующих развитие российской высшей школы, является расширение направлений сотрудничества российских вузов с зарубежными образовательными организациями. На протяжении длительного времени стабильным

партнером России в этой области выступает Китайская Народная Республика (КНР). Юридическим фундаментом для развития наших долговременных отношений в сфере науки и образования можно считать «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», подписанный 16 июля 2001 г. президентом Российской Федерации В. В. Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Цзян Цзэминем. За истекший период нашим странам удалось выработать механизм многостороннего взаимодействия, включающий принятие соглашения об организации Университета Шанхайской организации сотрудничества (2008 г.), определить направления и формы сотрудничества.

Вместе с тем обращение к истории взаимоотношений России и Китая позволяет увидеть еще три предшествующих периода развития российско-китайского образовательного сотрудничества. Первый период (1920–1930 гг.) был связан с появлением на территории Маньчжурии (Северо-Восточный Китай) большой по численности (более 110 тыс. чел. к 1930 г.) российской диаспоры русских эмигрантов и развернутой ею деятельностью по созданию условий для получения образования русскоязычной молодежи. Второй период сформировался после образования Китайской Народной Республики и установления 2 октября 1949 г. между КНР и СССР официальных дипломатических отношений. Он продолжался около 10 лет (до начала 1960-х гг.) и характеризовался всесторонней помощью Советского Союза Китаю в сфере научно-технического сотрудничества и подготовке инженерных кадров. Следующий (третий) период (1980–1992 гг.) начался с внутренних реформ в стране, которые способствовали открытости Китая, интернационализации его образования, сориентированной на развитие сотрудничества китайских и зарубежных вузов, разработку транснациональных образовательных программ, использование передовых зарубежных методических разработок опыта управления сферой образования.

Цель данной статьи – показать особенности первого периода (1920–1930-е гг.), являвшегося периодом зарождения российско-китайских контактов в области высшего образования. В нашей историографии эту проблему рассматривают в контексте истории послеоктябрьской эмиграции, воспринимая российскую диаспору как закрытую от культурного диалога с китайским обществом [4]. Реже данный период представляют как попытку организации более тесного (по сравнению с дореволюционным временем) культурного сближения с принимающей страной [3]. При этом подчеркивается, что процесс взаимодействия был сложен и противоречив. Он не исключал как взаимного обособления, так и элементов диалога, во многом зависел от локализации диаспоры в районах Китая. Наиболее тесным оно было северо-восточных провинциях (Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь (Гири)), где еще со времен строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) (1897–1903 гг.) численность проживавших выходцев из России была максимальной.

Кадровые потребности КВЖД, различных государственных и частных компаний, банков в разнопрофильных специалистах со знанием языков обеих стран (русского и китайского) и образовательные запросы постоянно прибывавших в Маньчжурию эмигрантов из России выступили главными факторами, оказавшими влияние на создание российской высшей школы в Китае. По подсчетам владивостокского исследователя В. Ф. Печерицы в 1920–1930-е гг. в Харбине было организовано и действовало (с разными сроками продолжительности и успешностью) одиннадцать высших учебных заведений [4, с. 125–126]. Самыми известными вузами, которые оставили заметный след в развитии русского образования и науки в Китае, признаются Юридический факультет (первое русское высшее учебное заведение Харбина; обр. в 1920 г.); Харбинский политехнический институт (с 1920 по 1922 г. – российско-китайский политехникум); образованные в 1925 г. Педагогический институт и Институт ориентальных и коммерческих наук [6]. Недостаточный объем материалов в российских архивах и закрытость китайских архивов не позволяют документально проследить их организацию. Однозначно лишь отмечается важная роль администрации КВЖД (была главным источником финансирования учебных заведений) и лично управляющих дорогой Д. Л. Хорвата и Б. В. Остроумова, ряда общественных

организаций и деятелей Харбина, инициативных групп преподавателей, переехавших в Харбин из сибирских городов (Омска, Томска, Иркутска) и Владивостока.

В отечественной историографии деятельность харбинских вузов обычно представляется как деятельность русских вузов для эмигрантской молодежи, не имеющей возможности получить высшее образование в России. С этим трудно не согласиться, так как в них действовали российские образовательные стандарты дореволюционной высшей школы, обучение было основано на традициях российской классической высшей школы, велось на русском языке, к преподаванию были привлечены российские специалисты, чьи имена и научные заслуги были известны еще до революции. Обучение в вузах было платным. Льготы на оплату предоставлялись для родственников служащих и пенсионеров КВЖД, детей лекторов и сотрудников институтов. Вместе с тем, наряду с русскими студентами в вузах училась китайская молодежь. Для них организовывались специальные языковые подготовительные курсы, позволявшие по их окончании переходить на основное профессиональное обучение совместно с русскими студентами, выделялись стипендии от китайских правительственных учреждений. Культурному сближению российских и китайских студентов способствовало включение в учебные программы вузов (педагогического института, института ориентальных и коммерческих наук, юридического факультета и др.) обязательного изучения китайского языка, дисциплин по экономике и культуре Китая.

Обострение предвоенной ситуации на Дальнем Востоке в 1930-е гг. (захват Японией Северо-Восточного Китая и образование государства Маньчжоу-Го (1932 г.; с 1934 г. – Маньчжу-Го); подписание соглашения между правительствами СССР и Японии о передаче прав на КВЖД правительству Маньчжу-Ди-Го 23 марта 1935 г.), привели к разрушению русской образовательной системы в Китае. Не рассматривая детали всех институциональных изменений, отметим только, что из всех вузов, созданных в 1920–1930-е гг., сумел пережить эту сложную полосу и сохранить свою работу только один вуз – Харбинский политехнический институт (ХПИ), впоследствии прославившийся на весь мир, благодаря своим выпускникам. История ХПИ уже неоднократно привлекала свое внимание российских исследователей [1,2,7], пытавшихся ее восстановить на основе немногочисленных доступных источников (печатные издания института [9,10], воспоминания выпускников). В китайской историографии также есть ряд работ, посвященных данному вузу [8,11], который в настоящее время считается одним из ведущих высших учебных заведений КНР. Основные вехи развития института (от основания до современного состояния) отражены в китайской сетевой энциклопедии Байду (百度百科; Bǎidù Bǎikē) [12]. Сравнительный анализ исследовательских концепций, представленных в работах российских и китайских авторов, показывает, что они содержательно не отличаются друг от друга. Напротив, взятые в совокупности, они позволяют осветить историю института более полно и объективно. Так, в китайской историографии историю института принято отсчитывать с 1920 г., с момента организации российско-китайского политехникума – среднего технического учебного заведения с преподаванием на русском языке, начавшего свою учебную деятельность 17 октября 1920 г. (регулярные учебные занятия были начаты 18 октября) [12]. Импульсом для его создания считается острая потребность технических кадров на КВЖД. Инициаторами создания стала группа общественных деятелей Харбина, образовавших в начале 1920 г. «Общество по учреждению Российско-китайского техникума». В число членов общества вошли представители КВЖД, Городского Самоуправления Харбина, Биржевого Комитета, в также частные лица, сочувствующие идее открытия высшей технической школы. Почетным председателем был избран председатель Правления Общества КВЖД генерал Сун-Сяо-Лян, председателем — управляющий КВЖД генерал Д. Л. Хорват. Благодаря общественной поддержке и пожертвованиям, выделенными частными лицами, коммерческими предприятиями и фирмами Харбина, техникум с первые дней своего существования работал в благоприятных условиях. Имел помещение, выделенное КВЖД с частичным обслуживанием, оборудованные станками столярную и

слесарно-механическую мастерские, небольшой геодезический кабинет, устойчивый бюджет с субсидией от КВЖД, педагогический состав из лиц, имеющих обширный технический и педагогический опыт, стабильный состав студентов. По данным энциклопедии Байду, первый состав обучающихся включал три учебные группы (103 студента): 1-го и 2-го курса электромеханического отделения и подготовительного класса для китайских юношей для их обучения русскому языку. Все поступающие в техникум (за исключением слушателей подготовительных курсов) должны были держать вступительные экзамены на русском языке. 2 апреля 1922 г. техникум был реорганизован в Русско-китайский политехнический институт (РКПИ) с правами высшего учебного заведения. Именно эту дату считают основополагающей в российской историографии [1, с.309]. В отличие от политехникума институт имел более продолжительный (пятилетний) срок обучения и двухгодичные (с 1925 г. – трехлетние) подготовительные курсы (классы) для китайской молодежи. Правом поступления в институт обладали как мужчины, так и женщины всех национальностей, имеющие документы о получении среднего образования и успешно прошедшие проверочные испытания по математике и физике по специальным программам, устанавливаемых академическим советом института. На курсы принимались китайские юноши, окончившие китайскую среднюю школу и выдержавшие два вступительных экзамена. После окончания курсов и получения соответствующего удостоверения они также получали возможность обучения в институте без проверочных испытаний. Структуру вуза составляли два факультета – электромеханический и дорожно-строительный (путейский). Все выпускники института после его окончания получали звание инженера. Институт управлялся особым коллективным органом-правлением, в состав которого входили как русские, так и китайские представители.

Важную роль в становлении института и создании благоприятных условий для его развития сыграло Управление КВЖД, так как институт готовил инженерно-технический персонал (из русских и китайцев) для управления и эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги. Управление дороги финансово поддерживало институт (выделяло ежегодные субсидии в 75 тыс. золотых рублей), безвозмездно предоставило ему три помещения в центре Харбина (здания бывшего Российского императорского консульства, торговой школы и отдельный корпус для размещения механической мастерской), обеспечивало учебную деятельность студентов выделением оборудования, учебных пособий, испытательных лабораторий. Китайское правительство также поддерживало работу вуза, выделяя наиболее успешно обучающимся китайским студентам 20 ежегодных стипендий в размере от 600 до 1 000 долларов. 4 февраля 1928 г. вуз получил статус государственного вуза Китая, перейдя в подчинение администрации Особого района Восточный провинций (отдельной административно-территориальной единицы, бывшая зона отчуждения КВЖД). В связи с этим произошло изменение его названия с Русско-китайского политехнического института на Харбинский политехнический институт (ХПИ), под которым он и вошел в историю развития российско-китайских отношений, было сформировано новое правление из представителей советской администрации КВЖД и китайской администрации.

Руководителями вуза в разные годы являлись Алексей Алексеевич Щёлков (первый директор российско-китайского политехникума, он же первый директор института (РКПИ), возглавлял до 1925 г.) и Леонид Александрович Устругов (1925–1935 гг.) (был назначен на директорскую должность после перехода КВЖД в совместное управление СССР и Китая). Благодаря их богатому административному опыту, организаторским способностям, в течение короткого времени ХПИ превратился в самый крупный вуз Харбина и единственный технический вуз за рубежом, где преподавание велось на русском языке. Так, уже за первые 6 лет существования (к 1928 г.) институт выпустил 62 инженера с дорожно-строительного факультета и 43 инженера по электромеханическому факультету (105 чел.). К началу 1930 г. в нем обучалось 1026 студентов (394 чел. на инженерно-строительном факультете; 508 чел. на электромеханическом факультете; 123 – слушателя-китайца). Работало 17 кафедр (65 преподавателей) (данные Г. И.Каневской) [6, с. 28]. Количество выпускников вуза к началу

1930-х гг. по сравнению с предыдущим периодом выросло почти в два раза – до 193 чел. (по инженерно-строительному факультету было выпущено 101 чел.; по электромеханическому факультету – 92). Лица, окончившие институт, довольно скоро устраивались на работу не только на КВЖД, но и в частных и государственных предприятиях страны. Несколько отлично окончивших молодых инженеров оставались при институте для ведения практических занятий со студентами. Здание института занимало большую площадь – более 7 тыс. кв. м, на которой размещалось 11 аудиторий, библиотека, читальный зал, лаборатории: электротехническая, теплотехническая, испытательная, химическая и электротехники связи, два физических кабинета: по теплофизике и по электрофизике, геодезический кабинет, рисовальный зал, музей учебных пособий, мастерские слесарные и строительные и т. д. Здесь формировались многие известные всему миру научные школы, издавались научные труды, часть которых печаталась в «Известиях и трудах Русско-Китайского политехнического института» (выходили с 1923 по 1925 гг. под редакцией профессора Н. М. Обухова), а позже (с 1928 по 1934 г.) в «Известиях и трудах Харбинского политехнического института». Для обучения в вузе приезжала молодежь со всего Китая.

Японская оккупация Маньчжурии (1931г.), внедрение политики японизации образования, выезд в СССР в связи с продажей дороги (1935 г.) советских граждан (служащих, преподавателей института, части студентов вместе с родителями) не могли не отразиться на кадровом и студенческом составе института, его финансовом положении, учебных планах. После 1935 г. вуз перешел в управление Министерства народного образования Маньчжоу-Го. Произошел перевод обучения с русского языка на японский, сократился с пяти до четырех с половиной лет срок обучения, уменьшились ассигнования на институт, был закрыт прием русских студентов, которые для получения высшего технического образования вынуждены были перейти на политехнический факультет образованного в 1938 г. Северо-Маньчжурского университета. Русский персонал института, за небольшим исключением, был сокращен. Подводя итоги этого периода, следует отметить, что за неполные 20 лет работы вуз оставил значительный след в подготовке инженерных кадров, востребованных в экономике и промышленности многих стран (СССР, Китая, США, Австралии), о чем свидетельствуют биографии его выпускников [1,2]. Общие цифры его выпусков приводит энциклопедия Байду. Согласно ее данным, с 1920 по 1938 гг. в стенах вуза прошли обучение 1267 студентов, в том числе 885 чел. – русских и других национальностей; 382 чел. – китайцев [12].

Следующая страница в истории ХПИ началась после окончания Второй мировой войны, когда в 1945 г. новое руководство Китайско-Чаньчуньской железной дороги (КЧЖД, бывшая КВЖД) приняло его на свой бюджет, восстановив обучение на русском языке и сделав его бесплатным. Учебные планы ХПИ были приближены к планам советских технических вузов. Для русских и китайцев были открыты подготовительные курсы, для работающей молодежи – вечернее отделение. Для налаживания его работы из СССР были приглашены шесть групп советских специалистов (74 чел.). Образование Китайской Народной Республики в 1949 г. привело к новым переменам в жизнь ХПИ. В соответствии с советско-китайским «Договором о дружбе, союзе, взаимной помощи», подписанном в Москве 14 февраля 1950 г., предусматривавшем полную передачу китайской стороне прав на КВЧЖ, институт был передан под руководство китайских властей. В нем начался постепенный перевод преподавания на китайский язык (к 1955 г. использование русского языка в процессе преподавания в ХПИ было отменено), переход на новые профили, подготовка молодых кадров преподавателей-китайцев [5]. Последние русские преподаватели покинули институт в конце 1950-х гг., завершив следующий период существования института, история которого еще ждет своих исследователей.

В настоящее время (по данным официального сайта) [13] Харбинский политехнический университет (Harbin Institute of Technology (HIT)) – образовательное наследие российской высшей технической школы, «колыбель» китайского инженерного образования, является крупнейшим государственным вузом Китая. Университет признается ведущим техническим

вузом страны, и крупным научно-образовательным центром мирового уровня, ведущим работу во всех областях техники и технологий. При этом в вузе не забывают о своих «русских истоках», о чем свидетельствуют его эмблема с обозначением даты образования (1920 г.) — года открытия Русско-китайского техникума, экспозиции музея института и длительное партнерство с российскими вузами, вылившееся в 2011 г. в создание Ассоциации технических университетов России и Китая (АТУРК).

Однако не может быть забытой и деятельность других российских вузов Харбина и их вклад в формирование основ российско-китайских образовательных и научных связей, воспитание специалистов, уважительно относящихся к культурному наследию народов-соседей. Новая ступень научно-образовательного сотрудничества двух стран позволяет объединить усилия российских и китайских исследователей и более полно и объективно осветить их историю, обогатив историю российско-китайских отношений новыми фактами и именами российских специалистов, стоявших у истоков нашего сотрудничества.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Каневская Г. И. Харбинский политехнический в воспоминаниях его выпускников: (к 75-летию со дня основания ХПИ) // Рубеж. — Владивосток, 1998. — С. 309—316.
2. Каневская Г. И. Русский Харбинский политехнический институт и судьба его выпускников // Вестник ДВО РАН. — 2010. — № 2. С. 25—33.
3. Курто О. И. Русский мир в Китае: исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев. — М.: Изд-во Восточная литература РАН, 2013. — 375 с.
4. Печерица, В.Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1994. — 186 с.
5. Пэн Чуаньюн. Советские специалисты и дело высшего образования провинции Хэйлуцзян (КНР) в 50-е гг. XX в. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы VI международной научно-практической конференции. Благовещенск. 2016. С. 223—228. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26012308> (Дата обращения: 12.03.2019).
6. Хисамутдинов А. А. Русское высшее образование в Китае // Вопросы образования. — 2015. — № 4. — С. 274—291.
7. Хисамутдинова Н. В. Русская инженерная школа в Китае // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2016. — № 4. С. 204—212.
8. Чэ Чуныин. Научно-образовательная и духовно-культурная деятельность российской диаспоры в Китае: 1920—1940-е годы: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 [Дальневост. федер. ун-т]. Владивосток, 2016. - 22 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.dvfu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000827398> (Дата обращения: 12.03.2019).
9. Щелков А. А. Русско-Китайский политехнический институт в городе Харбине на 1 мая 1925 года и его первые выпуски инженеров - Харбин: [б. и.], 1925. — 40 с.
10. Щелков А.А. Русско-Китайский политехнический институт в Харбине // Высшая школа в Харбине. — 1922. — №1. — С. XIV—XVIII.
11. Чжан Чуньли. Хаэрбинь гунъе дасюэ (Харбинский политехнический институт) // Ханьюй юань.— 2005. — № 2. — С. 61-63.
12. Хаэрбинь гунъе дасюэ (Харбинский политехнический институт). [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/item/哈尔滨工业大学/281616?fromtitle..>
13. Harbin Institute of Technology [Электронный ресурс]. URL: // <http://en.hit.edu.cn/> (Дата обращения: 12.03.2018).

Мамкина Инна Николаевна, докт. ист. наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
зав. кафедрой теории государства и права,
inna-mamkina@yandex.ru

Гусевская Наталья Юрьевна, канд. пед. наук, доцент
Забайкальский государственный университет,
зав. кафедрой международного права и международных связей
gusnat1@rambler.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ ПОСЛЕ БОКСЕРСКОГО ВОССТАНИЯ

УДК 93/94

***Аннотация.** В статье рассматриваются геополитические интересы Российской империи в начале XX века и анализируется позиция дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе относительно приграничных территорий на правом берегу реки Амур в период с 1900 по 1904 гг. На основе комплекса секретных донесений дипломатических служб местным губернаторам автором предпринята попытка исследования проблем взаимодействия российских властей и китайского населения на приграничной территории. Обобщены сведения о действиях губернаторов по обеспечению безопасности местного населения и контролю за стратегически важными водными путями. Отмечено, что властями использовались меры административного контроля за расселением китайского населения в приграничной полосе, обеспечивавшиеся в том числе военным присутствием. Деятельность не носила демонстративного характера, но была основана на принципиальной позиции властей.*

***Ключевые слова и фразы:** Северная Маньчжурия, приграничный район, власть, население, контроль, геополитические интересы.*

Inna Mamkina, doctor of history, associate professor,
head Department of theory state and law
Zabaikalsky State Universite (Chita, Russia),
inna-mamkina@yandex.ru

Natalia Gusevskaya, candidate of pedagogics, associate professor,
Head Department of international law and international relations
Zabaikalsky State Universite (Chita, Russia),
gusnat1@rambler.ru

THE REALIZATION OF THE GEOPOLITICAL INTERESTS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE BORDER AREAS OF THE NORTHERN MANCHURIA AFTER THE BOXERS' UPRISING

***Abstract.** The article deals with the geopolitical interest of the Russian Empire at the beginning of the XXth century and with position of the diplomatic Department of the Amur Governor-General on the border areas on the right bank of the Amur River in the period from 1900 to 1904. On the basis of a complex of secret reports of diplomatic services by the local Governor, the author attempts to study the problems of interaction between the Russian authorities and the*

Chinese population on the border territory. The information on the actions of the governors to ensure the safety of the local population and control over strategically important waterways is summarized. It is noted that the authorities used measures of administrative control over the resettlement of the Chinese population in the border zone, provided, including a military presence. The activity was not demonstrative, but was based on the principled position of the authorities.

Key words and phrases. *Northern Manchuria, border area, power, population, control, geopolitical interests.*

Россия имеет богатый опыт собирания вокруг себя стран и народов, основанный на понимании важности обеспечения безопасности по периметру границ. На протяжении XVII – XVIII вв. основной территориальный прирост Российскому государству дали земли Сибири и Дальнего Востока. Присоединение соседних земель осмыслялось российским руководством в первую очередь как забота о государственной безопасности. Необходимость движения Российского государства от Урала к Тихому океану обосновывалась не столько экономическими, сколько геополитическими интересами. Одной из главных геополитических целей в начале XX века, несомненно, виделось усиление присутствия России на берегах Тихого океана и скорейшее заселение Дальнего Востока русским населением, способным создать прочную основу для превращения края во «внутреннюю окраину» империи. Кроме того, в геополитической доктрине, которой придерживалась российская военно-политическая элита в начале XX века, дальневосточным и северо-восточным сибирским землям отводилась роль «степного буфера» между Россией и Китаем и резервного демографического пространства. Имперское расширение на Дальнем Востоке также оправдывалось приращением пахотной земли с последующим заселением ее русскими. Соответственно, перед российскими властями стояла задача обеспечения безопасности дальневосточных рубежей, включавшая в себя контроль за миграцией китайского населения и воспрепятствование преобладанию китайских поселенцев на берегах Амура.

Освоение восточной окраины Российской империи имело затяжной характер и проходило на протяжении нескольких столетий. Долгое время взаимодействие русского, маньчжурского и китайского населения регулировалось традициями добрососедских отношений. Приграничные территории были заселены довольно слабо как в Северной Маньчжурии, так и Приамурье. Продвижение русских на восток затруднялось отсутствием инфраструктуры, обширностью территории, малочисленностью населения. Со стороны Китая Маньчжурия была закрыта для китайского и иностранного населения. Отсутствие четкой государственной границы позволяло населению мигрировать по приграничной территории.

По сведениям дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе появление русских на левом берегу Амура не нарушало интересов Китая. Китай охотно признавал эти места в общем пользовании. Принцип совместного пользования долинами рек Амурского бассейна «вполне естественно и глубоко проник в сознание местных жителей» [1, Л.10]. В Приамурском крае осели выходцы из Китая - «зазейские маньчжуры». Русское население пользовалось сенокосными, охотничьими, рыболовными и даже пахотными угодьями на правом берегу Амура, заходя в глубь Маньчжурии на сотню верст [1, Л.1].

Поражение во Второй опиумной войне, подписание неравноправных договоров заставило китайские власти пересмотреть принципы пограничного взаимодействия. Подписание Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров закрепило пограничные территории Китая и России. Впервые были выставлены китайские пограничные караулы. Появление таможенных постов, сбор пошлины «по общему иностранному тарифу» противоречил интересам российских властей. Установление границы «отразилось

неблагоприятно на развитии наших традиционных сухопутных отношений с Китаем» - отмечали российские дипломаты [1, Л.2].

В сложившейся ситуации дипломаты рекомендовали местной администрации строго разграничить «сухопутные отношения с Китаем ... от морских ... и чтобы они основывались не на принципах международной практики иностранцев в Китае, а на естественном развитии прежних традиций» [1, Л.2].

В 1880-х гг. Китай принимает меры по усилению сухопутных границ вдоль Амура и заселению необжитых территорий. В 1878 г. цинские власти отменили запрет на переселение китайцев в Маньчжурию, что способствовало колонизации приграничной китайской территории. Как справедливо отмечает хабаровский историк Н.А. Макуха, в конце XIX - начале XX вв. активизировалась деятельность китайских властей по заселению Гиринской и Хэйлунцзянской провинций, части правого берега Амура [2, С.80-85]. Переселенцам бесплатно предоставлялись участки земли в приграничной полосе, с дальнейшим освобождением от налогов на пять и более лет.

Японо-китайская война 1894-1895 гг. и боксерское восстание несколько отвлекли китайские власти от колонизации Северной Маньчжурии. После ввода российских войск население приграничных территорий Северной Маньчжурии переселилось в глубь страны. Однако уже к 1901 г. китайцы вновь появились на правом берегу Амура.

Отметим, что события 1900 г. показали полную незащищенность Благовещенска и близлежащих селений от военной угрозы со стороны Китая. По этому поводу Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков писал: «Возвращение маньчжур и китайцев на прежние места их жительства неподалеку от г. Благовещенска, равно как и образование новых китайских поселений ближе 5 верст от правого берега Амура для нас вредно и в высшей степени нежелательно, а в окрестностях поселков Ильинского и Марии Магдалены и вовсе недопустимо» [1, Л.3]. Гродеков предложил ограничить расселение китайцев на правом берегу Амура в пределах пятиверстной приграничной полосы и запретить селиться в районе поселков Ильинского и Марии Магдалены. Предложение было поддержано и одобрено императором Николаем II 14 июня 1901 г. Однако впоследствии император изменил свое мнение.

На сообщение российских дипломатов в 1902 г. о тайном распоряжении цзянь-цзиня Хэйлунцзяна о возвращении китайского населения правого берега Амура на прежние места, Николай II повелел «не делать особых препятствий возвращению китайцев на прежние места в 5-и верстной полосе» [1, Л.4 об]. Позиция императора отчасти свидетельствует о некоторой неопределенности российских властей в дальневосточном вопросе.

В 1902 г. 26 марта Россия подписала с Китаем договор о разграничении интересов в Маньчжурии и выводе русских войск «из юго-западной части Мукденской провинции до реки Ляо-хэ с передачей Китаю железных дорог; в течение последующих шести месяцев очистить остальную часть Мукденской провинции и провинцию Гири от императорских войск; в течение следующих шести месяцев вывести остальные русские императорские войска, находящиеся в провинции Хэй-лун-цзян» [4, С.324-328]. Заметим, что вопрос о территории по правому берегу Амура не обсуждался, в соглашении закреплён не был.

Вместе с тем Амур являлся, по сути, единственным путем сообщения Приамурского края с центром России (до эксплуатации Транссиба и КВЖД). Усиление Китая на правом берегу являлось прямой угрозой безопасности русского населения и грозило парализовать важнейшую транспортную артерию в целом.

По инициативе генерал-губернатора Н.И. Гродекова на правом берегу Амура был сохранен ряд пунктов, занятых русскими войсками. Запрещено расселение китайского населения в «трехверстной полосе против постов по Амуру: Ильинского, Марии Магдалены, Ридде, Мохо, Четвертой пади» [1, Л.4 об]. В распоряжении относительно поселений говорилось: «Меры эти должны были выполняться без большей огласки, но и без послаблений» [1, Л.4 об].

К 1903 г. география правобережных пунктов расширилась. По инициативе исполняющего обязанности генерал-губернатора А.С. Беневского список дополнило селение Лохисусу, находящееся в трех верстах от Амура, в устье Сунгари. В Лохисусу располагался пограничный пост, таможенная застава, карантинный пункт, интендантские склады, начиналась телеграфная линия на Сунгари.

Позднее запрет селиться китайцам на правом берегу Амура распространился на места с трудными перекатами: пункт напротив станицы Кольцевой, д. Толоходы (Никанка) и в месте транспортной развязки путей напротив станицы Екатерино-Никольской [1, Л.5].

Из всех перечисленных правобережных пунктов китайское население проживало лишь в местечках Мохэ и Четвертой пади. Общее количество жителей составляло около пяти тысяч человек. Заметим, что население контролировалось пограничным комиссаром Амурской области, опиравшимся на комендантов ближайших постов и деревенских старост, назначенных из числа местных жителей. Местные власти отмечали, что «Возвратившееся население настолько привыкло к русской власти, что за разрешением своих споров, даже по бракоразводным делам, обращалось к комендантам постов» [1, Л.8 об].

В итоге, накануне русско-японской войны 1904-1905 гг. русские власти, используя «благоприятные условия», выразившиеся в отсутствии «по всему течению пограничных рек» китайских пограничных пунктов и «ни одного местонахождения китайской администрации» приняли следующее [1, Л.17-21]. Вновь прибывшему китайскому населению запретили свободно селиться в 5-верстной приграничной полосе на правом берегу Амура, исключение составили лишь «прежние жители». Деятельность китайской администрации в приграничных фудунтунствах попадала под контроль русского чиновничества «насколько будет признано возможным русскими властями» [1, Л.17-21]. Русскими властями осуществлялся надзор за деятельностью китайских и иностранных предприятий в упомянутой приграничной полосе.

Таким образом, в контексте подписания соглашения 1902 г., вывода войск из Маньчжурии деятельность властей была направлена на сохранение российского влияния и военного присутствия на правом берегу Амура и пограничных рек Аргуни и Уссури. Действия властей имели целью обеспечение безопасности приграничных территорий и проживающего там русского населения, а также сохранение контроля за стратегически значимыми транспортными артериями по течению приграничных рек.

В заключение хочется отметить, что дальнейшее изучение дальневосточной политики представляет собой фундамент для понимания современной ситуации в регионе. Предложенная российским руководством идея «поворота на Восток» переживает пик популярности среди российской политической элиты. Однако наивно надеяться, что заявленная политика регионализма и экономическая интеграция сами по себе объединят и примирят страны, народы, культуры и цивилизации Евразии, заставят легко забыть веками копившиеся недоверие, обиды, противоречия. И все-таки совместимость интересов России и Китая в зоне Северо-Восточной Евразии несомненна. Это и политические (демилитаризация и обеспечение безопасности региона), и экономические (производственная кооперация), и социальные (интересы населения приграничных территорий) приоритеты развития региона. Давно декларируемая, но так и не нашедшая эффективной формы реализации идея со-развития приграничных территорий Тихоокеанской России и Северного (Автономный район Внутренняя Монголия) и Северо-Восточного (Хэйлунцзян, Цзилинь) Китая по-прежнему остра и актуальна и в геополитических реалиях XXI века должна разрабатываться на новых основах и принципах в контексте интересов и потенциала всей зоны Северо-Восточной Евразии и Северной Пацифики.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. ГАЗК. Ф. 1-об. Оп. 1. Д.15500. Л. 21
2. Макуха Н.А. Отношение дальневосточной администрации к китайской колонизации Северной Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв. // Власть и управление на Востоке России. №2(43). 2008. №2(43). С. 80-85.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. №2094-р. Электронный ресурс
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/4c3674f211a65e5503e9bf95e11221a4bd7fda7e/
4. Сборник договоров России с другими государствами (1856-1917). М.: Госполитиздат, 1952 г. С. 324-328.

Милевский Олег Анатольевич, д.и.н., доцент
Кафедра социально-гуманитарного образования
Сургутский государственный педагогический университет
olegmilevsky@mail.ru

ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЕЙ И СУДЬБА ПРАВОСЛАВИЯ В КИТАЕ

УДК 66.1 (2) 53

Аннотация. В статье рассматривается история становления и практической деятельности российской православной духовной миссии в Пекине после подписания «неравноправных договоров» и до ее закрытия. Анализируется роль российских консерваторов в деле восстановления духовной миссии после разгрома ее ихэтуанями и дальнейшего распространения православия в Китае. Оценивается позиция главы Святейшего Синода К.П. Победоносцева и иерархов РПЦ в деле возрождения миссии. В заключение подводятся итоги работы миссии после ее восстановления и делается вывод о том, что ее деятельность в начале XX в. была наиболее успешной.

Ключевые слова и фразы: Цинская империя, Российская православная духовная миссия, Айгунский договор, миссионерство, православие, восстание ихэтуаней.

Oleg Milevsky, Doctor of History, Associate Professor
Department of Social and Humanitarian Education
Surgut State Pedagogical University
olegmilevsky@mail.ru

THE YIHETUAN REBELLION AND THE FATE OF ORTHODOX CHRISTIANITY IN CHINA

Abstract. The article deals with the history of the formation and practical activities of the Russian Orthodox ecclesiastical mission in Beijing after the signing of "unequal treaties" and before its closure. Examines the role of the Russian conservatives in the restoration of the ecclesiastical mission after its defeat by the Yihetuan and the further spread of Orthodox Christianity in China. The article evaluates the position of the head of the Most Holy Synod K. P. Pobedonostsev and the ROC hierarchs in the revival of the mission. In conclusion, it summarizes the work of the mission after its recovery and concludes that its activities in the early twentieth century was the most successful.

Key words and phrases: the Qing Dynasty, the Russian Orthodox ecclesiastical mission, the Treaty of Aigun, missionary work, Orthodox Christianity, Yihetuan Movement.

История распространения православия в Цинской империи имеет весьма давние традиции. Российская духовная миссия в Китае (далее миссия. – О.М.) была учреждена в 1713 г. для удовлетворения религиозных нужд увезенных в плен русских албазинцев и открыта в Пекине в 1715 г.[4, с. 277]. После подписания в 1728 г. между Россией и Китаем Кяхтинского договора статус миссии был утвержден окончательно. Однако в первые сто пятьдесят лет своего существования она в основном выполняла дипломатические функции и занималась изучением Китая. Сама же пропаганда православия была поставлена слабо и даже прямо воспрещалась царским правительством, чтобы не обострять отношений с цинскими властями[16, с. 434].

По Айгунскому договору 1858 г. и далее после подписания Пекинского трактата (1860 г.) цинское правительство предоставило миссии полную свободу действий и обязалось не

преследовать своих подданных за принятие христианства [10, с.773]. В 1861 г. в Китае было открыто русское дипломатическое представительство, а духовная миссия с этого времени полностью перешла из ведения МИДа в духовное ведомство и все свои усилия направила на пропаганду православия. Тем более что после опиумных войн и «открытия Китая» миссионеры из других стран начали в страну настоящее нашествие.

Пожалуй, первым действительно успешным проводником православных идей в Поднебесной стал иермонах Исая (Поликин) (умер в 1871 г. – *О.М.*) сумевший обратить в свою веру почти 400 человек. В основном это были жители деревни Дунь-Дунь-ань [16, с. 435]. Последователи отца Исая развили его начинания. Оживилась проповедь на китайском языке и преподавание в миссионерской школе. В 1882 г. первый православный священник из китайцев Митрофан Цзи начал вести проповеди на китайском языке. Росло и влияние миссии. К 1885 г., кроме самого здания миссии, в Пекине имелись две церкви, функционировал храм на юге Китая в Ханькоу. Существовал также храм в деревне Дунь-Дунь-ань, построенный при отце Исаяе [10, с. 773].

В конце 1880-х гг. Россия активизирует свою политику на Дальнем Востоке. Проводником такого курса выступал, например, близкий к царскому двору князь Э.Э. Ухтомский [1, с. 330–333], сопровождавший в 1890 – 1891 гг. в поездке по Дальнему Востоку наследника престола Николая Александровича и написавший по итогам поездки многотомный отчет. Представители Санкт-Петербургских правящих сфер, чью точку зрения тогда во многом отражал князь Э.Э. Ухтомский, смотрели на Цинскую империю в основном сквозь призму геостратегического и геоэкономического интереса. Э.Э. Ухтомский подчеркивал, что «в Азии для нас, в сущности, нет и не может быть границ, кроме необузданного, как и дух русского народа, свободно плещущего у ее берегов необъятного синего моря. Российская держава должна стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения» [7, с. 227].

Такая точка зрения получила поддержку и в консервативной печати. Активным ее проводником выступал публицист «Московских ведомостей» Л.А. Тихомиров. В 1891 г. он поместил в этой газете очерк «Сибирские вопросы», в котором призывал не только активнее осваивать русский Дальний Восток, но и предлагал проводить экономическую колонизацию одновременно с религиозно-культурным проникновением. «Успехи православия – это успехи русского образа жизни, русских порядков» [11], – подчеркивал он. Л.А. Тихомиров считал активную миссионерскую деятельность необходимой, для того чтобы уберечь новых «русских подданных от увлечения другими религиозными течениями». Поэтому он предлагал активизировать православную пропаганду и на сопредельных с Россией территориях, особенно в Китае [11].

Развивая дальневосточную тему в этом направлении, Л.А. Тихомиров в 1894 г. поместил в «Русском обозрении» статью «Япония и Китай в Корее». В ней он на основе анализа итогов Японо-китайской войны 1894 г. не только указывал на очевидные интересы России в тихоокеанском регионе, но и предупреждал об опасности, исходящей от возрастающей военной и экономической экспансии модернизированной Японии [12]. Военно-политическое закрепление России на новых дальневосточных рубежах, по мнению Л.А. Тихомирова, невозможно было бы без упрочения ее социокультурного и особенно религиозного влияния.

Укрепление позиций России в Китае после его поражения в войне с Японией и подписания с Россией Московского договора 1896 г. привело и к более активной миссионерской деятельности РПЦ. Ее главным проводником выступал тогдашний глава Российской духовной миссии архимандрит Флавиан (Городецкий). Он являлся главой миссии с 1879 г., а до этого находился в составе миссии с 1873 г. [10, с. 773].

Экспансионистская политика великих держав в Китае, в том числе и резкая активизация миссионерской деятельности, раздражала как маньчжурскую правящую элиту, так и простых китайцев. Дело в том, что пропаганда христианских ценностей велась весьма

грубо и часто входила в прямое противоречие с китайскими религиозными и этическими традициями. Поэтому отношение к китайским христианам со стороны традиционного китайского социума было весьма пренебрежительным. Если иностранцев жители Поднебесной называли «волосатыми»—мао-цзы, то китайских христиан презрительно называли «второстепенные волосатики»—эр- мао- цзы [22, с. 364].

В начале 1890-х гг. на территории Китая действовало уже более 2 тысяч миссионеров [22, с. 353]. Тон задавали протестанты и католики. Для них религиозные обряды местных жителей выглядели странными и непонятными, и руководители западных миссий запрещали своим новообращенным принимать участие в подобных церемониях, что автоматически ставило китайцев-христиан в положение изгоев в традиционном китайском социуме. Представители западных миссий выступали в поддержку своих неофитов, даже если те были виновны в каких-то нарушениях и даже преступлениях. Американский миссионер Г. Смит писал о французской миссии: «Какой бы ни случился спор у христианина с язычником, вне зависимости от предмета разногласия в этот спор мгновенно вмешивался священник, который если только не мог сам запугать местных чиновников и заставить их признать правым христианина, представлял все дело, как факт гонений на веру, когда можно было обратиться за поддержкой к консулу» [22, с. 354].

К тому же нередко представители религиозных миссий вмешивались в имущественные вопросы. По 6 статье Пекинского договора между Цинами и Францией было записано, что: «Подверженные разграблению католические храмы, школы, кладбища, земли и строения, принадлежащие лицам, принявшим католическую веру, должны быть возвращены посланнику императора Франции, аккредитованному в столице Китая, для передачи католикам указанных районов» [18, с. 493]. На этом основании миссионеры начали претендовать на китайские святилища, вымогать в качестве компенсации христианским церквям близлежащие земли и т.д.

Еще более безапелляционно и грубо по отношению к местным традициям действовали немцы. В провинции Шаньдун, где они чувствовали себя полноправными хозяевами, миссионеры - немцы настолько явно покрывали многие неблагоприятные деяния китайцев-христиан, что вызвали там массовое недовольство населения [22, с. 355]. Поэтому неудивительно, что осенью 1898 г. именно здесь начались первые выступления против засилья иностранцев, сопровождавшиеся погромами христианских церквей. Весной 1899 г. правительство Германии решило положить конец местным мятежам и провело несколько картельных акций в Шаньдуне, что вызвало сопротивление простых китайцев. Именно в это время активно проявило себя общество «Ихэтуань» («Кулак во имя справедливости»). Так началось восстание, вошедшее в историю как восстание ихэтуаней [4, с. 354] и более известное на Западе как «боксерское» восстание.

Причем первоначально, когда начались притеснения христиан, вдовствующая императрица Цыси, чтобы лишний раз не провоцировать Запад на конфликт, приказала арестовать нарушителей порядка и сурово их наказать. Поменяли и губернатора провинции Шаньдун. В декабре 1899 г. вместо антизападно настроенного Юй Сяня поставили более лояльного Юань Шикая [18, с. 502]. Однако 30 декабря 1899 г. в Шаньдуне произошло убийство миссионера англиканской церкви С. Брукса. За это убийство, кроме наказания виновных лиц, Юань Шикай обложил население мест, где произошел инцидент, штрафом в 500 лян для установления памятника и выплатил церкви большую компенсацию в размере 9000 лян [18, с. 503]. Более того, 19 февраля 1900 г. Цыси своим указом объявила ихэтуаней на территории провинций Чжили, а также в Шаньдуне вне закона и назначила «усиление ответственности» для лиц, совершивших насилие [22, с. 337]. Однако раздражение жителей Поднебесной против засилья «западных варваров» было слишком сильным, и восстание только набирало силу.

Выступление ихэтуаней носило ярко выраженный антииностраный характер: разрушались железные дороги, линии телеграфной связи и, естественно, христианские храмы и здания религиозных миссий. К весне 1900 г. оно охватило большинство районов

Китая. Следствием эскалации напряженности стало появление в стране военных подразделений европейских держав, США и Японии, но это не помешало ихэтуаням уже при официальной поддержке Цинов захватить Пекин и начать громить дипломатические представительства и религиозные миссии. Была захвачена, разграблена и сожжена Российская духовная миссия.

По свидетельству очевидца событий: «Православным китайцам пришлось претерпеть жестокие мучения и казни 10 и 11 июня 1900 г. Православные китайцы считали себя безопасными от преследований, как бывшие потомки казаков албазинцев, исповедующие православную веру с разрешения пленившего их императора Канси, так и по принадлежности к знаменным китайским войскам. Ихэтуани, однако, не считались с историей и правами, а преследовали одинаково всех китайцев-христиан, почему в эти дни было убито православных 222 человека: 75 мужчин, 76 женщин и детей обоюбого пола 71» [5, с. 104]. Кроме погромов в Пекине убийства православных китайцев были отмечены и в других регионах Цинской империи. Так, например, в православной китайской деревне Дунь - Дунь-ань из четырехсот крещеных китайцев более трехсот погибли мучительной смертью, а построенный там храм был разрушен» [20].

Известия из Пекина крайне взволновали российские консервативные круги. Об этом, например, писал в своем дневнике (запись от 15 июня 1900 г. – *О.М.*) издатель «Нового времени» А.С. Суворин [9, с. 291]. Активно откликнулся на «боксерское восстание» и Л.А. Тихомиров. На события в Китае он смотрел не только как на ущемление российских геополитических интересов, но и как на цивилизационный вызов христианству вообще и православию в частности. По его мнению, восстание грозило уничтожить только что наметившиеся ростки православной миссионерской деятельности в Поднебесной. Тогдашнее его настроение как нельзя лучше характеризует дневниковая запись в июле 1900 г.: «И вот того и гляди будем малодушны и в самую важную минуту восточной истории все провороним, а это будет значить, что через несколько времени будем жертвой китайского нашествия. Это минута испытания для России... Но, боюсь, испытание не выйдет удачным» [3, л. 148].

Однако в данном случае опасения Л.А. Тихомирова были напрасными. Собрав 40-тысячную армию из представителей 8 держав (Англия, Франция, Германия, Россия, США, Япония, Австро-Венгрия, Италия) западная коалиция в августе 1900 г. захватила Пекин. Начались переговоры о мире, тянувшиеся более года, а попутно иностранные войска подавляли последние очаги сопротивления ихэтуаней [4, с.356].

По итогам событий, в сентябре 1900 г., Л.А. Тихомиров в «Московских ведомостях» опубликовал цикл статей, объединенных общим названием «Китай, Россия и Европа» (№ 241, 242, 244–249). В этих статьях, кроме отстаивания права Европы и России вмешиваться в китайские дела, он протестовал против обвинения цинскими властями европейцев в том, что они распространяют христианство в Китае.

Более того, Л.А. Тихомиров порицал российские правящие сферы и РПЦ за бездействие в этом вопросе. При этом он не соглашался с позицией некоторых представителей монархического лагеря и резко отзывался о тех разговорах, которые слышатся в России «против активной политики на Дальнем Востоке с указанием на то, что наша настоящая деятельность на Востоке ближнем» [14]. В одной из статей он писал: «Мы были только хранителями той истиной веры, а наша мировая роль в том, чтобы ее активно распространять и на Дальнем Востоке. Россия могла быть объединяющим элементом для христианской религии, каким должна быть в будущем и на Ближнем Востоке» [14].

Столь смелые высказывания вызывали тогда отнюдь не однозначную реакцию, как в правительственных кругах, так и среди идеологов «охранительства», даже близкий друг Л.А. Тихомирова известный славянофил А.А. Киреев в личных письмах критиковал его за подобную точку зрения [2, л. 72]. О неприятии идей Л.А. Тихомирова частью «правого лагеря» свидетельствовали и его дневниковые записи: «Мои "Китай, Россия и Европа" не вызвали и единой строчки похвалы или порицания в русской печати» [2, л. 44]. В оценке

роли России, как военной союзницы Запада в китайских делах, с Л.А. Тихомировым разошелся и Э.Э. Ухтомский, выпустивший в это же время книгу «К событиям в Китае: об отношении Запада и России к Востоку». В понятие Востока князь включал и Россию, а в книге он проводил главную мысль о том, что Россия ни в коем случае не должна входить в антикитайский блок [7, с. 226]. Объединиться с Востоком в процессе противостояния Западу предлагал и другой видный консервативный публицист и общественный деятель С.Н. Сыромятников [7, с. 226–227]. Но при этом фактор религиозно-цивилизационного влияния России на страны Востока, в том числе и Китай, ими не отрицался.

В тот период не поддерживали амбициозных планов продвижения православия на Дальний Восток и официальные круги РПЦ, в том числе обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. Очередной попыткой склонить «православное общественное мнение» в сторону принятия идей проведения более активной религиозной политики на Дальнем Востоке стало появление в октябре 1900 г. на страницах «Московских ведомостей» цикла статей Л.А. Тихомирова – «Христианские задачи России и Дальний Восток» (№ 295–298). Лейтмотивом публикаций явился следующий тезис Л.А. Тихомирова: «Активная политика нации не исчерпывается задачами чисто государственными, и перед Россией стоит на Дальнем Востоке еще одна задача, наиболее трудная, но и наиболее плодотворная... Я говорю о приобщении Дальнего Востока к миру христианскому. Это приобщение для нас такая обязанность, которая лежит прямо на России, как на нации, объединенной своей Церковью. Но и государство не может остаться безразличным к ее успеху или неудаче, потому что здесь находится коренной вопрос будущих взаимоотношений с Дальним Востоком» [16, с. 425].

В своих дальнейших размышлениях о недостатках и достоинствах той или иной ветви христианства Л.А. Тихомиров откровенно выступал с антизападнических позиций. Он усматривал преимущества православия в том, что оно «объединяет верующих в церковь местную, то есть самую национальную» [16, с.440], поэтому «естественным последствием приобщения к Православию является создание местных, национальных Церквей, тесно связанных с данными народами, а между собою соединенных Вселенской церковью только действительно высшими началами, для всех Церквей обязательными в равной степени» [16, с. 441].

Несомненно, в чем-то данное утверждение оказывалось не лишенным смысла, учитывая, например, тот факт, что в XIX в. служба в католических храмах все еще велась на мало кому понятном латинском языке (богослужение на китайском языке они начали проводить только с 1964 г. после II Ватиканского собора [8]– О.М.). Обосновывая эту мысль, Л.А. Тихомиров резонно заявлял, что «постановление своих уважаемых и известных всем епископов охотнее принимается, чем приказ иностранного пастора во фраке. Еще важнее, когда появятся свои святые, свои подвижники, что их пример и воздействие для народа более реальны, нежели проповедь чужих людей» [16, с. 442].

Однако еще важнее, считал он, выполнение такой глобальной задачи, как продвижение православия на Дальнем Востоке, для самой России. «Если бы Россия выполнила свои христианские задачи на Дальнем Востоке, это было бы одним из тех случаев исполнения внешнего долга, при котором мы ближе вникнем в самих себя и для своего развития попутно делаем может быть больше, нежели для тех, кому оказываем помощь» [16, с. 443], – подчеркивал он.

Кроме публицистики Л.А. Тихомиров развернул и бурную общественную деятельность по спасению миссии. Он вступил в переписку с обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым и церковными иерархами, настаивая на скорейшем ее восстановлении [6, с. 55–56]. Первоначально К.П. Победоносцев относился к предложениям Л.А. Тихомирова достаточно осторожно. А вот в кругах представителей РПЦ его подвижничество нашло определенную поддержку. За статьи о христианских задачах на Дальнем Востоке Л.А. Тихомирова тепло благодарил в письмах к нему архимандрит Никон (Рождественский Н.И.): «Искреннее спасибо, Вам, за истинно православные статьи о наших христианских задачах в

Китае. Но боже как сами-то мы, даже монахи нуждаемся в духовном обновлении и своего рода миссии», – писал он, добавляя при этом: «Страшно подумать, как мы не готовы» [2, л. 121]. Поддержку идее восстановления миссии и посильную финансовую помощь оказал и епископ Паросский [2, л. 124].

Благодаря активной деятельности Л.А. Тихомирова, в редакции «Московских ведомостей» сформировался настоящий штаб по сбору средств на восстановление миссии. В результате активных усилий Л.А. Тихомирову и лицам его поддерживавшим удалось сформировать общественное мнение в нужном направлении. Изменил отношение к судьбе миссии и К.П. Победоносцев. Именно через него отправили приветственную телеграмму архимандриту Иннокентию (Фигуровский), стоявшему во главе миссии с 1896 г. и пережившему вместе с ней «боксерское восстание».

В конце 1900 г. активизировался и сбор средств для восстановления миссии. Л.А. Тихомиров сумел привлечь в качестве жертвователей и церковных иерархов. Всего же к февралю 1901 г. на нужды миссии собрали около 460 руб. [2, л. 82]. В начале 1901 г. в «Московских ведомостях» появляется статья Л.А. Тихомирова «Православие на Дальнем Востоке в 1900 г.». Рассказывая в ней о разгроме миссии в Пекине, он, тем не менее, акцентировал внимание на том, что дело развития православия в Китае отнюдь не безнадежно. В качестве положительного примера публицист приводит данные об успехах миссии архимандрита Николая (И.Д. Касаткина) в Японии и о деятельности Корейской православной миссии [15].

В конце концов подвижническая деятельность Л.А. Тихомирова и его окружения в продвижении идеи восстановления миссии имела успех. На проблему обратило внимание и высшее духовенство. 2 марта 1901 г. митрополит Антоний (А.В. Вадковский) прислал на нужды миссии 1000 рублей, а в октябре 1901 г. Л.А. Тихомиров радостно отмечал в дневнике: «Письмо от о. Иннокентия Китайского очень радует: он убедил митрополита Антония и К. Победоносцева, и китайская миссия сохраняется» [3, л. 132].

7 сентября 1901 г. был подписан «Боксерский протокол», означавший полное окончание военного конфликта в Китае и фактически поставивший страну под контроль Запада. Естественно, что был дан «зеленый свет» работе и западных консульств, и религиозных миссий.

Активно восстанавливалась под руководством отца Иннокентия и российская миссия. После возобновления ее работы в Успенском соборе была открыта типография. В Пекин перевели редакцию «Известий братства Православной церкви в Китае», первые 9 номеров этого издания вышли в г. Харбине. Православие достигло и крупнейшего города Поднебесной – Шанхая. В Шанхае миссия приобрела участок земли, где была построена церковь и школа, в которой обучались 24 ученика [13; 17].

Вообще начало XX в. – это краткий период расцвета миссии. В это время осуществлялись переводы Священного писания на китайский язык, были переведены основные богослужебные тексты и т.д. Успешно велась и хозяйственная деятельность. Миссия располагала хорошо оборудованными мастерскими, пекарней, мыловарней, литейной мастерской, котельной, типографией, переплетными мастерскими, баней, мельницей, молочной фермой, фруктовыми садами и огородами. Ее пасека дала до 80 пудов меда [8].

И даже социальные потрясения в Китае, последовавшие после Синьхайской революции 1911 г., не помешали деятельности миссии. Так, к 1916 г. число православных китайцев достигло 5587 человек [21, стб.100]. По отчету за 1916 г. миссия в своем ведении имела: 2 монастыря в Пекине, один скит близ Пекина, 5 подворий (в России), 19 церквей, 3 часовни, 5 кладбищ, семинарию в Пекине, 18 мужских и 3 женских школы, богодельню [8]. В 1917 г. капитал миссии составлял около 1 миллиона золотых рублей [19, с. 98]. Эти качественные и количественные достижения оказались возможными только благодаря активной государственной поддержке оказываемой российской властью и РПЦ, которая стала наиболее действенной после подавления «боксерского восстания» в Китае.

В дальнейшем слом имперской российской государственности в 1917 г. привел к постепенному сокращению, а потом и прекращению собственно миссионерской деятельности миссии. В 1920–1930-х гг. основная ее работа направлялась на оказание помощи русским эмигрантам. В 1955 г. было принято окончательное решение о закрытии миссии [19, с.100]. Северное ее подворье со всеми постройками и имуществом было передано СССР. В настоящее время на этой территории находится посольство Российской Федерации.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Витте С. Ю. Избранные воспоминания. – М.: Мысль, 1991. – 708 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 634. Оп 1. Ед.хр. 8.
3. ГА РФ. Ф.634. Оп.1. Ед.хр.7.
4. История Китая: Учебник / Под. ред А.В. Меликсетова –М.: Изд- во МГУ, 1998.– 736 с.
5. Корсаков В. В. Год в Пекине // Русская мысль. –1905. – № 1.– С. 98–114.
6. Милевский О. А. Из истории русско-китайских культурных связей: Л. Тихомиров и его роль в пропаганде православия в Китае в конце XIX –начале XX веков // Вестник ТГПУ. Серия: Философия, история. –Вып. 1(10). – С. 54–59.
7. Репников А. В. Консервативная концепция переустройства России. –М.: «Academia» 2007. – 520 с.
8. Российская духовная миссия в Китае [Электронный ресурс]. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/mission_ru.htm (Датаобращения: 18.02. 2019)
9. Суворин А. С. Дневник . –М.: Новости, 1992. – 496 с.
10. Тальберг Н. История Русской церкви. –Т.2. –М.: Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря при участии товарищества «Светлячок», 1994. – 924 с.
11. Тихомиров Л. А. Сибирские вопросы // Московские ведомости. –1891. – № 122.
12. Тихомиров Л. А. Япония и Китай в Корее // Русское обозрение. –1894. – № 12. – С. 1050-1053.
13. Тихомиров Л.А. Вести о Китайском православии // Московские ведомости. –1904. – № 181.
14. Тихомиров Л.А. Китай, Россия и Европа // Московские ведомости. – 1900. – № 248.
15. Тихомиров Л.А. Православие на Дальнем Востоке в 1900 г. // Московские ведомости. –1901. – №7.
16. Тихомиров Л.А. Христианские задачи России и Дальний Восток // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии.– М.: Москва, 1999. – С. 425– 444.
17. Тихомирова В. Л. О православной миссии в Китае // Московские ведомости. –1905. – № 19.
18. Фань Вэнь-Лань. Новая история Китая. Т.1. 1840–1901. –М.: Изд-во Иностранной литературы, 1955. – 600 с.
19. Хисамутдинов А.А. Духовные миссии в Китае, Корее и Японии (конец XIX – первая половина XX вв.) // Известия Восточного института. –2012. –№ 2(20). – С. 96–111.
20. Церковные ведомости. –1900. – № 43.
21. Церковный вестник. –1917. – № 5–6.
22. Цзюнь Чан. Императрица Цыси. Наложница, изменившая судьбу Китая.1835–1908. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2016. – 575 с.

Мушкалов Сергей Михайлович

Кунгурский историко-архитектурный

и художественный музей-заповедник, директор

kungurmuseum@mail.ru

ГРИБУШИНЫ. СВЯЗЬ ВРЕМЁН*

УДК 94

Аннотация. *Статья посвящена «китайскому следу» в деятельности кунгурского купца-чаоторговца М.И. Грибушина. Рассматриваются вопросы организации торговли китайским чаем. Особое внимание уделено пребыванию в Китае родственников и потомков предпринимателя.*

Ключевые слова и фразы: *Грибушин, Китай, чайная торговля, эмиграция.*

Sergey Mushkalov

Kungur history-architectural

and art museum-reserve, director

kungurmuseum@mail.ru

THE GRIBUSHINS. CONNECTION OF TIMES*

Abstract. *The article is devoted to the «Chinese trace» in the activities of Kungur tea merchant M.I. Gribushin. The questions of the organization of trade by Chinese tea are considered. Particular attention is paid to the stay in China of relatives and descendants of the entrepreneur.*

Key words and phrases: *Gribushin, China, tea trade, emigration.*

Как известно, торговые отношения между Россией и Китаем расширились после подписания в 1850-60-х гг. серии договоров, предоставивших российским и китайским купцам определённые правовые гарантии для ведения взаимовыгодного торга. В числе тех россиян, что пришли в этот период на китайскую землю, был и кунгурский купец Михаил Иванович Грибушин (1832-1889).

Его обращение в сторону такого вида бизнеса, как чайная торговля, не было случайным. Дело в том, что выйдя из бедной мещанской семьи, он ещё мальчиком поступил в услужение к купцу-чаоторговцу А.С. Губкину. Спустя три года, получив начальные представления о чайной торговле, был направлен в забайкальский город Кяхта. Прожив там пять лет [1, л. 91], он набрался необходимого опыта и знаний, установил деловые связи с китайскими купцами.

Возможно, М.И. Грибушин не только общался с китайскими торговцами в Кяхте, но и выезжал в Китай. (И не только в Маймачен, который, как известно, находился неподалёку от границы двух стран). Посещал, скорее всего, и центральные районы страны, где были сосредоточены основные центры чайного дела. И, может быть, даже жил какое-то время. Отсутствие источниковой базы, к сожалению, не позволяет пока подтвердить или опровергнуть эти заключения.

Говоря о пребывании будущего именитого чаоторговца в Китае, приведём и высказывание кунгурского краеведа Л.Н. Лелюхова о том, что вершиной карьеры М.И. Грибушина в период его службы в фирме А.С. Губкина стала «должность управляющего чайными плантациями в Китае» [6, л. 34].

Однако это, скорее всего, не соответствует действительности. Думаем, что краевед, фиксируя этапы жизни знаменитого земляка, допустил ошибку, выдав «желаемое за

действительное». Ведь, как известно, в тот период иностранцы (в том числе и русские) ещё не могли иметь свои владения на территории Китая. Торговля с этой страной осуществлялась путём обмена производимых там товаров на привозимые извне.

В 1858 году М.И. Грибушин вернулся в Кунгур и, оставив службу в фирме А.С. Губкина, объявил о начале собственного чайного дела.

Другой знакомый писал, что «по собранным китайцами сведениям, у русских здесь (в Кяхте. – С.М.) будет мало плисов высших сортов. К марту однако же у китайцев соберётся здесь чаёв байховых продажа. Вероятно, они по наименьшим процентам сильно закупятся чаями, а сукно брать не будут, в Китае его много непроданного валяется...»[4, л. 2].

Позднее, окрепнув и встав на ноги, Михаил Иванович наладил свою систему закупки, доставки и продажи чая. (Возможно, для этого предпринимателю пришлось неоднократно лично приезжать в Поднебесную).

Расширяя собственный бизнес, М.И. Грибушин не пренебрегал и услугами работавших на китайской территории фирм-посредников. Многие из них, желая выстроиться с ним постоянные деловые контакты, направляли в его адрес соответствующую информацию.

Вот, например, одно из таких посланий: «Господину Михаилу Ивановичу Грибушину в Кунгур. Милостивый государь! Имеем честь уведомить Вас, что для исполнения торговых и комиссионных дел в Китае по покупке и продаже товаров мы открыли с 1 января 1875 года Торговый Дом на правах полного товарищества под фирмою «Пятков, Молчанов и К^о». Конторы нашего Торгового Дома будут находиться в Ханькоу, Фучао, Тяньцзине. Уведомляя об этом, мы покорнейше просим Вас, милостивый Государь, не лишать наш Торговый Дом Вашим расположением и доверием. С истинным почтением имеем честь быть Ваши, Милостивый Государь, Покорнейшие слуги, Михаил Фёдоров Пятков, Яков Матвеев Молчанов, Иван Анисимов Краснопольский»[5, л. 11].

Между тем, основным партнёром М.И. Грибушина в Китае был Торговый дом «Токмаков и Шевелёв», главная контора которого находилась в Тяньцзине. Именно через эту фирму проходили основные объёмы приобретённого в этой стране товара.

«Господину Михаилу Грибушину. Вновь поступили из Ханькоу принадлежащие Вам 200 ящиков байхового чая фамилии «Лап СянБао», 272 ящика чая байхового фамилии «Мин ЮйСин», 321 ящик чая байхового фамилии «Луп ТянСян», 327 ящиков чая байхового фамилии «Кой КойСин», каковые приняты с пароходов в совершенной исправности, впредь до отправки их Тунчжоу сложены в амбар и застрахованы от огня»[4, л. 29], – читаем в сохранившейся переписке 1870-х годов.

Ведя с Торговым домом «Токмаков и Шевелёв» обширные торговые операции, Михаил Иванович «приставил» к фирме в качестве «смотрящего» своего младшего брата Григория Грибушина (1849-?). Проживая в Китае, он самостоятельно никаких дел не вёл. По мнению профессора В.Л. Семёнова, его миссия «носила, в основном, информационный характер, а также преследовала цель оказания давления на посредников». Он знал «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть» блюсти интересы старшего брата [8, с. 27].

Информации об этом человеке сохранилось совсем немного. До нас дошло единственное его письмо, написанное плохо читаемым почерком. Да и со стилистикой и орфографией было, как говорится, «всё в порядке». «Любезный братец Михаил Иванович, Милостивый Государь! Ссылаюсь на последнее моё к Вам письмо из Ханькоу. Надеюсь такое и получили. После отъезда из Ханькоу русских пароходов «Россия» и «Сизяков» в Одессу последний вышел из Ханькоу 23 июля для взятия остального груза из Фучао. Прибыл сюда, слава Богу благополучно, где и нахожусь я теперь у Токмакова, Шевелёва и К^о. Отправок чаёв в Тунчжоу, ещё не начиналось и которые начнутся в первых числах августа. Кирпичный чай в Тяньцзинь начал подходить как из Ханькоу, так и из Фучжоу. Чаёв на складе находится здесь у русских для отправки в Кяхту. С почтением имею честь быть Вам Милостивый Государь покорнейший брат Григорий Грибушин»[4, л. 19].

Таким образом, оставаясь в России, М.И. Грибушин, как говорится, пытался «держать руку на пульсе» партнёра. И это при том, что одним из совладельцев Торгового дома

«Токмаков и Шевелёв» был Иван Фёдорович Токмаков (1838-1908), кяхтинский купец первой гильдии, один из совладельцев первых чайных фабрик в Китае. С этим человеком, родственными узами связанным со многими именитыми купеческими династиями Сибири: Кандинскими, Лушниковыми и другими, Михаил Иванович находился в родстве. На его сестре Татьяне Фёдоровне Токмаковой (1847-19??), наверное, не без содействия М.И. Грибушина женился один из его братьев.

Долгое время этот брак «приписывался» самому младшему из братьев, Григорию Грибушину [7, с. 22]. Разгадать загадку помогла москвичка Ирина Мазарьевна Корнелюк, прадед которой, кяхтинский купец второй гильдии Николай Гаврилович Сахаров, более 25 лет, начиная с 1874 года, служил у И.Ф. Токмакова, в том числе в течение многих лет был управляющим Торгового дома «Токмаков, Молотков и К^о».

Оказалось, Т.Ф. Токмакова была замужем не за Григорием, а за Николаем Ивановичем Грибушиным (1846-1890), томским, а позднее – кяхтинским купцом первой гильдии. В архиве И.М. Корнелюк сохранилось и единственное изображение Г.И. Грибушина, сделанное в Тяньцзине в 1876 году.

Отметим также и факт активного использования М.И. Грибушиным китайской банковской системы. Это подтверждают, в частности, многочисленные партнёры кунгурского чаеоторговца. Вот, например, выдержка из письма кяхтинского купца Петра Казанцева: «Остальные деньги буду просить Вас перевести через Московский банк в Ханькоу в долларах или стерлингах, за исполнение чего премного останусь Вам благодарным» [4, л. 1].

Как известно, в Кяхту, которая в тот период была центром российско-китайской чайной торговли, закупленные М.И. Грибушиным чаи прибывали осенью. Пройдя установленные законом процедуры, товар вновь снаряжали в дорогу. Через Иркутск, Томск, Тюмень и Екатеринбург его путь лежал в далёкий Кунгур, где в собственной чаеразвесочной чай разбирали по сортам, развешивали и упаковывали.

Любопытно, что в дело шли даже отходы, получаемые при развешивании чая. Их прессовали плитками, «крепко» просушивали и пускали в продажу. Причём известно, что такие плитки порой выполняли функцию денежных знаков. Одна плитка весом не менее 4-5 фунтов приравнялась к двум китайским таэлям и соответствовала пяти российским рублям [9, с. 613].

После смерти купца налаженное торговое дело продолжили его вдова и сыновья, учредившие в 1896 году Торговый Дом «М.И. Грибушина Наследники», один из крупнейших в Российской Империи.

Своим потребителям фирма предлагала «оптом и в розницу» чаи «развешенные, плиточные, чёрные и зелёные, а также байховый ящиками» «непосредственной выписки из Китая». «Благодаря сосредоточению как своего главного управления, так и развесных в центре Уральского региона, – гласит одна из реклам того времени, – Торговый Дом пользуется постоянной возможностью производить как для своей торговли, так и для выполнения заказов чай исключительно нового сбора, а главное свежей развески, т.е. не утратившие от времени ни на складах, ни от дальних перевозок аромата и вкуса» [3, л. 3].

Возможно, наследники М.И. Грибушина приобрели и какую-либо недвижимость в Китае. В учредительном договоре о создании Торгового Дома, в частности, упоминаются находящиеся в собственности «торговые предприятия как в пределах Российской Империи, так и за границей» [2, л. 27]. Сопоставив этот факт с обширной торговлей именно китайским чаем «непосредственной выписки», можно предположить, что речь идёт именно об этом государстве. Хотя этот вывод ещё требуется подтвердить документально. В настоящее время автор такой информацией пока не располагает.

Торговый Дом «М.И. Грибушина Наследники» просуществовал вплоть до 1917 года, когда в вихре революции он прекратил своё существование. Последовавшая затем Гражданская война разметала потомков кунгурского чаеоторговца по всему миру.

Некоторые из них нашли приют в Китае. Так, например, в Харбине осел муж младшей дочери М.И. Грибушина Вячеслав Фёдорович Семков, выходец из семьи волостного писаря Суксунской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии. Удалось установить, что, окончив Павловское военное училище в Петербурге, он в годы Гражданской войны сражался в армии Колчака. В 1919 году, вслед за отступающими колчаковцами, он вместе со своим отцом уехал из Кунгура, увезя «на память» косу жены, а также «прихватив» семейные драгоценности [7, с. 250].

Чем он занимался в эмиграции, установить пока не удалось. Известно лишь, что в 1950-х годах, отчаявшись встретиться с родными, он направил в Кунгур, на старый адрес своей семьи, письмо с фотографией. Однако родственники побоялись начать переписку. Хотя, по свидетельству его племянницы Веры Александровны Спасских, в их семье «под страхом смертной казни» в течение многих лет хранился большой парадный портрет «дяди Вечи» [7, с. 250].

Через Харбин уезжали в эмиграцию и другие члены именитой династии. Установлено, в частности, что этот китайский город был этапным пунктом «кругосветного путешествия» Людмилы Сергеевны Грибушиной, (дочери одного из сыновей М.И. Грибушина), в годы Гражданской войны служившей в штабе адмирала Колчака.

«В дороге, – вспоминала Л.С. Грибушина, – я встретила с Людмилой Анатольевной (женой младшего брата отца). Вместе с ней ехала до Харбина. Но вместе с ней жила недолго» [7, с. 237].

У неё же встретила со своим будущим мужем, чешским легионером Карлом Витерной. Правда, выходить за него замуж тётушка «очень отговаривала».

Но встретившись, молодые уже не расставались. Из Харбина они отправились во Владивосток, оттуда морем – в Гонконг, потом – в Сингапур, затем – Цейлон, Суэцкий канал, Средиземное море. Высадились в итальянской Генуе, оттуда добрались до Моравии – провинции Чехии, к этому времени ещё не оформившейся в государство. На родине мужа сыграли свадьбу. Потомки этой ветви династии сегодня проживают в Чехии, во Франции, в Монако, Сингапуре.

А вот установить дальнейшую судьбу Л.А. Грибушиной пока, к сожалению, не удалось. Возможно, в Китае нашли приют и другие потомки М.И. Грибушина. Начатое исследование в этом направлении будет продолжено.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-21-21002: «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX века по начало XX века. По материалам российских и китайских архивов».*

**The research is financially supported by RFFI, project № 17-21-21002: «The history of Russian-Chinese tea trade in the central and the south-western provinces of China from the middle of the 19th century to the beginning of the 20th century. According to Russian and Chinese archives».*

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 452.
2. ГАПК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 416.
3. Кунгурский городской архив (КГА). Ф. 404. Оп. 1. Д. 3.
4. КГА. Ф. 506. Оп. 1. Д. 1.
5. КГА. Ф. 506. Оп. 1. Д. 2.
6. Лелюхов Л.Н. История города Кунгура и Кунгурско-Присылвенского края. Глава 13. Рукопись. Кунгурский музей-заповедник. ОФ №8468/17. Л. 34.
7. Мушкалов С.М. Кунгурское купечество. Возвращённые имена. Грибушины. – Пермь, 2015. – 504 с.

8. Семёнов В.Л. М.И. Грибушин: человек, благотворитель, общественный деятель. – Пермь, 2000. – 166 с.
9. Чайные деньги // Нива. – 1907. – №37.

Нагорных Ольга Станиславовна, канд. ист. наук, доцент
Кафедра социально-гуманитарных наук
Приволжский исследовательский медицинский университет
aldan12@yandex.ru

**«ЭТО БЫЛО ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ НАШЕЙ ДРУЖБЫ...»: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
СОТРУДНИЧЕСТВА КНР И СССР В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
В 1950-1960-х гг.**

УДК 93/94

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению различных аспектов взаимодействия Китайской Народной Республики и СССР в сфере медицины и здравоохранения в период пика сотрудничества стран. Источниковедческой базой служат материалы Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, Центрального архива Нижегородской области. В центре внимания - взаимный обмен технической документацией, командирование советских специалистов для консультирования в области научно-технических работ, строительство медицинских объектов на территории КНР. Результаты исследования указывают на ведущую роль советской помощи в развитии медицины и становлении национальной системы здравоохранения КНР. Крупные медицинские объекты, построенные на территории КНР при содействии СССР, сыграли важную роль в развитии медицины и продолжают функционировать и сейчас. Сосредоточившись на заимствованиях медицинских технологий, китайская клиника почти обошла вопросы отношений врача и пациента и других этических принципов. Развитие подобных отношений (как и собственно политика Китая в здравоохранении) послужило одной из причин отсутствия биоэтики в Китае в наши дни и его лидерству в разработках генетической модификации человека.

Ключевые слова и фразы. История медицины, советско-китайское сотрудничество, архив, здравоохранение, научная командировка, исторический источник, научно-техническое сотрудничество.

Olga Nagornykh, Cand.Sc.in History
Associate Professor, Social and Humanitarian Sciences Department
Privolzhsky Research Medical University
aldan12@yandex.ru

**«THIS WAS THE GOLDEN TIME OF OUR FRIENDSHIP ...»: ABOUT SOME ASPECTS
OF COOPERATION OF THE PRC AND THE USSR IN THE SPHERE OF MEDICINE
AND HEALTH CARE IN THE 1950-1960s**

Abstract. The article is devoted to the consideration of various aspects of the interaction of the Chinese People's Republic and the USSR in the field of medicine and health during the peak of cooperation between countries. Source studies base are materials of the State Archives of the Russian Federation, the Russian State Archives of Economics, the Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. The focus will be on the mutual exchange of technical documentation, secondment of Soviet specialists for consulting in the field of scientific and technical work, the construction of medical facilities in China. The results of the study point to the leading role of Soviet aid in the development of medicine and the formation of the national health system of the PRC. Large medical facilities built on the territory of the People's Republic of China with the assistance of the USSR have played an important role in the development of medicine and continue to function even now. Focusing on the borrowing of medical technology, the Chinese clinic has almost bypassed the doctor-patient relationship and other ethical principles. The development of

such relations (as well as China's own public health policy) was one of the reasons for the lack of bioethics in China today and its leadership in the development of human genetic modification.

Key words and phrases. *History of medicine, Soviet-Chinese cooperation, archive, health, scientific business trip, historical source, scientific and technical cooperation.*

С момента образования Китайской Народной Республики СССР целенаправленно проводил политику взаимодействия в различных сферах. Углубление сотрудничества с молодым государством в экономическом, культурном, политическом, научном направлениях осуществлялось на принципах равноправия и последовательного налаживания связей. С конца 1940-х гг. историческая необходимость и международная ситуация диктовала новые формы сотрудничества, основанные на принципах дружбы и взаимной помощи в решении важных государственных задач. Так среди приоритетных направлений научно-технические связи стали определяющими.

Цель настоящей работы – посредством анализа материалов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, Центрального архива Нижегородской области обозначить характер и масштаб обмена технической документацией, командирования советских специалистов для консультирования в области научно-технических работ, строительство медицинских объектов на территории КНР.

В исторических работах достаточно много уделено внимания теме взаимоотношений СССР и КНР [3,8,10], однако вопрос о роли СССР в сфере становления медицинского образования и науки в КНР является слабо разработанным предметной областью. Более того, отсутствуют работы, основанные на методологии историко-научного исследования в контексте взаимоотношений медицины между СССР и КНР. Некоторые вопросы этого направления сотрудничества поднимаются в работах П.Э. Ратманова [11,12]. Но, например, научные командировки как важный сегмент международного сотрудничества, а также научной реконструкции тоже не представлены в отечественной историографии, посвященной истории советской медицины и здравоохранения. Исследователи часто обращают внимание на масштабы и характер технической помощи Китайской республике со стороны СССР, но акцент делается преимущественно на авиационной, пищевой промышленности, или затрагивают экономическое сотрудничество в целом [7,14,15,18].

Исторической вехой, определяющей новый формат взаимоотношений между двумя странами, стало подписание в Москве 27 марта 1950 г. «Китайско-советского соглашения об условиях работы советских специалистов в Китае», в соответствии с которым советская сторона брала обязательства отбирать и направлять в Китай специалистов и советников различных квалификационных направлений с учетом требований китайской стороны.

В свою очередь, китайское правительство ходатайствовало о приеме в советские высшие медицинские учреждения студентов, аспирантов, адъюнктов. В 1952 г. КНР активно заинтересовался постановкой и структурой учебного дела в учебных заведениях СССР и организацией научно-исследовательской работы [6, д.752]. В этом же году были реализованы договоренности о приеме в аспирантуру медицинских учебных заведений СССР 30 китайских военных врачей-граждан Китайской Народной Республики [6, д.8107, 8155].

А в 1954 г. было подписано соглашение о культурном сотрудничестве и технической помощи между Советским Союзом и Китаем. Наряду с представлением значительного массива научно-технической документации, важной составляющей в сфере научно-медицинского сотрудничества стало командирование в КНР советских специалистов для передачи опыта практической работы на предприятиях, в лечебных учреждениях, медицинских организаций, часть которых собственно была построена усилиями советской стороны. Так в соответствии с упомянутым соглашением с 1954 г. значительно увеличилась экономическая помощь со стороны Советского Союза, а также увеличилось число специалистов, направляемый в Китай. Большую роль в регулировании связей между двумя странами играло Управление по научно-техническому сотрудничеству (УНТС).

Но все же одной из приоритетных форм научно-технического сотрудничества стала помощь в строительстве медицинских объектов на территории как крупных китайских городов, так и провинций при финансовой и организационной поддержке Советского Союза. В 1950-е гг. было построено более ста объектов различного назначения.

В центре научного внимания находится крупнейший объект, построенный в середине 1950-х гг. на средства СССР, – это медицинский клинический городок в провинции Синьцзян г. Урумчи КНР. Интерес к провинции Синьцзян со стороны Москвы проявился с 1934 г., когда Советский Союз установил с руководством этого района тесные политические, экономические и военные контакты. В 1930-е гг. началось интенсивное расширение медицинских пунктов и амбулаторий, оказывающих медицинскую разнопрофильную помощь не только членам советских колоний, но и китайскому местному населению и даже военному и политическому руководству провинции. [5, д. 29. л. 22,23,39,40, 53, 150].

Анализируя фонды ГАРФ относительно данного клинического объекта, можно проследить всю процедуру от финансовых вопросов, схем и переговоров до финальной стадии завершения всех работ и передачи последней технической документации.

4 марта 1954 г. были достигнуты взаимные договоренности между СССР и КНР относительно строительства больницы и целого комплекса медицинского городка на китайской территории. В подписанном протоколе утверждалось, что «Министерство здравоохранения СССР, именуемый в дальнейшем Генеральный поставщик и Всесоюзное экспортно-импортное объединение «Техноэкспорт» г. Москва и китайская компания «Техноимпорт» г. Пекин, именуемый в дальнейшем Генеральный заказчик, договорились передать проектную документацию для клинической больницы и медицинского института» [4, д. 127. л. 48]. В данном документе обговаривались финансовые вопросы относительно выплат советской стороной. Указанная в договоре сумма составляла 1007440 (один миллион семь тысяч четыреста сорок рублей). Такую сумму советская сторона изначально готова была вложить в разрабатываемый проект.

В ходе строительства (1954-1957 гг.) помимо строительных и инженерных бригад регулярно направлялись советские технические специалисты для организации соответствующих консультаций, оказания помощи или доставке и разработке различных документов.

В процессе переписки между двумя странами периодически поднимались вопросы уточняющего характера, как технические, так и медицинские. Они выражались в дополнениях к предыдущим договорам, дополнительном командировании различных советских специалистов, уточнениях в ценовом вопросе.

В 1955 г. была составлена окончательная схема медицинского городка. В одном из Приложений к контрактам с Гензаказчиком (Минздрав КНР) четко прослеживается структура всех объектов, причем схема отличается масштабностью и всесторонним охватом. [4. д. 176. л. 8.]

Проанализировав план медицинского городка, можно прийти к выводу о грандиозности будущей постройки. В состав медицинского клинического городка входил, во-первых, медицинский институт, состоящий из следующих объектов: главный административный корпус, физиологический корпус, кафедра физического воспитания, школа медицинских сестер, биологический корпус, морфологический корпус, общежитие. Во-вторых, клиническая больница (на 600 коек), состоящая из корпусов госпитальной хирургии и терапии, неврологического корпуса, оториноларингологического, корпуса пропедевтического, факультетской хирургии и терапии, детского корпуса, акушерско-гинекологического, кожно-венерологического корпуса, проходной, поликлиники и административного корпуса. В-третьих, инфекционная больница, состоящая из приемно-изоляционного корпуса, лечебного инфекционного корпуса и хозяйственного двора.

Особое внимание уделялось проекту клинической больницы в общей структуре всего медицинского городка. Данная больница должна была включать в себя акушерско-клиническую клинику на 80 коек, поскольку, согласно справедливому замечанию китайского

стороны, эта сфера является в настоящее время особо проблемной в системе организации китайской медицины и здравоохранения. [4. д. 177. л. 16.]

Предполагалось внутренне профильное деление на специализированные отделения по следующему принципу: физиологическое отделение -28 коек, сомнительное отделение – 10 коек, септическое отделение - 10 коек, гинекологическое отделение – 32 койки.

В конце 1954 г. начались строительные работы под контролем советских специалистов, которые в ноябре 1954 г. были направлены в г. Урумчи [4. д. 127. л. 48]. С середины 1950-х гг. внес серьезные коррективы в утвержденный проект с целью расширения его масштабы и ресурсов. На начало 1956 г. значительная часть работ была выполнена. В частности, начала функционировать школа медсестер, были готовы главный административный корпус медицинского института, морфологический, физиологический, биологический, госпитальный, пропедевтический, факультетский корпусы, согласно актам, были сданы [4. д. 266. л. 3].

Официальное открытие медицинского института в Урумчи состоялось 15 октября 1956 г., к этому моменту почти все здания уже были сданы в эксплуатацию, процедура запуска работы клиники в силу технических причин затянулась до 1957 г. [4. д. 394. л. 140-143].

В настоящее время медицинский городок, построенный усилиями советских специалистов при серьезной финансовой помощи Советского Союза, расширился до Синьцзянского медицинского университета, занимающего высокие позиции в КНР с действующими клиническими базами обновленного типа. На фасадной стороне старого корпуса клиники помещена красная звезда, свидетельствующая об истоках появления этой инфраструктуры.

Руководствуясь подписанным между СССР и КНР в 1954 г. Соглашением о культурном сотрудничестве и технической помощи, экономическая помощь советской стороны значительно увеличилась. Соответственно увеличилось число специалистов в различных областях, направленных для работы в некоторых городах КНР. Командирование советских специалистов осуществлялось по нескольким направлениям: по линии науки, культуры, технической помощи. Советские специалисты-медики, направленные для работы в Китай, концентрировались, главным образом, в Пекине. Часть из них были направлены на работу в китайское правительство, в министерство здравоохранения КНР, в клинические больницы, высшие медицинские учебные заведения, госпиталь Советского Красного Креста.

Среди первых крупных командировок советских врачей можно назвать поездку 1954-1956 гг. в Пекин группы медиков под руководством профессора Горьковского медицинского института им. С.М. Кирова, заведующего кафедрой Вадима Габриэлевича Вогралика.

После двухлетнего пребывания в Китае В.Г. Вогралик написал не только научные труды, касающиеся рационального применения иглотерапии в различных клинических случаях, но и произведения литературного характера [9]. Его работы стали обобщением состояния китайской медицины в середине XX в. Книга «Слово о китайской медицине» [1] демонстрировала опыт и впечатления, полученные в момент поездки. Автор проанализировал исторический и теоретический аспект китайской медицины, систематизировал методы диагностики, способы и средства лечения. Книга отличается литературным стилем изложения, насыщена иллюстрациями, таблицами топографии точек для иглоукалывания и прижигания. Собственно, и в данной книге, помимо официальных отчетов В.Г. Вогралик отмечает передовой результат деятельности СССР в Китае в сфере медицины: «В старом Китае была очень слабая организация здравоохранения, почти не было никакой профилактической работы. Так, в 1947 году в стране имелось только 65 760 больничных коек... 7 специализированных диспансерных учреждений. И все это на 600 миллионов человек! К концу 1957 года в стране стало уже 5014 больниц и санаториев на 363 тысячи коек...» [10, 52-53]. Также интересные характеристики Китая и китайской медицине В.Г. Вогралик дал во второй своей книге «Два года в Китае» [2].

В.Г. Вогралик в своих интервью, беседах и выступлениях неоднократно отмечал значимость этой поездки для своей будущей деятельности: «...Это было золотое время

нашей дружбы... Вот тогда-то с группой советских ученых, врачей, меня, в то время молодого профессора, и послали в Китай. Мы помогали китайским товарищам в организации здравоохранения, читали лекции, просто лечили. Там, в Китае, я познакомился с восточной медициной, и это знакомство определило всю мою дальнейшую творческую жизнь. Я «заболел» иглоукальванием, перенимал опыт китайских врачей [2, 5]. Вклад советских врачей, и особенно профессора В.Г. Вогралика высоко оценили их коллеги и руководители в КНР. Это нашло отражение в последующей обширной переписке между представителями Терапевтического отделения Пекинской Правительственной больницы КНР, отдельных врачей и представителями Минздрава КНР с Горьковским медицинским институтом. Переведенные на русский язык и оригинальные на китайском языке тексты хранятся в ЦАНО [16,17].

В 1958 г. в Пекине состоялись межсессионные встречи представителей двух частей советско-китайской комиссии по научно-техническому сотрудничеству – Ученых секретарей советской части советско-китайской комиссии по научно-техническому сотрудничеству Клейменова Ф.И. и китайской части Чен Бин для решения текущих вопросов и подготовки необходимых материалов к VIII сессии Советско-китайской комиссии по научно-техническому сотрудничеству, а также сроки ее проведения, порядке подготовки к проведению [13, д. 952, л. 43]. Они обсудили вопросы взаимного обмена научно-технической документацией и командирования специалистов. Также состоялся обмен мнениями о целесообразности пересмотра некоторых пунктов Соглашения от 12 октября 1954 г. Особое внимание в ходе диалога уделялось установлению непосредственного сотрудничества между заводами СССР и КНР. В том числе в повестку будущей сессии (которую предлагалось провести в период с 25 ноября по 15 декабря 1958 г.) предлагалось внести рассмотрение вопросов непосредственных связей между научно-исследовательскими институтами и проектными организациями КНР и СССР. Поскольку еще 18 января 1958 г. было подписано Советско-китайское Соглашение «О совместном проведении важнейших исследований в области науки и техники Советским Союзом Китаю в этой работе» [13, д. 952, л. 47], то китайская сторона, безусловно, стремилась расширить это направление. Заместитель министра внешней торговли КНР Ли Цзян выразил благодарность «китайского народа братскому Советскому народу за огромную помощь, оказанную КНР по линии НТС» [13, д. 952, л. 48]. В итоге были достигнуты договоренности по ознакомлению с работой научно-исследовательских институтов КНР и совместной разработке планов непосредственного сотрудничества между институтами двух стран. Китайская сторона заверила, что их организации примут и ознакомят советских специалистов с «хлорными заводами, системой угольных месторождений...новыми образцами текстильных машин и прочей наукой, и техникой в медицине, с методом лечения иглотерапией и т.д.» [13, д. 952, л. 52]. При обсуждении текущих вопросов возникло предложение, исходящее от ученого секретаря китайской части Комиссии Чен Бин, о целесообразности, на их взгляд, изменения текста соглашения в части, касающейся необходимости существования двусторонней Комиссии по НТС. Китайская сторона предложила убрать постоянно действующую комиссию и созывать ее один раз в год для заключения годовых торговых соглашений, а работа в течение года должна была осуществляться через Управление по делам НТС КНР и СССР. В понимании китайской стороны это должно было упростить работу и дать возможность избежать затрат, связанных с проведением сессии. Аналогичная практика уже была у КНР с такими государствами как Румыния, Вьетнамом, Чехословакией. Ответ советской стороны был отрицательным: «Передача документации с оформлением лишь через УНТС КНР и СССР без утверждения межгосударственного документа, каким является протокол сессии Советско-китайской комиссии, может привести к принижению политической сущности научно-технического сотрудничества, являющего большим историческим фактом взаимной бескорыстной помощи друг другу» [13, д. 952, л. 45].

С 25 мая по 2 апреля 1960 г. в КНР в г. Пекине, Шанхае, Хонжоу находилась советская делегация в составе вице-президента Академии медицинских наук СССР Тимакова В.Д.,

действительного члена Академии медицинских наук СССР Билибина А.Ф., представителя отдела внешних сношений Министерства здравоохранения СССР Петрова В.И. Советская сторона привезла проект «Соглашения о научном сотрудничестве по важнейшим вопросам медицины между АМН СССР и АМН КНР [7, д. 675, л. 23-24].

Внезапный отзыв Советским Союзом своих специалистов из Китая в соответствии с Нотой в МИД КНР об отзыве специалистов от 16 июля 1960 г. стал полной неожиданностью для всех межгосударственных структур, которые занимались вопросами научно-технического сотрудничества между двумя странами. И, что самое главное, это было неприятным сюрпризом для самих советских специалистов, работавших в КНР.

Так в июле-августе 1960 г. это привело к более серьезному и ощутимому охлаждению в отношениях двух стран. В частности, в июле-августе оно родилось, казалось бы, почти на пустом месте – в связи с простейшим, уже рутинным вопросом о приезде очередных контингентов китайских практикантов. В беседе 26 июля заместитель начальника Управления по делам НТС ГНТК Пронин заявил, что советская сторона не сможет принять в июле – августе китайских практикантов, поскольку наступило время отпусков у руководства. Китайская сторона добросовестно выждала время, и к беседе 31 августа 1960 г. подготовила простой и понятный вопрос: «Желательно знать, когда могут выехать из Китая 77 практикантов (их контракты уже подписаны), согласно списку, который Вам был передан товарищем Ван Цзы-Чуань на беседе от 23-го августа». Также еще 26 июля в УНТС были переданы анкетные данные на 40 практикантов, и тогда Пронин обещал сообщить результаты в течение 10 дней, однако их не было и к началу сентября [1, д. 1096, л.206].

Последней командировкой советских медиков в КНР считается поездка декабря 1966 - января 1967 гг. Советские специалисты были направлены в Китай с целью актуализации различных вопросов в области медицинской науки и осуществления научно-просветительской деятельности в формате лекций врачам и сотрудникам китайских больниц.

30 декабря 1966 г. Министерство здравоохранения СССР и Всесоюзный комитет по культурным связям с зарубежными странами организовал командирование советской делегации в Пекин в составе проректора Первого Московского Ордена В.И. Ленина медицинского института им. И.М. Сеченова доцента И.А. Сыченикова и главного терапевта гражданской авиации СССР Н.А. Мазура.

Первоначально планировалось посещение советской делегацией клиник, больниц и высших медицинских учебных заведений в таких городах, как Пекин, Шанхай, Нанкин.

Китайская сторона, не объясняя причин, изменила согласованный план, прежде всего сократив сроки пребывания советских врачей вопреки первоначальным договоренностям, а также ликвидировав из списка предлагаемых для посещения городов Нанкин. Несмотря на тот факт, что основной задачей поездки врачей оставалось знакомство с достижениями китайской медицины и обмен опытом (о чем советская делегация неоднократно напоминала), китайцы старательно уменьшили эту часть программы, в основном за счет общих экскурсий, предложенных принимающей стороной.

За все время пребывания советская делегация врачей посетила 14 крупных клиник и больниц, как правило, многопрофильных, а также поликлиники, дома здоровья и больницы при предприятиях и коммунах. Кроме того, был показан институт сывороток и вакцин, фармацевтическая фабрика и завод медицинских инструментов и оборудования.

В Китай командировались ведущие инженеры и технические специалисты. Например, координатором и руководителем работы по строительству медицинского городка был назначен главный инженер Государственного института по проектированию медико-санитарных и лечебно-профилактических сооружений А. Т. Хрусталева [4, д. 266, л. 95].

В функции советских специалистов входила не только деятельность по строительству объектов, но и подготовка технического персонала в КНР, а также проведение лекций и различные формы бесед.

Советская помощь была действительно решающим фактором в переустройстве и обновлении Китая. С момента образования КНР китайское правительство акцентировало

внимание на стратегии, регулирующие вопросы профилактики болезней, охране здоровья и дальнейшем развитии традиционной медицины, а также стало развивать программу повсеместного создания медицинских учреждений и подготовки медицинских кадров. Больницы разного уровня и медицинские организации стали появляться по всей стране, была сформирована целостная лечебно-профилактическая сеть в городах и сельских районах.

Сосредоточившись на заимствованиях медицинских технологий, китайская клиника почти обошла этические принципы, регулирующие правовую базу медицины. Развитие подобных отношений (как и собственно политика Китая в здравоохранении) послужило одной из причин отсутствия биоэтики в Китае в наши дни и его лидерству в разработках генетической модификации человека. Несомненные достижения Китая в этом направлении, выраженный демократизм новой китайской медицины практически не повлияли на традиционные основы врачебных догматов. Так в Китае, по сути, сохранился определенный прагматизм в отношении к нравственной составляющей в медицине. Развитие этического компонента китайской медицинской науки, образования и практики стали достаточно поздним явлением по сравнению не только с западными странами, но и Советским Союзом.

В Китае с 1970-х гг. развивается отдельное направление, связанное с биомедицинской этикой, а в 1980-х гг. стали разрабатываться и читаться специализированные курсы в высших медицинских учебных заведениях. Однако пока это не стало приоритетным направлением в медицине Китая.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, в рамках проекта «Проблемы биоэтики в историческом контексте и социокультурной динамике общества» (№ 18-78-10018).

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Вогралик В.Г. Слово о китайской медицине. Горький: Горьковское книжное издательство, 1959. 175 с.
2. Вогралик В.Г. Два года в Китае. Горький: Горьковское книжное издательство, 1959. 210 с.
3. Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. 412 с.
4. Государственный архив Российской Федерации – далее ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 34.
5. ГАРФ. Ф. 8009. Оп.10.
6. ГАРФ Ф. 5446. Оп. 86а.
7. Дружба навеки: Очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949-1960 гг.) / Отв. ред. И.В. Турицын. М.: НИИ ИЭП, 2018. 250 с.
8. Ефимов Г.В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М.: Госполитиздат, 1951. 584 с.
9. Нагорных О.С. К биографии профессора В.Г. Вогралика: метод иглорефлексотерапии и аспекты советско-китайских отношений в 1950-е гг. // История медицины. 2017. №4. С. 437-446.
10. Непомнин О.Е. История Китая XX век. М.: ИВ РАН КРАФТ, 2011. 736 с.
11. Ратманов П.Э. Вклад российских врачей в медицину Китая (XX век): Автореферат на соискание степени доктора медицинских наук. 2010. 48 с.
12. Ратманов П.Э. Советское здравоохранение в освещении западных авторов (1920-1960) // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. 2013. №3 [Электронный ресурс] URL: <http://www.festmu.ru/voz/20133/2013307.aspx>. (Дата обращения: 16.02.2019)
13. Российский государственный архив экономики – далее РГАЭ. Ф. 9493. Оп.1.

14. Сладковский М.И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953.
15. Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М.: Внешторгиздат, 1957. 455 с.
16. Центральный архив Нижегородской области – далее ЦАНО. Ф. 2533. Оп. 3.
17. ЦАНО. Ф. 2533. Оп.3а.
18. Чжао Инцун Экономическая помощь Советского Союза Китайской Народной Республике в 1949-1959 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 189 с.

Пан Тай, магистрант

Кафедра всемирной истории и массовых коммуникаций

Российский университет дружбы народов

Pangtai1994@gmail.com

Сунь Имин, магистрант

Кафедра русского языка и общего языкознания

Российский университет дружбы народов

yimingsun@yandex.ru

КИТАЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВОПРОСАХ ПОМОЩИ СССР КИТАЮ В АНТИЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ: СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ И ЕЁ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

УДК 327

***Аннотация.** После вспышки антияпонской войны в Китае советское правительство сразу приняло решение оказать помощь китайскому народу. Это была самая крупная внешняя помощь, которую китайское правительство получило с момента окончания германо-китайского сотрудничества, поскольку Великобритания и США пока еще не оказывали поддержку Китаю. Благодаря поддержке СССР, Китай пережил трудные моменты в антияпонской войне начального этапа. В течение многих десятилетий китайские историки проявляют пристальное внимание к этому периоду в истории Китая, так как он имеет важнейшую историческую ценность в области китайской историографии. Некоторые результаты были достигнуты, но есть и недостатки.*

***Ключевые слова и фразы:** Китай, СССР, китайская историография, антияпонская война.*

Pang Tai, master student

Department of World history and Mass communication

People's friendship university of russia

Pangtai1994@gmail.com

Sun Yiming, master student

Department of Russian language and General linguistics

People's friendship university of russia

yimingsun@yandex.ru

CHINESE HISTORIOGRAPHY ON ISSUES OF ASSISTANCE FROM USSR TO CHINA IN THE ANTI-JAPANESE WAR: STATE OF STUDY AND ITS INSUFFICIENCY

***Abstract.** After the outbreak of the anti-Japanese war in China, the Soviet government immediately decided to help the Chinese people. It was the largest foreign aid that the Chinese government has received since the end of German-Chinese cooperation, since the United Kingdom and the United States have not yet provided support to China. Thanks to the support of the USSR, China experienced difficult moments in the anti-Japanese war of the initial stage. For many decades, Chinese historians have been paying close attention to this period in Chinese history, as it has the most important historical value in the field of Chinese historiography, some results have been achieved, but there are also disadvantages.*

***Key words and phrases:** China, USSR, Chinese historiography, Anti-Japanese War.*

Первые работы, затрагивающие данную тему, появились в китайской историографии уже в 1950-е гг. В 1957г. опубликована рукопись «История китайско-советской дружбы» [10, с. 296], в четвертой главе которой упоминается о подписании Советско-китайского договора о ненападении и помощи Советского Союза Китаю в антияпонской войне. Однако в этой книге в основном содержится информация о двусторонних обменах между странами во время войны, а вопросы, связанные с помощью, оказанной СССР Китаю во время японской войны, были проигнорированы. Причиной тому стало ухудшение советско-китайских отношений в данный исторический период. Тем самым в 1960-х гг. соответствующие исследования на данную тему были временно прекращены.

В 1980-е гг. завершение внутреннего политического движения и проведение политических реформ и открытости создали либеральную атмосферу в стране, что позволило китайским историкам снова приступить к изучению вопросов помощи СССР Китаю в антияпонской войне. Стали доступны закрытые архивные материалы, связанные с этим вопросом. Результатом этого явилось, например, издание Цинь Сяои сборника «Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики - во время антияпонской войны» [11, с. 801], также была опубликована в это время третья часть этой «исторической коллекции», о дипломатии в военное время, которая подробно описывает дипломатические переговоры между Китаем и СССР по этому вопросу. Таким образом, в это время можно констатировать появление исследований, более серьезно охватывающих этот вопрос.

1. Обзор научных достижений по теме помощи СССР Китаю в антияпонской войне.

В первую очередь стоит отметить, что существует множество монографий, в дополнение к уже упоминавшейся «Истории китайско-советской дружбы» появились рукописи «Союзники в турбулентность: китайско-советские отношения в период антияпонской войны» Ван Чжэнь [12, с.373], «Внешняя военная поддержка Китаю в годы Антияпонской войны» Вань Чжэнхуа [13, с.356], «Сотрудничество и конфликт: китайско-советские отношения 1931-1945» Ли Цзягу [14, с.365], «История китайско-советских отношений в Китае» Сюе Сяньтянь [15, с.278], «Дипломатическая и военная помощь СССР Китаю в антияпонской войны начального периода» Чэнь Цижунь [16, с.1334], «Китайское и мировое исследование в период антифашистской войны: внешняя политика СССР в отношении Китаю» Ван Цзиньгуо [17, с.327], «История помощи Советского Союза Китаю во время антияпонской войны» [18, с.276] и др.

Во-вторых, были опубликованы ряд сборников исторических источников. В дополнение к вышеупомянутой монографии «Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики - во время антияпонской войны» появились «Сборник истории китайско-советских отношений (1933-1945)» Ли Цзягу [19, с.683], «Сборник архивов Китайской Республики», вторая глава пятого тома «Дипломатический» [20, с.747] под редакцией Второго исторического архива Китая и так далее. В этих архивах были собраны оригинальные документы, номера правительственных вестников, телеграммы и протоколы заседаний, а также опубликованные материалы из СССР, переведенные на китайский язык. Они имели особое справочное значение для исследования.

Кроме того, на китайском сайте Чживань (China National Knowledge Infrastructure) на сегодняшний день насчитывается более 1500 научных работ, связанных с этим вопросом. Самой первой научной работой в этом фонде, посвященной теме помощи СССР Китаю в антияпонской войне, стала статья Лю Цзян Дэ «Какова общая сумма задолженности в помощи СССР Китаю в борьбе против японских захватчиков, в конце концов?» [21, с.81-82], опубликованная в 1986 году.

В перечисленных научных работах рассматривались все аспекты сопротивления Советского Союза войне с разных сторон, политического фона антивоенной поддержки Советским Союзом Китая.

2. Основные проблемы и результаты исследований.

а. Политический фон «помощи СССР Китаю в антияпонской войне»:

Во-первых, речь идет об анализе международной ситуации Японии до и после начала Всекитайской войны, а также о соответствующих решениях, принятых высшими руководителями Китая и Советским Союзом. 21 августа 1937 года в Нанкине Министр иностранных дел Китайской Республики Ван Чонхуй и посол СССР в Китае Дмитрий Васильевич Богомолов подписали «Китайско-советский договор о ненападении», в котором шла речь о политическом фоне для оказания помощи СССР Китаю в антияпонской войне.

Ещё в книге «Истории помощи Советского Союза Китаю во время антияпонской войны», «Китайско-советский договор о ненападении» считается это «политическая поддержка Советским Союзом войны сопротивления Китая, объективно создающая условия для оказания помощи Китаю и знаменующая собой формирование квази-стратегических альянсов между двумя странами»[22, с.48-50]. Существует также мнение, что подписание этого договора, является «новым прорывом в китайской дипломатии, основанной на войне против японской агрессии» и «вехой в развитии китайско-советских отношений»[23, с.62-72]. В этих исследованиях положительно оценивается политическая поддержка, оказанная Китаю Советским Союзом после начала войны сопротивления Японии, они объективно углубили понимание этой истории.

б. Сумма кредитов и материалов, связанных с «помощью СССР Китаю в антияпонской войне»:

Второе – обсудить конкретные детали помощи Советского Союза Китаю. Поскольку существует множество статистических данных, документов и материалов о помощи Советского Союза Китаю, поэтому исследования в этой области уже начались очень рано. Например, еще 32 года назад была опубликована статья «Какова помощь Советского Союза Китаю во время войны против Японии?». В своем исследовании автор впервые предположил, что во время войны с Японией Китай получил в качестве кредита около 250 миллионов долларов [24, с.82].

Затем китайский ученый Конг Цинтай подробно изложил конкретные займы и размеры материальной помощи Китаю в своей статье 1991 года «Краткий отчет о советской военной помощи Китаю до начала Тихоокеанской войны». Исследователь пришел к выводу, что «общая сумма кредитов, предоставленных Советскому Союзу Китаю в 1937-1942 годах, составила 556 385 800 долларов»[25, с.116-126]. Позже его взгляды были подвергнуты сомнению. Ли Цзягу в своем документе 1992 года «О помощи Советского Союза кредитам Китая во время войны против Японии» отмечал, что «существует три кредитных соглашения между Китаем и Советским Союзом на общую сумму 250 миллионов долларов, но фактическое общее использование составляет 173 175 810,36 долларов»[26, с.227-238]. Этой точки зрения исследователь до сих пор придерживается в своих работах. В опубликованных позднее работах этот вопрос был более тщательно изучен. Например, Сюй Бижен опубликовал в 1998 году «Исследование о денежной помощи Советского Союза Китаю во время антияпонской войне: общая сумма, количества раз и время»[27, с.79-82].

Исследование количества оружия и материалов от советской помощи Китаю впервые было замечено в статье, опубликованной Ли Цзягу в 1993 году, «Обсуждение количества оружия и других предметов в Советском Союзе во время антияпонской войны». В этой статье ученый отмечает, что количество поставок оружия в Советский Союз составило: «904 самолета, 82 танка, 1526 автомобилей, 24 трактора, 1190 пушек, 9720 пулеметов, 50 000 винтовок, винтовочные пули. Более 17 миллионов пулеметных пуль, 31 100 воздушных бомб, более 1,87 миллиона снарядов и 221 авиационных двигателей»[28, с.126-144]. Ли Цзягу использовал эту точку зрения в своей последующей книге «Сотрудничество и конфликт: китайско-советские отношения 1931-1945» и был признан китайскими историками. Кроме того, он также опубликовал «Обзор статистических данных в советских произведениях: о помощи в оружейных материалах Китаю в антияпонской войне»[29, с.226-231], чтобы представить и прокомментировать соответствующие советские работы.

с. О Северо-Западном канале помощи:

В период антияпонской войны, прохода из Иили в Синьцзяне через Хами до общей перевалочной станции Ущелье Синся и, наконец, в Ланьчжоу. Эта северо-западная транспортная линия была основной линией транспортировки советских вспомогательных материалов, это был также единственный наземный канал, соединенный с миром после приостановки железной дороги Юньнань-Вьетнам 12 сентября 1940 года и Мьянмы 5 мая 1923 года [30,с.62+53]. Поэтому изучение этого вопроса также является важной темой для китайских ученых для исследования «помощи СССР Китаю в антияпонской войне».

Самым ранним исследованием в этой области считается статья Ян Бин 1995 года «Национальное правительство почтово-транспортного бизнеса во время антияпонской войны»[31,с.108-114]. Основной упор в исследовании был сделан на то, как китайское правительство в то время реанимировало старую станцию из-за отсутствия автомобилей и топлива, а также из-за плохих дорожных условий, используя силу людей и животных для выполнения задачи по транспортировке материалов. К таким документам относятся: «почтовый транспорт Шэньси во время войны сопротивления Японии»[32,с.78-81], «Центральный транспортный комитет Синьцзяна во время антияпонской войны»[33,с.227-239], «Исследование северо-западного почтового транспорта во время антияпонской войны»[34,с.75-96] и так далее, все эти документы охватывают канал помощи Северо-Западному Китаю.

Другие работы посвящены значению этого канала помощи Северо-Западному Китаю с международной точки зрения, например, в статье «Северо-западный проход в помощи Советского Союза торговле Китая во время антияпонской войны» признается важная позиция и роль канала помощи Северо-Западного Китая в международной помощи Китаю в военное время, считается, что это обеспечивает незаменимую роль советско-китайских партий в достижении материальных перевозок[35,с.54]. Аналогичные статьи включают в себя «Создание Северо-западной международной транспортной линии во время войны против Японии и ее историческая роль»[36,с.36-41].

d. О помощи Советского Союза китайской добровольческой авиационной группе и военно-консультативной группе:

Помощь Советского Союза китайской добровольческой авиационной группе и военно-консультативной группе была связана с оказанием помощи, помимо материальной, что также привлекло внимание китайских ученых. В частности, помощь Советского Союза китайской добровольческой авиационной команде вызвала общий интерес академического сообщества и народа благодаря его легендарной и яркой природе. Ученый Ван Чжэнхуа в статье «Группа добровольцев советских ВВС в ранний период антияпонской войны»[37,с.892] представлял весь процесс оказания помощи Советского Союза китайской добровольческой авиационной группе от создания до участия в войне, он цитирует много ценных материалов. Это стало самой детальной научной работой по этому вопросу до сих пор, но есть также проблемы, когда не слишком ссылаются на российские данные [38,с.169-175]. Кроме того, Гао Синьшена в статье 1998 года «Советские летчики-добровольцы, участвующие в китайской войне сопротивления» [39,с.57-61] изучает и обсуждает количество, маршрут, организацию и достоинства советских летчиков-добровольцев.

Для людей репрезентативными научными работами являются «Советская добровольная военно-воздушная антияпонская помощь Китаю»[40,с.44], «Третья помощь Советского Союза Китаю» [41,с.243], «Григорий Куриенко» [42,с.123], «Антияпонский военный рекорд ВВС Китая» [43,с.467] и так далее. Тема работ очень обширна, что сыграло очень важную роль в популяризации истории помощи Советского Союза китайской добровольческой авиационной команде.

Соответствующее исследование военной консультативной группы было впервые опубликовано в 1987 году У Нэн Цзе, «Военные советники Советского Союза в Китае во время войны против японской агрессии»[44,с.66]. Тем не менее эта статья является только китайским переводом соответствующего содержания «советско-китайских отношений в

1937–1945 годах» Дубинского [2, с.284], и содержание очень ограничено. А затем «Советский военный советник в Китае во время войны против Японии и его роль» Лю Чжицин [45, с.34–38] и «Советский военный советник в Китае во время антияпонской войны» Ван Чжэнь [46, с.176–189]. Конкретный персонал военной консультативной группы и их опыт были подробно представлены, и их вклад в китайскую антияпонскую войну был полностью подтвержден, но нет более конкретных исследований по этому вопросу.

4. Недостатки и причины исследования.

а. Недостаточное внимание к самой военной истории:

Первое - это проблема макроперспективы. Наблюдая за соответствующим исследованием, проведенным китайскими учеными по данному вопросу, мы обнаружили такое явление. Многие исследования проводятся вокруг политического фона события, его различных аспектов влияния или других деталей, в то время как военная история самой войны является относительно меньшей [47, с.22–25]. Напротив, некоторые энтузиасты гражданской истории уделяют больше внимания этому вопросу, и есть также много связанных работ, таких как вышеупомянутые работы о советской помощи китайской добровольческой авиационной команде, это очень странное явление.

Причина этого явления лежит на поверхности. Во-первых, это вопрос исторических материалов, потому что после войны сопротивления Китай пережил смену политической власти, поэтому это объективно увеличило трудности для старого правительства Тайваня в сохранении исторических данных военного отчета во время войны против японской агрессии, для нового китайского правительства на материке история военной истории в этой области еще более редка. Кроме того, известные материалы боевого отчета и мемуары генералов имеют такие проблемы, как ложные данные и преувеличенные результаты, что также добавляет практических трудностей в изучение военной истории.

Во-вторых, военные исследования имеют большой профессионализм, помимо специализированных военных академий, исследователи редко участвуют, это связано с национальной безопасностью, обладает определенной чувствительностью и постепенно становится нежелательным направлением. Кроме того, изучение военной истории требует разделения труда и сотрудничества между профессиональными учеными, соответствующими функциональными отделами и социальными силами [48, с.25–31], которых все еще недостаточно для современной китайской историографии. Таким образом, это привело к тому, что результаты военных исследований не соответствуют важности исторических событий или социальных проблем и ожиданий, это также объясняет, почему есть больше народных работ.

б. Недостаточное исследование военной консультативной группы в Китае:

В конкретном исследовании на тему «помощи СССР Китаю в антияпонской войне» политические предпосылки этого события, как правило, более интенсивны, чем конкретный процесс. При изучении конкретных процессов исследования материальной помощи (займа и поставки оружия) - это больше, чем кадровая помощь (группа добровольческой авиации и военно-консультативная группа). Специально для соответствующего исследования Китайской военной консультативной группы они остановились только на представлении членов консультативной группы и их опыте в Китае. Что касается того, как они конкретно помогли китайской армии? Как они могут помочь направлять и обучать военных и разрабатывать оперативный план? Как это повлияло на военную ситуацию? Эти детали не обсуждаются подробно.

Конечно, есть объективные причины такого явления. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне в то время было секретной военной операцией для китайского и советского правительства, поэтому количество китайских архивов, которое можно было использовать, было относительно небольшим. Русскоязычные материалы, к которым можно получить доступ, также очень ограничены. Одним из них является общедоступная коллекция архивов, такая как «Документы внешней политики СССР» [1, с.472]. Информация, представленная в томах 20–24 книги, описывает различные дипломатические переговоры

между Китаем и Советским Союзом в 1937-1942 гг.; «Русско-китайские отношения в XX в» [6,с.870]: в этой книге также подробно рассматриваются китайско-советские отношения между 1937-1944 гг.; есть также упомянутые выше материалы Дубинского «Советско-китайские отношения 1937-1945гг.».

Есть и другая категория, мемуары членов добровольческой и военно-консультативной группы ВВС, которые участвовали в помощи Китаю. Мемуары Чуйкова В.И., который служил четвертым генеральным военным советником с февраля 1941 года по февраль 1942 года «Миссия в Китае» [7,с.258], а также мемуары А. Я. Калягина, который работал инженером-консультантом, «По незнакомым дорогам: записки военного советника в Китае» [3,с.448]. Обе книги переведены на китайский язык и хорошо знакомы многим китайцам. Кроме того, к подобным работам относятся: «По дорогам Китая, 1937-1945: Воспоминания советских военных советников и специалистов» [4,с.368], «Русские на снегу» [5,с.981], «На китайской земле: Воспоминания советских добровольцев» [8,с.450], «В небе Китая (1937-1940). Воспоминания советских летчиков-добровольцев» [9,с.381] и др.

Нетрудно обнаружить, что в двух типах российских материалов есть определенные недостатки. Первая категория слишком макроскопична и сложно понять конкретные детали военной консультативной группы. Второй тип информации гораздо лучше, чем первая, с точки зрения деталей. Однако, поскольку такие работы, как личные воспоминания, являются слишком субъективными и не содержат доказательств наличия соответствующих архивов, существуют препятствия для профессионального изучения истории. Эти факторы привели к отсутствию исследований в китайской историографии о соответствующей военной консультативной группе.

Заключение

В целом, китайские историки достигли определенных результатов в изучении вопроса помощи СССР Китаю в антияпонской войне. В центре внимания их исследований находятся такие вопросы, как политический контекст, вопросы предоставления кредитов и материальных средств, а также северо-западный международный канал. На наш взгляд, на сегодняшний день не хватает изученности деятельности делегации советских военных советников в Китае. В настоящее время больше внимания следует уделять изучению самой военной истории, укреплению стыковки с международной военной историей, а также поиску новых и мощных исторических материалов, которые могут привести к новым прорывам и прогрессу в соответствующих исследованиях.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Документы внешней политики СССР. Т.20. -М.,1976. -С.472.
2. Дубинский А.М. Советско-китайские отношения 1937-1945. -М.: Мысль, 1980. -284с.
3. Калягин А.Я. По незнакомым дорогам. Записки военного советника в Китае. -М.: Наука, 1979. -448с.
4. По дорогам Китая, 1937-1945: Воспоминания советских военных советников и специалистов. -М.: Наука, 1989.-368с.
5. Панов Д.П. Русские на снегу: судьба человека на фоне исторической метели. - М.:Сполом, 2003. -981с.
6. Русско-китайские отношения в XX в. Т.IV: Советско-китайские отношения.1937-1945гг. Кн. 1: 1937-1944. -М., 2000. -870с.
7. Чуйков В. И. Миссия в Китае. -М.: Воениздат.1983. -258с.
8. Чудодеев Ю. В. На китайской земле: Воспоминания советских добровольцев,1925-1945. -М.: Наука, 1977. -450с.
9. Чудодеев Ю. В. В небе Китая (1937-1940), Воспоминания советских летчиков-добровольцев. -М.: Наука,1986. -381с.
10. 彭明.中苏友谊史[M].北京:人民出版社,1957:296.

11. 秦孝仪. 中华民国重要史料初编一对日抗战时期. 第三编战时外交 (二) [M]. 台北: 中国国民党中央委员会党史委员, 1981:801.
12. 王真. 动荡中的同盟: 抗战时期的中苏关系[M]. 桂林: 广西师范大学出版社, 1993:373.
13. 王正华. 抗战时期外国对华军事援助 [M]. 台北: 环球书局, 1987:356.
14. 李嘉谷. 《合作与冲突:1931-1945 年的中苏关系史》[M]. 桂林: 广西师范大学出版社, 1996:365.
15. 薛衔天, 金东吉. 民国时期中苏关系史(中)[M]. 北京: 中共党史出版社, 2009:278.
16. 陈慈蓉. 抗战初期苏联对华外交与军援[A]. 中华民国史专题第三届讨论会(抽印本)[C]. 1995:1334.
17. 汪金国. 反法西斯战争时期的中国与世界研究: 战时苏联对华政策[M]. 武汉: 武汉大学出版社, 2010:327.
18. 中国人民抗日战争纪念馆. 抗战时期苏联援华史论[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2013 : 276.
19. 李嘉谷. 中苏国家关系史资料汇编(1933—1945)[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 1997:683.
20. 中国第二历史档案馆. 中华民国史档案资料汇编. 第五辑第二编外交[M]. 南京: 江苏古籍出版社, 2000:747.
21. 刘建德. 抗日战争时期的苏联援华借款到底是多少? [J]. 教学与研究, 1986, (04):81-82.
22. 中国人民抗日战争纪念馆. 抗战时期苏联援华史论[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2013:48-50.
23. 罗成康. 《中苏互不侵犯条约》的签订及其国际国内反响[J]. 南京大屠杀史研究, 2011, (03):62-72.
24. 刘建德. 抗日战争时期的苏联援华借款到底是多少? [J]. 教学与研究, 1986, (04):82.
25. 孔庆泰. 太平洋战争爆发前苏联对华军事援助述略[J]. 历史档案, 1991, (01):116-126.
26. 李嘉谷. 关于抗日战争时期苏联援华贷款问题[J]. 近代史研究, 1992, (03):227-238.
27. 许碧晏. 关于抗日战争时期苏联援华借款数值的总额、笔次、时间的考证[J]. 蒙自师范高等专科学校学报, 1998, (S2):79-82.
28. 李嘉谷. 抗战时期苏联援华飞机等军火物资数量问题的探讨[J]. 近代史研究, 1993, (06):126-144.
29. 李嘉谷. 评苏联著作中有关苏联援华抗日军火物资的统计[J]. 抗日战争研究, 1994, (02):226-231.
30. 路琪琪. 20 世纪以来苏联西北援华物资通道研究综述[J]. 商, 2016, (22):62+53.
31. 杨斌. 抗战时期国民政府驿运事业[J]. 民国档案, 1995, (04):108-114.
32. 田霞. 抗日战争时期的陕西驿运[J]. 西北大学学报, 1997, (03):78-81.
33. 李嘉谷. 抗战时期的新疆省中央运输委员会[J]. 北京档案史料, 2006, (01):227-239.
34. 李佳佳. 因运而生: 抗战时期西北驿运再研究[J]. 抗日战争研究, 2017, (03):75-96.
35. 董凯. 抗战时期苏联援华贸易中的西北通道[D]. 兰州: 西北民族大学, 2012:54.
36. 袁志学. 抗日战争时期西北国际交通线的建立及其历史作用[J]. 档案, 2014, (11):36-41.
37. 王正华. 抗战前期的苏联空军志愿队[A]. 中华民国史专题第二届讨论会论文(抽印本)[C]. 1993 : 892.
38. 陈开科. 中国史学中的苏联空军援华志愿队[J]. 湖南社会科学, 2015, (04):169-175.
39. 高新生. 参加中国抗战的苏联志愿飞行员[J]. 新疆大学学报, 1998, (01):57-61.
40. 张廉熙. 苏联志愿航空队抗日援华记[M]. 北京: 中国友谊出版公司, 2001:44.
41. 孙维韬, 温致强. 苏联三次援华征战纪实[M]. 北京: 世界华侨华人社团联合总会, 2006:243
42. 杜之祥. 格里戈里·库里申科[M]. 长春: 吉林文史出版社, 2011:123.
43. 许蓉生、林成西. 国民党空军抗战实录[M]. 北京: 中国档案出版社, 1994:467.

44. 吴能节.抗日战争期间苏联驻华军事顾问的活动[J].党史资料与研究, 1987, (06):66.
45. 刘志青.抗日战争期间苏联在华军事顾问及其作用[J].军事历史,1991,(04):34-38.
46. 王真.抗战时期的在华苏联军事顾问[J].抗日战争研究, 1992,(03):176-189.
47. 杨奎松.抗日战争研究理应重视战争史研究[J].抗日战争研究,2016, (01),22-25.
48. 李晨.英美军事史研究对抗战军事史研究的启示[J].抗日战争研究,2016,(01):25-31.

Потапова Наталья Владимировна, доктор исторических наук,
Сахалинский государственный университет,
кафедра российской и всеобщей истории, профессор
narpotapova@yandex.ru

УДК 277.4

РУКОВОДИТЕЛИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО БАПТИЗМА В ЭМИГРАЦИИ: ХАРБИНСКАЯ ИСТОРИЯ

Аннотация. История деятельности руководителей дальневосточных баптистских общин в период их эмиграции на территории Северо-Восточного Китая, в Харбине, является одним из малоизученных сюжетов истории отечественного протестантизма. Несмотря на лояльное отношение к советской власти, демонстрируемое приморскими баптистами в лице их руководителя Р.А. Фетлера, представителями Дальневосточного союза баптистов, руководимого Я.Я. Винсом, на рубеже 1922-1923 гг. наиболее авторитетные деятели баптистского движения Дальнего Востока вынуждены были эмигрировать. Для советской власти они были проводниками империалистической политики, идеологическими конкурентами, от которых необходимо было избавиться. В Харбине они продолжили свою религиозную, миссионерскую, социальную, издательскую деятельность. Продолжился в Харбине и конфликт двух руководителей, до этого расколовший дальневосточных баптистов. В статье на основе вводящихся в научный оборот источников и материалов зарубежных публикаций через призму истории персоналий реконструируются аспекты деятельности российской религиозной эмиграции в Харбине 1920-х гг.

Ключевые слова и фразы: Дальний Восток, Китай, Харбин, Гражданская война, баптизм, Р.А. Фетлер, Я.Я. Винс.

Natalia Potapova, Doctor in history,
Professor of Sakhalin State University,
Department of Russian and World history
narpotapova@yandex.ru

FAR EASTERN BAPTISM LEADERS IN EMIGRATION: HARBIN HISTORY

Abstract. The history of the activities of the leaders of the Far Eastern Baptist communities in the period of their emigration to the territory of Northeast China, in Harbin, is one of the little-studied subjects of the history of Russian Protestantism. Despite the loyalty to the Soviet government, demonstrated by coastal Baptists in the person of their leader R.A. Fetler, representatives of the Far Eastern Union of Baptists, led by Y.Y. Wins, at the turn of 1922-1923 The most authoritative figures of the Baptist movement of the Far East were forced to emigrate. For the Soviet government, they were the agents of imperialist politics, ideological rivals, which had to be eliminated. In Harbin, they continued their religious, missionary, social, publishing activities. In Harbin, the conflict between two leaders, which had previously split the Far Eastern Baptists, continued. The article reconstructs aspects of the activities of the Russian religious emigration in Harbin in the 1920s through the prism of the history of personalities, which are introduced into the scientific circulation of sources and materials of foreign publications.

Key words and phrases: Far East, China, Harbin, Civil War. Baptism, R.A. Fetler, Y.Y. Vince.

Несмотря на то, что большевистское правительство в первые годы после прихода к власти относилось к евангельским верующим в целом лояльно, по отношению к

дальневосточным евангельским христианам и баптистам, действующим на территории, занятой интервентами, уже тогда были подозрения в их неблагонадёжности. К анализу ситуации с «сектантством» большевистское руководство приступило по окончании Гражданской войны на основной территории России. Геополитические оценки деятельности зарубежных миссий и местных евангельских христиан и баптистов даются уже в этот период в документах советской власти и публикациях в прессе развивается мысль об ангажированности дальневосточных верующих американским или японским капиталом и в связи с этим – их вредности для советского государства и общества. Пожалуй, впервые идея геополитической враждебности дальневосточных евангельских христиан и баптистов официально была сформулирована М.И. Калининым в речи на торжественном заседании в г. Владивостоке 10 августа 1923 г.: «Несомненно, - говорил он, - американское правительство... искало здесь моральных завоеваний, оно приобретало здесь связи, организовывало ячейки собственного влияния... американский капитал оказался в высшей степени религиозным: он на занятую территорию привёз евангелие, собственных проповедников, как баптистов, методистов и тому подобное. Какая причина заставила всё это делать Америку? Единственная причина: через этих проповедников американский капитал устраивал свои первичные гнёзда, через которые в будущем намерен развивать здесь свои коммерческие дела. Самым лучшим другом и проповедником влияния другого государства будет то лицо, которое распропагандировано, общение с которым ведётся на духовно-религиозной почве...» [8, с. 118]. Позднее в советской исторической науке основные положения этой речи становились отправными для подчёркивания связей евангельских деноминаций с империалистами [1, с. 433].

В 1917–1922 гг. в условиях революций, Гражданской войны и интервенции как в масштабах всей России, так и на российском Дальнем Востоке наблюдался активный рост численности сторонников евангельского христианства и баптизма. Видные представители российского баптизма – Яков Яковлевич Винс, Роберт Андреевич Фетлер, Николай Иванович Пейсти в эти годы прибывают на Дальний Восток из США, Сибири, Центральной России. Из зарубежных миссионеров, постоянно работавших на Дальнем Востоке (Приморье), известны Эрих Валдмар Олсона (в русских дальневосточных источниках того времени он упоминается как Владимир Иванович Олсон) и Август Линдстедт, представители Шведского баптистского миссионерского общества США [5, с.252-327].

В этот период на Дальнем Востоке существовало два центра баптизма. Старый традиционный центр находился в Амурской области, в Благовещенске и возглавлял его Я. Я. Винс. Организационно этот район составлял территорию Дальневосточного отдела Всероссийского союза баптистов, созданного в 1913 г. в Благовещенске, он был преобразован в 1921 г. в Дальневосточный союз евангельских христиан-баптистов. Традиционной особенностью этого района Дальнего Востока было отсутствие разделения евангельских верующих на баптистов и евангельских христиан. Формально вплоть до рубежа 1920–1921 гг. союз включал и баптистские общины Южного Приморья, однако впоследствии приморские баптисты не имели официальных контактов с руководством Дальневосточного союза евангельских христиан-баптистов. В исследуемый период в Приморье во Владивостоке формируется другой центр баптизма. Приморский баптизм не имел единой организационной структуры и представлял собой совокупность общин. Роль руководящего и направляющего центра играла Владивостокская община, возглавляемая Р. А. Фетлером. Евангельское христианство как отдельная от баптистов деноминация успешно развивалась в Приморье. Дальневосточный отдел Всероссийского союза евангельских христиан, оформившийся в 1920 г., поддерживал постоянную связь с центральными органами и проводил все мероприятия, которые намечались в центре. Дальневосточное евангельско-баптистское сообщество исследуемого периода было трансграничным, включая в себя и общины, располагавшиеся на территории Китая (в том числе – в Харбине), возникшие благодаря миссионерской деятельности верующих из России, включавшие как представителей российской эмиграции, так и китайское население. К 1920–1921 гг.

относится пик деятельности приморских баптистов и евангельских христиан, он ознаменовался успехами миссии, численным ростом старых общин и появлением новых [5, с. 252-398].

В Приморье существовало явное острое соперничество между баптистами и евангельскими христианами. В Амурской области складывалась иная ситуация, евангельские христиане и баптисты составляли единое сообщество. Характерно, что зарубежные единоверцы поддерживали контакты и с баптистами, и с евангельскими христианами Дальнего Востока, демонстрируя свою лояльность по отношению к обеим группам евангельских верующих. Взаимоотношения амурского и приморского баптизма носили характер разделения, что было обусловлено как особенностями военно-политической истории региона, так и соперничеством лидеров – Р. А. Фетлера и Я. Я. Винса.

Обвинения в сотрудничестве с империалистами вкупе со слишком активной деятельностью делали невозможным продолжение деятельности руководителей дальневосточного баптизма в Амурской области и Приморье. Первым баптистским руководителем, выехавшим в Харбин, был лидер баптистской общины г. Никольска-Уссурийского. 2 сентября 1922 г. Никольск-Уссурийская община проводила Николая Ивановича Пейсти, который распоряжением Шведского баптистского миссионерского общества был переведён в Харбин [4, с. 49].

С установлением советской власти на всей территории Дальнего Востока, началась планомерная работа по сокращению деятельности баптистов и евангельских христиан. В партийных документах отмечалось, что «для борьбы как с сектами Евангелистов так и Баптистами, необходимо введение всеобщего обучения по программе новой школы, антирелигиозная пропаганда, устройство в селениях изб-читален с хорошо подобранной литературой, образование в селениях ячеек РКСМ и культурно-просветительных кружков...» [Государственный архив приморского края (далее – ГАПК). Ф. П-61. Оп. 1. Д. 320. Л. 4-4 об.]. О необходимости репрессий открыто ещё не говорилось, но генеральная линия политики советского государства в отношении религии в целом и исследуемых религиозных течений в частности уже была намечена. В связи с этим в конце 1922 – 1923 гг., после установления советской власти с советского Дальнего Востока стала происходить эмиграция руководителей баптизма, первым пунктом их пребывания становился Харбин, где уже существовали общины, созданные российскими баптистами и имевшими тесные связи и с приморским и с амурским баптизмом.

Впрочем, первоначальная реакция приморских баптистов на установление советской власти была положительной. В последнем номере журнала «Благовестник» за 1922 г. Р.А. Фетлер писал: «Наконец и у нас настал мир, после различных волнений и переживаний последних годов и наступило давно желанное воссоединение с остальной частью нашей великой страны – России с Сибирью» [7, с. 43]. Однако в Приморье, по сообщению государственных органов, уже «в феврале месяце 1923 г. через Губернский отдел народного образования были закрыты все баптистские издательства, библейский институт и миссионерские курсы, изъято большое количество религиозных журналов и литературы со складов издательства. Параллельно с этим через Комхоз были предприняты шаги по закрытию молитвенных домов. Против активных деятелей баптизма стали приниматься шаги, в результате чего из Совучреждений были удалены под разными предлогами служащие баптисты. Разъездные проповедники были взяты на учёт и всякая попытка выехать в губернию нами пресекалась. После применённых со стороны ГО ОГПУ репрессий, представитель Шведско-Американского общества баптистов Ольсон со своими сотрудниками уезжает и Фетлер с рядом активных работников. Таким образом, наша работа оказала известное влияние на ход дальнейшего развития баптизма» [ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 685. Л. 10-12]. В этом документе открыто объясняются причины отъезда руководителей и ослабления деятельности общины – это стало результатами «работы» по общине органов власти, а не следствием естественных процессов или изначальным контрреволюционным настроением и стремлением уехать руководителей баптизма. А.М. Пуке, оставшийся во

Владивостоке после отъезда Э.В. Олсона, Р.А. Фетлера, А. Линдстедта в письме от 23 сентября, опубликованном в октябре 1923 г. в журнале русско-украинских баптистов США и Канады «Сеятель истины» сообщал, что «Братья Ольсон и Фетлер уехали в Харбин (Китай), чтобы трудиться среди русских же там, где немного лучше условия...» [6, с. 13-14]. А.М. Пуке, прибывший из Омска вслед за Р. Фетлером во Владивосток, сыграл большую роль в развитии владивостокской общины, он организовал хор, кружок молодежи, вел активную миссионерскую работу, курировал работу воскресных школ [9, с. 78]. Позднее и А.М. Пуке переехал в Харбин, был там проповедником в баптистской церкви [3, с. 24].

Супруга Р.А. Фетлера, Татьяна Ивановна Фетлер вспоминала: «В апреле 1923 г. мы переехали в Харбин, куда раньше нас уехал брат Олсон..., а теперь и нас туда же пригласил» [Фетлер Роберт Андреевич. Рукопись, 1973 г. // Архив Российского Союза евангельских христиан-баптистов (далее - РС ЕХБ). Л.3-4]. Р.А. Фетлер продолжил свою издательскую деятельность – он стал редактором «Баптистского еженедельника», который издавался им с декабря 1923 г. по октябрь 1924 г., в Харбине [10, р. 435]. В конце 1924 г. Р.А. Фетлер с семьёй переехал на родину, в Латвию, куда в 1922 г. из Америки перебрался старший брат, известнейший деятель российского и американского (в среде русской эмиграции в США и Канаде) баптизма Вильгельм Андреевич Фетлер. [Фетлер Роберт Андреевич. Рукопись, 1973 г. // Архив РС ЕХБ. Л.4].

Я.Я. Винс проживал в Благовещенске до начала 1923 г. К 1923 году он чётко сформулировал своё отношение к политическим событиям с точки зрения их полезности для реализации баптистских принципов, к большевистской власти (в части её религиозной политики) в книге «Наши баптистские принципы». Высоко оценивая завоевания Февральской революции, он писал: «Господь ...воздвигнул Февральскую революцию, которая ...освободила всех политических и религиозных страдальцев на радость всей русской земле...» [2]. Недвусмысленные обвинения звучат в его книге в адрес большевиков, нарушающих свое же законодательство о свободе совести: «Враг души человеческой и враг свободы снова поднял свою тиранскую голову». Я.Я. Винс был уверен, что «не далек тот день, когда и для русского народа навеки спадут все цепи религиозного стеснения» [2].

Как пишет А. Вардин, «27 мая (1923 г. – Н.П.) революционный комитет принял решение выслать Якова из Сибири... Вместе с семьёй ночью он перебрался через Амур на противоположную сторону – в Хэлампо (Китай). Через некоторое время Яков обосновался в Харбине, главном городе Центральной Маньчжурии, с многочисленным русским населением». [12, р. 506]. Из Харбина он продолжал руководить амурскими баптистами, периодически приезжая в Благовещенск, а затем, после переноса центра ДВСБ в 1926 г. – в Хабаровск [Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. П-2. Оп.2. Д. 168. Л. 4-5]. В 1923-1924 гг. Я.Я. Винс, проживая уже в Харбине, позиционировал себя как миссионер Генерального Миссионерского общества германских баптистских церквей Северной Америки, одновременно поддерживал тесные контакты с зарубежной миссией Южной баптистской конвенции из США, которая в этот период начинает деятельность по евангелизации Сибири и Маньчжурии. Примечательно, что, оставаясь формально руководителем ДВС ЕХБ, Я.Я. Винс в эти годы называет себя членом Харбинской баптистской церкви [2; 12, р. 504; Миссионерская анкета Я.Я. Винса (Зарубежная миссия Южной баптистской конвенции, США), Харбин, Манчжурия. 5 декабря 1924 г. (копия, на англ.яз.) // Архив РС ЕХБ (копия., на англ.яз.). Л. 3].

Почти одновременное прибытие двух руководителей баптизма с российской части Дальнего Востока – Р. А. Фетлера со сподвижниками и Я. Я. Винса, имевших разные представления о перспективах работы в Харбине, привело к возникновению конфликта и расколу общины. По словам А. Вардина, «с избранием Фетлера пастором Харбинской русской баптистской церкви, произошло столкновение интересов Якова и Шведской миссии. Со своей стороны Яков поддерживал И. Осипова, человека, который формально был служителем Шведской миссии, но который работал с Яковом. В деловой встрече церкви в сентябре конфликт проявился, когда один из членов потребовал увольнения Фетлера, в

частности за демонстрацию фаворитизма к нерусским церкви. Затем собрание избрало Якова, как временного председателя. Яков предложил установить правило, что никакие новые члены не могут принимать участие в голосовании, что исключало миссионеров Шведской миссии, и встреча закончилась расколом. Яков и его последователи учредили, как истинную Харбинскую русскую баптистскую церковь, исключив группу, которая осталась с Фетлером и другими миссионерами. Баптистские дела в Маньчжурии вдруг сделал еще один поворот, когда в октябре 1924 г. Е. В. Олсон без консультаций принял решение о прекращении здесь деятельности Шведской миссии и вернулся в Америку. Олсону было затруднительно управлять деятельностью миссии на огромном пространстве Сибири и Маньчжурии. Кроме того, Пейсти покинул миссию в 1923 году, хотя он оставался в Харбине до 1926 г., Фетлер также вскоре уехал в Латвию по приглашению брата, Вильяма. Кроме того, Олсон не был рад конкуренции с Яковом, который, казалось, мог бы получить полную поддержку Южной баптистской конференции. Олсон передал имущество Шведской миссии в Харбине Якову, который в этой связи оплатил её долги, полагая, что Южная баптистская конференция возьмет их на себя и возместит ему. В декабре (1924 г. – *Н.П.*) Яков обратился с предложением к Южной баптистской конференции стать одним из её постоянных миссионеров, но он не получил назначение. Это общество никогда не основывало «русской» работы в Маньчжурии, как одного из регулярных направлений, за исключением предоставления финансовой помощи национальным работникам, которая предоставлялась в Сибири. После возвращения Шведской миссии в Харбин в лице А. Линдстедта, Винсу были выплачены все его деньги. Яков вернул имущество Шведской миссии и оба общества – шведская миссия и Южная конференция поровну компенсировали все его расходы за имущество по 1 октября 1925 г. В этот период две функционирующие в Харбине общины баптистов воссоединились под руководством Якова. По рекомендации Якова, пастором Харбинской церкви стал А. Линдстедт. Линдстедт согласился сотрудничать с Дальневосточным союзом баптистов, на правах его составной части. Осуществилось полное примирение» [12, р. 507-508]. В период работы на Дальнем Востоке А. Линдстедт являлся представителем миссионерской организации «Баптистская генеральная конференция» (Baptist General Conference (BGC)), созданной в США шведскими эмигрантами ещё в середине XIX в. и вобравшей в себя в начале 1920-х гг. американское Шведское баптистское миссионерское общество (США) [11, р. 124-125].

В Харбине Я. Винс также занимался издательской деятельностью (издал, например, сборник гимнов) [Письмо Я. Винса И.С. Проханову. 4 февраля 1925 г. Харбин, Китай. (копия, на англ. яз.) // Архив РС ЕХБ.], опубликовал в 1924 г. (по другим данным в 1923 г.) свою знаменитую книгу «Наши баптистские принципы» [2; 12, р. 508]. В 1925 г. Я. Винс предпринял поездку в Советскую Россию, возвратился в Харбин в январе 1926 г. Затем он участвовал в 26-м съезде Союза баптистов, проходившем в 1926 г., в Москве, представляя на нем ДВС ЕХБ. Позднее, когда начались первые открытые репрессии советской власти против баптистов, «как и в первый свой приезд в Северную Америку, Яков, приехав на съезд Всемирного союза баптистов, состоявшийся в 1928 г. в Торонто, Канада, принял решение не возвращаться» [12, р. 511].

В целом, история деятельности лидеров дальневосточного баптизма и общин евангельских христиан и баптистов в Северо-Восточном Китае в исследуемый период, несомненно, может рассматриваться, как часть российской религиозной истории. Предшествовавшие исследования имели идеологизированных, «геополитизированный характер» и цель – продемонстрировать контрреволюционность верующих, связи их руководства с враждебной границей, были далеки от беспристрастности и объективности. Поэтому пока в подлинной истории харбинских российских протестантов гораздо больше белых пятен, чем точных фактов, известны лишь отдельные эпизоды, детали. Судьбы религиозной эмиграции, история религиозных общин выходцев из России, отдельных лидеров, как в Китае, так и в других странах, без сомнения, нуждаются в специальном комплексном научном исследовании.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Балалаева Н.М. История религиозного сектантства на Дальнем Востоке СССР (1859-1936): Дисс. ... д.и.н. М., 1971.
2. Винс Я. Я. Наши баптистские принципы. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusbaptist.stunda.org/vins.html>. (Дата обращения: 18.08.2018)
3. Винс Г. Тропюю верности. 3-е издание. СПб.: Библия для всех, 2003.
4. Ланкин. Никольск-Уссурийский // Благовестник. 1922. Декабрь. № 5. С.49.
5. Потапова Н.В. Евангельское христианство и баптизм в Росс в 1917-1922 гг. (на материалах Дальнего Востока) : монография : в 2-х т. Т. 1. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2014.
6. Пуке А.М. Сведения о деле Божием. Владивосток // Сеятель истины. 1923. Октябрь. № 10. С. 13-14.
7. Редактор. Мир и благоволение // Благовестник. 1922. Декабрь. № 5. С.43.
8. Речи М.И. Калинина на Дальнем Востоке. Чита, 1958.
9. Самарец М.С. Из Владивостока // Благовестник. 1920. Май. № 5. С.78.
10. Diao Shaohua. Краткий обзор истории русской печати в Харбине // *Revue des études slaves*, Tome 73, fascicule 2-3, 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/slave_0080-2557_2001_num_73_2_6723
11. Tiedemann R.G. Reference Guide to Christian Missionary Societies in China: From the Sixteenth to the Twentieth Century. 2nd ed. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2009.
12. Wardin A.W., Jr. Jacob J. Wiens: Mission Champion in Freedom and Repression // *Journal of Church and State*. Vol. 28. Autumn 1986. № 3. P. 504-511.

Ренева Ольга Анатольевна

МБУК «Кунгурский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник», г. Кунгур
Заведующий филиалом Музеем истории купечества
olga.reneva23@yandex.ru

ПАЙЩИКИ И СЛУЖАЩИЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО ТОВАРИЩЕСТВА «ГУБКИН&КУЗНЕЦОВ»*

УДК 94

***Аннотация.** На рубеже XIX–XX вв. важную роль в развитии российско-китайской чайной торговли сыграло торгово-промышленное товарищество «Губкин&Кузнецов». В статье на основе архивных материалов и публикаций того времени рассматривается вклад пайщиков и служащих в превращение фирмы в крупнейшее чайное дело Российской империи.*

***Ключевые слова и фразы:** Губкин, Кузнецовы, Владимиров, Москва, Ханькоу, Синтай, чаеоторговля.*

Olga Reneva

The Merchantry History Museum
olga.reneva23@yandex.ru

SHAREHOLDERS AND EMPLOYEES OF THE COMMERCIAL AND INDUSTRIAL PARTNERSHIP «GUBKIN&KUZNETSOV»*

***Abstract.** At the turn of the XIX – XX centuries, «The Gubkin&Kuznetsov» commercial and industrial partnership played an important role in the development of the Russian-Chinese tea trade. The article based on archival materials and publications of that time examines the contribution of shareholders and employees to the transformation of the company into the largest tea business of the Russian Empire.*

***Key words and phrases:** Gubkin, The Kuznetsovs, Vladimirov, Moscow, Hankow, Sintai, tea trade.*

Превращение торгово-промышленного товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» в лидера чайного рынка Российской империи стало возможным благодаря не только наличию солидного капитала и длительных партнёрских отношений с китайской стороной, но и благодаря прямой заинтересованности ведущих служащих, многие из которых одновременно являлись пайщиками фирмы.

В 1916 г. товарищество «Губкин&Кузнецов» отметило 25-летний юбилей. Но в действительности, в то время история этого чаеоторгового дела насчитывала уже 76 лет [4, с. 9]. Его отправной точкой стал 1840 г., когда два купца из города Кунгура Пермской губернии – братья А.С. и Я.С. Губкины – начали меновую чайную торговлю через забайкальский город Кяхта. Впоследствии каждый из них повёл дело самостоятельно. Я.С. Губкин рано умер, а старший брат, Алексей Семёнович, превратился в одного из законодателей цен на чайном рынке Российской империи. Успех его торгового предприятия складывался из многих факторов, среди них немаловажное место занимали высокое качество чая, предлагаемого потребителям, а также доскональное знание особенностей транспортировки грузов из Китая в центральную Россию, умелый подбор служащих.

В фирме А.С. Губкина отношения между хозяином и персоналом строились на патриархальных принципах. Многие из современников обращали внимание на удивительную благожелательность Алексея Семёновича к его служащим. Эти отношения «были

проникнуты лучшими преданиями старинного русского торгового быта, непосредственной личной близостью и всегдашней доступностью, простотой и приветливостью, тонким уважением к личности работника, чутким вниманием не только к нуждам и потребностям его служебного быта, но, зачастую, и личной жизни» [5, с. 62]. Даже в завещании А.С. Губкина, утверждённом к исполнению в Московском окружном суде 16 января 1884 года, в числе наследников были указаны приказчики Владимиров, Лепихин, Ёлтышев, Ведров и Монаков [6, л. 11].

После смерти А.С. Губкина его процветающее чайное дело, большую часть капитала, как и недвижимости, унаследовал единственный внук – потомственный почётный гражданин Александр Григорьевич Кузнецов. Его родная сестра, Мария Григорьевна Ушкова, и её дети (Григорий, Алексей, Михаил, Анна, Наталья и Александра) получили заранее оговоренные в завещании суммы.

В 1884 г. А.Г. Кузнецов (1856-1895) для более успешного развития торговли как в России, так и за границей реформировал фирму деда в торговый дом (на правах товарищества на вере) [7, л. 29]. Его товарищами-вкладчиками стали родной дядя Александр Кириллович Кузнецов (1838-1888) и главный доверенный А.С. Губкина Александр Ефимович Владимиров (1856-1922). Самый весомый вклад, состоявший из товара, долговых обязательств и капитала, сделал А.Г. Кузнецов. Его дядя внёс 25 000 руб., а А.Е. Владимиров – 10 000 руб. Всего основной капитал торгового дома «Наследник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» был заявлен в сумме 1 200 000 руб. Главная контора по-прежнему, как и при Губкине, находилась в Москве, а отделения в других городах и на крупнейших российских ярмарках, в том числе в Ирбите и в Нижнем Новгороде. В 1889 г. чайный магазин был открыт и в Париже на Avenue de l'Opera [10, с. 480]. Чай закупали через посреднические фирмы в основном в Ханькоу и в Тяньцзине, в Россию его доставляли несколькими путями, как караванными, так и морским.

В 1890 г. наступил следующий этап в развитии чаеоторговой фирмы. 14-м августа датировано прошение, адресованное министру финансов об учреждении акционерного товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» [7, л. 1]. По всей видимости, перемены были обусловлены увеличением масштабов торговли, что потребовало большего капитала, а также смертью одного из пайщиков – А.К. Кузнецова, скончавшегося в Москве 26 мая 1888 года.

С начала 1891 г. Торговый дом «для продолжения и развития торговли и других промышленных предприятий» был преобразован в Торгово-промышленное товарищество «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» [7, л. 1]. Его правление находилось в Москве сначала в доме А.Г. Кузнецова на Малой Дмитровке, затем – в здании Средних торговых рядов на Ильинке. После учреждения устава товарищества 16 ноября 1890 года, в Крыму, в имении А.Г. Кузнецова Форос, состоялось собрание учредителей, в число которых также вошли Григорий Кириллович Кузнецов (1832-1897), отец Александра Григорьевича, и А.Е. Владимиров [5, с. 4]. Основной капитал нового акционерного товарищества, разделённый на одну тысячу паёв, составил 10 миллионов рублей [8, л. 21]. Запасной – 3 333 333 руб. 34 коп. В уставе было прописано условие выпуска и дополнительных паёв, преимущественное право на приобретение которых предоставлялось пайщикам. В основном фирма оставалась семейным предприятием, большая часть ценных бумаг которого принадлежала купцам Кузнецовым. Также пайщиком стал Константин Капитонович Ушков (1851-1918), женатый на сестре А.Г. Кузнецова. С целью повышения заинтересованности служащих, несколько доверенных были приглашены к участию в деле. Так пайщиками стали: Н.И. Лепихин, Я.Г. Долбышев, В.А. Перрен, А.В. Маркин, П.А. Герасимов, А.В. Лапин, С.И. Сыромятников. 2 декабря в Форосе после собрания учредителей состоялось первое общее собрание пайщиков, на котором было избрано правление товарищества. Из трёх директоров (избираемых согласно уставу на три года) – А.Г. Кузнецова, Г.К. Кузнецова и А.Е. Владимирова, последний стал директором-распорядителем. Кандидатами к

директорам избрали Н.И. Лепихина и Я.Г. Долбышева, в члены ревизионной комиссии – К.К. Ушкова, В.А. Перрена и А.В. Маркина.

Ведущую роль в руководстве многоплановой деятельностью товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о», осуществлявшего не только чайную торговлю, но и продажу сахара, хлеба, мануфактуры, с 1884 г. играл Александр Ефимович Владимиров. Он поступил на службу в фирму А.С. Губкина в 1869 г., когда ему было всего пятнадцать лет. Вскоре молодой специалист стал главным доверенным Алексея Семёновича, а в 1878 г. был назначен первым управляющим только что открытого московского склада. Позднее А.Г. Кузнецов вспоминал о том, с каким нетерпением его дед ждал писем из Москвы от А.Е. Владимирова: «Бывало придёшь к нему – он не в духе: “Чего-то Владимиров долго не пишет”. Получит... письмо – повеселеет и первым делом: “Читай-ка, что Александр Ефимович пишет, мы вот здесь ничего не знаем”» [5, с. 14]. Позднее про А.Е. Владимирова писали, что он «являет собой достойный подражания пример русского коммерсанта-администратора» [5, с. 15]. Действительно, Александр Ефимович оказался универсальным руководителем, который досконально вник во все тонкости российско-китайской чайной торговли. Он в совершенстве знал специфику и ярмарочных продаж, так как первоначально главные партии китайского чая реализовывались в Ирбите и в Нижнем Новгороде. В 1884–1889 гг. А.Е. Владимиров, числившийся великоустюжским купцом второй гильдии, был членом Ярмарочного биржевого комитета на Ирбитской ярмарке. Там же, в Ирбите, с 1885 по 1887-й он избирался членом учётного комитета в Ирбитском отделении Государственного банка. Его деятельность в Ирбите оказалась достаточно разноплановой. В 1887 г. он в числе пяти человек принял участие в работе комиссии по пересмотру и изменению правил для Ирбитской ярмарки [2, л. 43]. Годом раньше А.Е. Владимиров, как представитель торгового дома «Наследник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о», обратился в ярмарочный комитет с заявлением о неправомерности действий податных инспекторов, которые заставляли фирмы и отдельных торговцев приобретать билеты не только на торговые помещения и склады, но и на конторы, и на приклад товара возле лавок [1, л. 104]. За разъяснением правил ярмарочных сборов администрации ярмарки пришлось обратиться в Министерство финансов. К следующему ярмарочному торгу 1887 г. из Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов был получен ответ, уточняющий, что по одному билету могут содержаться лавки с одним входом для покупателей (с вывеской), складские помещения и конторы в одном с лавками помещении и без отдельного входа [2, л. 38 об.]. С 1887 г. Александр Ефимович исполнял обязанности уполномоченного от ярмарочного купечества в Нижегородской ярмарке [9, л. 1 об.] Талант А.Е. Владимирова, как универсального коммерсанта-администратора был востребован и в Москве [9, л. 2 об.]. С 1899 по 1903 г. он являлся членом учётного ссудного комитета Московской конторы Государственного банка, с 1900 г. состоял членом общего присутствия Московской казённой палаты по дополнительному промысловому налогу, в 1901-м был утверждён в звании члена Московского отделения Совета торговли и мануфактур, с 1913 г. был товарищем председателя совета Московского торгового банка, а со следующего года ещё стал членом совета Московского купеческого банка. Вплоть до 1918 г. состоял выборным Московского биржевого общества. С 1902 г. Александр Владимирович занимал должность председателя правления товарищества «Губкин&Кузнецов». За время работы в фирме он получил ряд правительственных наград: золотую медаль с надписью «За усердие» за труды в комиссии по реконструкции собора на Нижегородской ярмарке (1889), «в воздаяние полезной деятельности и особых трудов» был награждён орденами святой Анны 3-ей степени (1896) и святого Станислава 2-ой степени (1899) [9, л. 2 об.-3]. В 1903 г. получил звание коммерции-советника.

Уже за первое десятилетие работы товарищества «Губкин&Кузнецов» в жизни фирмы произошли серьёзные изменения. Они затронули как сферу организации закупок, переработки и продажи чая, так и кадровые вопросы. Отказавшись от услуг комиссионеров, товарищество открыло собственные конторы, через которые приобретался чай, сначала в

Ханькоу, затем и в Шанхае. Также в Ханькоу в 1895 г. у фирмы «Чирков, Панов и К^о» была куплена фабрика «Синтай»¹, специализирующаяся на производстве прессованного чая. Впоследствии здесь стали перерабатывать не только китайский хуасян, но и сырьё, привезённое из других чаепроизводящих регионов (Цейлон, Индия, Ява), где фирма имела конторы. Вместо небольших чаеразвесочных фабрик в Москве, Тюмени и Одессе, там же были открыты крупные предприятия, оснащённые современным оборудованием.

Перемены также коснулись руководства компании и состава пайщиков. Ещё в 1895 г. не стало А.Г. Кузнецова, через два года умер его отец Г.К. Кузнецов. Вместо них директорами стали Николай Иванович Лепихин и Александр Васильевич Маркин (после его смерти в 1915 г. в должность заступил Сергей Иванович Сыромятников). Паи А.Г. и Г.К. Кузнецовых перешли к наследникам, поэтому главными пайщиками стали как Кузнецовы-младшие, так и их родственники Ушковы, а также А.Е. Владимиров. Большинство из наследников А.Г. и Г.К. Кузнецовых были на тот момент несовершеннолетними, поэтому никакого непосредственного участия в делах компании не принимали.

С 1896 г. более двадцати лет одним из директоров правления товарищества «Губкин&Кузнецов» являлся Николай Иванович Лепихин, который поступил на службу к А.С. Губкину в 1869 г. Уже в начале своей карьеры он был назначен главным доверенным в Кунгуре, затем стал личным секретарём Алексея Семёновича [5, с. 38]. Н.И. Лепихин занимался составлением смет на закупку товара, отвечал за финансовую часть деятельности чаоторговой фирмы, выезжал на ярмарки в Ирбит, Нижний Новгород, Мензелинск для продажи товара. В 1881 г. вместе с Губкиным переехал в Москву, затем при учреждении торгового дома занимался вопросами общего управления делами фирмы, а с 1891 г. был приглашён к участию в деле и избран кандидатом в директора. С 1901 г. Н.И. Лепихин был избран заступающим место председателя правления В 1902-1904 гг. он трудился в составе Ирбитского ярмарочного комитета [3, л. 104]. Ещё ранее, на ярмарке 1898 г., Николай Иванович принял активное участие в обсуждении вопроса, касавшегося торговли по Северному морскому пути и проектируемой пошлины на кирпичный чай в размере пяти рублей золотом. Его мнение было зафиксировано в протоколе заседания: «... если допустить пошлину ниже проектируемой – 5-ти рублей, то явится большая разница в стоимости кирпича между сухопутным и морским и произведёт большое замешательство в торговле чаем, т.к. на кяхтинский чай получится убыток, на морской – хотя и польза, но она не может покрыть убыток от сухопутных кяхтинских чаёв» [3, л. 122]. За время многолетней службы в товариществе «Губкин&Кузнецов» Николай Иванович Лепихин был награждён орденами святого Станислава 3-й степени и св. Анны 3-й степени.

В Российском государственном историческом архиве (С-Петербург) хранится «Список служащих, входящих в состав высшей администрации торгово-промышленного товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» к 27 октября 1916 г.» [8, л. 39], который наглядно демонстрирует не только списочный состав, но и гражданство, что было особенно актуально в годы Первой мировой войны. В то время в работе ревизионной комиссии уже принимали участие пайщики – повзрослевшие наследники А.Г. Кузнецова – его сводные братья и племянники.

Имя, отчество и фамилия	Наименование занимаемой по службе должности	Местожительство лиц в Москве	Подданство	Национальность
Александр Ефимович Владимиров	Член правления, директор	Малая Дмитровка, дом 12	российское	русский

¹ Сведения предоставлены к.и.н. В.Г. Шароновой (Москва, ИДВ РАН).

Николай Иванович Лепихин	Член правления, директор	1-ая Мещанская, дом 38	российское	русский
Сергей Иванович Сыромятников	Член правления, директор	Долгоруковский, дом 5	российское	русский
Яков Григорьевич Долбышев	Кандидат директора	Воздвиженка, дом Росс. о-ва	российской	русский
Андрей Васильевич Лапин	Кандидат директора	Тихвинский пер., дом Панина	российского	русский
Константин Капитонович Ушков	Член ревизионной комиссии	Новинский бул., дом 36	российского	русский
Григорий Константинович Ушков	Член ревизионной комиссии	Петроградское шоссе, дом 38	российское	русский
Михаил Константинович Ушков	Член ревизионной комиссии	Глазовский пер., дом 9	российское	русский
Алексей Константинович Ушков	Член ревизионной комиссии	Пречистенка, дом 20	российское	русский
Николай Григорьевич Кузнецов	Член ревизионной комиссии	Малая Дмитровка, собственный дом	российское	русский
Григорий Григорьевич Кузнецов	Член ревизионной комиссии	Малая Дмитровка, дом 18	российское	русский
Пётр Александрович Герасимов	Член ревизионной комиссии	Малая Дмитровка, дом 12	российское	русский

Из этого списка оба кандидата в директора – Я.Г. Долбышев и А.В. Лапин – считались крупнейшими специалистами российского чайного дела. И тот и другой службу в фирме начали ещё при А.С. Губкине [5, с. 40-41]. Первый поступил в 1877 г., второй – в 1881-м. Именно Я.Г. Долбышев, уроженец г. Великий Устюг, с 1880 по 1883 г. жил в Китае, где отвечал за транспортировку чая от Печелийского залива (Бохайвань) до Монголии. Позднее он ещё дважды командировался фирмой в Китай для наблюдения за выполнением заказов на чай и за отправкой товара в Россию. Кроме этого Я.Г. Долбышев осуществлял ревизию всех так называемых «сибирских» отделений товарищества (от Перми до Кяхты). Известно, что Яков Григорьевич принял самое активное участие в подготовке книги известного российского экономиста А.П. Субботина «Чай и чайная торговля в России и других государствах» (С-Петербург, 1892), за что заслужил особую благодарность автора. Этот издательский проект был осуществлён благодаря финансовой поддержке А.Г. Кузнецова. По сведениям Г.Н. Чебыкиной, зав. отдела истории Великоустюжского музея-заповедника, Я.Г. Долбышев с 1901 по 1913 г. состоял членом правления и казначеем Императорского общества для содействия Русскому торговому мореходству, а затем был избран почётным членом общества. Также несколько лет он был гласным Московской городской думы. 31 декабря 1917 года Яков Григорьевич вышел из состава правления товарищества

«Губкин&Кузнецов», на его место заступил Всеволод Павлович Амперов, служивший до этого руководителем конторы фирмы в Калькутте [12, л. 203]

О составе пайщиков и количестве их паёв на 1914 г. информация содержится ещё в одном документе из Российского государственного исторического архива (С-Петербург) [8, л. 40]. В списке указаны: Ушков Константин Капитонович (3 пая), Ушков Михаил Константинович (76), Ушков Алексей Константинович (81), Ушков Григорий Константинович (24), Наумова (Ушкова) Анна Константиновна (75), Кусевицкая (Ушкова) Наталия Константиновна (120), Кузнецова Анна Ивановна (35), Кузнецова Елизавета Григорьевна (76), Кузнецов Николай Григорьевич (75), Кузнецов Григорий Григорьевич (75), Амилахвари (Кузнецова) Анна Григорьевна (75), Кузнецова (впоследствии Де-ла-Торре) Александра Григорьевна (76), Бек-Мармарчева (Кузнецова) Наталья Григорьевна (76), Владимиров Александр Ефимович (43), Лепихин Николай Иванович (2), Маркина Людмила Ивановна (1), Маркин Александр Васильевич (1), Долбышев Яков Григорьевич (2), Сыромятников Сергей Иванович (2), Герасимов Пётр Александрович (2), Лапин Андрей Васильевич (2). Также часть паёв (76) находилась в общем пользовании Ушковых-младших и 2 пая принадлежали Алатырской городской управе по завещанию И.А. Баушкина.

Когда в 1917 г. по постановлению общего собрания пайщиков и с разрешения Министерства торговли и промышленности произошло увеличение основного капитала товарищества, то было выпущено 500 дополнительных паёв на сумму в 5 млн. руб. [12, л. 2]. Их приобрели пайщики фирмы: А.И. Кузнецова, Н.Г. Бек-Мармарчева (Кузнецова), Е.Г. Кузнецова, А.Г. Амилахвари (Кузнецова), Н.Г. Кузнецов, Г.Г. Кузнецов, А.Г. Де-ла-Торре (Кузнецова), К.К. Ушков, Г.К. Ушков, М.К. Ушков, А.К. Ушков, А.К. Наумова (Ушкова), Н.К. Кусевицкая (Ушкова), А.Е. Владимиров, Н.И. Лепихин, С.И. Сыромятников, Я.Г. Долбышев, А.В. Лапин, П.А. Герасимов, наследники А.В. Маркина, Алатырская городская управа.

В 1918 г. после национализации в России предприятий и акций товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» большинство его пайщиков покинули страну, жили во Франции и в Греции. Деятельность фирмы была продолжена благодаря наличию заграничных контор и фабрики «Синтай» в Ханькоу, а также средств на счетах в зарубежных банках [11, л. 86 об.-87]. Правда, поставки чая уже не затрагивали российский рынок.

Таким образом, можно говорить о том, что товарищество «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» представляло динамически развивавшееся дело, специалисты которого успешно справлялись как с внешними, так и с внутренними переменами и потрясениями. В том, что фирма смогла не только занять лидирующее положение на чайном рынке Российской империи, но и удерживать его на протяжении четверти века, велика заслуга правления товарищества во главе с А.Е. Владимировым.

** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №17-21-21002: «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX века по начало XX века. По материалам российских и китайских архивов».*

**Acknowledgments: The research is financially supported by RFFI, project № № 17-21-21002, «The history of russian-chinese tea trade in the central and the south-western provinces of China from the middle of the XIXth century to the beginning of the XXth century».*

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. ГАСО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 15. 133 л.
2. ГАСО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 16. 170 л.
3. ГАСО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 28. 227 л.

4. Дмитриев А.А. А.С. Губкин // Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. – Пермь, 1902. – Вып. I. – 48 с.
5. Исторический опыт двадцатипятилетней деятельности торгово-промышленного товарищества Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К°. 1891-1916.- М.,1917.- 96 с.
6. Кунгурский городской архив (КГА). Ф. 288. Оп. 1. Д. 147. 64 л.
7. РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 86. 88 л.
8. РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 637-638. 61 л.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 1379. 4 л.
10. Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая. – СПб.: Тип. Север. Телеграф. Агентства, 1892. – 772 с, ил.
11. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 764. Оп. 1. Д. 31. 127 л.
12. ЦИАМ. Ф. 764. Оп. 1. Д. 39. 994 л.

Селина Светлана Александровна, студентка
Факультет международных отношений
Дальневосточный федеральный университет
selinasvetlana1998@gmail.com

Хабибулин Владимир Асхатович, к. филол. н.,
доцент кафедры международных отношений
Восточный институт - Школа региональных и международных исследований
Дальневосточный федеральный университет
khabibulin.va@dvfu.ru

КИТАЙСКИЙ РУССКИЙ МИР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

УДК 394.912

Аннотация. На сегодняшний день в Китае находится значительное число русских соотечественников. Их основными районами проживания являются Синьцзян (преимущественно города Кульджа, Тачэн, Урумчи) и Внутренняя Монголия (городской округ Хулун – Буир). Здесь можно встретить российских представителей разных социальных классов, профессий и возрастов. Формирование русских сообществ в Китае - это долгий исторический процесс, сопровождавшийся различными политическими и экономическими событиями, которые происходили в Северо-Восточной Азии на протяжении нескольких веков. В условиях глобализации всё чаще происходит взаимопроникновение национальных экономик развитых стран, усиливается их культурный обмен и взаимозависимость. В этом случае анализ причин, особенностей формирования и перспектив развития русского мира на территории Китая является важным элементом мягкой силы внешней политики России. Поэтому актуализируется вопрос о сближении исторической родины с ближним и дальним зарубежьем посредством поддержки этнокультурной общности соотечественников и укрепления роли русского языка.

Ключевые слова и фразы: Русский мир, Китай, эмиграция, мягкая сила, двустороннее сотрудничество, культурное взаимодействие, Институт Конфуция, «Русский мир».

Svetlana Selina, student
Department of International Relations
Far Eastern Federal University
selinasvetlana1998@gmail.com

CHINESE RUSSIAN WORLD IN RUSSIA'S FOREIGN POLICY

Abstract. Nowadays a significant number of Russian compatriots live in China. Their main areas of residence are Xinjiang (mainly Gulja, Tacheng, Urumqi) and Inner Mongolia (urban district Hulun - Buir). Russian representatives of different social classes, professions and ages live here. The formation of Russian communities in China is a long historical process, accompanied by various political and economic events that took place in Northeast Asia for several centuries. In the context of globalization, the interpenetration of the national economies of developed countries is increasingly occurring, their cultural exchange and interdependence is increasing. In this case, an analysis of the causes, characteristics of the formation and development prospects of the Russian world in China is an important element of the soft power of Russia's foreign policy. Therefore, the issue of the rapprochement of the historical homeland with the near and far abroad is being actualized by supporting the ethnocultural community of compatriots and strengthening the role of the Russian language.

Key words and phrases: *Russian world, China, emigration, soft power, bilateral cooperation, cultural interaction, Confucius Institute, «Russkiy mir».*

Русское присутствие в Китае – важная часть истории российского зарубежья. К наиболее ранним поселениям русских в Китае следует отнести албазинцев, миссионеров, жителей Желтугинской республики [7, с. 8]. С этого времени постоянно присутствовало небольшое русское поселение на территории Китая, которое увеличилось в период российской эмиграции. В историографии выделяют пять волн, различающихся по причинам, географической структуре, продолжительности и интенсивности [2]. В конце XIX – начале XX вв. эмиграция русских в Китай шла по различным направлениям. Была активная эмиграция русских в Северную Маньчжурию, что было связано с проектом строительства Китайско-Восточной железной дороги в 1898-1903 гг. Русские, приезжавшие в Китай, представляли различные сферы деятельности, в основном это были рабочие, торговцы, дипломаты, исследователи и моряки [13, с. 23-37]. Эмиграция из российской империи обусловлена, в основном, гонениями религиозных общин, отвергавших официальную церковь. Она была не столь значительна, как послереволюционная волна представителей интеллигенции, не желающих отождествлять себя с социализмом. Основное направление белой эмиграции – это страны Западной Европы с центрами в Праге, Берлине, Париже, Софии, Белграде. Но больше всего эмигрантов осело в китайском Харбине – по средним оценкам, к 1922 году здесь проживало порядка 200 тыс. русских [11, с. 501]. Как писал архиепископ Нафанаил (Львов), «Харбин был исключительным явлением в то время. Построенный русскими на китайской территории, он оставался типичным русским провинциальным городом в течение ещё 25 лет после революции». Далее эмигрировали бежавшие, пленные, угнанные в Германию люди после Второй мировой войны, боявшиеся вернуться в Советский Союз. Они чаще всего скрывали своё происхождение и старались «раствориться» в чужой культуре. Однако начиная с 1950х – 60х гг. и за последние десятилетия для российской эмиграции характерно стремление к сохранению русского языка и обогащению традиций русской культуры [5, с. 72-74].

Распространение русского языка в XX веке, помимо массовой эмиграции, связано с двумя историческими событиями - революцией 1917 года и Великой Победой во Второй мировой войне. После Октябрьской революции идеи социалистической ориентации получили широкое распространение у передовых слоев многих зарубежных стран, преимущественно, в Китае. Ли Дачжао - китайский революционер, один из основателей коммунистической партии Китая, ориентировавшийся на советскую модель строительства социализма, однако с определенной китайской спецификой [6, с. 172-173]. Таким образом, советский опыт продемонстрировал трудящимся во всём мире, что победивший в СССР социалистический строй обладает несравнимыми преимуществами перед капитализмом. Многие страны воодушевлялись идеями социализма и постепенно приобщались к русской культуре и к русскому языку. Постепенно стала выстраиваться социалистическая система, которая окончательно сформировалась после Второй мировой войны, где СССР занимал лидирующие позиции, что создавало новые благоприятные условия для популяризации русского языка в странах Восточной Европы и в странах Азии, поскольку все они выступали как единое целое социалистического мира.

Образованию русских сообществ в Китае, как уже было сказано выше, способствовал ряд факторов миграционного, политического и социального характера. Проблемы развития Советского Союза, обусловленные внутренними противоречиями и осложнением внешнеполитических отношений, привели к распаду СССР. В результате появления новых суверенных государств значительное число русскоязычных людей оказалось за пределами России. Революция 1917г. и последовавшие за ней социально-политические преобразования в России сопровождались массовой эмиграцией тех представителей русской диаспоры, кто не смог принять новые реалии общества. В силу того, что в национальных

республиках стали решаться вопросы возрождения своего культурного наследия, бывшие советские граждане оказались не готовыми приобщаться к быту и нравам стран проживания. Русским сообществам в Китае было достаточно сложно адаптироваться к новым традициям и языку, они стремились к сохранению собственной культуры [12].

Основным элементом осуществления данной задачи российских эмигрантов в Китае была культурная деятельность, а также сохранение русского быта и русского уклада жизни [9, с. 6-8]. Представители русского мира активно участвовали в печати периодических изданий на русском языке. Одними из самых популярных были такие издания, как «Нива», «Русское слово», «Пробуждение», «Огонек», «Вокруг света», «Русская мысль» [9, с. 20]. Создавались учебные заведения, профилями направления которых были юриспруденция, технические и экономические науки, педагогика. Осуществляли свою деятельность различные научные общества, которые занимались научным изучением Маньчжурии и китайского языка [14, с. 61-64]. В рамках харбинской русской общины существовали музыкальные школы, организовывались концерты и эстрадные выступления, очень популярна среди харбинцев была оперетта, симфонический оркестр, духовой оркестр [9, с. 56-67]. С одной стороны, многие из представителей русской диаспоры считали свое пребывание в Китае временной командировкой и не стремились ассимилироваться с местной культурой, здесь доминировало желание обогатить собственные традиции и русский быт. С другой стороны, взаимопроникновение культур в условиях глобализации было неизбежно.

Сегодня российско-китайское сотрудничество вышло на этап выгодного взаимодействия культур с сохранением специфики каждой из них. Это подтверждают различные межправительственные соглашения, составляющие основу культурных связей двух стран. Реализация программ сотрудничества в культурной области осуществляется за счёт культурных центров в России и Китае, популяризации китайского и русского языков, укрепления взаимоотношений в сфере искусства, кинематографии, радио- и телевидения [3]. К примеру, комиссия по сотрудничеству в области средств массовой информации, созданная в рамках Российской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству, координирует деятельность СМИ в России и за рубежом [10].

В российско-китайских отношениях активную позицию занимают следующие СМИ: ИТАР-ТАСС, РИА «Новости», Russia Today, «Российская газета», CCTV News (China Central Television), газета «Гуанмин жибао», агентство Синьхуа, Международное радио Китая и радиостанции «Голос России». На данный момент на территории России осуществляют вещание три китайских канала, два российских канала вещают в Китае [8]. В то же время Посольство, а также Китайское пушкинское общество, Ассоциация изучения русской и советской литературы, Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы активно занимаются популяризацией русского языка в Китае. В КНР широко отмечалось 200-летие А. С. Пушкина. Перед юбилеем было издано множество собраний сочинений великого поэта. [16] Многие китайцы знают и любят русские и советские песни, самой популярной является «Катюша». В Китае функционирует около сорока самодеятельных хоровых коллективов, которые регулярно проводят фестивали русской песни. На Пекинском телевидении еженедельно идет получасовая передача «Русские страницы», которая ретранслируется на всю страну и имеет самый высокий рейтинг среди телепередач на иностранных языках [7, с. 215 - 217].

Популяризацией русского языка в Китае активно занимаются Китайское пушкинское общество, Ассоциация изучения русской и советской литературы и Центры русского языка, открытые в Пекине и других крупных городах Китая. Китайское правительство активно содействует изучению китайского языка как иностранного и открывает по всему миру Институты Конфуция - специальные центры, в которых каждый может изучать китайский язык и культуру [4, с. 61-64]. Институты Конфуция предлагают всем желающим не только курсы китайского языка, но и возможность больше узнать о Китае. На сегодняшний день в России действует 21 Институт Конфуция от Москвы до Владивостока [18]. Китайский культурный центр в Москве и Российский культурный центр в Пекине также влияют на

укрепление сотрудничества русского мира с Китаем в области культуры [17]. Постепенно приходит чёткое осознание того, что русский мир сегодня — это не только русские, не только наши соотечественники за рубежом, эмигранты и их потомки. Это ещё и иностранные граждане, говорящие на русском языке, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее [15]. Русский мир является тем связующим звеном, который мог бы помочь современной России в укреплении её международного внешнеполитического имиджа изнутри тех стран, где находятся наши соотечественники, путём расширения культурных связей, обеспечения их законных прав и интересов. Следовательно, поддержка русского мира является одним из элементов мягкой силы нашей страны. В соответствии с этим возникла необходимость создания такой структуры, которая бы курировала данное направление внешней политики России. Так, в 2007г. был создан фонд «Русский мир» [15]. «Русский мир» обозначает основные векторы развития, осуществляет свою деятельность на постсоветском пространстве и в странах АТР, сталкиваясь при этом с многочисленными трудностями, и достичь желаемых результатов в реальных условиях становится сложнее.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Вендина О.И. Русские за рубежами России // География. Сер. 11. Миграция. 2001. №. 7. С. 73-75.
2. Голотик С.В., Зимина В.Д., Карпенко С.В. Российская эмиграция 1920-30-х гг. М., 2002.
3. Гутин И. Ю. Русские в Китае. М., 2012.
4. Завьялова О. И. Большой мир китайского языка. М.: Восточная литература, 2010. 287 с.
5. Казачун Г.А., Хабибулин В.А. Русские канадцы: на пути интеграции и самоидентификации // Владивосток - точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы международной научной конференции. 6-8 октября 2014 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. С. 69-77.
6. Китайская философия: Энциклопедический словарь. М., 1994. 652 с.
7. Курто О. И. Русский мир в Китае: исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука - Вост. лит., 2013. 375 с.
8. Маградзе Р. Образ Китая на «CGTN Русский».//Теле-Спутник. 2010.
9. Мелихов Г. В. Белый Харбин: середина 20-х. М., 2003.
10. МИД РФ. Интервью Посла России в КНР А.И. Денисова. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/about/professional_holiday/news/-/asset_publisher/15UF6lkPfgKO/content/id/969013 (Дата обращения: 14.02.2019)
11. Непомнин О. Е. История Китая. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. 722 с.
12. Потапова И. В. Национальные праздники как способ национального единения в «русском» Китае //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1.
13. Ставров И. В. Тенденции демографического развития неханьских национальностей Северо-Восточного Китая (начало XXI века) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 4 (170). 148 с.
14. Ставров И. В. Реализация национальной политики КПК в Северо-Восточных провинциях КНР. Владивосток, 2003.
15. Фонд «Русский мир». [Электронный ресурс]. URL: <https://ruskiymir.ru> (Дата обращения: 18.02.2019)
16. Цзюй Хайна. Творчество А.С. Пушкина в Китае // Современные гуманитарные исследования. 2010. №2.
17. 新华网. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.news.cn/> (Дата обращения: 10.02.2019)

18. China Campus Network. [Электронный ресурс]. URL: <https://foundation.chinacampus.ru>
(Дата обращения: 21.02.2019)

Семенчук Константин Анатольевич, магистрант
Кафедра всеобщей истории
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
terraestsphaera@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И.Я. КОРОСТОВЦОМ ПОВЕДЕНИЯ ДЕРЖАВ В КИТАЕ ВО ВРЕМЯ “БОКСЕРСКОГО КРИЗИСА”

УДК 327.2

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация известным русским дипломатом И.Я. Коростовцом образа действий иностранных держав во время «боксерского кризиса». Коростовец конструирует текст, соответствующий архетипической схеме трагедии, с органицистской формой доказательства. Таким образом, совокупность разрозненных событий неизбежно ведет к закономерному итогу – утрате Россией влияния на Дальнем Востоке. В повествовании И.Я. Коростовца все произошедшие события встраиваются в некую общую объяснительную модель, ценность которой заключается в том, что она построена непосредственным участником происходивших событий и дает возможность проследить особенности восприятия произошедшего глазами очевидца.

Ключевые слова и фразы: Боксерское восстание, боксерский кризис, восстание ихэтуаней, Россия на Дальнем Востоке, И.Я. Коростовец.

Konstantin Semenchuk, master's student
Department of General History
Omsk State University of F.M. Dostoevsky
terraestsphaera@gmail.com

REPRESENTATION BY I.Y. KOROSTOVETS BEHAVIOR OF POWER IN CHINA DURING “BOXING CRISIS”

Abstract. The article considers the representation of the actions of foreign powers during the «boxing crisis» by famous Russian diplomat I.Y. Korostovets. Korostovets constructs a text corresponding to the archetypical scheme of the tragedy, with an organicist form of proof. Thus, the totality of disparate events inevitably leads to a natural result — Russia's loss of influence in the Far East. In the narration of I.Y. Korostovets all the events that took place are embedded in some general explanatory model, the value of which lies in the fact that it was built by a direct participant in the events that took place and makes it possible to trace the peculiarities of perception of the events through the eyes of an eyewitness.

Key words and phrases: Boxing rebellion, boxing crisis, ihetouan uprising, Russia in the Far East. I.Y. Korostovets.

У китайцев было мало веры в милосердие «заморских чертей»
И.Я. Коростовец

В современной отечественной историографии «восстание ихэтуаней» является темой недостаточно разработанной. Во многом это объясняется тем, что исследования, касающиеся данного вопроса, в основном посвящены внешнеполитическим аспектам проблемы, при этом довольно мало уделяется внимания тому, как непосредственные свидетели интерпретировали данные события, как они встраивали в свой «жизненный мир» пережитый

опыт, каким образом производилась репрезентация пережитого. И в связи с этим крайне интересными являются воспоминания одного из очевидцев событий – И.Я. Коростовца.

Основным источником данной работы являются воспоминания И.Я. Коростовца «Россия на Дальнем Востоке», написанные уже в эмиграции и изданные в 1922 г. в типографии Русской Духовной Миссии в Пекине. Через год в той же типографии был переиздан его дневник, посвященный русско-японским переговорам в Портсмуте, который в 1918 г. уже издавался в журнале «Былое». В целом, эти две работы неслучайно идут в такой последовательности. Они достаточно хорошо взаимодополняют друг друга. Однако воспоминания «Россия на Дальнем Востоке» опубликованы лишь частично. В советское время эти воспоминания не обращали на себя должного внимания со стороны историков. Например, в масштабном библиографическом исследовании «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П.А. Зайончковского, в разделе посвященном «боксерскому восстанию», данная работа отсутствует [3, с. 257-266], на эту работу также не ссылается в своей монографии «Восстание Ихэтуаней (1898-1901)» Н.М. Калюжная [4, с. 335-340]. В постсоветский период ситуация несколько улучшается, нам удалось найти не менее 16 диссертаций отечественных исследователей, ссылающихся в своих работах на данный источник. Причем в большинстве своем именно на сокращенный вариант, реже на полный, который хранится в Архиве внешней политики Российской империи. Однако в этих работах не рассматривается репрезентация И.Я. Коростовцом поведения держав во время «боксерского кризиса», чаще всего этот источник привлекают для рассмотрения политики Российской империи на Дальнем Востоке или событий, связанных с восстанием ихэтуаней. Восполнению этого «пробела» и посвящена данная работа.

Иван Яковлевич Коростовец – русский дипломат, а также автор книг и статей о Китае. Родился в 1862 г. в семье дворян Полтавской губернии. Детство его прошло в Одессе, здесь же произошло и его первое поверхностное знакомство с С.Ю. Витте [7, с. 21], с которым в будущем ему предстояло работать в Портсмуте. Благодаря отцу – агенту «Русского общества пароходства и торговли», по долгу службы много времени проводившего в Стамбуле, юному И.Я. Коростовцу удалось побывать не только в столице Османской империи, но и в Египте и Малой Азии [9, с. 37].

После начала русско-турецкой войны Ивана определили в императорский Александровский лицей, где, по его словам, он стал «забубенным кутилой, и несколько раз рисковал изгнанием» [цит. по: 9, с. 37], тогда же в лицейский период он стал задумываться о карьере дипломата.

Жалование в МИДе платили не самое высокое, например, И.Я. Коростовец получал всего 400 рублей в год [2, с. 77] что может положительно свидетельствовать о его нематериальной заинтересованности в данной службе, и здесь стоит также отметить тот факт, что он до назначения в Китай занимался турецкими, греческими и румынскими делами. Это в свете профессиональных занятий его отца вполне логично. В Китай и Пекин Коростовец попал случайно, в результате отказа от этой должности другого кандидата.

1 мая 1890 г. Иван Яковлевич был назначен вторым секретарем дипломатической миссии в Пекине, где прослужил до 1894 г. В это время он опубликовал в русских журналах ряд статей о различных сферах общественной жизни китайцев. В 1898 г. было издано довольно объемное исследование «Китайцы и их цивилизация», в котором, по словам И.Я. Коростовца, он постарался «исправить несколько смутные представления... соотечественников» о Китае [5, с. 21]. Отсюда можно сделать вывод, что Иван Яковлевич уже тогда был человеком в достаточной степени осведомленным по части общественного и политического состояния Китая, а также деятельности представителей иностранных держав, которым в данной работе уделяется довольно много внимания.

Однако задержаться в Китае ему не удалось, он был переведен на должность секретаря миссии Российской империи в Рио-де-Жанейро, а с 1896 г. в Лиссабон. Как писал студент-переводчик русской дипломатической миссии в Пекине А.Т. Бельченко: «Время пребывания

И.Я. Коростовца в Пекине было... очень тяжелое...» [Цит. по: 2, с. 80], осложнилось оно видимо конфликтом с российским посланником графом А.П. Кассини. Сам И.Я. Коростовец причину перевода объяснял в своих мемуарах «Доброе старое время» следующим образом: «В молодые годы я был очень склонен к критике, и не прочь был подтрунить над начальством. Я имел неосторожность пошутить над тщеславием и манией величия нашего шефа...» [Цит. по: 9, с. 42], в результате чего И.Я. Коростовец был выдворен из Пекина в Чифу, где и ожидал нового назначения в Рио-де-Жанейро.

Вернулся Иван Яковлевич в Китай в 1899 г., когда был назначен чиновником по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области. В июне 1900 г. его направили с походным штабом вице-адмирала Е.И. Алексеева под Тяньцзинь [10, с. 259]. С этого момента и начинается основное повествование в воспоминаниях И.Я. Коростовца «Россия на Дальнем Востоке».

В отрывке из мемуаров «Доброе старое время», приводимом в статье Е.И. Нестеровой, И.Я. Коростовец писал: «Почему же, подумал я, и мне не внести свою лепту в этот ворох самообмана, самообольщения, самооправдания. Пусть современник и потомки узнают о бренности и бесцельности всего существующего» [Цит. по: 9, с. 36-37]. Данный отрывок весьма ярко свидетельствует о пессимизме автора. Вероятно, это можно экстраполировать и на воспоминания «Россия на Дальнем Востоке», не случайно эпиграфом к книге он выбрал фразу Вольтера: «История есть лишь картина преступлений и несчастий».

И.Я. Коростовец во вступлении отмечает, что старается в первую очередь отразить свой взгляд на «боксерский кризис», взгляд человека осведомленного о видах и планах правительства на Дальнем Востоке [6, с. 6]. В данной работе нас интересует в первую очередь его взгляд на образ действий иностранцев во время подавления восстания ихэтуаней, а также на их поведение уже в качестве победителей.

Говоря о воинских контингентах держав в Китае, И.Я. Коростовец акцентирует внимание на двух аспектах: «доблесть, храбрость» и «дисциплина». Так, говоря об американцах, он пишет, что те дисциплиной не отличались и были похожи на «лихих коубоев» [6, с. 38]. Американские военные активно занимались грабежами местного населения.

Про англичан он писал, что те «проявили обычную английскую доблесть». Он также отмечал хорошую организацию английского руководства на оккупированных территориях, говоря о том, что английская администрация быстро предприняла ряд мер против мародеров, как, например в Тяньцзине, после чего грабежи прекратились [6, с. 40]. Английское командование организовывало регистрацию захваченного имущества для последующей перепродажи на публичных аукционах, вырученные деньги же разделялись между солдатами [6, с. 89]. И этот момент в его повествовании сильно контрастирует с относительно свободной продажей награбленного в русском лагере, а также невозможностью или нежеланием русского военного руководства прекратить это явление [6, с. 133]. В целом, английские войска предстают в описании И.Я. Коростовца наиболее дисциплинированными и организованными.

Характеризуя японцев, Коростовец подчеркивает: «Японцы поразили меня необыкновенной дисциплиной и фаталистическим бесстрашием» [6, с. 38]. Он особенно отмечал, что на оккупированных территориях «больше всего порядка наблюдалось у японцев», сумевших вернуть некое подобие мирной жизни на своих территориях [6, с. 89]. Кроме того, им неоднократно подчеркивалось наличие у Японии самых точных сведений касательно местных дел. При этом японские войска также показали большую организованность в «грабеже». На страницах «России на Дальнем Востоке» приводится единственный случай, подходящий под это определение, – конфискация казначейства соляного даотая [6, с. 40]. В целом же, как пишет Иван Яковлевич: «все действия японцев отличались гораздо большею планомерностью...» [6, с. 89].

Менее благоприятные характеристики автор «России на Дальнем Востоке» дает русским и немецким представителям. Последние, по словам И.Я. Коростовца: «собрались

воевать не на шутку и не давать пощады Китаю... германцы должны отомстить за смерть барона Кеттлера и дать урок желтым» [6, с. 64]. Однако конкретных сюжетов, касательно того, какие именно «уроки» давали «желтым», у Коростовца не приводится, акцент смещается в сторону взаимодействия Германии и других союзников с Российской империей. Однако в целом отношение немецких офицеров и гражданских служащих к китайцам можно охарактеризовать как шовинистическое [6, с. 32] и откровенно враждебное [6, с. 96].

Весьма подробную характеристику действий на оккупированных территориях Коростовец дает представителям Российской империи. И тут повествование строится вокруг одной из центральных идей: по мнению, И.Я. Коростовца, одна из причин падения русского господства на Дальнем Востоке заключалась в разногласиях между гражданским и военным управлениями, а также соперничеством между морским и военным штабами [6, с. 5]. Попытка доказать верность данного тезиса выливается в описание серии внутренних конфликтов, а следовательно, и в описание проблем во взаимодействиях между: высшим командным составом и офицерами, офицерами и солдатами; военными и гражданскими представителями. И эти внутренние конфликты негативно сказываются, в интерпретации И.Я. Коростовца, на взаимодействиях представителей Российской империи с союзниками и местным населением.

Исходя из повествования, можно сделать вывод, что высший командный состав русской армии не является однородным. Весьма примечателен один из образов, который конструирует Коростовец. Он, используя антитезу, описывает встречу вице-адмирала Алексева в русском лагере. В этом сюжете Коростовец довольно ярко противопоставляет генерала А.М. Стесселя, гардевавшего на сером коне, в блестящем мундире, и генерала Анисимова «в затасканном кителе, сидевшем на шершавой казацкой лошаденке» [6, с. 30]. При этом завершает данный сюжет фразой о том, что офицеры генерала А.М. Стесселя не любили, что еще более усиливает негативную коннотацию. Кроме того, существовали серьезные разногласия между вице-адмиралом Е.И. Алексеевым и военным министром генералом А.Н. Куропаткиным.

Сам духовный уровень русского офицерства описывается также в довольно негативном ключе. Коростовец противопоставляет образ жизни матросов и офицеров. Он пишет о том, что, с одной стороны, матросы были лишены свободы и разумных развлечений, а с другой, что офицерам жилось относительно хорошо, не только материально, но и духовно, однако, как отмечает Коростовец, многие из них «очень жалели о гостеприимном Нагасаки с его чайными домами и гейшами» [6, с. 25]. Данным уточнением еще больше подчеркивая взаимную отчужденность этих слоев и, вероятно, оправдывая поведение рядовых солдат в завоеванной стране тем, что «никакого нравственного или просветительного влияния старших на младших, по видимому, не оказывалось» [6, с. 25].

При этом, если совместить описанный выше сюжет, с описанием осмотра императорского дворца, то получится картина довольно последовательная: «Для осмотра – что здесь, по видимому, модное развлечение – собралось около ста человек, преимущественно офицеров... Комната, где хранились Богдыханские регалии... подверглась основательному разгрому... Я заметил, что карманы моих спутников заметно оттопырились – недаром некоторые из них надели пальто и плащи, несмотря на жаркую погоду» [6, с. 84-85]. Вышеприведенная цитата со всей очевидностью демонстрирует, что воровство было делом обычным и среди офицеров. Примечательно, что все это происходило в присутствии генерала Н.П. Линевича и вице-адмирала Е.И. Алексева, которые с этим не могли ничего поделать [6, с. 86]. Однако чаще всего высшее командование вообще не обращало на воровство и грабежи никакого внимания. По словам Коростовца, Е.И. Алексеев знал, что русские военные снаряжают экспедиции для сбора контрибуций с мирных жителей, однако «не хотел раздражать Куропаткина и смотрел на это дело сквозь пальцы» [6, с. 133]. Это снова отсылает читателя к тезису о серьезной разбалансированности внутри русской армии (конкретно морского и военного штабов).

Обычные солдаты занимались грабежами точно также, как и офицеры, продавая награбленное в тайне от последних. «У них [солдат. – К.С.] можно было приобрести кое-что за сходную цену; соотечественникам они, впрочем, не продавали, боясь своих офицеров, ибо продажа награбленного запрещена» [6, с. 86]. Точно так же, как и высшее командование не могло установить дисциплину среди офицеров, сами офицеры не могли установить дисциплину среди солдат. Сведения Коростовца подтверждаются и весьма интересным свидетельством очевидца осады в Пекине миссионера Авраамия: «Мародерство быстро развилось так, что брали без зазрения совести все, что плохо лежит... Только русские, как всегда, несколько пересаливали...» [1, с. 99].

При этом грабежи со стороны русских войск чаще всего сопровождались уничтожением награбленного имущества. По этому поводу весьма примечателен приводимый И.Я. Коростовцом разговор с конвойным казаком Поповым: «Грабить, по его мнению, не только можно, но должно, ибо добро – неприятельское, но он не одобрял уничтожения имущества, к чему проявляли особую склонность наши солдаты» [6, с. 41]. Но это мнение скорее исключение. Уничтожение же имущества происходило по причине того, что солдаты не имели представления о ценности попавших к ним в руки вещей: «наши воины, впрочем, интересовались более вещественными предметами, вроде часов, мехов... Не понимая толку в художественной китайщине, наши солдаты, если им попадала такая вещь, спешили уступить ее за бесценок кому-нибудь из иностранцев» [6, с. 86]. Что еще раз свидетельствует о низком морально-нравственном уровне не только простых солдат, но и офицеров. Последние смотрели на уничтожение награбленного имущества весьма спокойно. К примеру, офицер, у которого обедал И.Я. Коростовец, невозмутимо заметил, что: «...денщики перебили много старой посуды [тарелки эпохи Канси и Цяньлуна. – К.С.]» [6, с. 86]. Эпизодов грабежей и порчи имущества встречается довольно много. Повествование Коростовца по своему смыслу совпадает с замечанием миссионера Авраамия: «Сначала сами офицеры посылали солдат на грабеж, а теперь нет возможности удержать их; дисциплина пала» [1, с. 65-112].

Что касается отношений между военными и гражданскими чинами, то здесь мы снова можем видеть взаимную отчужденность, как замечает И.Я. Коростовец: «Приходилось слышать обидные замечания насчет того, что наше присутствие излишне, ибо теперь война, а не мир» [6, с. 27]. При этом Иван Яковлевич вслед за этим отмечает, что американские (!) моряки старались развлечь гражданских беженцев из Тяньцзиня, устраивая им концерты и танцы [6, с. 27] и это опять же сильно контрастирует с русскими военными. И.Я. Коростовец пишет: «Особенно много хлопот причиняли нам военные власти со своими, часто не исполнимыми приказами и требованиями» [6, с. 63]. Не менее примечательно выглядят и обвинения русскими офицерами посланника М.Н. Гирса в том, что он после снятия осады дипломатических дворов в Пекине «не дал обеда в честь своих избавителей» [6, с. 67]. Что касается грабежей, то ими «не брезговали будто бы и дипломаты, успевшие составить довольно ценные коллекции...» [6, с. 89]. Что, в принципе, соответствует замечаниям других очевидцев о том, что многие европейцы и в мирное время не самыми честными путями составляли себе коллекции [8, с. 255].

Наиболее озлобленными по отношению к китайскому населению оказались гражданские служащие, которые пережили осаду в Пекине. Коростовец пишет, что военным приходилось сдерживать «кроважидные стремления» штатских переживших осаду [6, с. 92], «подобно тому, как краснокожие индейцы когда-то гордились добытыми скальпами, так и пекинские заключенные хвастались числом своих жертв и потрясали оружием» [6, с. 91]. Это подтверждается и другими источниками. Например, вышеупомянутый свидетель осады миссионер Авраамий писал о том, что одному из пойманных «боксеров» «чуть ли не все представители европейских Дворов собственноручно дали... по хорошей затрещине, а о простых смертных, о солдатах и говорить нечего» [1, с. 65-112].

Военные использовали китайцев на различных работах, например, заставляли тянуть лодки, в случае же неповиновения наказывали. Иван Яковлевич писал: «Мне пришлось

видеть довольно таки жестокою сцену, как несколько лодочников, пытавшихся бежать, было расстреляно» [6, с. 94]. Кроме того, он отмечал, что среди офицеров настроение было «довольно шовинистическое». Высшее же руководство, например, генерал К.В. Церпицкий смотрел даже на крупных китайских чиновников как на военнопленных [6, с. 47, 101], а китайцев рангом ниже по малейшему подозрению в сочувствии боксерам подвергал телесным наказаниям [6, с. 94]. Такое поведение и такой взгляд на китайцев характерен для всех русских воинских контингентов, участвовавших в подавлении боксерского восстания. Если брать мнения рядовых солдат, то стоит еще раз отметить уже приводимый выше разговор И.Я. Коростовца с конвойным казаком Поповым: «По его определению, китайцы взбунтовались, и наш Царь приказал их наказать. Он невысоко ценил доблесть китайских солдат, считая, что они сильны лишь своей численностью» [6, с. 41]. Вполне возможно, что и остальная масса солдат не вполне понимала цель их пребывания в Китае. И это несмотря на то, что высшее командование старалось внушить солдатам, что цель их пребывания в Китае – это охрана «русской колонии от мятежников» [6, с. 17].

К чему это все приводило? С одной стороны, высшее руководство и министерство иностранных дел Российской империи всячески подчеркивало, что войска введены для защиты русских подданных и должны поддерживать китайское правительство вместе с другими державами в борьбе с мятежниками [6, с. 16]. Однако на деле это все превратилось в карательную экспедицию, в которой грабежам, убийствам и поджогам подвергались абсолютно все слои китайского общества. К примеру, описывая свое пребывание в Тяньцзине после взятия его союзниками, И.Я. Коростовец писал: «... прохожих не видно, только патрули... маршировали перед домами... среди военных преобладали русские офицеры и солдаты». Ниже он повествует о сумевших спрятаться в подвале Русско-Китайского банка, охраняемого французскими солдатами, китайцах, которые «не выходили, боясь союзников, которые ожесточились и убивали без разбора всех китайцев» [6, с. 31].

Если смотреть на представленную И.Я. Коростовцом картину, то нельзя упускать из поля зрения озвученный ранее центральный тезис его работы. И.Я. Коростовец пытается дать объяснение причин падения влияния России на Дальнем Востоке. Поэтому, если пользоваться концепцией Хейдена Уайта, представленной в его работе «Метаистория», построение сюжета в данном источнике соответствует архетипической схеме трагедии с органицистской формой доказательства, когда совокупность разрозненных событий неизбежно ведет к утрате влияния России на Дальнем Востоке.

Поэтому вполне логично, что Коростовец описывает русскую армию в довольно неприглядном виде. Общая смысловая нагрузка должна подводить читателя к признанию верности его тезиса. При этом много внимания уделяется действиям Японии и Англии, которые положительно выделяются на фоне действий Российской империи. Если обобщить, то получается, что Коростовец конструирует образ, с одной стороны, «хаотичных», грубых и несвязных действий представителей Российской империи, а с другой - четко слаженной и планомерной колониальной политики Англии и Японии. И эта несвязность действий как раз и проявлялась в низкой дисциплине солдат и офицеров, в слабой вертикальной соподчиненности отдельных частей русской армии.

И.Я. Коростовец в своей работе мало симпатизирует русским офицерам, занимающимся воровством, еще меньше симпатии он испытывает по отношению к солдатам, занимавшимся грабежом или уничтожением присвоенного имущества. К последним он относится даже с некоторым снисхождением. Описание этих сюжетов нашим автором чаще всего сопровождается негативной коннотацией, что может свидетельствовать о наличии довольно серьезного «культурного разрыва» между военными и штатскими служащими (представителем последних и являлся И.Я. Коростовец). Что возможно, отчасти, и было причиной той розни между военными и гражданскими управлениями, приведшей к столь плачевным для Российской империи последствиям.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Авраамий. Пекинское сидение // Христианское чтение. 1901. №1. С. 65-112.
2. Батхайсан О. Уполномоченный императорского правительства в Монголии в августе 1912 г. Иван Яковлевич Коростовец // Вестник Бурятского научного центра российской академии наук. 2013. № 4. С. 77-87.
3. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. М., 1983. Т. 4. Ч. 1.
4. Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898-1901). М., 1978.
5. Коростовец И.Я. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1898. С. 4.
6. Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922.
7. Коростовец И.Я. Страница из истории Русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник И.Я. Коростовца, секретаря Графа Витте. Пекин, 1923.
8. Корсаков В.В. В старом Пекине. Очерки из жизни в Китае. СПб., 1904.
9. Нестерова Е.И. Воспоминания И.Я. Коростовца как источник по истории русской миссии в Пекине (1890-е гг.) // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния (Материалы международной заочной научно-практической конференции). 2013. С. 36-42.
10. Хохлов А.Н. Российский дипломат И.Я. Коростовец и его роль в подготовке цицикарского протокола 1911 г. // Общество и государство в Китае. 2012. №42-2. С. 259-275.

Смертин Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор
Кафедра зарубежного регионоведения и дипломатии
Кубанский государственный университет
usmer@hotmail.com

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО И ЦИНСКИЙ КИТАЙ В ПРИАМУРЬЕ: КОНТАКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII В.)

УДК 94 (5)

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме взаимоотношений России и Китая в период их первого столкновения на Дальнем Востоке. Оба актора ко второй половине XVII в. не обладали достаточной информацией о намерениях и цивилизационных особенностях друг друга, что делало их политику в Приамурье импульсивной и в большой степени ситуативной. Россия, продвигавшаяся на Дальний Восток, надеялась сделать этот регион своей ресурсной базой. Маньчжурская династия Цин рассматривала народы, населявшие Приамурье, как ближних варваров, обязанных платить дань Поднебесной империи и находиться в ее политической орбите. Непонимание целей соперника и кардинальные культурные отличия приводили к конфликтам разного масштаба. Исходя из политической и экономической целесообразности, России пришлось временно отказаться от своих амбиций в регионе, но за это время был накоплен опыт взаимоотношений двух держав, определявших свое место в мире.*

***Ключевые слова и фразы:** Россия, Цинская империя, Приамурье, Албазин, Нерчинский договор.*

Yuri Smertin, *Doct. Sc. in History, Professor*
Department of Foreign Regional Studies and Diplomacy
Kuban State University
usmer@hotmail.com

MOSCOW KINGDOM AND QING CHINA IN THE AMUR REGION: CONTACT OF CIVILIZATION (THE SECOND HALF OF THE 17th CENTURY)

***Abstract.** The article is devoted to the problem of relations between Russia and China during the period of their first collision in the Far East. By the second half of the 17th century both actors did not have enough information about the intentions and civilizational features of each other, which made their policy in the Amur region impulsive and largely situational. Russia, moving to the Far East, hoped to make this region its resource base. The Manchu dynasty of Qing considered the peoples who inhabited the Amur region as near barbarians, obliged to pay tribute to the Celestial Empire and to be in its political orbit. Misunderstanding of the opponent's goals and cardinal cultural differences led to conflicts of different scale. Based on the political and economic expediency, Russia had to abandon temporarily its ambitions in the region, but during that period, the experience of relations between the two powers, which then determined their place in the world, was accumulated.*

***Key words and phrases:** Russia, Qing Empire, Amur Region, Albazin, Nerchinsky Treaty.*

В начале 1640-х гг. русские землепроходцы появились в бассейне Амура, на территории, на которую претендовали маньчжуры, начавшие в то время завоевание Китая. К середине XVII в. они достигли Охотского моря, перешли Амур и преодолели пролив, отделявший Азию от Америки. В результате Россия приобрела постоянный выход к Тихому

океану. В это время маньчжуры завершили завоевание Китая.

К середине XVII в. население Приамурья составляло примерно 32 тыс. чел., населявших верхнее, среднее и нижнее течение Амура [5, с. 15-16]. Соответственно, это были монголоязычные земледельцы, которых русские называли даурами, тунгусские племена, известные как дючеры, а также нанайцы, ульчи и нивхи. Эти народы признавали китайский суверенитет в XV в., но кризис династии Мин в XVI в. изменил политическую ситуацию в этом регионе. В 30-х гг. XVII в. маньчжурам пришлось подчинять дауров и дючеров; часть их переселили в долины рек Сугари и Нонни (левый приток Сунгари), что облегчило в недалеком будущем проникновение в Приамурье России.

Российская экспансия в Сибири шла двумя путями – вдоль речных систем и между ними. Движение по северному направлению не встречало серьезного сопротивления местного населения вплоть до Якутии. На южном пути приходилось встречаться с сопротивлением остатков Монгольской империи на окраинах Центральной Азии и северных отрогах Алтайской и Саянской горных цепей. В 1632 г. был основан Якутск, ставший форпостом дальнейшей российской экспансии в регионе. В Забайкалье сходную роль играл Верхнеудинск. Проникновение в Приамурье осуществлялось из этих укрепленных пунктов.

Одной из причин заинтересованности России в Приамурье было расширение ресурсной базы. Нехватка продовольствия сильно ощущалась в Восточной Сибири. Из-за отсутствия свежих фруктов и овощей колонисты болели цингой, пеллагрой и авитаминозом. Частые неурожай зерновых вынуждали людей есть траву, корни диких растений и т.п. [14, с. 223]. На фоне периодических голодовок в Якутске имели широкое хождение рассказы о «Даурии», земле, где в плодородных долинах пшеница дает обильные урожаи, в горах много серебра, а в лесах – пушнины. Для проверки этих сведений в 1643 г. первый якутский воевода Петр Головин отправил экспедицию во главе с Василием Поярковым, доказавшим свою эффективность в предшествующем году беспощадным подавлением восстания якутов, недовольных намерением Головина переписать их для взимания ясака (налога пушнинной) [4, с. 88].

От Лены казаки Пояркова прошли к р. Алдан, пересекли Становой хребет и спустились к Зее и Амуру. Путешествие было трудным. По пути Поярков пытался заставить местные племена платить дань русскому царю. Когда одно из поселений дючеров отказалось платить ясак, он казнил десятки жителей, включая вождя и всю его семью. В январе 1644 г. зимовье казаков было осаждено даурами. Казаки голодали, им приходилось есть кору деревьев, смешанную с мукой, и даже трупы нападавших на острог дауров [3, с. 60]. Пройдя по Амуру до его устья, Поярков вернулся в Якутск. Путешествие длилось три года, 80 человек из 132 погибли от болезней, холода, недоедания и стычек с аборигенами [7, с. 112-126]. Вернувшись в Якутск, Поярков заявил, что, хотя местные племена платят ясак южному хану (маньчжурскому императору), Даурия может быть захвачена силами 300 человек [2, с. 9].

За Поярковым последовал Ерофей Хабаров, бывший архангельский крестьянин, ставший сибирским купцом. Полностью разорившись, он в 1648 г. попросил у якутского воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова, пришедшего на смену Головину, отправить его во главе отряда казаков в Даурию. Разрешение и необходимое снаряжение было предоставлено. Экспедиция, в которой участвовали 21 казак и 107 промысловиков, в 1649 г. достигла Даурии. Хабаров три года собирал ясак методами, опробованными Поярковым; только в одном случае он убил 661 даура. Местное население, напуганное действиями казаков, покидало места своего обитания и переходило на правый берег Амура под защиту маньчжурских властей [2, с. 11]. В 1651 г. Хабаров захватил на левом берегу Верхнего Амура селение даурского вождя Албазы и укрепил его. Так было положено начало будущему Албазину.

По следам Пояркова и Хабарова пошли казаки, крестьяне, промысловые люди, купцы, охотники, беженцы и бродяги в поисках земли, свободы и лучшей жизни. Они построили несколько небольших крепостей вниз по течению р. Амур. Нерчинский острог, основанный в 1654 г., стал административным центром по сбору ясака с дауров и главными воротами к региону Амура на следующие 30 лет.

Китай в это время тоже интересовался Приамурьем, что определялось несколькими обстоятельствами. Во-первых, согласно традиционной политической догматике, ближние варвары обязаны платить дань Поднебесной империи, а Даурия находилась вблизи исторической родины маньчжуров. Во-вторых, обострилась ситуация в Монголии, где цинская династия пыталась подчинить сопротивлявшиеся племена, часть из которых контактировала с русскими. В-третьих, Москва предпринимала настойчивые попытки наладить сухопутную торговлю с Китаем через Центральную Азию и Монголию. Бассейн Амура становился ареной столкновения двух экспансирующих держав, ни одна из которых не понимала полностью цивилизационных особенностей соперника.

Вначале Цины пообещали Москве разрешить проезд русских купцов в Поднебесную в обмен на уход с северо-востока, ошибочно полагая, что Москва уже установила контроль над Даурией и обратило ее население в своих подданных [15, с. 162]. Это предложение не нашло ответа. Тогда маньчжуры прибегли к силе; их армия атаковала остроги, расположенные вдоль Амура, и в 1658 г. уничтожила отряд Степанова, убив его и захватив в плен около 200 чел. [11, с. 19]. После этого маньчжуры ушли из региона, переселив значительное число дауров и дючеров на свою территорию, не полагаясь на их лояльности. И вновь маньчжуры просчитались. В течение следующих 20 лет около 4 тыс. крестьян, ссыльных, бродяг и бунтовщиков пришли в Даурию. Казаки, бежавшие на Амур после восстания против илимского воеводы, овладели заброшенным после ухода Хабарова Албазином в 1665 г. и оказывали открытое неповиновение Нерчинску. Они собирали на Амуре ясак и отправляли его в Москву, добиваясь царского прощения, что, в конце концов, и произошло [5, с. 35]. В 1672 г. туда был назначен представитель Москвы, а через 10 лет было образовано Албазинское воеводство во главе с Алексеем Толбузиным.

В течение нескольких лет Пекин не предпринимал активных действий против «демонов» и игнорировал призывы аборигенов о помощи. В это время маньчжуры больше были озабочены сохранением этнической чистоты своего отечества; с этой целью они воздвигли «ивовый палисад» через Южную Маньжурию – цепь рвов и насыпей, обсаженных ивами, обозначив таким образом северный предел расселения коренных китайцев (ханьцев) [13, с. 603-646]. Однако, когда монгольский племенной вождь не признал цинского сюзеренитета и решил перейти под русское покровительство в 1667 г., император Канси возродил тактику использования торговли в качестве стимула для привлечения русских к сотрудничеству в Амурском регионе. Вновь Пекин переоценил готовность и возможность Москвы влиять на своих подданных в Даурии.

Оставляя двери открытыми для дипломатии, Канси предпринял жесткие меры на северо-востоке. С 1680 г. началось строительство крепостей и дорог вдоль южных подходов к Амуру. Когда в 1684 г. Москва отправила из Западной Сибири 2 тыс. служилых людей для усиления Албазина, Пекин направил двух пленных русских, вручивших ноту воеводе А.Л. Толбузину. В ней приказывалось русским уйти в Якутск и «не вторгаться больше в наши земли» [12, с. 138]. Немедленного ответа не последовало, и несколько тысяч вооруженных маньчжур, китайцев, дауров и дючеров в 1685 г. окружили Албазин, начали строить осадные сооружения и разворачивать артиллерию. После четырехдневной осады, когда маньчжурские ядра разбили деревянные укрепления, защитники крепости, потеряв до 100 чел., сдались, им было позволено уйти без оружия в Нерчинск. Командующий цинскими войсками Латань приказал уничтожить сохранившиеся строения Албазина, после чего цинские войска ушли в Маньжурию. Около 50 побежденных русских решили стать цинскими подданными и были поселены в районе Пекина [16, с. 30]. В Москве стало известно о падении Албазина в конце 1685 г. Правительство решило отказаться от Амура и заключить торговый договор с Китаем. Однако воевода Толбузин еще раньше, в августе 1685 г., с войском из 514 казаков, полутора сотен промысловиков и крестьян проник в Албазин. Они восстановили укрепления, установили пушки и приготовились к осаде. Канси, узнав об этом, приказал еще раз взять крепость. Цинская армия числом 5 тыс. чел. в апреле 1686 г. атаковала Албазин. Толбузин был смертельно ранен неприятельским ядром. После 13-месячной осады крепость была

захвачена. Только около 150 из 826 защитников остались в живых, половина из которых вскоре умерли от болезней (в основном цинги) и голода. Потери маньчжуров оцениваются в 2,5 тыс. чел. [9]. Маньчжуры ушли, но в следующие два года периодически появлялись в окрестностях Албазина, сжигая посевы с целью лишить гарнизон продовольствия.

После этих событий Канси вернулся к дипломатии. Цинское правительство послало два письма (на латыни) русскому царю, предлагая мир и сигнализируя Московскому царству, что император готов обсуждать торговые дела в обмен на уход русских из Приамурья. В ответ Москва направила в январе 1686 г. в Нерчинск стольника Федора Алексеевича Головина в сопровождении 506 стрельцов и 1400 казаков с полномочиями заключить торговый договор и, если возможно, установить границу с Китаем по Амуру. В случае, если последнее будет невозможным, предполагалось разграничить территории государств по р. Бурея. Одновременно на Головина были возложены административные обязанности в Южной Сибири, чем был создан прецедент совмещения губернаторских и дипломатических функций в одних руках.

Русская и маньчжурская делегации встретились в Нерчинске в августе 1689 г. (Головин прибыл на полтора месяца позже). Языком переговоров была латынь; переводчиком у русских был поляк Андрей Белобоцкий, а у китайцев – прикомандированные к делегации иезуиты Жан-Франсуа Жербийон и Томас Перейра. Головин предложил определить границу по Амуру, на что цинский принц Сонготу, глава маньчжурской делегации, провел рубеж по Байкалу. Тогда Головин стал настаивать на Бурее, а Сонгота – на Нерчинске. Иезуиты, предложили компромисс: границу провести по р. Горбица, впадающей в Шилку между Нерчинском и Албазином. Головин отверг это предложение, поскольку оно лишало Россию Приамурья, но агрессивное поведение 15-тысячного маньчжурского войска, развернутого вокруг Нерчинска, заставило его пересмотреть свои взгляды [6, с. 207-357].

Русский, маньчжурский и латинский тексты Нерчинского договора были подписаны в сентябре 1689. Москва получила желанное разрешение на торговлю с Поднебесной и отказывалась от контроля над долиной Амура. Граница, пока еще не демаркированная, проводилась по р. Аргунь, Становому хребту («Каменным горам») до берега Охотского моря. Албазин подлежал уничтожению. Пятая статья Нерчинского договора разрешала взаимную торговлю при наличии проезжей грамоты. Все прежние взаимные претензии предавались забвению [10, с. 645-659].

Уход из Приамурья, по-видимому, не слишком расстроил Москву. Перспективы прибыльной торговли превышали желание контролировать отдаленный регион. Петр I, правивший Россией уже 7 лет, не выразил признаков неудовольствия. Карьера Головина стремительно развивалась, он стал одним из ближайших сподвижников энергичного царя в деле реформирования России. Только в XIX в. российские историки и публицисты стали сожалеть о «потере» Амура, объясняя эту неудачу малодушием Головина и казуистикой иезуитов [8, с. 16, 17].

Двусмысленности в толковании границ оставили широкую свободу для различных интерпретаций. Китайцы утверждали, что «Каменные горы» – это Яблонево и Становой хребты [16, с. 32]. Советские комментаторы считали, что «Каменные горы» – это Буреинский хребет [1, с. 57]. В настоящее время обе стороны расценивают Нерчинский договор как равноправный.

Временный уход России из Приамурья был обусловлен не только относительно жесткой позицией Пекина, но и приоритетами внешней политики Москвы. Россия была в это время озабочена обеспечением выхода к Черному морю и пыталась овладеть Крымом, и Амур не входил в приоритетные государственные цели. Отделенное тысячами километров непроходимой тайги русское государство не могло противостоять цинской власти в Приамурье. Несколько тысяч русских колонистов и казаков создавали слабое присутствие в регионе размером с Францию. Пекин завоевывал престиж у дауров и дючеров, одаривая племена шелковыми тканями, а их вождей титулами и китайскими женами. Присоединение этого далекого региона было делом будущего. По Пекинскому договору 1860 г. цинское

правительство было вынуждено передать Восточную Маньчжурию России; граница была установлена по рекам Амуру и Уссури. Важным наследием контактов России и Китая во второй половине XVII в. в Приамурье стали расширение информации друг о друге и опыт договорных отношений.

Список источников, литературы и электронных ресурсов

1. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII – середины XIX вв. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1986. – 336 с.
2. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. – СПб.: С.М. Николаев, 1894. – 662 с.
3. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – Т. 3 (1645-1654). – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. – 574 с.
4. Иванов В.Н. Перепись 1642 г. в Якутском уезде и её роль в ясачном обложении // Якутский архив. – Якутск, 1964. – С. 83-120.
5. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII–начале XX в. (1649–1917): Историко-демографический очерк. – М.: Наука, 1985. – 254 с.
6. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. – М.: Наука, 1980. – 310 с.
7. Новое об амурском походе В.Д. Пояркова (1643–1646 гг.) // Вопросы истории Сибири. Досоветский период (Бахрушинские чтения, 1969). – Новосибирск: Наука, 1973. – С. 112-126.
8. Полякова Е.О. Отечественная историография русско-китайских отношений XVII в. // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 11. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. – С. 11-26.
9. Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. – М.: АСТ-Астрель, 2004. Гл. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://itexts.net/avtor-igor-mihaylovich-popov/237991-rossiya-i-kitay-300-let-na-grani-voyny-igor-popov/read/page-1.html> (Дата обращения 12.12.2018).
10. Русско-китайские отношения в XVII в.: в 2-х т. – М.: Наука, 1972.- Т. 2. – 835 с.
11. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. – М.: Наука, 1983. – 130 с.
12. Словцев П.А. История Сибири от Ермака до Екатерины II. – М.: Вече, 2012. – 512 с.
13. Elliott M.C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // Journal of Asian Studies. – 2000. – № 3. – P. 603-646.
14. Gibson J.R. Feeding the Russian Fur Trade. – Madison: University of Wisconsin Press, 1969. – 266 p.
15. Mancall M. Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728. – Cambridge: Harvard University Press, 1971. – 396 p.
16. Stephan J.J. The Russian Far East. A History. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – 481 p.

Федирко Оксана Петровна, док. ист, наук, доцент, вед. науч. сот.
Отдел социально-политических исследований
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего
Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
fedirko@ihaefe.ru

Назарова Яна Викторовна, ведущий методист кафедры
китаеведения Восточного института Школы
региональных и международных исследований
Дальневосточного федерального университета
moroz67@inbox.ru

Кулабухов Николай Сергеевич, аспирант
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего
Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «НАШ ПУТЬ» 1937 Г.

УДК 947.084.632:314.743(510) (051)

Аннотация. В статье делается обзор газеты «Наш путь» за июль 1937 г., на страницах которой опубликованы материалы, освещавшие повседневную жизнь детей и юношества русской эмиграции в Маньчжурии. Проанализировав материалы, опубликованные в газете и посвященные детям и юношеству, мы выделили несколько блоков, которые позволяют охарактеризовать повседневную жизнь молодежи и идеологическое воздействие, оказываемое на них : идеологический блок, занятость детей, организация их досуга в летнее время, спорт и спортивные мероприятия и образование.

Ключевые слова: эмиграция, Маньчжурия, дети, молодежь, газета, фашизм, повседневность.

Oksana Fedirko, D.Phil. in History
leading researcher of the
Social and political studies department
The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Institute of History, Archeology and Ethnography
fedirko@ihaefe.ru

Yana Nazarova, the leading methodologist,
Department of Sinology, Institute of Oriental Science-School
of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University
moroz67@inbox.ru

Nikolay Kulabukhov, post-graduate student The Far Eastern
Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History,
Archeology and Ethnography

**DAILY LIFE OF CHILDREN AND YOUTH OF RUSSIAN EMIGRATION IN
DISAPPOINTED ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER "OUR RECORDS" 1937**

Abstract. *The article is an overview of the newspaper "Our Records" of soloists in July 1937, on the pages of which published materials covering the daily life of children and youth of Russian emigration in Manchuria.*

Key words and phrases: *Emigration, Manzhouli, children, youth, newspaper, Fascism, daily.*

Неожиданно и неприятно читать на страницах русских газет, издаваемых в Китае, о деятельности фашистских молодежных организациях в русских иммиграционных кругах Маньчжурии. Однако, сделав поправку на время, осознаешь, что под фашизмом в 1937 году диаспорой, покинувшей родину, понимались абсолютно другие идеи – «фашизм виделся силой, способной противостоять экспансии большевизма» [17, с.40].

В фашистское движение в эмиграции активно вовлекались дети и молодежь. Детские и подростковые организации создавались по примеру германских национал-социалистов. В 1934 г. в Харбине, при содействии Российской фашистской партии (РФП), начали действовать детские и юношеские организации: Союз фашистских крошек (СФК), в котором состояли дети от 3 до 10 лет; Союз юных фашистов «Авангард», куда принимались мальчики от 10 до 16 лет; Союз юных фашисток-авангардисток, в него принимались девочки того же возраста, и Национальное объединение русской молодежи (от 16 до 25 лет) [18, с.162]. Эти организации вели активную деятельность, которая получила отражение на страницах печатных СМИ.

В качестве источника для освещения повседневной жизни детей и юношества русской диаспоры в Китае нами использованы оригинальные материалы из газеты «Наш путь» за июль 1937 г. Газета издавалась в г. Тяньцзине и являлась ежедневным органом российского фашистского движения. Её основателем и редактором являлась В.П. Разумова, а содержал ее на свои средства владелец табачной фабрики в Шанхае Н.Д. Меркулов. Меркуловым и его сторонниками был провозглашен лозунг: «Наш путь – это фашизм: русский национальный элемент должен преобладать и властвовать во всем» [5, с.141].

Проанализировав материалы, посвященные детям и юношеству, опубликованные в газете, мы выделили несколько блоков, которые позволяют охарактеризовать повседневную жизнь молодежи и идеологическое воздействие, оказываемое на них:

- материалы, которые несут воспитательный и идеологический посыл;
- на страницах газеты публиковались статьи, которые призваны были воспитывать патриотические чувства, формировать верное, по мнению русской диаспоры, понимание событий внешней и внутренней политики;
- раз в месяц, по четвергам, в газете публиковалась специальная вкладка «Русский студент», подготовленная Органом студенческой группы ВФП;
- в номере газеты за 1 июля 1937 г. были опубликованы материалы, посвященные Борису Корведу, убитому в Варшаве в 1927 г. советского посла Волкова, являвшегося одним из ближайших участников убийства Императора Николая II и царской семьи. По амнистии срок его заключения в польской тюрьме был сокращен до 10 лет, и он должен был выйти на свободу в текущем году. Кроме подробной статьи, озаглавленной «Герой-борец за Россию» [4, л.7], ему были посвящены еще две публикации со стихами. Общий тон воспевал подвиг Б. Корведа, призывая молодежь следовать его примеру.

В качестве примера, достойного подражанию, был очерк о молодом математике Н.Н. Боголюбове [3, л.7].

Большое внимание на страницах газеты уделялось обобщению зарубежного опыта фашистского молодежного движения. С этой целью в начале июля была опубликована перепечатка памятной книжки болгарского юноши-легионера «Молодежный Всенационал» [8, л.7]. В свою очередь, обращение к опыту других стран прослеживается в циклах лекций, прочитанных для молодежи Харбина.

С 14 по 28 июня 1937 г. прошли мероприятия, организованные фашистской молодежной секцией. Автор заметки, Сергей Безсонов, описывающий данное событие в газете, отмечал,

что цикл лекций (Белосков «Фашизм в разных странах», Приказчиков «Задачи молодежи» и др.), прочитанный для молодежи, переплетался с развлечениями.

Наряду с лекциями драматический кружок разыграл пьесу И.К. Лисенко-Крныч «Верочкин секрет» [13, л.5].

Вовлекая молодежь в дискуссию на страницах газеты, часто публиковались статьи, которые предлагалось обсудить [9, л.7].

Особое внимание газета «Наш путь» уделяла занятости детей и молодежи в каникулярное время.

Таким образом, проанализировав материалы статей, заметок и объявлений, можно выделить несколько организаций, взявших на себя эту заботу.

Активно в этом процессе участвовали общественные объединения детей и молодежи. Например, на страницах газеты «Наш путь» от 02.07.1937 г. Союз фашисткой молодежи сообщал, что «4.07.1937 открывается Лагерь учебного отряда на Крестовском острове, куда могут записаться все интересующиеся серьезной подготовкой молодежь. Членам лагеря бесплатно будет предоставлена не только жизнь в лагере и все необходимые пособия и спортивные принадлежности (для сухопутного и водного спорта), но и обмундирование и каждодневное довольствие в течение двух месяцев» [27, л.5]. Наряду с физической подготовкой и полевыми занятиями в лагере предусматривались воспитательные мероприятия.

Но наибольшая инициатива по организации летнего отдыха принадлежала Бюро эмигрантов. По его поручению I Харбинское русское реальное училище и гимназия Бюро открыли совместный лагерь для учащихся всех русских учебных заведений г. Харбина. В объявлении в газете от 5 июля сообщалось, что «лагерь будет за Сунгари на заимке б. Зотова, где находился лагерь и в прежние годы. Снято большое каменное помещение с обширными верандами, спортивными площадками. Спортивный инвентарь состоит из яхт, лодок, спортивного городка и пр. Будет установлен постоянный медицинский надзор и руководство силами педагогического и воспитательного персонала.

Сбор лагерников 9 июля. Плата с полным пансионом на 2 недели 7 гоби и на месяц 12 гоби.

Запись и прием денег производится в школьном подотделе Бюро, в I Харбинском русском реальном училище и в Гимназии Бюро эмигрантов.

Руководителем будут прежние руководители: А.П. Пешков и А.Л. Кириллов» [7. Л.4].

Для тех детей, которые оставались в городе, спортивный подотдел Бюро эмигрантов открыл 5 детских площадок:

1. В саду Св. Николаевской церкви Затона. Заведующая А.П. Синицина, помощница М.Ф. Ориенко, руководитель спорта М.Д. Германов и практикантка Л.Н. Кожевникова;

2. В ограде церкви Московских казарм. Заведующая К. К. Люстрицкий, помощник З.Г. Булычева, М.Н. Токмакова и К.К. Корбан;

3. В Гондательском сквере. Заведующий А.А. Петропавловский и помощники Н.Х. Балахина и С.П. Мясникова;

4. На Пристани в саду б. Механического собрания. Заведующая Рычкова и помощники З.Г. Булычева и Г.В. Шехеров [10, л. 5];

5. На пристани в саду б. Механического Собрания. Заведующая М.А. Рычкова, помощники З.Г. Булычева, Г. В. Шеререва и Т.А. Баратова [11, л.5].

На открытии этих площадок присутствовали светские и духовные лица, репортажи о торжествах были широко освещены на страницах газеты.

В общей сложности на все площадки записалось более 500 детей.

Занятия на площадках организовывались ежедневно с 9 до 12 ч. дня и с 4 до 6 ч. вечера по возрастным группам. «По ручному труду с младшей группой будут проводиться занятия по плетению, аппликации, лепке из глины. Со старшей группой: по плетению, аппликации, картонажам и прочие более сложные работы для мальчиков: выпиливание и девочек

изготовление цветов. С той и другой группой будут проводиться занятия по отечествоведению и т.д. Будут устраиваться религиозно-нравственные беседы» [12, л.4].

Союз фашистских крошек также принял участие в организации развлекательных и просветительных мероприятий для детей русской диаспоры Харбина, о чем неоднократно сообщалось на страницах газеты [25, л. 4; 2, л. 5; 26, л.4].

В течение июля 1937 г. в г. Харбин дважды были организованы утренники СФК. 18 и 25 июля в помещении Центрального Русского клуба были исполнены две детские оперы «Стрекоза и муравей» - либретто М.А. Рычковой и сказка «Кот и петух» сочинения М.А. Рычковой. После пьес состоялись русские танцы «под мощную электролу» и декламации [14, л.5].

В конце июля 1937 г. в (б) Механическом Собрании прошел бал СФФ – Авангардисток, которым «юные соратницы отмечали третью годовщину существования своей организации и 125-летний юбилей Отечественной войны» [1, л.5]. Для собравшихся была представлена пьеса Н.К. Пап-Помарнацкой «Нареченец Императора Александра I» из жизни известной героини Отечественной войны Нади Дуровой. Позже были танцы и конкурсы. Во время танцев были выданы два приза: за лучшее исполнение русского вальса и лучшую косу. По мнению собравшихся, вечер очень удался, и авангардистки вполне оправдали своей девиз – «Гроз и грёз».

Особое место на страницах газеты в июле 1937 г. занимали материалы, посвященные организации спортивных мероприятий и освещающие их.

В середине июля руководителями спортивного подотдела на общественном стадионе прошел отбор харбинских спортсменов на Всеманьчжурскую олимпиаду, которая должна была состояться в конце июля или начале августа в г. Синь Цзинь. Для мужчин были устроены забеги на 100, 400, 1000 и 1500 м, барьерный бег на 400 метров, толкание ядра, прыжки в длину с разбега и для женщин: бег на 100 м, прыжки в высоту с разбега, тройной прыжок, толкание ядра и метание копья [21, л.4].

Среди читателей газеты было много любителей футбола и их интересы были также учтены авторами заметок.

Пятого июля на спортивном поле «Дворца спорта» состоялся интересный футбольный матч между харбинской сборной и командой «Ха-сы» на оспаривание поездки на государственную Олимпиаду. Победила Русская команда со счетом 8:0 [22, л.5].

Шестого июля состоялось совещание капитанов футбольных команд, посвященное разработке плана состояния Кубка Футбольной лиги, давшее старт футбольным баталиям. По итогам отбора команде НСО предстояло встретиться с недавно сформированной командой Союза Националистической Молодежи. Команда НСО два года подряд выигрывала кубок [6, л.5].

В середине июля на страницах газеты сообщалось, что спортивным подотделом бюро на общественном стадионе (Аптекарская ул.) устраивается редкий по своей красоте и грандиозности праздник спорта под лозунгом единения всех эмигрантских организаций «День русского спорта» [15, л.5]. В параде приняли участие спортсмены общества Витязь, водного отдела яхт, спортивных кружков союза фашистской молодежи, националистической молодежи, союза мушкетеров, футбольной лиги, бейсбольной команды, волейбольной команды ВАТ, спортивного кружка при институте св. Владимира, легкоатлетической команды Московских казарм и др.

Даже это перечисление спортивных команд дает возможность убедиться, что внимание к спорту в эмигрантской среде было очень пристальным. Дети и юношество с удовольствием занимались спортом, каждый из ищущих мог найти свою секцию.

Но лето это не только пора отдыха детей и молодежи, но и время выбора учебных заведений. Составить свое представление об учебных заведениях потенциальные абитуриенты могли не только из рекламных проспектов, но и из информационных заметок о состоявшихся в начале июля выпусках из них. Так, например, 2.07 газета «Наш путь» сообщала, что «в Харбинском политехническом институте закончилась сессия защиты

дипломных проектов. По итогам экзаменов 40 выпускников удостоились дипломов инженеров: факультет электро-механический - 29; факультет инженерно-строительный – 11» [28, л.5], а 3.07 последовала заметка о выпуске в Первой музыкальной школе: «выпускным испытаниям подверглись 4 ученицы: 3 В. Бражникова, Л. Заболяева, Н. Таворская по классу фортепьяно и Е. Пушникова-Рачинская – по классу сольного пения» [24, л.5].

В середине июля стали появляться объявления для поступающих. Эти краткие заметки, опубликованные на последних страницах газеты, дают нам бесценную информацию не только о том, где располагались эти учебные заведения, но и об их руководящем составе, по состоянию на середину 1937 г.:

- «Институт Св. Владимира (под непосредственным подчинением Министерству народного просвещения).

Политехнический факультет с отделениями инженерно-строительным, электро-механическим. При политехническом факультете: горно-химические курсы и курсы Ниппонского и немецкого языков. Председатель делового комитета В. Иванов. Богословский факультет Института Св. Владимира в Харбине. Открыт прием прошений на все 4 курса. Декан факультета Архимандрит Василий. ул. Водопроводная, тел. 34-04;

- Первое Харбинское русское реальное училище с гимназическим отделением. Директор училища В.Д. Беляев. ул. Таможенная, 36, тел 41-20;

- Первое Харбинское русское (общественное) коммерческое училище. Отделения: счетно-коммерческое и английское. Три приготовительных класса. Директор Ф.К. Мухачев.

- Гимназия Я.А. Дризуль.

Прием учащихся во все классы, с младшим приготовительным по 8 класс включительно. Окончившие поступают без экзамена во все заграничные заведения. Директор Я. Дризуль. Модягоу, Гоголевская 118;

- Лицей Св.Николая. Закрытое учебное заведение с пансионом.

Старо-харбинское шоссе, 78. Тел. 52-21;

- Учебные заведения им М.А. Оксаковской.

ул. Гиринская, 53;

- Общественная гимназия Бюро по делам Российских эмигрантов.

Три приготовительных и семь основных классов. Усиленное преподавание маньчжурского, ниппонского и английского языков. Практические и прикладные занятия для мальчиков и девочек: кройка, шитье, электротехника. Заново отремонтированное помещение. Обширная площадка для спорта и гимнастики. Врачебный надзор. Плата минимальная и общедоступная. Директор С.И. Цветков. ул.Новоторговая, 31, тел. 34-16;

- Харбинские фармацевтические курсы

Существуют 10 лет. Имеется собственная лаборатория для практических занятий. Директор И.Г. Банкевиц. Ул. Бородинская, 67, помещение Пушкинской гимназии [16, л. 15].

Вопросы организации образования и просвещения в среде русской диаспоры были предметом ряда статей, посвященных «нововведениям» в русских школах и финансированию приюта «Русский дом» в г. Харбин.

В преддверии нового учебного года со страниц газеты учителей и родителей школьников г. Харбина проинформировали, что в г. Шанхай русская диаспора приняла решение перейти на старое правописание. В заметке говорилось, что «в Шанхае был поднят вопрос путем детального рассмотрения вопроса и выяснения мнений наиболее компетентных лиц, постепенно пришел к заключению о необходимости возврата Русских школ к старому историческому правописанию. Совещание педагогов в Шанхае проходило 4.06.1937 под председательством первосвященного Иоанна, епископа Шанхайского. Русская эмиграция, храня свои вековые традиции, не должна была и не могла отказаться от того правописания, на котором писал А.С. Пушкин, творец нового русского языка» [19, л. 19]. Автор заметки отмечал, что «вопрос о правильности российского правописания – старого или нового – уже давно является неизменной дискуссией педагогического и ученого мира. До сих пор еще не было установлено единства правописания, так что некоторые из

российских эмигрантских школ пользовались не только новым правописанием, но и старым. В Харбине в русских школах принята новая орфография, но этот вопрос неоднократно пересматривался и намечался ряд конкретных мер к переходу на старое правописание» [19, л. 19]. Харбинцам предлагалось обсудить этот вопрос и принять решение к началу новых учебных занятий.

Еще одна проблема, которая бурно обсуждалась на страницах газеты в июле 1937 г., это сокращение финансирования приюта – училища «Русский Дом» под руководством К.И. Подольского. Из заметок становится ясно, что «начиная с 1934 г. «Русский Дом» получал две параллельные, не зависящие друг от друга субсидии: одна от МНП и выплачивалась через местные органы в лице Учебного комитета муниципалитета, а другая предоставлялась Отделом общественных мероприятий, выплатившим с 1934 г. «Русскому дому» 13000 гоби, а начиная с 1935 г. выплачивает 1000 гоби. Учебный Отдел выдал «Русскому дому» с 1934 г. – 1200 гоби, в 1935 и 1936 гг. по 600 гоби, а в этом году решил не предоставлять никаких сумм» [23, л. 5].

Представляя данное учебное заведение, автор заметок отмечал: «Всему Харбину известны стройные подтянутые матросики, проходящие по улицам Харбина образцовым строем под звуки барабанного боя, всегда чистенькие и подтянутые. Это достигнуто исключительно внимательным воспитанием, которое они получают в стенах своего, который теперь лишен правительственной субсидии для воспитания детей. Материальная база «Русского дома» всегда зависела от благотворительности. Никаких собственных средств у приюта не имеется... Нужно помнить, что окончившие Русский дом молодые люди принесут молодому государству большую пользу как полезные и нужные работники. Каждый мальчик, воспитывающийся в Русском доме, совершенно не обеспечен, подчас является круглым сиротой и, если приют закроется, ему грозит очутиться на улице без крова и пищи» [20, л. 5]. Сетую на сокращение финансирования, автор заметки выразил надежду, что харбинские благотворители окажут «Русскому дому» посильную помощь.

Таким образом, краткий авторский обзор части газетных, доступных нам на сегодняшний день, публикаций за июль 1937 г., посвященных повседневности детей и юношества русской диаспоры Харбина, позволяет отметить, что на страницах газеты «Наш путь» этой проблеме уделялось большое внимание. Кроме информационных заметок и объявлений публиковались аналитические статьи, приглашения к дискуссии, неизменно вызывавшие интерес у читателей. При внимательном прочтении газеты родители могли решить проблему занятости детей в летний период, определиться с выбором учебного заведения, составить представление об актуальных вопросах образования и воспитания подрастающего поколения.

Для современных исследователей материалы газет, издававшихся в эмигрантских кругах, являются ценным источником, позволяющим реконструировать повседневную жизнь русской диаспоры в Китае.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Бал «Гроз и грез» авангардисток // Наш путь. 1937. № 196 (от 27.07).
2. Вечер фашистских крошек // Наш путь. 1937. № 187 (от 18.07).
3. Выдающийся молодой математик Н.Н. Боголюбов // Наш путь. 1937. № 170 (от 01.07).
4. Герой- борец за Россию// Наш путь. 1937. № 170 (от 01.07).
5. Гладких А.А. Русский фашизм в Маньчжурии / /Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2008.№ 5. С. 112-121.
6. Горячие дни для футбола // Наш путь. 1937. № 175 (от 6.07).
7. Летний лагерь для учащихся // Наш путь. 1937. № 174 (от 05.07).
8. Молодежный Всенационал (памятная книжка болгарского юноши-легионера) // Наш путь. 1937. № 170 (от 01.07).

9. Молодежь в фашистской России. Дискуссия «Русского студента» // Наш путь. 1937. № 170 (от 01.07).
10. Наш путь. 1937. № 176 (от 7.07).
11. Наш путь. 1937. № 177 (от 8.07).
12. Наш путь. 1937. № 178 (от 9.07).
13. Наш путь. 1937. № 181 (от 12.07).
14. Наш путь. 1937. № 185 (от 16.07).
15. Наш путь. 1937. № 187 (от 18.07).
16. Объявления для поступающих // Наш путь. 1937. № 186 (от 17.07).
17. Поповкин А.В. Русские философы и фашизм: к проблеме интеллектуального соблазна национализма // Россия и АТР. 2015. № 2 (88). С. 40-51.
18. Потапова И.В. Русский фашизм в Маньчжурии: детские и юношеские организации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-1. С. 161-165.
19. Русская школа в Шанхае переходит на старое правописание // Наш путь. 1937. № 186 (от 17.07).
20. «Русский дом» лишили субсидии // Наш путь. 1937. № 175 (от 6.07).
21. Русские спортсмены – на Всеманьчжурскую Олимпиаду // Наш путь. 1937. № 178 (от 9.07).
22. Русские футболисты на Олимпиаду // Наш путь. 1937. № 177 (от 8.07).
23. Субсидия «Русскому дому» уменьшена // Наш путь. 1937. № 176 (от 7.07).
24. Три новые пианистки Харбина // Наш путь. 1937. № 172 (от 03.07).
25. Успех утренника фашистских крошек // Наш путь. 1937. № 188 (от 19.07).
26. Утренник фашистских крошек // Наш путь. 1937. № 193 (от 24.07). Л. 4
27. Фашистская молодежь начинает летнюю работу // Наш путь. 1937. № 171 (от 02.07).
28. Харбин получил 40 новых инженеров // Наш путь. 1937. № 171 (от 02.07).

Черепанов Константин Владимирович, канд. ист. наук, доцент
Кафедра всеобщей истории
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
k.v.cherepanov@mail.ru

«ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ, ДАЕШЬ ОТПОР...». К ДЕВЯНОСТОЛЕТИЮ ВООРУЖЕННОГО СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО КОНФЛИКТА НА КВЖД

УДК 433

***Аннотация.** Автор в статье, приуроченной к юбилею советско-китайского инцидента на КВЖД, анализирует причины его возникновения, раскрывает содержание конфликта, пытаясь вписать его в общую канву советско-китайских отношений. Привычная картина противостояния выглядит несколько иначе, когда учитываются все факторы, оказывавшие влияние на характер советско-китайских отношений. Помимо традиционного присутствия России в Северной Маньчжурии, прежде всего в зоне КВЖД, добавляется проблема Внешней Монголии (Халхи) и японо-советского соперничества.*

***Ключевые слова и фразы:** Китай, СССР, Япония, КВЖД, Внешняя Монголия (Халха), Чан Кайши, гоминьдан.*

Konstantin Cherepanov, Cand. Sc. in History, Associate Professor
Department of Universal History
Omsk State University
k.v.cherepanov@mail.ru

***Abstract.** The author, in an article dedicated to the anniversary of the Soviet-Chinese incident on the CER, analyzes the causes of its occurrence, reveals the content of the conflict, trying to fit it into the general outline of Soviet-Chinese relations. The usual pattern of confrontation is somewhat different when all factors that influence the character of Soviet-Chinese relations are taken into account. In addition to the traditional presence of Russia in northern Manchuria, primarily in the CER, the problem of Outer Mongolia (Khalkha) and the Japanese-Soviet rivalry is added.*

***Key words and phrases:** China, USSR, Japan, CER, Outer Mongolia (Khalkha), Chiang Kai-shek, Kuomintang.*

Российско-китайские межгосударственные отношения никогда не отличались стабильностью и постоянством. Этот тезис, вполне возможно, вызовет недоуменную реакцию и возмущенные возражения со стороны современных российских политиков и дипломатов, но это так. Оставим в стороне все сложности монархического периода взаимоотношений двух стран, который видел и вооруженные столкновения, и очевидные попытки воспользоваться слабостью другого к собственной выгоде. Обратимся к периоду новейшего времени, когда оба государства почти одновременно, правда, в силу разных обстоятельств оказались в состоянии глубочайшего внутривнутриполитического кризиса, завершившегося для каждого из них гибелью империи и началом процесса более или менее успешного реформирования государства.

Надо принимать во внимание тот факт, что, несмотря на колоссальное влияние России на новейшую китайскую историю, многие события, происходившие на китайской земле, обуславливались внутренними причинами и обстоятельствами. Пожалуй, именно в период максимального ослабления китайского государства, имевшего место в конце XIX - начале XX вв., влияние иностранных держав, в том числе (и может, прежде всего) России, достигало своего максимума. В дальнейшем это влияние сохранялось на протяжении всей половины

XX в., то усиливаясь, то ослабевая. Китай,, действительно, превратился в арену межимпериалистического противостояния, причем Россия, и в имперский, и в советский периоды, принимала самое активное участие в этом противоборстве.

В отечественной историографии утвердился тезис об исключительно благотворном и бескорыстном воздействии советского государства на историю Китая. Сами китайские политики и государственные деятели, начиная от «отца нации» Сунь Ятсена и заканчивая создателем КНР Мао Цзэдуном, отдавали должное вкладу СССР в историю их страны. С их стороны, пожалуй, лукавства и вправду было немного. Известна роль, которую советская Россия сыграла в возникновении гоминдановской государственности, не менее значительна роль СССР в возникновении очередной формы китайского государства, существующей и поныне – КНР. Но вот бескорыстие советских руководителей, искренность их замыслов и намерений в отношении Китая, пропагандируемые отечественной исторической синологией, вызывают большие сомнения и, как минимум, массу вопросов.

Не являясь поклонником мистического отношения к историческим датам, не могу не отметить странные совпадения. Кризисы в отношениях двух соседних стран приходились неизменно на каждое десятилетие, причем пика напряженности они достигали к девятому году декады. За точку отчета вполне можно принять 1919 г. В событиях 4 мая роль советской России плохо просматривается, но зато в этом году войска «маленького Сюя», генерала Сюй Шучжена, ликвидировали автономию Внешней Монголии (Халхи), чем, несомненно, нанесли удар по престижу России и создали основания для последующего реванша. Проблема Внешней Монголии, вообще, с этого времени на последующие четверть века как минимум превратилась в своеобразный «камень преткновения» в отношениях СССР и Китая. Следующая дата в отмеченном нами ряду – 1929 г. Конфликт на КВЖД, долгое время относимый околоисторическими кругами чуть ли не на счет японских милитаристов. В 1939 г. отношения двух стран, находящихся в негласном антияпонском союзе, испортились в связи с позицией Китая, занятой по вопросу нападения СССР на Финляндию. Эта позиция стоила Советскому Союзу позорного изгнания из Лиги Наций.

Следующее десятилетие и крах гоминдановского режима с образованием КНР. Казалось бы, триумф советской дальневосточной внешнеполитической стратегии, но уже к 1959 г. явные признаки кризиса и ухудшения отношений между ближайшими союзниками. Затеянные Пекином хитрые игры вокруг Тайваня с провокационными обстрелами островов Цзиньмэнь и Мацзу, призванные втянуть в прямые переговоры с Китаем Соединенные Штаты, обернулись первой глубокой трещиной в отношениях бывших союзников. Конечно, шок 1969 г. В памяти старшего поколения конец 1960-х гг. воспринимался как чуть ли не канун советско-китайской войны. События на острове Даманский, оставившие глубокий след в сознании советских людей и превратившие братский некогда Китай в самое настоящее пугало «гегемонизма». Несмотря на непродолжительность военной фазы противостояния в отличие, например, от конфликта 1929 г. события конца 1960-х гг. фактически на два десятилетия запрограммировали дальнейшую деградацию советско-китайских отношений. Если с кем-то и собирались в действительности воевать советские люди при Л. И. Брежневе, так это с пекинскими «гегемонистами». От них можно было ждать чего угодно. Они по степени враждебности и неприятия находились где-то между режимом апартеида в ЮАР и хунтой чилийского генерала Пиночета.

Вторжение советских войск в Афганистан, предпринятое по занавес 1979 г., внесло новый «содержательный» компонент в ставшее уже традиционным советско-китайское противостояние. КНР на годы вперед оказался едва ли не главным союзником антисоветски настроенной афганской оппозиции. И, наконец, 1989 г., во многом судьбоносный для Китая. Год «несостоявшейся революции», причем у лидеров протестного движения Советский Союз времен М. С. Горбачева был своеобразным знаменем, иконой, размахивая которым они собирались разрушить монополию на политическую власть со стороны КПК. Как известно, в результате последующих масштабных событий СССР перестал существовать, а коммунистическая государственность в Китае не просто сохранилась, а перешла в

принципиально иное состояние мирового доминирования и, может быть, господства. КНР не просто заменила СССР в качестве полюса противостояния. Само по себе это противостояние вышло на новый, качественный уровень. Никогда советско-американское противостояние времен «холодной войны» не несло в себе и малой толики той ожесточенной экономической конкуренции, которая отражает современное состояние китайско-американских отношений.

В приведенном ряду конфликтов и проблем, характеризовавших состояние советско-китайских отношений, конфликту 1929 г. хотелось бы уделить особое внимание. На наш взгляд, этот конфликт в наиболее чистом виде отражал существо китайских претензий к советскому государству, причем речь шла не только и не столько о ситуации с КВЖД, сколько обо всем спектре китайско-советских отношений. Конфликт 1929 г. своими причинами и обстоятельствами также, на наш взгляд, напоминает советско-китайские столкновения 1969 г. Любопытно, что ни к первым, ни ко вторым событиям «американская закулиса» не имела никакого отношения. Хотя в качестве адресата в обоих случаях США, несомненно, выступали.

Как в первом, так и во втором случае налицо любопытная ситуация, предшествовавшая вооруженной фазе конфликта, когда прежде имелись вполне тесные и даже союзнические отношения. Это позволяет говорить о неких общих закономерностях и периодических «повторах» в китайско-советских отношениях. С точки зрения стратегии, положение СССР в 1929 г. выглядело куда более угрожающим, чем в 1969 г. СССР был страной-изгоем, мировым парией, сотрудничество с которым никому не добавляло очков. В условиях очередной «военной тревоги», которой пугали все советское население, да и себя, советские руководители, провокации «белокитайцев» могли расцениваться как первый этап в череде более масштабных внешнеполитических угроз. К концу 1960-х гг. положение СССР, казалось бы, кардинально изменилось лучшему. Одна из послевоенных сверхдержав, лидер «всего прогрессивного человечества», в одиночку способная уничтожить все человечество несколько раз. В этих условиях китайские провокации выглядели, чуть ли не сумасбродством теряющего представления о реальности и стремительно стареющего Мао Цзэдуна.

Однако на самом деле, у советских руководителей именно в конце 20-х гг. минувшего века, было больше уверенности в своих действиях. Ведь в своих попытках отстоять свои права и привилегии в Китае, СССР фактически опирался на молчаливую поддержку императорской Японии, положение которой в отношении «встающего с колен» Китая мало чем отличалось от положения советской России. В конце же 1960-х гг. СССР фактически оказался в очередной раз в условиях чуть ли международной изоляции. Вторжение советских войск и войск стран Варшавского договора в ЧССР, последующее за этим подавление «пражской весны» вновь превратили Советский Союз в мировое «пугало», в страну, в симпатии к которой трудно было кого-либо заподозрить. И вот именно в такой момент Пекин решился на самую масштабную провокацию в отношениях с «советскими ревизионистами». Очевидная ущербность и уязвимость позиций СССР на международной арене и являлась причиной как демонстративных и агрессивных действий Пекина, так и невнятной и ограниченной реакции со стороны руководства СССР.

К военному конфликту в отношениях с Китаем в конце 1920-х гг. привел целый комплекс противоречий, накопившихся во взаимоотношениях двух режимов. С одной стороны, велико было желание за счет унижения и посрамления грозного северного соседа набрать политические очки, укрепить собственные позиции в регионе (Маньчжурия) и в Китае в целом. Попутно, при любом раскладе, своенравный и независимый правитель северо-востока Чжан Сюэлян лишился бы значительной части своей автономии. Экономические и хозяйственные выгоды китайского националистического режима в случае захвата КВЖД выглядели также не менее впечатляюще. Наступление на позиции Советского Союза, казавшегося на тот момент националистическому руководству Китая слабым империалистическим противником, в случае его успешного завершения, должно было стать лишь началом более масштабной и грандиозной кампании по возвращению Китаю всей собственности, несправедливо отнятой и отчужденной империалистами ранее. С другой

стороны, со стороны советской России - обида, раздражение и жажда мести. Все это в отношении режима и его лидера, посмеявшихся отвергнуть помощь и советы, устроивших побоище местным коммунистам и поднявших руку на советских людей.

За СССР с КВЖД и его позициями в Северной Маньчжурии в случае удачи должна была последовать Япония, с ЮМЖД и Южной Маньчжурией. Отсюда проистекала и общность интересов между островной империей и советским государством. Как известно, ухудшение советско-китайских отношений происходило на фоне вооруженных попыток со стороны японского правительства во главе с отставным генералом Танака Г. противостоять объявленному Чан Кайши продолжению Северного похода. Столкнувшись с решительной позицией Японии и потеряв поддержку советской России вследствие своей антикоммунистической позиции, лидер китайской национальной революции вынужден был на время отступить. Но это лишь на время приостановило распространение контроля со стороны китайских националистов на северные и северо-восточные регионы страны.

Как видно из опубликованных источников, полномочный представитель СССР в Японии В.С. Довгалевский, похоже, допускал весьма смелые заявления, в той или иной форме оправдывавшие посылку японских войск в Китай. Москва, правда, все же пыталась от них отмежеваться, причем на уровне Политбюро [1, с.39]. Советский полпред, несомненно, отражая позицию руководства, предлагал японскому премьеру Танака Г. уже в принципиально меняющихся условиях подписать пакт о ненападении. В ответ Танака 16 июня 1927 г. заявил В.С. Довгалевскому, что ввиду напряженности международного положения он считает заключение пакта несвоевременным и полагает возможным вернуться к этому вопросу по мере укрепления экономических связей между СССР и Японией [2, с.207]. В качестве причины для отказа советским инициативам был использован аргумент о недостаточности развития экономических связей между обеими странами (и вполне справедливо), но Танака сослался и на фактор международной напряженности, причем в качестве основной причины отказа. По всей видимости, японский премьер-министр намекал на резкое обострение англо-советских и франко-советских отношений, грозившее, как считали сами большевистские лидеры, организацией антисоветского похода.

В таких условиях заключение пакта о ненападении с Советской Россией носило бы явно демонстрационный, вызывающий характер, имея, по сути, форму поддержки СССР, чего японское правительство, естественно, не хотело. На фоне дальнейшего ухудшения советско-китайских отношений почва для японо-советского компромисса приобретала все большую глубину и основательность, ибо теперь уже не только совпадение внешнего соперника (США), но и совпадение внутреннего противника в лице китайского национализма, угрожавшего в равной степени как Японии, так и СССР, являлось основой для возможного сближения.

В первой половине 1928 г. все происходившие в мировой политике события, в том числе и на Дальнем Востоке, воспринимались советскими дипломатами, политиками, вождями под углом «военной угрозы контрреволюционной войны против СССР». С этой точки зрения особое значение принимала позиция Японии по отношению к Советскому Союзу, а также степень противостояния между большевиками и националистическим Китаем. Наблюдается любопытное расхождение во мнениях, оценках, высказывавшихся советскими дипломатическими работниками относительно дальнейшего курса и действий Японии. Для советских дипломатов, работавших в Японии и занимавшихся проблемами именно японо-советских взаимоотношений, был характерен пусть осторожный, но все-таки оптимизм, в то время как дипломатический корпус Советского Союза в Китае и во Внешней Монголии оценивал ситуацию в более мрачных тонах. Антикоммунистическая, антисоветская политика нанкинского Гоминьдана рассматривалась этой частью советских дипломатов как следствие прямого влияния империалистических держав и, прежде всего, Японии.

Особенно тревожно, по мнению представителей страны Советов, складывалась ситуация во Внешней Монголии, где «японские агенты» через внутреннюю и внешнюю контрреволюцию пытались «повернуть вспять колесо мировой истории». Относительно

действительной деятельности японской агентуры во Внешней Монголии что-либо связанное трудно сказать, но несомненно, что симпатии к этой стране, связанные с надеждой на избавление от большевистского, во многом иноземного ига, чрезмерно усилились, и действия самих российских большевиков и их монгольских учеников были во многом тому виной.

В годы сотрудничества СССР и китайских националистов и, особенно, в годы китайской революции (1925-1927) Внешняя Монголия рассматривалась, преимущественно, как база, резерв китайской революции. Таким же образом оценивали ситуацию и лидер Гоминьдана Сунь Ятсен, и его соратники (включая и Чан Кайши). Через территорию Внешней Монголии практически без препятствий (и почти всегда без ведома местного руководства) осуществлялись поставки оружия, амуниции, продовольствия и иного имущества временно союзным Советской России и Гоминьдану милитаристам. В угоду своим отношениям с северными милитаристами Москва шла на серьезное нарушение интересов и суверенитета Монгольской Народной Республики, рассматривая последние как декорации и фикцию.

Пока перспективы китайской революции выглядели грандиозными и заманчивыми, Советская Россия мирилась с преобладанием в руководстве МНР классово-чуждых элементов, но как только произошел разрыв между Москвой и Нанкином, советские коммунисты взялись за Внешнюю Монголию по-настоящему.

Полпред Советского Союза во Внешней Монголии А. Я. Охтин в январе 1928 г. давал в письме заместителю заведующего отделом Дальнего Востока НКВД С.С. Борисову следующую убийственную характеристику монгольских лидеров, идущих, по его словам, «по явно фашистскому направлению»: «Я абсолютно уверен и могу доказать, что нынешняя верхушка Правительства и партии является той же право-гоминьдановской группировкой, с такой же практической установкой, какую мы имеем в Китае. Разница только в том, что китайских бандитов мы своею рукой, хотя и довольно длинной, достать не можем, а монгольская шпана чувствует, что в некоторой степени она зависит от нас» [3, оп.10., п.129., д.б., л.2.]

По-видимому, стремясь усилить эту степень зависимости, а также избежать повторения китайского варианта развития событий теперь уже на монгольской земле, большевики развили кипучую деятельность во Внешней Монголии. Из руководства были удалены личности, «подверженные вирусу национализма» – Джадамба и Дамбадоржи. Проведенный под диктовку Москвы в октябре 1928 г. VII съезд МНРП объявил курс на некапиталистическое развитие. Реализация этого курса означала превращение Внешней Монголии в скором будущем в социально-экономический придаток, сырьевую колонию СССР. Реализация решений VII съезда потребовала выработки и подписания секретного соглашения «Об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР» (27 июня 1929 г.). Статьи этого соглашения, несмотря на их внешнюю нейтральность и аполитичность, существенно ограничивали, а в ряде случаев и сводили на нет и без того сомнительную монгольскую независимость. В данном контексте важно отметить, что это соглашение, конечно, носило антикитайский характер, и его ограниченность хозяйственными аспектами взаимоотношений не вводила китайское руководство в заблуждение.

От руководства в Халхе удалялась антисоветски настроенная часть монгольской национальной элиты, при выдвижении снова националистов, теперь уже, правда, антикитайски и антияпонски настроенных. Антикитайский национализм, ограничиваемый ранее определенными рамками, теперь становился ведущим течением и де-юре. Москва брала курс на полный и абсолютный отрыв Внешней Монголии от Китая, что и было закреплено «Основными соглашениями». Провоцировались или поддерживались антикитайские выступления и восстания в Барге, во Внутренней Монголии, в Синьцзяне, Алашани и других национальных районах Китая. Разразившийся в 1929 г. советско-китайский конфликт, таким образом, имел в качестве подоплеки не только борьбу за КВЖД, но и предыдущее, почти двухлетнее, «мирное» противостояние, в том числе и по монгольскому вопросу.

Очень показательна в этом смысле позиция советского руководства в вопросе о повстанческом антикитайском движении в Барге. Сдерживавшаяся ранее по политическим

мотивам сепаратистская деятельность народной партии Внутренней Монголии к лету 1928 г. (в условиях хаоса и неразберихи, последовавших после убийства Чжан Цзолия) достигла апогея, что выразилось в так называемом Баргинском восстании. Главарь восстания 25 июля избрали Баргинское национальное правительство и Военный Совет. Восстание было подавлено, причем не получив особо широкой поддержки ни со стороны местных монголов, ни со стороны внешнемонгольских властей. Представитель повстанческого движения приезжал в Ургу и требовал поддержки восставших, в случае отказа угрожая обращением за помощью к Японии [4, оп.11., п.132., д.3., л.77].

Как водится, после разгрома восстания, последнее было охарактеризовано советскими дипломатами как «путч» (в случае удачи это была бы, по всей видимости, народная революция), причем «путчисты», якобы, с самого «начала установили связь с японцами», «с целью втянуть в это дело и Внешнюю Монголию и нас» [4, оп.11., п.132., д.3., л.79]. Именно «шумиха», развязанная японской печатью в связи с баргинским «путчем», по мнению замнаркома иностранных дел СССР Карахана, «и должна заставить нас обратить серьезное внимание на отношение японцев вообще к монгольскому вопросу в целом [4, оп.11., п.132., д.3., л.79].

На самом же деле Япония становилась угрозой для советских позиций, по крайней мере, в Монголии, во многом как альтернативная сила, объективно притягивавшая к себе взоры и надежды всех тех халхасцев, которые не собирались мириться с господством чужеземцев с севера. Опасность эта имела внутреннее происхождение. Красноречивее всего об этом свидетельствует информация, содержащаяся в докладе советского полпреда в МНР Охтина на имя заведующего отделом Дальнего Востока НКВД Б.И. Козловского (от 10 мая 1929 г.). Охтин, анализируя ситуацию, возникшую в руководстве МНРП после VII съезда, обращал внимание вышестоящего начальства на планы части правых элементов во главе с «ультра-левым» Орос-Гомбо.

Последний следующим образом формулировал свои взгляды на существо внутрипартийной борьбы в МНРП и будущее Монголии в целом. «По моему глубокому убеждению, разногласия внутри партии, выявившиеся конкретно на VII съезде, выросли не на почве внутрипартийных вопросов, а как разногласия между Коминтерном, с одной стороны, и Дамбадоржи и Джадамбой, с другой. Теперь наша Монголия обещает стать колонией Коминтерна, т.к. первые шаги к этому уже налицо. Я полагаю, что спасти положение может только непосредственная ориентация на Японию, которая должна стать опорой в деле осуществления наших задач. Возместить ее можно отдачей ей Барги. А затем, при поддержке Японии, организовать во Внутренней Монголии из баргутов и внутренних монголов армию в количестве нескольких десятков тысяч. В авангарде этой армии поставить отряд из нескольких тысяч белогвардейцев, живущих в Японии и Китае, и двинуть эту армию с целью захвата Урги.» На полях документа напротив этого места приписка Козловского: «В основном полностью совпадает с программой японской военщины» [3, оп.10., п.129., д.6., л.493].

Дипломатическая переписка полпреда СССР в Японии А.А.Трояновского с руководящими работниками НКВД (Карахан, Мельников, Козловский) на протяжении 1928 – 1929 гг. свидетельствовала о различности мнений и представлений на существо вопроса, бытовавших среди советских дипломатов. Полпред А.А.Трояновский активно поднимал вопрос об улучшении японо-советских отношений, причем средством улучшения этих отношений виделась более активная и наступательная позиция в Маньчжурии. Его оппонентом в НКВД фактически выступал бывший полномочный представитель СССР в Китае, замнаркома иностранных дел Л.М. Карахан, ратовавший за сдержанность и умеренность в отношениях с Японией.

Карахан исходил, прежде всего, из того, что советская политика в столь сложный для государства период «должна быть политикой величайшей осторожности, которая не вовлечет нас ни в какие осложнения с нашими соседями и ни в какие конфликты с ними» [4, оп.11., п.132., д.3., л.22.]. Трояновский фактически возражал своему начальству, предлагая, все-таки, главным противоречием периода считать не англо-советское, а англо-американское,

разновидностью которого он определял и японо-американское противоречие. Игра на этих межимпериалистических противоречиях, по мнению советского полпреда в Японии, и являлась лучшей стратегией советской дипломатии.

«Сейчас наши отношения с Японией в связи со всей ситуацией надо признать приличными и удовлетворительными. Несомненно, сейчас ссориться с нами у японцев нет никаких оснований» [4, оп.11., п.132., д.4., л.83] «Удастся сохранить мир с Японией - это значит и облегчить свое положение на Западе и оттянуть войну на нем» [4, оп.11., п.132., д.4., л.46]. «Но если у Японии не будет уверенности в том, что мы не нанесем ей удара с тылу, - продолжал развивать свои мысли советский дипломат, - она начнет войну с нами» [4, оп.11., п.132., д.4., л.87]. Отсюда Трояновскому виделось возможным «вместе с японцами намечать какие-нибудь оборонительные планы» [4, оп.11., п.132., д.4., л.8].

В то же время советский дипломат предусматривал возможность советско-американского сближения, грозившего Японии в перспективе неисчислимыми бедами и гибельными последствиями, поскольку в этом случае СССР мог бы предоставить базы для американских судов, а в особенности для американской авиации. В этих же условиях особое значение приобретали и советско-китайские отношения, поскольку «и против нас, и против Китая одновременно Японии будет трудно идти. Но против нас одних, - замечал советский посол, - да еще имея Китай на своей стороне, она может идти без всякого риска. Япония боится нашей дружбы с Китаем, и чем лучше наши отношения будут с Китаем, тем крепче будет наша дружба с Японией» [4, оп.11., п.132., д.4., л.15]. По мнению советского дипломата, ослабление позиций СССР в Китае являлось главной причиной охлаждения отношений с Японией. «Наша дружба с Японией развивалась и укреплялась по мере развития революционного движения на юге Китая и дружбы Китая Южного с нами» [4, оп.11., п.132., д.4., л.36].

Другими словами, по мнению советского дипломата, пока у Советов была возможность воздействовать на южан и сдерживать антияпонское направление китайского национализма, советско-японская дружба была объективным взаимовыгодным явлением. Как только рычаг воздействия на китайцев исчез или существенно ослаб, Япония потеряла заинтересованность в сотрудничестве с советской стороной, вернее, потеряла основу для этого сотрудничества.

Пока же советскому послу в Японии казалось необходимым «... укрепить наше влияние на севере Маньчжурии путем использования прибылей КВЖД для вложения в китайские предприятия» [4, оп.11., п.132., д.4., л.36]. Фактически, советский дипломат предлагал перевести японо-советское соперничество в более цивилизованное русло экономической конкуренции, где, по мнению А. А. Трояновского, у СССР были все шансы как сохранить и даже укрепить японо-советские «дружественные» отношения, так и закрепить свое пошатнувшееся влияние на китайской земле, если не в масштабах всего Китая, то, по крайней мере, на территории северо-востока страны.

КВЖД и прибыли этого весьма доходного коммерческого предприятия виделись Трояновскому как раз тем средством, которое бы помогло восстановить позиции СССР в Маньчжурии. По мнению дипломата, у китайцев сложилось устойчивое негативное впечатление о советской деятельности в Маньчжурии, особенно по сравнению с усилиями японцев, «...которые развивают энергичную деятельность, интересуют китайцев, экономически поднимают Маньчжурию, а мы же, как будто, преследуем чисто политические цели, ничего не желая давать китайцам» [4, оп.11., п.132., д.4., л.23]. Исходя из этого, а так же опровергая упреки Карахана насчет торговли интересами Китая, советский посол ставил вопрос резко: «имеем ли мы право не вкладывать прибыли КВЖД в китайские дела? Можем ли мы держать в своих руках КВЖД и не помогать развитию местной экономической жизни? Можем ли мы выкачивать прибыли КВЖД из Маньчжурии? Я уж не говорю о том, что японцы в Маньчжурию вкладывают большие средства и хотя и с империалистическими целями, но содействуют экономическому росту края» [4, оп.11., п.132., д.4., л.61].

«Все, что расширяет наши инвестиции в Северной Маньчжурии, что увеличивает сложность нашего положения и прикрепляет нас все сильнее и сильнее к Маньчжурии,

является для нынешнего времени вредным. Мы должны предоставить самим китайцам укреплять их позиции в Маньчжурии и противодействовать углублению и расширению японского влияния» [4, оп.11., п.132., д.3., л.22.], - отвечал Л.М. Карахан на предложения Трояновского. Последнее, вполне вероятно, было рассчитано на провоцирование японо-китайской напряженности, что оказалось бы, прежде всего, на руку Москве. Хотя в той ситуации Москва вправе была также ожидать со стороны Японии попыток «осложнить наше положение в Маньчжурии путем провоцирования очередных выступлений против нас китайцев с целью связать нам руки именно на этом важнейшем для японцев участке» [4, Ф. оп.11., п.132., д.3., л.51].

В первую очередь, советская дипломатия учитывала тот факт, что реального единства Китая не существовало, а каждая из группировок милитаристов вынуждена была искать помощь у той или иной империалистической державы. Создавались условия использования межимпериалистических противоречий. Помимо всего прочего, ставка на китайский национализм существенно ограничивала возможности маневрирования Японии, ибо, в конце концов, била по интересам самой Японии. «По мере развертывания тех затруднений, с которыми Япония неизбежно встретится в Китае, натиск на нас будет ослабевать, и возможно, вновь начнет усиливаться тенденция к сближению» [4, оп.11., п.132., д.3., л.51], - осторожно прогнозировал Карахан. К неизбежным затруднениям, несомненно, относились межимпериалистические противоречия и растущие претензии китайского национализма.

Эти прогнозы замнаркома активно принимались и поддерживались полпредом Трояновским. Последний в апреле 1929 г. обращал внимание руководителей внешнеполитического ведомства СССР на активизацию попыток американского империализма проникнуть в Маньчжурию и закрепиться там. В такой ситуации «...при наличии американской активности и напоре со стороны китайцев на японцев и ЮМЖД японское правительство не может вести враждебной политики в отношении КВЖД и настраивать китайцев против нас, потому что это означало бы, в конце концов, настраивать против самих себя». Поэтому, далее рассуждал советский дипломат, «..все то, что было раньше, то, что было правильно в этом отношении, а именно все козни японцев против КВЖД, - сейчас должно выглядеть несколько иначе, и я думаю, что мы должны принять это во внимание, учитывать это и следить за соответствующими фактами и данными» [4, оп.11., п.132., д.2., л.14].

В связи с дальнейшим обострением советско-китайского конфликта, в июне 1929 г. А.А. Трояновский снова указывал на то, что «...и для урегулирования наших дел с Китаем, и для обуздания наглости гоминьдановцев и Чжан Сюэяна с его присными некоторое сближение с Японией было бы полезным» [4, оп.12., п.138., д.2., л.74] Долгое время советское руководство находилось в смятении относительно методов и способов разрешения конфликта. Опасения, связанные с тем, что националистический Китай вел себя нагло и развязно, лишь опираясь на поддержку империалистических держав, заставляли действовать осторожно и осмотрительно.

В этом смысле очень важна была позиция Японии, где к тому времени произошла очередная смена кабинета. К власти в стране вновь пришло либеральное правительство Хамагути - Сидехара. Ощущая сочувствие и определенную поддержку Советской России в японском обществе и в политических кругах страны Восходящего солнца, А.А.Трояновский призывал советское правительство действовать решительнее и смелее. «Несмотря на большую работу, проделанную здесь китайцами, общее настроение остается благоприятным для нас. Большая часть японцев была бы рада, если мы победили китайцев» [4, оп.12., п.138., д.2., л.85].

Японские политические круги заняли в период советско-китайского конфликта позицию доброжелательного (для СССР) нейтралитета. Японское правительство предложило свои посреднические услуги в урегулировании конфликта, которые, по всей видимости, были положительно восприняты, прежде всего, самим советским полпредом. И, по всей видимости, некоторый контакт на уровне «посол – министерство иностранных дел» имел место, по крайней мере, об этом косвенно свидетельствовала выписка из протокола ПБ ЦК ВКП(б) от 25 июля 1929 г., в котором осуждению подвергалось вступление Трояновским в переговоры с

японским министром иностранных дел об условиях ликвидации конфликта и о посредничестве Японии в конфликте на КВЖД [1, с.50].

По информации советского Полпредства в МНР, японская сторона не только на высшем уровне (министерском) прилагала усилия для улаживания конфликта, но и фактически демонстрировала свою поддержку России, не давая возможности использовать ЮМЖД и прилегающие к ней районы для переброски и концентрации китайских войск. В частности, в сообщении от 25 июля 1929 г. можно обнаружить замечательное свидетельство подобных действий: «Киткомандование перебрасывает войска в район Таонаня походным порядком, в виду недопущения японцами перевозки их по железной дороге. Японцы вообще всячески препятствуют китайским властям сосредотачиваться в районе ЮМЖД» [3, оп.10., п.131., д.23., л.21].

Советская сторона оценила подобные действия со стороны Японии, прежде всего, как очередное подтверждение положения о существовании японо-американских противоречий, как свидетельство нежелания Японией участия в улаживании советско-китайского конфликта какой-либо иной стороны, прежде всего Америки. Замнаркома иностранных дел Л.М. Карахан в письме советскому полпреду в Японии А.А. Трояновскому признавался, что «...та анти-американская установка, которую мы придали нашей пропаганде в первый период конфликта в связи с планом Стимсона, то резко отрицательное отношение, которое мы выявили ко всем планам интернационализации и международного вмешательства, обеспечило нам косвенную поддержку Японии, которая, естественно, опасается проникновения американского влияния в Северной Маньчжурии. Из этого, правда, - добавлял высокопоставленный советский дипломат, - не следует делать вывод о том, что Япония заинтересована в немедленном урегулировании конфликта» [4, оп.12., п.138., д.1., л.1].

Для советских представлений о действиях Японии в период советско-китайского конфликта характерны как подобные объяснения, так и подобные опасения, причем на более низком уровне представительства эти опасения становились все масштабнее и масштабнее. Так, сводки советского Полпредства в МНР полны всяческих ссылок и указаний на прямую или (что чаще) косвенную причастность Японии к «вылазке китайских милитаристов», что в той ситуации, по-видимому, вызывало недоумение даже у начальства [3, оп.10., п.129., д.6., л.499].

На самом деле, на наш взгляд, советской дипломатией был упущен шанс при заинтересованной и дружественной позиции Японии, что было вполне возможно до начала военных действий, добиться мирного разрешения конфликта к выгоде обеих заинтересованных держав, именно обеих держав, поскольку, как отмечали сами советские дипломаты, Япония сталкивалась во взаимоотношениях с Китаем с теми же проблемами. Эта линия разрешения конфликта и намечалась в период контактов между Трояновским и Сидехарой на предмет посредничества Японии, но была отброшена советским руководством в июле 1929 г. Воинственность заявлений Чан Кайши, «наглость и бесцеремонность» действий китайской стороны рассматривались в Москве как вызов. Ответ на подобные действия, да еще при дружественной позиции Японии, должен быть один и он был дан. В начале августа 1929 г. ПБ ЦК ВКП(б) постановило, приняв предложение тт. Сталина и Ворошилова, образовать на Дальнем Востоке особую армию, назначив ее командующим В.К. Блюхера [1, с.51].

В конце 1929 г. Особая Дальневосточная армия разбила отряды китайских милитаристов и белогвардейцев, перешла в наступление и заняла ключевые железнодорожные станции КВЖД. Попытки Чан Кайши апеллировать к другим крупным державам успеха не имели. Слишком уж наглыми и беззастенчивыми в глазах мировой общественности выглядели действия китайской стороны, что СССР даже удостоился некоторого сочувствия. Китайские власти вынуждены были пойти на переговоры, которые завершились подписанием Хабаровского протокола о восстановлении прежнего положения на КВЖД и на советско-китайской границе. Добившись нормализации положения на своих условиях, Советский Союз вывел свои войска с территории Китая к концу 1929 г.

Действия Советского Союза в данном конфликте и после него выглядели не очень логичными и последовательными. Факторы «большой» политики оказывали свое влияние везде и повсюду, причем самым причудливым образом. В.К. Блюхер четко определял зависимость регионального военного командования от «большой политики». «Ясности отношений, существующих между двумя противниками на войне, у ОКДВА не было. Ни одна из проводимых нами операций не давала гарантий, что в последний момент она, по соображениям наших международных отношений, не будет отменена» [5, с.74]. Желая проучить националистический Китай и отбить у него всякую охоту покушаться на советское имущество, советское руководство все же не стремилось доводить дело до полного разрыва, оставляя место для методов дипломатии. Плоды этой политики произросли уже в 30-е гг., после кардинального изменения ситуации, связанного с действиями квантунских военных в конце 1931 г.

Нам кажется, что именно советско-китайский конфликт 1929 г. во многом подтолкнул Японию к решительным действиям в Маньчжурии. Вольно или невольно своими действиями СССР продемонстрировал безнаказанность и выгоду обращения к тактике силового нажима. Осуществив подобную операцию однажды, тем самым советская сторона открывала возможность и для Японии действовать схожим образом при схожих обстоятельствах. Не менее привлекательным для японских экспансионистов виделся пример закрепления «страной советов» за собой в качестве зоны влияния огромной части китайской территории – Внешней Монголии, что и было фактически оформлено советско-монгольским соглашением от 27 июня 1929 г. Действуя на территории Китая (Маньчжурии) уже в 30-е гг., квантунские военные, по сути дела, во многом лишь копировали, причем не всегда удачно, средства и методы советских конкурентов и соперников.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917-1941 гг. М., 2001. 808 с.
2. Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор. (Из истории отношений Японии и СССР, 1905-1945 гг.). М., 1961. 292 с.
3. Архив Внешней Политики (АВП) РФ. Ф. 0111. Монгольская референтура.
4. Архив Внешней Политики (АВП) РФ. Ф. 0146. Японская референтура.
5. Осьмачко С.Г. Красная Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929-июнь 1941 гг.). Ярославль, 1999.

Чжоу Тяньхэ, аспирант

*Кафедра истории и специальных исторических дисциплин
Благовещенский государственный педагогический университет
nmqhwss@mail.ru*

КИТАЙСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1990-е гг. КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

УДК: 94:346.26(571.6)

***Аннотация.** Статья посвящена особенностям восприятия китайских предпринимателей на Дальнем Востоке России 1990-х годов, обусловленных межгосударственными отношениями России с Китаем, социально-экономической обстановкой в дальневосточной России. В статье также рассматривается рецепция представителей другой культуры.*

***Ключевые слова и фразы:** китайские мигранты, китайские предприниматели, Дальний Восток России, экономический кризис.*

Zhou Tianhe, graduate student

*Department of History and Special Historical Disciplines,
Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.
nmqhwss@mail.ru*

CHINESE ENTREPRENEURS ON THE RUSSIAN FAR EAST IN THE 1990S AS THE SOCIO-ECONOMIC PHENOMENA

***Abstract.** The article is devoted to the peculiarities of the perception of Chinese entrepreneurs in the Russian Far East of the 1990s, due to the interstate relations between Russia and China, the socio-economic situation in the Russian Far East. The reception of representatives of another culture is also considered.*

***Key words and phrases:** Chinese migrants, Chinese entrepreneurs, the Russian Far East, the economic crisis.*

История русско-китайских отношений насчитывает четыре столетия, за это время состав китайского населения на Дальнем Востоке и характер их влияния на жизнь региона менялись, но практически неизменным оставался факт присутствия. Начиная с конца 1980-х гг. присутствие китайских мигрантов на Дальнем Востоке стало неотъемлемой чертой экономики и социальной жизни региона, руководство которого стало пересматривать сами основы международных отношений. Результаты деятельности китайских мигрантов стали активно использоваться в сфере торговли, строительства, сельского хозяйства. Особенности этот феномен приобрел в контексте экономической жизни 1990-х гг., когда бурное развитие внешнеэкономических связей, а также изменение принципов внутренней политики России привели к активному освоению китайским населением дальневосточного пространства.

Сделать определенные выводы относительно масштабов и специфики этого явления стало возможным сделать лишь с окончанием десятилетия, в 2002 г., когда в России была проведена перепись населения. Она зафиксировала всего 35 тыс. этнических китайцев и 31 тыс. граждан КНР, которые живут в России. Однако социологами это число было существенно скорректировано. По мнению экспертов, цифры можно считать явно заниженными по нескольким причинам: перепись проводилась только среди постоянного населения, тогда как мигранты из КНР находятся в России короткое время; кроме того, не

всегда китайские мигранты были доступны для сбора информации. «Многими экспертами признано, что недоучет в ходе переписи 2002 года составил от 5% до 10% населения. Можно считать, что для такой сильно локализованной этнической группы, как китайцы, недоучет мог быть гораздо более существенным – до 90%. Таким образом, реальная численность китайцев в России может составлять не менее 350-400 тыс. человек» [9, с. 327]. В. Ларин полагает, что в конце XX века в России находилось около 200-400 тыс. китайцев [5, с. 88].

К тому же прибывающие в 1990-е гг. китайцы весьма сильно различались по целям пребывания. Были и земледельцы, приезжающие на заброшенные земли, например, Амурской области, и сезонные рабочие, работающие в основном в строительной индустрии, на лесозаготовках. Тенденция к росту экспорта китайской рабочей силы в эти отрасли носила устойчивый характер. Количество необходимых для привлечения иностранных рабочих рассчитывалось на основе технико-экономических расчетов предприятий, наличия трудовых ресурсов, экспертизы контракта на предмет его выгоды. Так, приоритет в Еврейской автономной области на использование иностранной рабочей силы был отдан предприятиям по выращиванию овощей: облисполком ЕАО в 1990 г. дал разрешение Волочаевскому, Петровскому совхозам, а также колхозу «Заветы Ильича» на использование 240 иностранных рабочих [2]. При этом китайские работники отличались более высокой производительностью труда и дисциплинированностью, а расходы на их заработную плату были существенно ниже по сравнению с расходами на оплату труда российских работников. Китайские предприниматели не только активно занимали экономические ниши, оставленные местным населением, но и активно вовлекали в свой бизнес местное население – граждан РФ (например, в качестве продавцов на свои торговые точки).

Это позволяет сделать выводы об особенностях быта и хозяйственной деятельности китайских предпринимателей на Дальнем Востоке в целом. Прежде всего, оказывается, что китайские предприниматели и рабочие сколь важны для экономической жизни Дальнего Востока 1990-х, столь «незаметны» для исследовательского взгляда: их просто нельзя посчитать. Их интеграция в социальную жизнь региона – явление неоднородное. Рассмотрим его подробнее.

Сразу же после подписания безвизового договора между Россией и КНР в 1992 году Дальний Восток стал активно осваиваться китайскими мигрантами. Их коммерческая деятельность привела к тому, что они быстро укрепили позиции в различных сферах хозяйственной деятельности, в особенности торговли и общепита. Китайские предприниматели в 1990-е гг. были активны на территории всего Дальнего Востока, и постоянный массовый приток дешевой рабочей силы привел даже к формированию стереотипных представлений о так называемой «желтой угрозе» – по мнению исследователей, вполне обоснованных. С середины 1992 г. в центральной, дальневосточной и даже сибирской печати стало появляться все больше статей, посвященных китайской экспансии в дальневосточном регионе – по подсчетам исследователя, уже за два с половиной года таких материалов появилось более 100 [6, 34]. Назывались цифры в 40, 100, 150 тыс. китайцев, нелегально проникших в Приморье, и от 400 тыс. до 2 млн. – на Дальний Восток. Апофеозом стали слухи о готовящемся вооруженном нападении Китая на Россию, распространявшиеся по Приморью в 1995 году – их даже был вынужден официально опровергнуть Командующий Тихоокеанским пограничным округом [6, с. 44].

Как известно, нападения китайцев на Дальний Восток не произошло. Большинство китайцев, находящихся в России с целью предпринимательской деятельности, рассматривало ее как место своего временного пребывания, место накопления капитала. Более того, как уже подчеркивалось, китайские предприниматели активно занимали экономические ниши, которые были оставлены местным населением Дальнего Востока.

Китайцы не стремились надолго остаться на российской территории, поэтому у них отсутствовали институциональное оформление диаспоры как таковой. Китайские мигранты сохраняли устойчивую этническую и гражданскую китайскую идентичность. Во

многим именно изолированность китайцев в быту и дала повод российскому населению относиться к ним с подозрением. Осваиваясь в России начала 1990-х, китайцы были готовы адаптироваться к бюрократической реальности другой страны (один из механизмов – фиктивные браки: так, в Амурской области в 1986-1996 гг. получил вид на жительство 51 китаец, смешанных браков было заключено 20, в Читинской области за 7 лет зафиксировано всего 14 смешанных браков») [6, с. 48], но культурная, языковая реальность ими не принималась уже потому, что экономические интересы их в России редко бывали долговременными.

Зато эти интересы оставались чрезвычайно сильными в смысле личной мотивации: китайцы, начинавшие свой бизнес с Россией в начале 1990-х, в большинстве своем принадлежали к беднейшей части населения Северо-Восточного Китая, но проявили себя как энергичные, предприимчивые, удачливые бизнесмены, способные получить прибыль от налаживания российско-китайской торговли и повысить свой социальный и имущественный статус. Не только торговцы, делающие свой бизнес на России, но и рабочие-контрактники старались адаптироваться к российским условиям, усердно занимались изучением русского языка. В результате в сравнении с началом 90-х годов, когда с трудом можно было встретить китайца, свободно говорящего по-русски, спустя десятилетие большинство из них могло общаться с местными жителями [5, с. 80].

Следует учитывать, что волна китайской миграции сопутствовала неоднозначным по своим следствиям российским реформам. «Присутствие китайцев стало частью реальности, в которую входили политические потрясения, развал производства, денежные реформы, приватизация, ваучеризация и прочие явления, резко повышавшие градус отрицательных настроений народа. В этническом самосознании опыт встречи с китайцами совместился с опытом социального кризиса» [4, с. 425]. Но результаты социологических опросов второй половины 1990-х показывают не столь мрачную картину. Ответ «присутствие китайцев серьезно ухудшило положение» выбрали 7,4% опрошенных, ответ «частично ухудшило положение» – 26%. Однако наиболее многочисленную группу образуют те, кто считает, что китайское присутствие никак не повлияло на ухудшение положения – это 40,2%. Часть опрошенных – 22,6% – предпочла ответ «напротив, способствовало улучшению положения». Как видим, две последние группы вместе составляют преобладающее большинство – 62,8% [3, с. 425].

Еще один принципиальный для нашего исследования – вопрос, который был задан респондентам «Как повлияло именно на вашу жизнь то, что открылась граница с Китаем?» Лишь 4,8% (1 чел. из 20) отметили, что их жизнь «изменилась в худшую сторону»; в то же время каждый пятый респондент (18,8%) считает, что жизнь «изменилась в лучшую сторону». Таким образом, подавляющая часть респондентов (73,8%) слабо соотносит реалии своей жизни с открытостью границ и присутствием китайцев, а группа «выигравших» от приграничных изменений почти в 4 раза превосходит группу «проигравших» [3, с. 425]. В более позднем исследовании можно встретить соображение, что жители Приамурья, традиционно веками соседствующие с китайцами, в целом не опасаются их ассимилирующего влияния и с уважением относятся к ним, как к работающей нации [1, с. 75]. «Все китайские мигранты, ориентированные на постоянное место жительства в России, говорят о том, что привыкли здесь жить. Немногим более 92% уверены, что в России легче зарабатывать деньги, чем в Китае и других странах. Наконец, порядка 89% респондентов хотят остаться жить в России потому, что здесь есть работа... По сравнению с 1990-ми гг. миграционные установки китайских мигрантов в России изменились. По крайней мере, это касается той части китайских мигрантов, которые успешно адаптировались на российском рынке труда» [9, с. 329-330]. Остается добавить, что в сложных экономических условиях 1990-х китайские предприниматели проявляли себя куда активнее русских. Взаимодействие русского и китайского народа в 1990-е, развивавшееся на экономическом фундаменте, быстро превратилось в явление более сложное, чем просто экономическое взаимодействие: речь шла об изменении самых разных сторон жизни. Один из ярких примеров – феномен

«народной торговли», или «челночничества». Для российского населения подобные, неизвестные ранее торговые практики оказались не только «экономической возможностью», но способом выживания – сначала стихийным, позднее законодательно регулируемым, а в конечном счете, определившим социально-экономический уклад региона в 1990-е годы.

В восприятии китайского населения в дальневосточном регионе наблюдается любопытный эффект. Статистика неизменно коррелирует с субъективными наблюдениями российских граждан: «На Дальнем Востоке в 1989 г. проживало 1742 китайца... В настоящее время, по данным МВД, на Дальнем Востоке официально зарегистрировано 237 тысяч китайских граждан... Кроме того, по оценкам западных спецслужб, за последние два десятилетия Китай покинули легально и нелегально примерно миллион человек, половина из которых осела в США, а вторая половина рассредоточилась по другим странам и регионам. Можно допустить, что их определенная часть избрала своим местом жительства российский Дальний Восток. Но сколько их здесь? Проживающее в регионе население об этом судит визуально и утверждает, что их много. Но что значит "много"? Понятие "много" формируется из того, как часто приходится сталкиваться с китайскими гражданами. Результаты социологического исследования, проведенного автором в г. Хабаровске в 1998-1999 гг. и 2001 г., показали, что местное население стало чаще сталкиваться с китайцами. Если в 1998-1999 гг. доля тех, кто часто сталкивался с ними на улице составляла 31,0%, то в 2001 г. их удельный вес из числа опрошенных достиг 45,8%, встречались с китайскими гражданами иногда, когда бывали на рынке, 36,6% респондентов в 1998-1999 гг. и 46,4% в 2001 г.» [8, с.57].

Здесь напрашивается по меньшей мере два следствия: присутствие китайцев на Дальнем Востоке — объективная реальность; китайские предприниматели интегрированы в социальное и экономическое пространство региона, но при этом не поддаются полному контролю и учету.

Особенности взаимодействия китайских предпринимателей с российским населением на Дальнем Востоке в 1990-е гг. были обусловлены как межгосударственными отношениями России с Китаем, так и общей социально-экономической обстановкой на российском Дальнем Востоке, а также сложившимся историческим опытом контактов россиян с представителями других культур. Данный исторический опыт способствовал формированию в целом толерантной среды межцивилизационного взаимодействия в приграничной зоне, и направления векторов этих взаимоотношений оставались неизменными. Менялись только условия предпринимательства субъектов и их хозяйственной деятельности в зависимости от конкретных социально-экономических условий.

Если в культурном смысле китайские жители оставались чужды русскому населению, а в смысле политическом их присутствие порождало опасения о территориальной экспансии, то в экономическом смысле между русскими и китайцами был будто заключен паритет: китайцы не вытеснялись с отечественного рынка, напротив, их влияние на протяжении 1990-х годов было все более определяющим – ни русские предприниматели, ни русские потребители не вставали у них на пути, а были, в конечном счете, заинтересованы в такой форме сотрудничества.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Белоглазов Г.П. Россия в Китае и Китай в России: исторические аспекты этнокультурного взаимодействия. // Россия и Китай: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. – Владивосток: Дальнаука, 2014. – С. 57-69.
2. Гастарбайтеры Приамурья. Нужны ли нам иностранные рабочие? Интервью с заведующим отдела по труду и социальным вопросам крайисполкома В.В. Хрычевым // Тихоокеанская звезда. – 1990. – 6 июня.

3. Забияко А.П. Этническое самосознание русских и китайцев в Дальневосточном регионе // Проблемы междисциплинарных исследований в гуманитарных науках. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2004. – С. 231-257.
4. Забияко А.П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: материалы междунар. науч. конф. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2002. – Вып. 3. – С. 422-429.
5. Ларин В.Л. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке России // Диаспоры. – 2001. – №2-3. – С.76-112.
6. Ларин В.Л. Синдром «жёлтой опасности» в дальневосточной политике России в начале и конце XX в. // Известия РГИА ДВ: сб. науч. тр. – Владивосток, 1996. – Т. 1. – С. 34-53.
7. Ларина Л. Китайцы на Дальнем Востоке России: динамика их восприятия за последнее десятилетие // Взгляд вне рамок старых проблем: опыт российско-китайского пограничного сотрудничества. OccasionalPapers / SlavicResearchCenter. HokkaidoUniversity. Sapporo. – 2005. – N 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no6/larina.pdf> (Дата обращения: 01.03.2019).
8. Мотрич Е.Л. Демографический потенциал и присутствие китайцев на Российском Дальнем Востоке// Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – №6. – С. 55-63.
9. Рязанцев С.В. Социально-экономическая адаптация и миграционные установки китайских мигрантов в России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы III международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 15-20 мая 2013 г.). Вып. 3 / отв.ред. Д.В. Буяров. – Благовещенск: Издательство БГПУ, 2013. – С.325-339.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аверченко Сергей Викторович ПРИВЛЕЧЕНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ К ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ САМОЛЁТОВ СОВЕТСКИХ ЛЁТЧИКОВ-ДОБРОВОЛЬЦЕВ, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ КИТАЙСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ЯПОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ (1937-1940 гг.).....	5
Алепко Александр Валентинович К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХАБАРОВСКОГО КИТАЙСКОГО КОЛХОЗА «КАНТОНСКАЯ КОММУНА» В 1931-1940гг.....	15
Бабушкин Андрей Юрьевич УЙГУРСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1930-1940- х гг.....	21
Благодер Юлия Гариевна СВЕДЕНИЯ О ХУНХУЗАХ В РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА ХХв.....	25
Ван Цзинь Ин, Чернов Владислав Афиногенович ТИФОНТАЙ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.....	29
Вашук Ангелина Сергеевна ПРОЕКТЫ «ТОЧЕК РОСТА» НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ПРИМОРЬЯ, ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (2015-2017 гг.).....	32
Гамалей София Юрьевна КИТАЙСКИЕ ТЕАТРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ.....	42
Гераськин Юрий Вениаминович ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ СВЯЩЕННИКА СИМЕОНА (ТЕПЛОУХОВА): ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ВЕРЕ.....	48
Головин Сергей Александрович КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА В ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В 1920–1930-е гг.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ.....	54
Друзьяка Андрей Викторович, Корнейчук Елена Николаевна, Попова Ирина Александровна РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ ОБМЕН И ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРИГРАНИЧНОЙ «НАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ» В ПЕРИОД 1988-1990-х гг.....	69

Залеская Ольга Владимировна ФОРМИРОВАНИЕ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ОТРЯДОВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ.....	74
Ильина Татьяна Геннадьевна ФОМИРОВАНИЕ КРЕДИТНО-ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОГО ЧАЙНОГО ПУТИ.....	84
Кумялова Ольга Васильевна, Лозовая Анна Артемовна ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ НА ПРИМЕРЕ ПОГРАНИЧНОГО ГОРОДА КЯХТА В XVIII-XIX в.....	95
Логунова Зинаида Петровна ЕВРЕЙСКИЙ ДОМ В КИТАЕ.....	99
Малявина Людмила Сергеевна, Лю Цзилин ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (1920–1930 гг.).....	106
Мамкина Инна Николаевна, Гусевская Наталья Юрьевна РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ ПОСЛЕ БОКСЕРСКОГО ВОССТАНИЯ.....	112
Милевский Олег Анатольевич ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЕЙ И СУДЬБА ПРАВОСЛАВИЯ В КИТАЕ.....	117
Мушкалов Сергей Михайлович ГРИБУШИНЫ. СВЯЗЬ ВРЕМЁН.....	124
Нагорных Ольга Станиславовна «ЭТО БЫЛО ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ НАШЕЙ ДРУЖБЫ...»: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОТРУДНИЧЕСТВА КНР И СССР В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В 1950-1960-х гг.....	129
Пан Тай, Сунь Имин КИТАЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВОПРОСАХ ПОМОЩИ СССР КИТАЮ В АНТИЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ: СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ И ЕЁ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ.....	137
Потапова Наталья Владимировна РУКОВОДИТЕЛИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО БАПТИЗМА В ЭМИГРАЦИИ: ХАРБИНСКАЯ ИСТОРИЯ.....	145
Ренева Ольга Анатольевна ПАЙЩИКИ И СЛУЖАЩИЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО ТОВАРИЩЕСТВА «ГУБКИН&КУЗНЕЦОВ».....	151
Селина Светлана Александровна, Хабибулин Владимир Асхатович КИТАЙСКИЙ РУССКИЙ МИР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ.....	158
Семенчук Константин Анатольевич РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И.Я. КОРОСТОВЦОМ ПОВЕДЕНИЯ ДЕРЖАВ В КИТАЕ ВО ВРЕМЯ “БОКСЕРСКОГО КРИЗИСА”.....	163
Смертин Юрий Григорьевич МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО И ЦИНСКИЙ КИТАЙ В ПРИАМУРЬЕ: КОНТАКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII в.).....	180
Федирко Оксана Петровна, Назарова Яна Викторовна, Кулабухов Николай Сергеевич ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «НАШ ПУТЬ» 1937 г.....	175

Черепанов Константин Владимирович «ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ, ДАЕШЬ ОТПОР...». К ДЕВЯНОСТОЛЕТИЮ ВООРУЖЕННОГО СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО КОНФЛИКТА НА КВЖД.....	182
Чжоу Тяньхэ КИТАЙСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1990-е гг. КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН.....	192

РОССИЯ И КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА:
Материалы IX международной
научно-практической конференции
(Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20–28 мая 2019 г.)

Выпуск 7

Часть 2

Ответственный редактор: А.В. Друзяка

Редактор – Е.Д. Кузнецова, Д.В. Кузнецов

Дизайн обложки – Д. Железняк

Лицензия ЛР № 040326 от 19.XII.1997 г.

Подписано к печати 15.05.2017

Формат бумаги 60x84 1/8

Бумага тип. № 1

Уч. - изд. л. ...

Тираж 100 экз.

Заказ № ...

Издательство Благовещенского государственного педагогического университета.
Типография БГПУ. 675000, Амурская обл., г. Благовещенск,
ул. Ленина, 104

